

В БОЯХ ЗА ХАРЬКОВЩИНУ

В БОЯХ ЗА ХАРЬКОВЩИНУ

**В БОЯХ
ЗА ХАРЬКОВЩИНУ**

В БОЯХ ЗА ХАРЬКОВЩИНУ

Зое от Али
в честта празника
всичко!

май 1974г.

В БОЯХ ЗА ХАРЬКОВЩИНУ

В БОЯХ ЗА ХАРЬКОВЩИНУ

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Издание третье,
исправленное и дополненное

ХАРЬКОВ «ПРАПОР» 1973

И. С. ГАНЖЕ, С. З. ГОЛИКОВ

(ответственный редактор),

Е. В. ДЯГИЛЕВ, З. Р. КОТИН,

Н. И. ТРУФАНОВ, А. П. ШАПОВАЛ

Сборник «В боях за Харьковщину» подготовлен
Партийным архивом Харьковского обкома КП Ук-
раины и Военно-научным обществом при Харьков-
ском гарнизонном Доме офицеров Советской Ар-
мии. В работе над книгой активное участие приняли
А. Я. Гуревич, Я. Е. Донской, Н. К. Калюжная,
Д. М. Ковалев, В. И. Котляров, А. Д. Марченко,
Л. Ф. Майстренко, В. К. Онищенко, В. А. Рыба-
лов, Н. И. Старовойт и другие.

ПРЕДИСЛОВИЕ

БОЛЬШОЙ И СЛАВНЫЙ ПУТЬ прошел советский народ под руководством Коммунистической партии. Одной из самых ярких и героических страниц его истории является Великая Отечественная война.

Героический подвиг, совершенный нашими людьми в годы второй мировой войны, показал всему миру, что нет на свете таких сил, которые могли бы победить народ, освобожденный от гнета капитала, сокрушить советский общественный и государственный строй, созданный Великим Октябрем.

Победа советского народа в Отечественной войне — величайшее событие в истории человечества.

Одним из решающих источников этой победы была братская дружба более ста наций и народностей СССР. В годы войны сыны и дочери Советского Союза не только отстояли свои социалистические завоевания, но и спасли мировую цивилизацию от фашистского варварства, оказав тем самым мощную поддержку освободительной борьбе народов.

Ход войны опрокинул все расчеты гитлеровцев.

«Схватка с опаснейшим врагом человечества — гитлеровским фашизмом,— отмечается в Постановлении ЦК КПСС о подготовке к 50-летию образования СССР,— наглядно продемонстрировала, что советские народы только в союзе, общими силами могут отстоять свою свободу и независимость, свои революционные завоевания. Война опрокинула надежды мирового империализма на возрождение национальных междоусобиц, на развал многонационального социалистического государства. Народы СССР в едином строю героически сражались и самоотверженно трудились во имя защиты своей социалистической Отчизны, общей победы над врагом, явили миру чудеса стойкости и мужества. Историческая победа в Отечественной войне ярко показала преимущества социалистического общественного и государственного строя, великую жизненную силу и нерушимость Союза Советских Социалистических Республик».

Невероятно труден был наш путь к победе. В невиданной по своим масштабам битве между ударными силами империализма и первой социалистической державой страна потеряла почти одну треть национального богатства. Более двадцати миллионов сынов и дочерей советского народа отдали свою жизнь за честь, свободу и независимость нашей Родины.

С первых дней войны по призыву и под руководством Коммунистической партии весь народ поднялся на защиту своих великих завоеваний. Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» обязала все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего на нас германского фашизма. Страна превратилась в огромный боевой лагерь, охваченный единым порывом—разбить врага, изгнать его с нашей земли, уничтожить фашизм. Лозунг партии «Все для фронта, все для победы!» стал непреложным законом жизни советских людей.

Свой вклад в великую Победу над фашизмом внесли и трудящиеся Харьковщины.

В сентябре 1941 года фашистские захватчики вторглись на территорию Харьковской области.

Харьковский промышленный район — один из крупнейших в Советском Союзе — имел исключительно важное экономическое, политическое и военно-стратегическое значение. Накануне войны на территории области действовало более 1250 промышленных предприятий. Ведущей отраслью являлось машиностроение, дававшее свыше 40 процентов продукции машиностроительной промышленности УССР и более 6 процентов союзного производства.

Как важнейший узел железных, шоссейных и улучшенных грунтовых дорог Харьков был тесно связан со многими экономическими районами страны.

В довоенные годы город вырос в один из крупнейших научных и культурных центров Советского Союза. В Харькове работало 70 научно-исследовательских институтов, более 30 вузов, 41 среднее специальное учебное заведение, сотни школ, клубов и библиотек, десятки кинотеатров. Накануне войны на территории Харьковской области проживало 2755 тысяч человек.

Областная партийная организация, насчитывавшая в своих рядах свыше 67 тысяч коммунистов, с первых дней войны, руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б) развернула большую работу по мобилизации всех сил тружеников Харьковщины на отпор

ОСВОБОЖДЕНИЕ ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ. 1943 г.

врагу. Коммунисты области вместе со всей партией успешно решали стоящие перед ними задачи. Из харьковчан было сформировано несколько боевых дивизий.

Более двухсот тысяч жителей города работало на строительстве оборонительных рубежей, многие тысячи влились в ряды народного ополчения и участвовали в боях против немецко-фашистских захватчиков. По неполным данным, из области ушло в Красную Армию более 294 тысяч человек, в том числе свыше 105 тысяч коммунистов и комсомольцев.

Плодотворная организаторская работа партийных и советских органов, помноженная на творческую инициативу и патриотизм широких масс, принесла замечательные плоды. За короткий срок вся харьковская промышленность была перестроена на выпуск военной продукции.

Самоотверженно трудились работники Южной железной дороги. Они с первых же дней войны обеспечили бесперебойные перевозки военных грузов, быстрое продвижение на фронт воинских частей. Железнодорожники оборудовали несколько бронепоездов, которые активно участвовали в боях против немецко-фашистских захватчиков.

С чувством огромной ответственности за судьбу Родины трудились на полях колхозники, рабочие совхозов и МТС, внося свой вклад в дело разгрома гитлеровцев. На фабриках и заводах, в колхозах, совхозах и машинно-тракторных станциях места мужчин, ушедших на фронт, занимали женщины, подростки, пенсионеры.

Возросшая угроза вторжения фашистских войск на Харьковщину вызвала необходимость эвакуировать основное промышленное оборудование, имущество МТС, колхозов, совхозов, значительную часть квалифицированных кадров. Только со 2 сентября по 20 октября 1941 года из Харькова было отправлено на восток 320 эшелонов с заводским оборудованием и 225 эшелонов с людьми.

Народы братских республик Российской Федерации, Казахской и Узбекской ССР приняли миллионы тружеников с Украины как родных, помогли им встать в ряды тех, кто ковал оружие для Победы над врагом.

Прибыв на Урал, в Сибирь и другие районы, харьковчане влились в производственные коллективы восточных областей страны и приняли самое активное участие в выпуске танков, самолетов, минометов и другого вооружения и боевой техники. Если в годы войны наш тыл поставил советским воинам танков в несколько раз больше, чем их было получено из США, Англии и Канады, то в этом большая заслуга и трудящихся Харьков-

щины. Вместе с тем харьковчане из своих трудовых сбережений внесли на постройку боевой техники около 100 млн. рублей.

Бои на дальних и близких подступах к Харькову и непосредственно в городе продолжались более месяца. Здесь, как и при защите других советских городов, были похоронены планы гитлеровцев на осуществление молниеносной войны против СССР. В этих боях осенью 1941 года фашисты потеряли убитыми и ранеными 120 тыс. солдат и офицеров, свыше 450 танков, 200 орудий, до 300 автомашин. Однако, несмотря на колоссальные потери, 24 октября 1941 года гитлеровцы захватили Харьков.

Учитывая сложившуюся тяжелую обстановку на фронтах, харьковские областной, городской и районные комитеты партии заблаговременно провели большую работу по формированию партизанских отрядов и партийного подполья.

Для руководства борьбой против фашистских захватчиков в тылу их войск Харьковский обком партии сформировал подпольный областной комитет КП(б)У во главе с бывшим секретарем партийной организации Харьковского сельскохозяйственного института, доцентом кафедры математики И. И. Бакулиным.

В состав подпольного обкома партии вошли: секретарь Старосалтовского райкома КП(б)У И. А. Корзин, мастер кондитерской фабрики «Октябрь» А. М. Китаенко, начальник цеха завода «Котлодизель» И. П. Синицын, член партбюро электромеханического завода И. Ф. Гаркуша и работник железнодорожной станции Основа А. И. Мотылевский. В области было организовано 37 подпольных райкомов партии. На подпольной работе в тылу врага осталось 2662 коммуниста.

Под руководством областной партийной организации на Харьковщине была создана широкая сеть комсомольско-молодежного подполья. Подпольный обком ЛКСМУ возглавил секретарь Орджоникидзевого райкома комсомола Харькова А. Г. Зубарев. Секретарем подпольного обкома ЛКСМУ был утвержден бывший секретарь Ровенского обкома комсомола П. А. Глущенко, членом обкома — Г. А. Никитина, секретарь комсомольской организации Харьковского планово-экономического института. В Харькове и в районах области было организовано 26 подпольных райкомов комсомола, десятки комсомольских организаций и групп. После гибели в фашистских застенках в январе 1942 года Александра Зубарева и Галины Никитиной ЦК ЛКСМУ создал новый подпольный обком комсомола во главе с Александром Щербаком.

Работа подпольных организаций на Харьковщине велась в исключительно трудных условиях. В течение пятнадцати месяцев здесь проходил фронт, область была наводнена гитлеровскими войсками. Но несмотря на это коммунисты и комсомольцы, участники и руководители подполья самоотверженно работали в тылу врага, распространяли среди населения листовки, активизировали борьбу с гитлеровскими захватчиками, разоблачали лживую фашистскую пропаганду.

Одновременно с организацией подполья шло формирование партизанских отрядов. До оккупации области здесь было создано 94 партизанских отряда. По указанию ЦК КП(б)У 15 харьковских партизанских отрядов передислоцировались в другие области Украины.

Основная масса людей, отобранных партийными органами для работы в тылу врага, прошла краткосрочную подготовку. Только в Харьковской специальной школе было обучено 2018 будущих подпольщиков и партизан.

Англо-американские и западногерманские фальсификаторы истории всячески пытаются оклеветать украинский народ. Они пишут, что якобы украинцы дружелюбно встретили гитлеровскую армию. В книге «Коммунистические партизанские действия» английские авторы Диксон и Гейльбрунн клеветнически утверждают, что в 1941 году на Украине будто бы не было партизанского движения, а многие украинцы приветствовали немцев как освободителей¹. Подобные же клеветнические утверждения содержатся и в «Истории второй мировой войны» гитлеровского генерала Курта Типпельскирха, где говорится, что в 1941 году в тылу группы немецких армий «Юг» все районы, населенные украинцами, были «свободны от партизан»². Другой гитлеровский генерал Бутлер в своих вымыслах пошел дальше. Он утверждает, что на Украине вообще не было никакого партизанского движения до начала 1943 года.

Факты опровергают измышления фальсификаторов. На самом деле украинцы «приветствовали» гитлеровских «освободителей» огнем пулеметов и автоматов. На территории области активно действовало 49 партизанских отрядов и десятки диверсионных групп общей численностью 3580 человек. Только за семь месяцев, с 1 ноября 1941 года по 1 июня 1942 года, партизаны Харьковщины истребили, ранили и захватили в плен

¹ Ч. О. Диксон и О. Гейльбрунн. Коммунистические партизанские действия. М., Изд-во иностранной литературы, 1957, с. 29.

² К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., Изд-во иностранной литературы, 1956, с. 229.

более 5 тысяч гитлеровцев и их прислужников. За совершенные в эти дни подвиги 52 партизана Харькова и области еще в ходе войны были удостоены правительственных наград.

Советские патриоты, рискуя жизнью, наносили большой ущерб ненавистным оккупантам. Они не давали гитлеровцам возможности восстанавливать и использовать промышленные предприятия, выводили из строя подвижной состав на железных дорогах, взрывали эшелоны с боевой техникой и боеприпасами, саботировали уборку урожая, приводили в негодность хлеб, подготовленный для отправки в Германию.

В ноябре 1941 года на пригородной станции Новая Бавария был взорван железнодорожный путь, в результате чего погибли десятки гитлеровцев. В том же месяце в Харькове взлетели в воздух штаб военного командования на площади Руднева и мост, соединяющий центр города с Холодной Горой.

За 23 месяца героической борьбы партизанские отряды, диверсионные и антифашистские группы Харьковской области истребили более 23 тысяч гитлеровских солдат, офицеров и их сообщников, разгромили 4 штаба противника, взорвали 21 железнодорожный эшелон с войсками и техникой врага, 24 железнодорожных и шоссежных моста, вывели из строя 88 паровозов и 777 вагонов, уничтожили 260 автомашин, 107 подвод с боеприпасами, захватили 1167 винтовок, 62 автомашины, 102 пулемета, 603 000 патронов, 94 862 гранаты и 2380 снарядов.

В ходе войны советские войска трижды предпринимали наступательные операции с целью освободить Харьковский промышленный район. Первое наступление провели войска Юго-Западного и Южного фронтов в мае 1942 года. Они прорвали оборону врага и продвинулись на значительную глубину. Однако оказалась недостаточная подготовка операции и большое превосходство противника в живой силе и технике. Наступление не достигло поставленной цели. Наши войска понесли большие потери в людях и боевой технике и были вынуждены отступить. К концу июня 1942 года вся Харьковщина оказалась под кровавым сапогом захватчиков. В жестоких боях за Харьков в мае 1942 года погибли верные сыны Родины генералы Ф. Я. Костенко, К. П. Подлас, А. М. Городнянский, Л. В. Бабкин.

Фашистские оккупанты установили на Харьковщине, как и везде на временно захваченных ими территориях, режим кровавого террора. В Харькове и области гитлеровцы уничтожили 280 тысяч мирных жителей и около 22 700 пленных красноармейцев и командиров, угнали на каторжный труд в фашистскую Германию свыше 160 тысяч человек.

По неполным данным, общий ущерб, причиненный гитлеровцами народному хозяйству и трудящимся Харьковщины, составил более 33,5 млрд. рублей.

Начало коренному перелому в ходе войны положил разгром фашистских войск под Сталинградом. Эта историческая победа позволила Советской Армии развернуть наступление на широком фронте. В феврале 1943 года началось освобождение Харьковской области. В ходе этого наступления оккупанты были изгнаны почти со всей территории Харьковщины. 16 февраля войска Воронежского фронта освободили Харьков.

В конце февраля противник перегруппировал силы, подтянул свежие резервы и перешел в контрнаступление. 15 марта 1943 года наши войска были вынуждены снова оставить Харьков и отошли к реке Северский Донец. На этом рубеже они и вели оборонительные бои до июля 1943 года.

В мартовских боях за Харьков у села Тарановки, Змиевского района, героический подвиг совершили советские гвардейцы-широнинцы. После многодневных ожесточенных боев во взводе гвардии лейтенанта П. Н. Широнова осталось 25 человек. Озверевшие гитлеровцы, имея огромное превосходство в силах, решили любыми средствами сломить сопротивление советских воинов. Широновицы сражались до последнего дыхания, в неравном бою они уничтожили свыше десяти фашистских танков, самоходных установок, бронемашин и до сотни гитлеровцев. Восемнадцать из двадцати пяти советских воинов погибли, но никто не отступил ни на шаг. Всем двадцати пяти гвардейцам присвоено звание Героя Советского Союза.

Защитники Тарановки дали возможность 1-му Отдельному чехословацкому батальону под командованием Людвика Свободы, который в составе 25-й гвардейской стрелковой дивизии принял участие в боях за Харьков, своевременно выйти на рубеж обороны у села Соколово и хорошо подготовиться к своему первому бою.

8 марта гитлеровцы атаковали позиции чехословацких воинов. Противник бросил в бой большую группу танков с десантом автоматчиков силою более батальона. Умело руководил обороной Соколово надпоручик Отакар Ярош. Дважды раненный, он не покинул поля боя и пал смертью героя. Мужественно сражались за Харьков чехословацкие воины командир взвода Антонин Сохор, автоматчик Сергей Петрас, разведчики Бернард Бражина и Властислав Райхл, ныне генерал-лейтенант, военный атташе в Москве, и др. Взвод противотанковых ружей, которым командовал подпоручик Франтишек Крал, подбил три фашистских танка. Смело водил в атаку свое отделение Курт Вольф.

В неравном бою он погиб. Коммунист Игнац Шпигл, участник гражданской войны в Испании, более трех часов огнем своего пулемета отсекал фашистскую пехоту от танков и срывал атаки гитлеровцев. Весь пулеметный расчет коммуниста Шпигла погиб, но не отступил ни на шаг. Четыре вражеские машины подбил коммунист командир противотанкового взвода подпоручик Иржи Франк. Когда вся прислуга одного из орудий вышла из строя, он сам стал вести огонь. Иржи Франк сражался с гитлеровцами до последнего снаряда и погиб смертью героя.

За мужество и героизм, проявленные в боях за Харьков, 87 воинов чехословацкого батальона были награждены орденами и медалями Советского Союза. Отакар Ярош первым из иностранцев, сражавшихся против немецко-фашистских захватчиков на советской земле, посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Окончательное освобождение Харькова летом 1943 года связано с одним из крупнейших событий, завершивших коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны — битвой под Курском. К тому времени благодаря героическим усилиям тружеников советского тыла было полностью ликвидировано превосходство противника в танках, самолетах и другой боевой технике. Советские воины в жестоких двухлетних боях научились громить врага. Немецко-фашистское командование не пожелало считаться с изменившейся обстановкой. 5 июля 1943 года одновременно на Орловско-Курском и Белгородско-Курском направлениях оно бросило в наступление свои лучшие дивизии. На одном только Белгородско-Курском направлении в наступлении участвовало свыше тысячи танков и большое количество самолетов. Ценой колоссальных потерь фашистским войскам удалось вклиниться в нашу оборону, однако через несколько дней наступление гитлеровской армии захлебнулось.

Разгром наступавших группировок противника создал выгодную обстановку для нанесения ответного удара по Белгородско-Харьковской группировке силами войск Воронежского (командующий генерал Н. Ф. Ватутин, член Военного совета фронта Н. С. Хрушев) и Степного (командующий генерал-полковник И. С. Конев, члены Военного совета генералы И. З. Сусайков и И. С. Грушецкий) фронтов. Бои за освобождение Харькова летом 1943 года, по существу, начались с того момента, когда наши войска разгромили в Курской битве сильные немецко-фашистские группировки на Орловском и Белгородском направлениях и сами перешли в наступление.

Контрнаступление в районе Белгорода развернулось утром 3 августа. После мощных артиллерийского и авиационного уда-

ров, нанесенных Воронежским фронтом, в наступление перешли войска 5-й гвардейской армии (командующий генерал А. С. Жадов) и 6-й гвардейской армии (командующий генерал И. М. Чистяков). Усиленные большим количеством танков, они быстро прорвали вражескую оборону.

Во второй половине дня в сражение были введены 1-я танковая армия (командующий генерал М. Е. Катукон) и 5-я гвардейская танковая армия (командующий генерал П. А. Ротмистров), которые к исходу 3 августа своими передовыми соединениями продвинулись на 35 километров и завершили прорыв всей тактической обороны.

Степной фронт действовал в составе 53-й армии (командующий генерал И. М. Манагаров), 69-й армии (командующий генерал В. Д. Крюченко) и 7-й гвардейской армии (командующий генерал М. С. Шумилов).

Перед ними стояла задача — овладеть Белгородом и наступать на Харьков. Не имея таких мощных средств прорыва как Воронежский, Степной фронт развивал наступление несколько медленнее. Однако это не могло изменить ход операции, ибо войска Воронежского фронта успешно продвигались вперед, обходя фланг белгородской группировки противника, которая, почувствовав угрозу окружения, к концу 4 августа начала отвод своих войск. Это дало возможность частям Степного фронта ускорить продвижение. После овладения Белгородом 5 августа в ходе боев за освобождение Харьковщины в состав Степного фронта были переданы 5-я гвардейская танковая армия и 57-я армия (командующий генерал Н. А. Гаген).

Воронежский фронт, нанося сокрушительные удары по врагу, в ходе наступления активно содействовал войскам Степного фронта в освобождении Харькова и области. В то время как части и соединения Воронежского фронта отражали бешеный натиск гитлеровцев южнее Богодухова и западнее Ахтырки, войска Степного фронта успешно наступали на Харьков.

Харьков, по мнению гитлеровского командования, являлся «бастионом немецкой обороны на востоке, воротами, запиравшими пути для русских армий на Украину». Учитывая его исключительно важное стратегическое значение, Гитлер требовал от своих генералов любой ценой удерживать город и не допустить дальнейшего продвижения советских войск. Вокруг Харькова противник оборудовал два кольцевых обвода и использовал вблизи города несколько посадочных площадок (Рогань, Померки, Основа, Дергачи). На харьковское направление были брошены танковые дивизии СС «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг», 3-я танковая моторизованная дивизия «Великая Герма-

1941—1945 гг.

ния». Однако, несмотря на все усилия врага, его планы потерпели полное крушение.

В боях за освобождение Харьковщины героически сражались воины всех родов войск.

Летчики 5-й воздушной армии (командующий генерал С. К. Горюнов) с 3 по 24 августа провели 311 воздушных боев и сбили 350 вражеских самолетов. 20 августа шестерка советских истребителей, ведомая младшим лейтенантом Веселовским, встретила в воздухе с 36 бомбардировщиками противника и смело атаковала их. Немецкие летчики были вынуждены повернуть обратно. Наши истребители сбили в этом бою 7 фашистских самолетов.

Исключительное мужество и отвагу проявили в боях за Харьков танкисты. Дерзкий рейд по тылам врага совершила танковая рота под командованием коммуниста старшего лейтенанта Голованова. Она с ходу протаранила оборонительную полосу противника и вырвалась за линию вражеской обороны. Гитлеровцы, оправившись от неожиданного удара, закрыли образовавшуюся брешь. По машинам открыли сильный огонь несколько противотанковых орудий. Но советские танки подавили 10 огневых точек врага и устремились вперед. У одного из населенных пунктов путь им преградила батарея противотанковых орудий гитлеровцев. Умело маневрируя, наши танкисты раздавили немецкие пушки, проскочили через несколько населенных пунктов и достигли шоссе-магистрали, по которой тянулись вереницы отступающих обозов неприятеля. Советские танки врзались в обозы врага и беспощадно давили гитлеровцев. Пять часов продолжался дерзкий рейд по тылам врага. Танкисты во главе со старшим лейтенантом Головановым на невредимых машинах вернулись в свою часть.

В середине августа советские части приблизились к Харькову, сжимая в полукольце мощную группировку немецко-фашистских войск. Гитлеровское командование бросило в бой инженерные подразделения, юнкеров артиллерийских, танковых и военно-технических школ. Однако наши войска продолжали двигаться вперед.

За освобождение Харьковщины героически сражались представители 50 национальностей. В одном из боев старший сержант казах Ахтай Матаев в штыковой атаке уничтожил 5 гитлеровцев, обезоружил и взял в плен 3 вражеских солдат. Снайпер узбек Нарудинов истребил вышедших из машины немецких танкистов и захватил исправный танк «тигр». Автоматчик туркмен Курбан Зяев за несколько минут боя огнем своего автомата

истребил 17 гитлеровцев, а татарин Баширов уничтожил до 20 солдат и офицеров.

Стойкость и отвагу проявили шестнадцать автоматчиков под командованием старшего лейтенанта В. П. Петрищева. Среди героев-автоматчиков были русские, украинцы и сыны других народов. На ближних подступах к Харькову они отбили три яростные атаки врага. В третьей атаке впереди гитлеровцев двигался огнемётный танк. Вокруг все горело. У советских воинов кончались боеприпасы. В строю осталось только семь человек. В решающую минуту боя бойцы слышали призыв своего командира: «Умрем, товарищи, но не отступим. Будем сражаться, как герои-панфиловцы».

Бесстрашно громили врага русский — командир пулеметного расчета сержант Тихонов, украинец автоматчик Супруненко, грузин бронебойщик гвардии сержант Кварацхелия, казах пулеметчик Оромбаев, татарин командир отделения Закиров, армянин — командир орудийного расчета сержант Набоян, рядовые туркмен Анинбаев, подбивший в бою три танка противника, киргиз Сатвалдаев и многие другие.

Большие организаторские способности, самоотверженность и героизм показали многие офицеры и генералы. Они умело направляли боевые действия войск, вносили определенный вклад в развитие советского военного искусства.

Неоценимую помощь советским войскам в освобождении Харькова оказывало местное население. Например, жительницы районного центра Дергачи, Харьковской области, Е. П. Бакуменко, Е. И. Бакуменко и Х. В. Мищенко в августе 1943 года собрали и передали разведчикам 28-й гвардейской стрелковой дивизии ценные сведения о противнике. Евдокия Бакуменко помогла советским разведчикам бесшумно захватить «языка». Колхозник деревни Солодовки К. А. Мирошниченко в лесу Ольховый Яр неподалеку от Люботина подобрал тяжелораненого летчика, старшего лейтенанта Б. В. Лопатина, и прятал его до прихода советских войск. Жительница города Люботина В. Г. Сахно спасла жизнь летчику Н. А. Кирееву. Гитлеровцы устроили повальные обыски, угрожали расстрелом тому, кто укрывает советского воина. Рискуя жизнью, мужественная женщина девять дней лечила и кормила раненого, а с приходом наших войск доставила его в госпиталь.

Наступление развернулось с огромной силой. Оборона гитлеровцев на окраинах города была прорвана. Бои завязались на улицах и площадях. 23 августа войска Степного фронта при активном содействии с флангов войск Воронежского и Юго-Западного фронтов освободили Харьков. За успешные боевые

действия десяти стрелковым дивизиям (252-й, 84-й, 299-й, 116-й, 375-й, 183-й, а также 15-й, 28-й, 89-й и 93-й гвардейским) было присвоено наименование «Харьковских».

В боях за освобождение Харьковщины ярко проявились высокие морально-боевые качества бойцов, их безграничная преданность своей социалистической Отчизне.

Замечательные успехи наших войск продемонстрировали превосходство советского военного искусства, мудрость руководства ленинской партии, ее вдохновляющую и организующую роль в мобилизации и сплочении всех сил народа на разгром врага.

За мужество и героизм, проявленные при освобождении Харькова, тысячи советских воинов получили ордена и медали. Только в 69-й армии были награждены 8400 воинов. Большая группа бойцов и офицеров удостоилась высокого звания Героя Советского Союза. В их числе: рядовые К. Е. Бреусов, Г. П. Поливанов, С. Н. Орешков, лейтенант В. В. Женченко, старшие лейтенанты В. А. Завертаев и В. П. Петрищев, гвардии сержант С. П. Зорин, старший сержант И. В. Маширь, сержант И. С. Немец, летчик-харьковчанин А. В. Добродеецкий и многие другие.

Разгром немецко-фашистских захватчиков на Харьковщине завершил второй этап Курской битвы — контрнаступление советских войск. Эта историческая победа Советских Вооруженных Сил ускорила развал гитлеровской коалиции, показала со всей очевидностью неосуществимость стратегических планов германского военного командования, вселила в народы оккупированных стран уверенность в близком крушении фашистской Германии.

Трудящиеся Харьковской области свято хранят в сердцах память о замечательных подвигах советских воинов-освободителей, многие из которых отдали самое дорогое, что дано человеку — свою жизнь — во имя свободы и независимости Родины, во имя спасения человечества от коричневой чумы фашизма.

30 августа в честь освобождения Харькова состоялся общегородской митинг, на котором присутствовало более 25 тысяч человек. Тут были рабочие, крестьяне из окрестных сел, представители интеллигенции и Красной Армии. Бурными аплодисментами и приветственными возгласами встретили участники митинга появление на трибуне руководителей КП(б)У и правительства Украинской ССР, генералов и офицеров Красной Армии, войска которых принимали участие в освобождении Харькова.

С исключительным подъемом участники митинга приняли письмо бойцам-освободителям города. В этом письме говорилось: «Ваша кровь освятила землю нашего родного Харькова.

Ваши самоотверженные подвиги вернули нам свободу, жизнь и честь. Слава вам, наши освободители и защитники!»

Трудящиеся всей страны восприняли весть об освобождении Харькова с большой радостью, откликнулись на эту замечательную победу советских войск новыми успехами в труде, выразили готовность оказать населению освобожденного города свою помощь. В этом проявилась великая дружба народов Советского Союза, воспитанная Коммунистической партией в духе пролетарского интернационализма, братской взаимопомощи. В ответ на заботу Коммунистической партии и всего советского народа харьковчане брали конкретные обязательства по усилению борьбы против гитлеровских полчищ.

Спустя два дня после освобождения города состоялось заседание Совнаркома УССР с участием ответственных партийных и советских работников Харькова, на котором обсуждались вопросы о неотложных мерах по восстановлению народного хозяйства и организации питания населения. Центральный Комитет КП(б)У, Совнарком УССР, обком партии, облисполком, горком КП(б)У, исполком горсовета прибыли в Харьков вслед за частями Красной Армии. Население с большим энтузиазмом начало восстанавливать варварски разрушенный фашистами родной город. Плодотворную деятельность развернули партийные и советские органы, стали выходить областные и республиканские газеты, уже в первые дни приступили к работе ряд кинотеатров, почтовых отделений, магазинов, столовых и поликлиник.

20 сентября 1943 года советские войска завершили освобождение от фашистов всей территории Харьковской области.

С этого времени и до конца войны были восстановлены и заново построены 615 промышленных предприятий. Посевная площадь колхозов и совхозов достигла к 1945 году 70 процентов довоенной, возобновили работу около 90 процентов школ, 28 вузов, 43 средних специальных заведений, 49 научно-исследовательских учреждений, открылось 127 больниц, 196 детских садов и более 100 библиотек.

В течение двух лет трудящиеся Харьковщины подняли из руин и вновь построили свыше 56 тысяч домов, в том числе более 12 тысяч в городах и рабочих поселках. К концу войны только в Харькове было восстановлено 300 тысяч кв. метров жилой площади.

В книге «В боях за Харьковщину», третье, исправленное и дополненное издание которой предлагается вниманию читателей, собраны воспоминания тех, кто был не только очевидцем,

но и участником волнующих, поистине героических дел, совершавшихся на Харьковщине тридцать лет тому назад.

Хронологически и тематически публикуемые воспоминания сгруппированы в трех разделах:

Оборона Харькова.

Борьба харьковчан в период фашистской оккупации области. Бои за освобождение Харьковщины.

Центральное место в первом разделе занимают воспоминания бывшего секретаря Харьковского обкома КП(б)У А. А. Елишева. Автор рассказывает об огромной работе, проведенной партийными организациями Харькова и области по перестройке народного хозяйства на военный лад. Этой же теме посвящены воспоминания бывших секретарей райкомов партии В. П. Иванова, А. И. Евсеева, У. И. Кизилова, П. З. Войтовича и др. О боях за Харьков осенью 1941 года рассказывают генералы Н. К. Попель и Х. Р. Карасик, полковники Н. Н. Гладков и П. А. Утин.

Во втором разделе публикуются воспоминания активных участников партийного подполья и партизанского движения на Харьковщине в период временной оккупации области фашистскими захватчиками. О мужественной борьбе советских патриотов в тылу врага пишут бывший секретарь Нововодолажского райкома партии А. В. Коваленко, командир партизанского отряда И. Н. Кулишов, секретарь подпольного Боровского райкома партии П. А. Журавлев и другие.

В оккупированном Харькове смело действовала группа медицинских работников, спасшая жизнь сотням раненых советских воинов, оказавшихся во вражеском плену. Об этом повествуют руководители группы профессор А. И. Мещанинов, кандидат медицинских наук В. Ф. Труфанова и доктор медицинских наук К. Р. Седов.

Большой интерес представляют воспоминания бывшего командира подпольно-партизанской группы Н. Я. Франкова, в которых содержатся малоизвестные факты, относящиеся к деятельности подпольных организаций.

Широкую панораму битвы за освобождение Харькова воскрешают воспоминания, собранные в третьем разделе. О боях в феврале 1943 года пишут генерал А. В. Чапаев — сын легендарного героя гражданской войны, и полковник А. Ф. Козинский. Картину боя у села Тарановки воссоздают его участники Герои Советского Союза П. Н. Широин, И. Г. Вернигоренко, И. П. Букаев и А. Н. Тюрин, повторившие вместе со своими товарищами легендарный подвиг 28 героев-панфиловцев.

О боевом крещении 1-го Отдельного чехословацкого батальона рассказывают в своих воспоминаниях бывший командир батальона Герой Советского Союза генерал армии Людвик Свобода, ныне Президент ЧССР, и его боевые соратники В. Эрбан, С. Майка, М. Квапилова-Пишлова.

Боям за освобождение Харькова в августе 1943 года посвящены воспоминания непосредственных участников событий — бывшего начальника штаба Степного фронта Маршала Советского Союза М. В. Захарова, командующих армиями, командиров корпусов и дивизий. Среди авторов командующие армиями: 69-й — генерал В. Д. Крюченкин, 7-й гвардейской — генерал М. С. Шумилов, 53-й — генерал И. М. Манагаров, командиры корпусов: танкового — генерал М. Д. Соломатин, 34-го стрелкового — генерал Б. К. Колчигин, командиры дивизий: 252-й — генерал Г. И. Анисимов, 84-й Краснознаменной Харьковской — генерал П. И. Буняшин и 81-й гвардейской — генерал И. К. Морозов. Их воспоминания знакомят читателя с замыслами Советского командования, направленными на освобождение Харькова, воскрешают яркие эпизоды боев за город, повествуют о мужестве и героизме советских воинов.

Помещенные в сборнике воспоминания, естественно, не могут дать полного представления о вкладе, который внесли харьковчане в великую победу советского народа во второй мировой войне. Поэтому здесь уместно будет напомнить, что за подвиги, совершенные в годы войны, свыше 250 тысяч жителей Харькова и области, в их числе около 900 партизан и подпольщиков, награждены орденами и медалями. Более 230 харьковчан удостоены звания Героя Советского Союза, а А. К. Недбайло и З. К. Слюсаренко это звание присвоено дважды. Среди Героев Советского Союза — руководители партийно-комсомольского подполья и партизанского движения на Харьковщине И. И. Бакулин, А. М. Щербак, А. Г. Зубарев, И. И. Копенкин, Н. Т. Волкова и М. Т. Кисляк.

Завершают книгу статьи первого заместителя председателя Совета Министров УССР Г. И. Ващенко и первого секретаря Харьковского обкома партии И. З. Соколова, в которых рассказывается о замечательных достижениях трудящихся области в послевоенный период, о постоянно растущем вкладе харьковчан в создание материально-технической базы коммунизма.

С. З. ГОЛИКОВ,

*доктор исторических наук,
профессор*

ОБОРОНА ХАРЬКОВА

В ЕДИНОМ СТРОЮ СО ВСЕМ НАРОДОМ

ВОТ УЖЕ СВЫШЕ ТРЕХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ отделяют нас от июньских дней 1941 года, когда началась война, навязанная нам германским фашизмом. Эта война, ставшая Великой Отечественной войной советского народа за свою свободу и независимость, была самой тяжелой и жестокой из всех войн, когда-либо пережитых нашей Родиной. Победа над сильным и коварным врагом потребовала мобилизации всех материальных и духовных сил советского государства.

Под руководством своей родной ленинской партии, по призыву ее Центрального Комитета и Советского Правительства весь народ грудью встал на защиту своей Родины. «Единство советского народа,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик»,— нашло свое самое убедительное выражение в героических подвигах во имя защиты социалистического Отечества. Союз и дружба всех наций и национальностей нашей страны выдержали такое тяжелейшее испытание, как Великая Отечественная война. В этой войне сыны и дочери единого Советского Отечества не только с честью отстояли свои социалистические завоевания, но и спасли мировую цивилизацию от фашистского варварства, оказав тем самым мощную поддержку освободительной борьбе народов. Слава этих героев, слава доблестных защитников нашей Родины не померкнет в веках».

В жестоких боях с фашистскими ордами советские люди проявили пламенный патриотизм, чудеса стойкости и мужества, негнбаемую волю к победе, беззаветную любовь к социалистической Родине и жгучую ненависть к ее врагам, верность интернациональному долгу, беспредельную преданность великим идеям марксизма-ленинизма.

Своим бессмертным подвигом, своими поистине легендарными делами на фронте и в тылу советский народ поверг в изумление весь мир, вызвал искреннее восхищение и глубокую признательность всего прогрессивного человечества.

Всякий раз как только начинаешь вспоминать о Великой Отечественной войне, в памяти невольно встают ее первые дни и педели. Это было грозное и тяжелое время. Части Красной Армии под ударами превосходящих сил противника были вынуждены отступать, оставляя врагу родные города и села.

Хорошо помню первый день войны. 22 июня 1941 года в 4 часа утра мне, бывшему в то время секретарем Харьковского областного и городского комитетов КП(б) Украины, позвонил командующий войсками Харьковского военного округа генерал-лейтенант А. К. Смирнов. Он сообщил тяжелую весть о разбойничьем нападении немецко-фашистских захватчиков на мирный советский народ.

На рассвете воскресного дня фашистская артиллерия открыла огонь по советской земле. Гитлеровская армия начала вероломное вторжение на территорию нашей Родины. Фашистская авиация совершила зверские налеты на многие города Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии и Крыма.

Началась война, потребовавшая от нас огромных усилий и больших жертв. Период мирного развития кончился. Отныне требовалось все вопросы практической деятельности партийной организации рассматривать по-иному, с учетом перехода страны на военное положение. «...Раз дело дошло до войны,— учил В. И. Ленин,— то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо»¹.

Накануне войны первичные партийные организации Харьковщины объединяли в своих рядах свыше 67 тысяч членов и кандидатов партии. Это была огромная сила, тесно связанная с широкими массами трудящихся. Около 160 тысяч человек насчитывала областная комсомольская организация. И надо сказать, что коммунисты, комсомольцы, все трудящиеся Харькова и области, выполняя указания Центрального Комитета ВКП(б) и ЦК КП(б)У, с первых же дней войны так же, как и в мирное время, заняли свое достойное место в едином строю со всем советским народом, со всей партией. Они как один поднялись на священную Отечественную войну против фашистских захватчиков.

Утром 22 июня 1941 года срочно было созвано объединенное заседание бюро областного и городского комитетов партии с участием секретарей райкомов и партийного актива города и области. На повестке дня стоял один вопрос: о переходе на военное положение и перестройке всей работы на военный лад

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 117.

с целью оказания максимальной помощи Советским Вооруженным Силам.

В тот же день четко и оперативно начали осуществляться первые мобилизационные мероприятия. По городу и области была быстро создана сеть призывных пунктов. В части Красной Армии направлялись первые тысячи призывников. Были оборудованы агитпункты, в которых имелись радио, газеты, материалы наглядной агитации, работали агитаторы. На предприятиях и в учреждениях Харькова, в селах и деревнях партийные организации развернули боевую агитационную работу среди населения.

В первые дни войны десятки тысяч харьковчан влились в ряды воинов. Около 19 тысяч коммунистов и свыше 86 тысяч комсомольцев Харьковской области ушли на фронт.

На военную и политическую работу в армию, в партизанские отряды, на выполнение важных оборонных заданий были направлены десятки ответственных партийных и советских работников. Среди них второй секретарь Харьковского горкома партии В. М. Чураев, секретари райкомов и председатели райисполкомов Т. С. Алешин, Н. М. Миловский, Д. К. Рожков, В. С. Ульянов, И. П. Прохода, А. В. Коваленко, А. Г. Корабельщиков, И. П. Парнюк, П. А. Журавлев, А. Д. Гончаров, А. Г. Бузныка и многие другие. Они достойно выполнили свой патриотический долг. Многие товарищи отдали жизнь за честь и свободу нашей Родины. Среди них секретари райкомов партии А. Д. Гончаров, Н. М. Миловский, Д. К. Рожков, В. С. Ульянов, И. И. Прохода и другие, председатель облисполкома П. Г. Свинарченко, председатель Алексеевского райисполкома А. Г. Бузныка.

Среди тех, кто отважно сражался в рядах Советской Армии и Военно-Морского Флота под Москвой и Ленинградом, под Сталинградом и на Орловско-Курской дуге, на полях Украины и Белоруссии, Советской Прибалтики и Молдавии, кто принес освобождение народам Польши и Чехословакии, Румынии и Болгарии, Югославии и Венгрии, кто штурмовал Берлин и участвовал в боях по разгрому японских милитаристов, было немало харьковчан. Многие из них награждены орденами и медалями, свыше 230 харьковчан удостоены высокого звания Героя Советского Союза, а двоим — коммунистам З. К. Слюсаренко и А. К. Недбайло — это звание присвоено дважды.

Те же, кто оставался в тылу, напряженно трудились, обеспечивая бесперебойную работу промышленности и сельского хозяйства, делая все необходимое для поддержания нормальной жизни городов и сел.

Одна из коренных задач, которую предстояло незамедлительно решить в той обстановке партийным и советским органам, состояла в том, чтобы перевести промышленные предприятия, все народное хозяйство города и области на военные рельсы. И эта сложная задача усилиями коммунистов, комсомольцев, всех трудящихся Харькова и области была решена успешно.

За годы Советской власти неузнаваемо изменилось лицо Харьковщины, превратившейся в один из крупнейших индустриальных районов страны. Достаточно сказать, что накануне Великой Отечественной войны в Харьковской области было свыше 1250 крупных промышленных предприятий, а выпуск промышленной продукции с 1917 года по 1940 год увеличился в 12 раз. Количество рабочих и служащих в Харькове в 1940 году превышало 300 тысяч человек.

В Харькове выросли гиганты советской индустрии, заводы тракторный, турбогенераторный, электромеханический, станкостроительный, «Свет шахтера», «Серп и молот» и многие другие. Это были современные промышленные предприятия, оснащенные новейшей техникой и имевшие большую производственную мощность. Харьковский станкостроительный завод, например, только за два года — 1939 и 1940 — выпустил станков больше, чем производила вся станкостроительная промышленность России в 1913 году.

Перед войной экономика Харькова и области была на большом подъеме. Ее развитию исключительно большое внимание уделяли Центральный Комитет ВКП(б) и Советское Правительство, а также ЦК КП(б)У и правительство Украины. Экономика Харьковщины, как и других областей УССР, росла и крепла в едином народнохозяйственном комплексе страны, в братском сотрудничестве трудящихся Украины с трудящимися всех других республик Советского Союза.

Выполняя указания партии и правительства, харьковчане самоотверженно трудились, одерживая одну победу за другой на всех участках социалистического строительства. Успешно выполняли производственные планы рабочие коллективы харьковских заводов. С каждым месяцем они наращивали выпуск промышленной продукции. На турбогенераторном и электромеханическом заводах, на заводе «Серп и молот» и других передовых предприятиях осваивалось производство новых видов промышленной и сельскохозяйственной техники. Продукция промышленности Харькова славилась на всю страну.

Теперь, с началом войны, необходимо было всю промышленность переключить на выпуск военной продукции. Партийные,

советские, профсоюзные, комсомольские организации Харькова предприняли ряд важных мер, обеспечивших перестройку народного хозяйства на военный лад. В очень сжатые сроки коллективы промышленных предприятий освоили выпуск необходимой для фронта боевой техники и военного снаряжения.

В напряженной обстановке рабочие, инженеры и техники, служащие харьковских фабрик и заводов, глубоко сознавая свою высокую ответственность, проявили исключительное самообладание, инициативу и организованность. Не считаясь ни со временем, ни с затратой сил, они самоотверженно трудились, горя только одним желанием: дать фронту как можно больше военной продукции, приблизить победу над врагом. Помнится, в то время фашистская авиация часто совершала налеты на Харьков, подвергала его варварским бомбардировкам. Но какими бы жестокими ни были эти налеты, харьковчане не покидали своих рабочих мест: они дни и ночи работали для фронта, во имя победы.

Прославленные коллективы промышленных предприятий города выпускали самолеты, танки, разнообразную боевую технику и вооружение. В это же время по решению областного комитета партии было организовано производство «катюш», нового грозного оружия, только что появившегося в 1941 году. Выпуск реактивных установок, снарядов и необходимого оборудования по полученным нами образцам явился результатом усилий многих заводов. Рабочие, инженеры, техники, служащие, не прекращая работы по выполнению уже действовавших производственных планов, успешно выполнили и это ответственное поручение партии и правительства. Это был поистине трудовой подвиг, о котором и сейчас, спустя много лет, нельзя говорить без чувства восхищения.

Хорошая подготовка инженерно-технических кадров, высокая квалификация харьковских рабочих, четкий технологический процесс позволили буквально в считанные дни наладить производство автоматов, гранат и другого вооружения, которое прямо из цехов поступало в войска. Вспоминаю, на Харьковском тракторном заводе был организован выпуск бронированных тракторов, оснащенных орудиями, которые в те днигодились на фронте. С первых же дней войны на танкоремонтном заводе проводился качественный ремонт танковой техники.

Много и напряженно трудились в эти месяцы железнодорожники Южной железной дороги. С подлинно военной четкостью и организованностью они осуществляли перевозки народнохозяйственных и военных грузов. Их труд с полным основанием можно назвать поистине героическим.

Сознавая свой патриотический долг перед Родиной, не покладая рук работали колхозники, рабочие совхозов и машинно-тракторных станций области. Надо сказать, что в предвоенные годы труженики сел Харьковской области добились больших успехов. Имея в руках новую сельскохозяйственную технику, они из года в год увеличивали производство хлеба, мяса, молока и других сельскохозяйственных продуктов. В то время успешно была решена проблема обеспечения Харькова продуктами питания благодаря созданию вокруг него картофельно-овощной и животноводческой баз. Харьковская область не только полностью обеспечивала себя продуктами сельского хозяйства, но и снабжала ими другие районы нашей страны. И когда грянула война, труженики сельского хозяйства Харьковщины стремились как можно быстрее провести уборку урожая, делали все для того, чтобы помочь Красной Армии, сдерживавшей натиск оголенного врага.

В первые же недели войны в городах, рабочих поселках и селах были созданы истребительные батальоны, в которые бились лучшие представители заводов, фабрик, учебных заведений, учреждений, колхозов и совхозов. Бойцы и командиры этих отрядов действовали смело и решительно. Все попытки гитлеровцев забросить к нам в тыл диверсантов, парашютистов заканчивались, как правило, полным провалом. Истребительные отряды своевременно выходили в районы появления вражеских групп и немедленно их обезвреживали.

14 июля 1941 года бюро Харьковского горкома партии приняло решение о создании корпуса народного ополчения в составе девяти дивизий, утвердило его командный и политический состав. Все формирование народного ополчения в роты, батальоны и полки осуществлялось в соответствии с организационной структурой частей и соединений Красной Армии. Фундаментом, цементирующей силой частей и подразделений народного ополчения были коммунисты и комсомольцы.

На 7 августа 1941 года среди народных ополченцев насчитывалось 12 293 коммуниста и 9166 комсомольцев. Вся боевая подготовка народного ополчения проходила по программе, утвержденной Харьковским горкомом партии. Партийные организации проявляли повседневную заботу о всесторонней подготовке бойцов народного ополчения. Созданное и руководимое Харьковской партийной организацией ополчение оказало серьезную помощь Красной Армии в боях за Харьков.

Еще в июле 1941 года, когда обстановка на фронтах все более осложнялась, Харьковский обком в целях улучшения руководства районами области создал три оперативные группы из

числа лучших работников партийных органов. Первая группа во главе с секретарями обкома и горкома находилась в Харькове вплоть до последнего часа, когда город временно оставили наши войска. Вторая группа была направлена в Купянск. Позднее сюда перебазировались обком и горком партии, советские органы. Третья оперативная группа находилась в городе Изюме. Осуществляя оперативное руководство на местах, эти группы проделали большую работу по обеспечению ритмичной деятельности промышленных предприятий, транспорта, колхозов в условиях военного времени, поддержанию надлежащего уровня трудовой и общественной дисциплины.

Наряду с решением организационных вопросов, связанных с хозяйственной жизнью области и города, переводом экономики на военные рельсы, партийные организации вели большую политическую работу в массах по поддержанию высокого боевого духа населения. В печати, по радио, в выступлениях руководящих партийных и советских работников, пропагандистов и агитаторов разъяснялись решения ЦК партии и Советского Правительства, рассказывалось о положении на фронтах. Все это создавало здоровую атмосферу, исключая возникновение растерянности, паники, обеспечивало высокое политико-моральное состояние трудящихся, мобилизовало их на решение важных задач.

К концу сентября 1941 года обстановка на фронтах стала еще более сложной. Войска Юго-Западного и Южного фронтов после ожесточенных оборонительных боев на Левобережной Украине отступали к Харькову, Донбассу и Крыму. Гитлеровцы все ближе подходили к Харькову. Над городом нависла непосредственная угроза.

В этих условиях перед партийными и советскими органами Харькова встала задача обеспечить планомерную эвакуацию промышленности и других материальных и культурных ценностей в восточные районы страны. Эта сложная и трудоемкая задача выполнялась четко и оперативно. В сжатые до предела сроки при непрерывных налетах фашистской авиации были отправлены 320 эшелонов с заводским оборудованием, 275 эшелонов с людьми и 56 санитарных поездов. Сложнейшее оборудование заводов и фабрик, учебные заведения, театры, музеи были вывезены на восток страны.

Особенно хотелось бы подчеркнуть, что предприятия, переброшенные в восточные районы, незамедлительно развернули там производство и заработали на полную мощность. Рабочие и инженеры эвакуированных в советский тыл харьковских пред-

приятий на новых местах быстро установили оборудование и в короткие сроки обеспечили высокие темпы выпуска продукции.

Десятки тысяч харьковчан в советском тылу самоотверженно трудились во имя победы над врагом, выполняя задания партии и правительства. Среди них были товарищи В. Н. Титов, Н. А. Соболев, И. А. Кашеев, П. Е. Саблев, К. А. Трусов, И. С. Савельев и многие другие.

«Все для разгрома врага!» — под этим лозунгом развернулось соревнование фронтовых бригад и смен на заводах имени Коминтерна, «Серп и молот», дизельном и других эвакуированных в советский тыл предприятиях. Слесарь коммунист Александр Сало и комсомолец Дмитрий Панин заменили ручную обработку деталей обработкой на станке. В первый же день А. Сало выполнил норму на 1931, а Д. Панин — на 2484 процента. Их примеру последовали многие другие. Так зародилось среди харьковских машиностроителей замечательное движение тысячников.

Самоотверженный труд харьковчан был высоко оценен партией и правительством. За усовершенствование боевой техники, успешное выполнение заданий правительства по вооружению советских войск сотни харьковских машиностроителей награждены орденами и медалями.

Эвакуация предприятий на восток не означала прекращения производства в Харькове. Прифронтовой город сражался в одном строю с армией. Оставленные в городе цехи крупнейших заводов с каждым днем наращивали выпуск боевой техники, оружия, боеприпасов и снаряжения.

В связи с продвижением фашистских войск в глубь страны областной и городской комитеты партии уделили большое внимание созданию военных объектов и оборонительных сооружений. Харьковчане всей душой откликнулись на призыв партийных и советских органов пойти на строительство укреплений. Рабочие и студенты, колхозники и научные работники, железнодорожники и домашние хозяйки участвовали в строительстве противотанковых сооружений, рыли окопы и траншеи, устраивали завалы, устанавливали проволочные заграждения. Для обеспечения строительства укреплений в строго установленные правительством сроки бюро обкома КП(б)У направило на важнейшие участки 10 секретарей райкомов партии. По призыву и под руководством партийных организаций на фортификационных работах в Харьковской и Черниговской областях участвовало свыше 300 тысяч харьковчан.

Благодаря героическим усилиям населения Харькова на дальних и ближних подступах к городу была создана система мощ-

ных оборонительных укреплений, которые облегчили частям Красной Армии выполнение боевой задачи. На этих оборонительных рубежах на некоторое время было задержано продвижение гитлеровских войск.

В октябре 1941 года развернулись упорные и ожесточенные бои на ближних подступах к Харькову. Несмотря на огромные потери, гитлеровцы рвались вперед. 24 октября части Красной Армии, выполняя приказ командования, оставили город. Дорогой ценой достался гитлеровцам Харьков. В боях за город они потеряли 120 тысяч человек убитыми и ранеными, более 450 танков, свыше 200 орудий, до 300 автомашин и много другой боевой техники и снаряжения.

Фашистские варвары установили в Харькове кровавый режим террора, насилий и массовых грабежей. В жизни города наступила черная пора. Но никакие зверства гитлеровских палачей не смогли поколебать мужественный дух советских патриотов. Как и все советские люди, оказавшиеся на землях, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками, харьковчане не покорились врагу. Они продолжали самоотверженно бороться против оккупантов. Вся деятельность партийных организаций была направлена на то, чтобы мобилизовать энергию трудящихся на борьбу против фашистских агрессоров.

Исходя из конкретной тяжелой обстановки, сложившейся в начале войны, по указанию ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У Харьковский обком и горком партии проделали большую работу по организации в тылу врага партийного подполья и развертыванию партизанского движения. В подборе кадров для работы в подполье и в формировании партизанских отрядов непосредственное участие принимали секретари обкома, горкома и райкомов партии.

В ряде районов области группы организаторов занимались развертыванием партийного подполья и партизанского движения. Благодаря усилиям партийных организаций на территории Харьковщины были созданы подпольный обком во главе с И. И. Бакулиным и 37 райкомов партии. На подпольную работу были направлены 32 секретаря райкомов партии. Всего в тылу врага оставалось для подпольной работы 2662 коммуниста. Отобранные для подполья товарищи прошли краткосрочные курсы спецподготовки.

Коммунисты-подпольщики поднимали патриотический дух советских людей и создавали благоприятные условия для роста партизанского движения. Товарищи с честью оправдали доверие партии, многие героически погибли от рук фашистских захватчиков.

В Харьковской области, как и на всей Украине, развернулось мощное партизанское движение. Партизаны и партизанки вписали немало ярких страниц в историю борьбы советского народа против фашистских поработителей.

Партизанское движение возникло в недрах народа и явилось выражением его инициативы и революционной энергии. Оно показало высокий моральный облик советского человека, его безграничную любовь к своей социалистической Родине и Коммунистической партии. История Великой Отечественной войны наглядно подтвердила положение марксизма-ленинизма о том, что всенародное патриотическое движение возможно только в справедливой, освободительной войне.

Партизаны Харьковщины вели активную борьбу против фашистских оккупантов. К созданию партизанских отрядов Харьковская партийная организация приступила еще до оккупации области немецко-фашистскими захватчиками. Из харьковчан было сформировано 94 партизанских отряда общей численностью 3310 человек и 66 диверсионных групп численностью 271 человек. В состав партизанских отрядов и групп вошли рабочие, колхозники и интеллигенция, партийные, советские и комсомольские работники, в том числе 2200 коммунистов.

По указанию ЦК КП(б)У со 2 июля по 2 октября 1941 года 15 партизанских отрядов общей численностью свыше 450 человек были отправлены из Харьковской области в Киевскую, Сумскую, Черниговскую, Днепропетровскую, Полтавскую, Запорожскую и Винницкую области.

Харьковский обком партии принимал меры, чтобы обеспечить партизан вооружением и всем необходимым, а также подготовить соответствующие кадры для партизанского движения. По указанию ЦК КП(б)У в Харькове в июле 1941 года ряд предприятий стал изготавливать боевую технику для партизан. В целях их подготовки к борьбе против фашистских захватчиков создавались специальные школы, в которых изучали оружие, подрывное дело и тактику действий партизанских отрядов в тылу врага. За 23 месяца героической борьбы партизанские отряды и диверсионные группы Харьковской области истребили более 23 тысяч гитлеровских солдат, офицеров и их прислужников, разгромили четыре штаба противника.

Народные мстители пускали под откос вражеские воинские эшелоны, взрывали военные объекты фашистов, уничтожали их автомашины и боевую технику, распространяли листовки, рассказывали населению правду о положении на фронтах, пели в массы пламенные призывы ленинской партии. Все это помогало Красной Армии, приближало день освобождения Харькова.

И этот день наступил. 23 августа 1943 года войска Степного фронта при активном содействии войск Воронежского и Юго-Западного фронтов в результате ожесточенных боев сломили сопротивление противника и освободили город от гитлеровских захватчиков.

В развернувшихся затем крупнейших наступательных операциях 1944—1945 гг. наши войска, активно поддерживаемые всем советским народом, завершили полный разгром врага, одержали всемирно-историческую победу.

Преимущества социалистического общественного и государственного строя, так наглядно проявившиеся в годы Великой Отечественной войны, с новой силой продемонстрированы в послевоенный период. Под руководством Коммунистической партии советский народ, в короткие сроки восстановив разрушенное войной народное хозяйство, добился выдающихся успехов в развитии экономики, науки, техники и культуры, на всех участках коммунистического строительства.

С чувством огромной гордости за свою Родину советские люди торжественно отметили 50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. Этот знаменательный юбилей был отмечен как великий праздник дружбы народов СССР, триумф пролетарского интернационализма, ленинской национальной политики Коммунистической партии, вылился в яркую, волнующую демонстрацию международной солидарности всех борцов за дело свободы и независимости народов.

«Все мы, в какой бы советской республике ни жили, на каких бы языках ни говорили,— дети одной матери-Родины — Союза Советских Социалистических Республик,— отмечается в юбилейном Обращении Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета Союза ССР, Совета Министров СССР «К советскому народу, к трудящимся всех национальностей Союза Советских Социалистических Республик». — У нас общая историческая судьба революционных борцов за власть Советов, за свободу и независимость Отчизны, строителей социализма и коммунизма. У нас единые цели и идеалы, великое общее дело. Все, что создано на советской земле,— прекрасные города, современные фабрики и заводы, мощные электростанции, крупные современные сельскохозяйственные предприятия — колхозы и совхозы, духовные ценности социалистической культуры,— все это плоды нашего совместного труда, это наше общее достояние. Великое учение марксизма-ленинизма дало нам исполинскую силу, раскрыло пути победоносного социалистического строительства, интернационального сплочения трудящихся в сознании нового, коммунистического мира».

В Программе Коммунистической партии Советского Союза, в партийных решениях намечены величественные перспективы строительства коммунизма в нашей стране. Для претворения в жизнь мудрых предназначений партии нам нужен мир. Но мы хорошо знаем, что современный империализм, пытающийся приспособиться к новому, во многом изменившемуся в мире условиям, не изменил своей агрессивной сущности. Поэтому наша партия, ее Центральный Комитет, Советское Правительство, твердо и последовательно проводя миролюбивую ленинскую внешнюю политику, проявляют постоянную заботу об укреплении обороноспособности страны, боевой мощи наших Вооруженных Сил.

Все, что создано народом, должно быть надежно защищено — таков наказ XXIV съезда КПСС. Всемирное повышение оборонного могущества нашей Родины, подчеркивается в решениях съезда, воспитание советских людей в духе высокой бдительности, постоянной готовности защитить великие завоевания социализма и впредь должно оставаться одной из самых важных задач партии и народа.

В боях за честь, свободу и независимость своей социалистической Родины в годы Великой Отечественной войны народы Советского Союза, ведомые партией Ленина, совершили бессмертный подвиг, равного которому не знает история. Этот подвиг является живым олицетворением моральной стойкости советских людей, их патриотизма, беспредельной преданности идеям марксизма-ленинизма.

Ценой огромных жертв, невероятных трудностей и лишений досталась нам победа над фашистской Германией. И, пользуясь плодами этой победы, мы не имеем права забывать о тех, кто ее завоевал. Пример известных и неизвестных героев минувшей войны учит молодежь, всех советских людей беззаветно любить свою Родину и быть готовыми в любую минуту выступить на ее защиту, с честью и достоинством выполнить свой патриотический и интернациональный долг, как это сделали их отцы, матери и старшие братья.

В УПОРНЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЯХ

300-я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ, входившая в состав 38-й армии, уже более месяца вела непрерывные тяжелые оборонительные бои и к началу октября 1941 года понесла большие потери. По ранению и болезни выбыли командир и начальник штаба дивизии. Однако личный состав частей к тому времени уже накопил некоторый боевой опыт. 5 октября на должность командира дивизии прибыл полковник С. П. Меркулов. Несколько дней раньше я был назначен начальником штаба.

Части дивизии занимали оборону на Полтавском шоссе. Передний край обороны проходил по северному берегу небольшой речки, которая делила украинское село Чутово на две части. Северная его часть была в наших руках, южная — у противника.

С наблюдательного пункта, оборудованного на одном из курганов восточнее Чутово, хорошо просматривалась вся впереди лежащая местность. В 250—300 метрах от переднего края нашей обороны между домами стояли замаскированные три тяжелых танка «КВ» и шесть 76-миллиметровых орудий, предназначенных для ведения огня прямой наводкой по танкам противника. Бойцы считали их оплотом всей обороны. Стрелки и пулеметчики с большим уважением относились к расчетам этих орудий и особенно к танкистам. Когда танковая бригада была отведена в резерв для доукомплектования, эти три танка, которые участвовали во многих боях с начала войны и не имели повреждений, были оставлены для укрепления обороны.

К началу октября удалось создать на Полтавском шоссе довольно сильную противотанковую оборону. Активные действия войск левого крыла нашей 38-й армии не позволили противнику перейти в наступление в первые три дня октября. Утром 4 октября артиллерия противника открыла сильный огонь по всему переднему краю нашей обороны, а его авиация наносила бомбовые удары главным образом вдоль Полтавского шоссе. Вражеские снаряды рвались повсюду. Горели дома на северной окраине села Чутово.

Свыше десяти немецких танков на большой скорости пошли в атаку вдоль шоссе. За ними шла вражеская пехота. Наша артиллерия, находившаяся на закрытых огневых позициях, открыла огонь, но несколько фашистских танков прорвались сквозь боевые порядки немногочисленной пехоты и устремились на северную окраину села. У крайних домов они были встречены метким огнем трех грозных «КВ» и уничтожены.

Два немецких танка подбили прямой наводкой артиллеристы. Остальные остановились, открыв огонь с места. Началась артиллерийская дуэль. В нее включились и наши пулеметчики, уничтожая вражескую пехоту, которая залегла вокруг своих танков и окапывалась.

Бой длился до позднего вечера. Противник четыре раза переходил в атаку. С наступлением темноты вражеские танки отошли в южную часть села Чутово, а пехота осталась на занимаемом рубеже.

В этом бою советские танкисты и артиллеристы показали свое высокое воинское мастерство, мужество и стойкость. На нашем участке противник больше не возобновлял наступления.

Ввиду того, что оборона войск Южного фронта была прорвана и противник глубоко вклинился в нашу оборону на Донбасском направлении, было приказано начать отход. 300-я стрелковая дивизия отходила с боями вдоль Полтавского шоссе на Коломак, Валки, Люботин, обороняясь на наиболее выгодных рубежах. Особенно запомнился ожесточенный бой, который произошел на западной окраине Люботина — последнем рубеже перед Харьковом. Дивизия заняла его, оторвавшись от противника, и оседлала Полтавское шоссе.

В первой половине дня 18 октября противник большими группами пехоты при поддержке артиллерийского и минометного огня вел активную разведку, пытаясь ворваться на окраину города, но все его атаки были успешно отбиты подразделениями 1051-го и 1053-го стрелковых полков дивизии. Во второй половине дня, примерно в 18 часов в районе небольшого леса западнее Люботина послышался шум моторов. Он все нарастал. Наконец на горизонте показалось 20 вражеских танков, двигавшихся развернутым фронтом. За ними шла пехота. Танки были уже совсем близко, но наши артиллеристы не открывали огня.

Когда вражеские машины находились в 200—300 метрах, раздалась команда «Огонь!». По врагу ударило восемь орудий. Застрочили пулеметы и автоматы. Минометчики стреляли по перебегающей пехоте. Запылали немецкие танки, подожженные наводчиками-артиллеристами 822-го артиллерийского полка Домовым, Полищуком, Бородиным. Враг не выдержал меткого

огня и, развернувшись, устремился к небольшому перелеску, но и там натолкнулся на наше сопротивление. Два танка подорвались на минах, установленных саперами до начала боя на опушке леса. Остальные повернули обратно. Увидев это, гитлеровская пехота залегла и открыла ружейно-пулеметный и автоматный огонь. Усилили огонь и наши подразделения.

Метким огнем были отбиты еще две атаки пехоты, уничтожено около 100 вражеских солдат. В этом бою отличились пулеметчики рядовые Игнатенко, Трофимов, Сычев и другие.

С утра 20 октября наши войска завязали упорные оборонительные бои на подступах к Харькову. Пять дней и ночей продолжались они на окраинах города, его улицах и площадях. Главный удар трех полностью укомплектованных немецких пехотных дивизий, усиленных артиллерией, 100—120 танками и поддержанных 150 самолетами, приняли на себя части 216-й стрелковой дивизии, 57-й бригады войск НКВД и Харьковский полк народного ополчения, оборонявшиеся на западной окраине города. Проявляя исключительное мужество и героизм, они упорно отстаивали каждую улицу, каждый дом.

300-я дивизия, имея в каждом своем батальоне не более 50—60 активных штыков, обороняла южную часть Харькова в районе поселка Основы. Перед ней была поставлена задача не допустить прорыва немцев вдоль Змиевского шоссе. Чтобы сорвать вражеское наступление, наши войска 22 октября нанесли контрудар по прорвавшейся немецкой группировке и овладели Куряжем, Песочником, отбросили противника на несколько километров. В этом бою особенно отличился батальон 216-й стрелковой дивизии под командованием опытного и решительного командира старшего лейтенанта Сабельникова. Бойцы ворвались на железнодорожную станцию Рыжов, уничтожили более 20 вражеских солдат, 75-миллиметровую артиллерийскую батарею и захватили в плен 8 солдат.

Одновременно на левом фланге другие подразделения контратаковали немцев и овладели селом Безлюдовка, уничтожив до двух рот противника. В этом коротком, но ожесточенном бою отличились воины-комсомольцы 1-го батальона и полковой артиллерийской батареи соседней 47-й горнострелковой дивизии — Самсонов, Власов, Аронов, Кузнецов, Бугаев, Шаталов и др.

В результате активных действий войск 38-й армии наступление на город ударной группировки 6-й немецкой армии было оттянуто на сутки.

Рано утром 23 октября немецкая артиллерия открыла сильный огонь по западной и юго-западной окраине Харькова. Канонада продолжалась около двух часов. Одновременно фа-

шистская авиация обрушила бомбовые удары на западный, центральный и восточный районы города.

В 9 часов противник силами 44-й, 68-й, 57-й и 97-й пехотных дивизий при поддержке танков, артиллерии и авиации перешел в решительное наступление, нанося главный удар двумя дивизиями вдоль Полтавского шоссе.

Развернулись ожесточенные бои на западной окраине города. Здесь подразделения 665-го и 647-го полков 216-й стрелковой дивизии оказывали упорное сопротивление противнику, вели меткий огонь из всех видов оружия. Не счесть героев этого упорного сражения. Наводчик 45-миллиметрового противотанкового орудия рядовой Сухин занимал хорошо оборудованную огневую позицию на западной окраине улицы Свердлова. Он внимательно следил за приближающимися вражескими танками. Когда они подошли к крайним домам, отважный артиллерист открыл меткий огонь. Одновременно с противоположной стороны улицы по перебегающей пехоте противника вел пулеметный огонь сержант Шилов.

В результате согласованных действий на стыке двух полков противнику не удалось зацепиться на западной окраине города. Все его атаки до 13 часов были отбиты. Потеряв 2 танка и 25 человек убитыми, враг залег в кустах в двухстах метрах от домов. В этом бою особенно отличились командир 647-го полка полковник Омельчук, его начальник штаба Баишев, офицеры Стебновский, Сабельников, Степанов, Батолин, Гайдуков и Лазарев. Они хорошо управляли вверенными им подразделениями, проявили мужество и отвагу, непосредственно участвуя в контратаках.

Не добившись успехов в первой половине дня, немецко-фашистское командование подтянуло дополнительные резервы и в 15 часов крупными силами пехоты и танков вновь перешло в наступление. Гитлеровцам удалось прорвать оборону. В западной части города на Холодной Горе завязались ожесточенные уличные бои. Умело используя местность и многочисленные постройки, наши бойцы из засад уничтожали бутылками с горючей смесью прорвавшиеся немецкие танки. Уличные бои не затихли и с наступлением темноты.

В то же время воины 300-й стрелковой дивизии отбили две сильные атаки фашистов из Безлюдовки в направлении восточной части города. 97-й немецкой пехотной дивизии не удалось прорваться в тыл наших обороняющихся войск. Атаки гитлеровцев были отбиты с большими для них потерями. Но и наши ряды значительно поределли.

В ночь с 23 на 24 октября вражеская артиллерия усилила обстрел города, авиация наносила бомбовые удары по восточным районам Харькова. От артиллерийского огня и бомбовых ударов авиации вспыхнули многочисленные пожары. В городе всю ночь не прекращалась ружейно-пулеметная и автоматная стрельба. Были слышны сильные взрывы в заводских районах Харькова.

В течение ночи наши войска, оборонявшие город, произвели необходимую перегруппировку. Было усилено южное направление в районе Основы. Подразделения Харьковского полка народного ополчения заняли оборону совместно с боевыми частями по восточному берегу реки Лопань.

Под утро пошел мелкий осенний дождь. Он продолжался весь день и следующую ночь. Облака низко опустились над городом, что затруднило действия вражеской авиации. Это значительно облегчило положение наших войск, не имевших достаточных средств борьбы с самолетами противника. Наша истребительная авиация почти отсутствовала на этом участке фронта, так как была переброшена под Москву и Ростов. Несмотря на то, что сил у нас было значительно меньше, чем у фашистов, воины продолжали оказывать противнику ожесточенное сопротивление.

С утра 24 октября бои возобновились с новой силой. Немецко-фашистские войска после артиллерийско-минометного налета перешли в наступление. Два пехотных батальона прорвали оборону полка народного ополчения и устремились по Речному переулку к площади Дзержинского. Бойцы-ополченцы, отстреливаясь, медленно отходили к парку Шевченко. Хорошо зная город, ополченцы внезапно появлялись из-за укрытий и наносили противнику большой урон. Группа бойцов под командованием А. Р. Кинаша пробралась в тыл к немцам и открыла сильный ружейно-пулеметный огонь по вражеской пехоте. Гитлеровцы, захваченные врасплох, растерялись и бросились бежать. В этом коротком бою пулеметчик-ополченец, коммунист Белостокский уничтожил расчет миномета и нескольких пехотинцев.

В результате стремительных и смелых действий наши воины вместе с ополченцами отбросили противника и вновь овладели площадью Дзержинского. Одновременно подразделения других стрелковых полков вели упорные бои в центре Харькова, мужественно защищая каждую улицу, каждый дом родного города.

В 16 часов немецким танкам и мотоциклистам удалось прорвать оборону и устремиться к Змиевскому шоссе и к площади Руднева. Для наших войск создавалась тяжелая обстановка. Сильно поредевшие полки отступили к востоку от поселка Основа.

Чтобы восстановить положение, был создан сводный отряд в составе двух рот 216-й стрелковой дивизии, одной роты полка народного ополчения, пятидесяти автоматчиков и четырех танков. Командование этим отрядом поручили решительному и смелому офицеру майору Баишеву.

Оставив часть отряда для прикрытия с запада, майор Баишев основными силами, поддержанными четырьмя танками, внезапной атакой во фланг прорвавшейся группировки смял противника. Уничтожив четыре вражеских танка, два орудия и около 50 мотоциклистов, отряд вновь овладел площадью Руднеза.

В этом бою погиб смертью храбрых майор Баишев.

Однако силы были далеко не равные. Неся большие потери, противник продолжал распространяться по всему городу. Наши войска с упорными боями отходили в восточном направлении и к утру 25 октября заняли оборону по восточному берегу реки Харьков — западнее хутора Шевченки — больница — Балашовский вокзал — хутор Федорцы.

25 октября противник смог возобновить свое наступление только в 12 часов дня. Захваченные нами пленные показали, что враг понес большие потери, особенно во время уличных боев. В ротах, имевших в начале октября 150—180 солдат, осталось по 25—40. Неоднократные атаки гитлеровцев не принесли им успеха. Наши войска продолжали прочно удерживать восточную окраину города и оставляли занимаемые позиции только по приказу командования. В 22 часа 30 минут 25 октября 300-я стрелковая дивизия получила приказ командующего 38-й армии генерал-майора В. В. Цыганова оставить занимаемые позиции и начать отход на Старый Салтов. Грунтовая дорога была настолько разбитой, что войска и повозки, запряженные двумя лошадьми, с большим трудом могли двигаться по грязи.

Ожесточенные бои на Харьковском направлении и за город, в которых противник понес огромные потери в живой силе и технике, закончились к исходу 25 октября 1941 года.

Наши солдаты и офицеры показали в этих боях высокие моральные качества, проявили массовый героизм, мужество и отвагу. Многие из них были награждены орденами и медалями. Советские воины приобрели богатый опыт, который был необходим для предстоящих сражений и полного разгрома гитлеровских захватчиков.

ЗА РОДИНУ!

К ХАРЬКОВУ РВАЛАСЬ 6-я армия гитлеровцев. Нам было приказано задержать ее не менее чем на месяц. Задержать, несмотря на то что в иных наших дивизиях оставалось небольшое число активных штыков, по 10—12 станковых пулеметов и несколько орудий.

Военный совет 38-й армии принял решение использовать истребительные отряды, сформированные из харьковских рабочих, для укомплектования своих частей и передачи им опыта в борьбе с танками противника.

В борьбу с врагом вступали партизаны. Иногда наши отряды действовали совместно с ними. И, безусловно, истребительные отряды не сделали бы и трети того, что они сумели сделать, если бы им не помогало местное население.

Помощь населения армии была многообразной, порой — совершенно неожиданной. Когда штаб армии стоял в районном центре Коломак, местные жители представляли нам сведения, характеризующие обстановку на нашем участке фронта.

В маленьком домике, где помещалась почта и сберкасса, у телефонного коммутатора дежурила Антонина, круглолицая, чернобровая женщина лет тридцати. Она знала телефонисток по всей округе... Однажды Антонина вызвала телефонистку другой деревни и спросила:

— Марийка, до вас немец пришел? Нет? Даю отбой.

— Пелагея Степановна, — говорила Антонина другой телефонистке, — это я, Тоня. До вас немец пришел? Да ну?... Одни мотоциклы? Сколько? Вовка сбегает посчитает...

Местная телефонная связь, как правило, не нарушалась. К ней обычно подключалась и наша, военная. Впрочем, этим пользовался и противник.

Как-то раз я услышал в телефонной трубке трудно различимый голос:

— Докладывает Рогачевский. Ни справа, ни слева нет соседей. Прошу сообщить, где они.

Просьба показалась мне странной. Что-то не похоже на опытного комдива Рогачевского. Вспоминая о действиях немецкой разведки во время боев в Дубно, я ответил:

— Явитесь туда-то, там узнаете о соседях.

Тотчас же я направил в названное место Петренко со взводом разведчиков.

Однако намерение немцев я не разгадал. Они, как видно, хотели только убедиться в том, что Военный Совет находится именно в Коломаке. И, убедившись, послали свои бомбардировщики. Одна из бомб угодила в здание школы, в наш штаб. Командарм Цыганов был ранен. В мою ногу тоже попал осколок. Положение усугублялось тем, что в штабе не оказалось медперсонала. Врач и медсестра несколько дней назад были тяжело ранены и отправлены в госпиталь.

Утром из медсанбата прибыла новая сестра, жена прокурора дивизии. И надо же... Во время бомбежки у сестры начались преждевременные роды. Женщина корчилась от боли, а кругом одни мужчины. Я пригласил Михаила Кучина. Прибежал никогда не терявший присутствия духа Миша, притащил свою «походную поликлинику», выпроводил всех из комнаты и принял мертвого ребенка...

Когда мы оставляли Коломак, Петренко договорился с телефонисткой Антониной о связи со штабом армии. Как это удавалось ей, трудно понять. Видно, гитлеровцам и в голову не приходило, что деревенская телефонистка аккуратно информировала советское командование о движении немецких танков. Последнее сообщение от Антонины мы получили в Мерефе. Петренко приказал ей немедленно пробираться к нам. И через несколько дней она появилась. Мы с Цыгановым подписали приказ о зачислении ее в армию...

В оборонительных сражениях наши дивизии и полки несли большие потери. Едва приходили новые части, их тут же бросали в бой.

Танковая бригада подполковника Бунтмана лишилась почти всех машин. Я выехал навстречу новой бригаде полковника Юрченко. На завтра танкисты должны были выступить на передовую.

Как только Юрченко сообщил о составе бригады, я спросил:

— Кто командует полком?

— Майор Сытник.

— Где он сейчас?

— В полку.

...Как в первый день войны, новенькие танки прячутся под ветвями.

— Где командир полка? — спрашиваю я у танкистов.

— Вон, — показывают мне на торчащие из-под машины, облепленные грязью сапоги.

— Товарищ майор, вас бригадный комиссар спрашивает.

Сытник не спеша вылезает из-под днища танка, оторопело смотрит на меня, бросает на землю тряпки.

Бригада идет на правый фланг армии в район Люботина. Туда, где дерется дивизия Меркулова.

Немецкие танки колонной движутся по дороге. Эту колонну атаковал полк Сытника. Первый удар наших средних и тяжелых танков разрушает вражескую колонну на три части, и с коротких дистанций мы расстреливаем вражеские машины.

Однако к немцам подмога приходит раньше, чем к нам. С грузовиков прыгают пехотинцы. Из леса выкатывается новая лавина Т-3 и Т-4. Но и к нам по целине спешит стрелковый батальон. Полы шинелей заткнуты за ремни. Сапоги по самый верх голенищ в грязи.

Из танка мне видно, как, размахивая пистолетами, командир и комиссар увлекают бойцов вперед. Но по раскисшему чернозему трудно идти в атаку. А тут еще пулеметы и минометы, установленные у врага на машинах. Батальон залег. Двое впереди поднялись и тут же упали.

Я слышу в наушниках задыхающийся голос Сытника: «Вперед!» Обе «тридцатьчетверки» срываются одновременно. Когда мы подходим к залегшей цепи, люк машины командира полка открывается. Сытник с наганом в руках соскакивает на землю. «Вперед, братцы!» И тут же падает, как подкошенный. Подбегаю к нему. Он едва слышно шепчет:

— Нога... нога...

Вместе с танкистами я втаскиваю Сытника в машину.

...Бой этот не принес нам удачи. От Люботина мы отступили к Харькову.

Под морозящим дождем люди с лопатами и кирками в руках строили оборонительные сооружения.

— Знаете, сколько людей работает вокруг Харькова? — спрашивает начальник инженерной службы армии полковник Кулинич и сам отвечает: — Сто тысяч!

С обеих сторон в дорогу упираются противотанковые рвы, траншеи, на дне которых вода.

Разбрызгивая жидкую грязь, подскакивая на ухабах, наша машина въезжает в узкие ворота каменных баррикад. Улица оцетинилась противотанковыми ежами и надолбами. Из зало-

женных мешками с песком полуподвальных этажей торчали «максимы».

Мое танкистское сердце замирает. Я вижу допотопные «рено», «виккерсы», танкетки «карден-лойд»... Харьковчане извлекли откуда-то эту устаревшую трофейную технику и превратили ее в неподвижные огневые точки.

Не Алексей ли Алексеевич Епишев, секретарь обкома партии, додумался до этого? Ведь он в прошлом танкист, учился в бронетанковой академии.

В кабинете Епишева дверь не успевает закрываться. Стол секретаря окружен людьми. Епишев отвечает одному, другому, снимает телефонные трубки. Кабинет пустеет лишь тогда, когда появляется Председатель Президиума Верховного Совета Украинской Республики Михаил Сергеевич Гречуха. Мы остаемся втроем. Епишев разворачивает на столе план города.

Меня поражают цифры, названные Алексеем Алексеевичем: десятки тысяч коммунистов и комсомольцев Харькова добровольно ушли в армию, а в народное ополчение — свыше 80 тысяч харьковчан.

Секретарь обкома говорит о сотнях тысяч голов эвакуированного скота, сотнях тысяч тонн вывезенного хлеба. Сотни эшелонов с людьми будут отправлены на восток.

Мне впервые столь осязаемо представляются масштабы невиданной переброски техники, продовольственных ресурсов, людей.

— Армия продержится под Харьковом еще десять дней?

Вопрос М. С. Гречухи выводит меня из состояния задумчивости.

— Армия продержится... Продержится больше.

Нам, военным, конечно, верят. Но лишний раз переспрашивают. Очень уж часто в сводках Совинформбюро мелькают названия оставленных городов. Армия обещала не отдавать ни пяди своей земли, а теперь отошла на сотни верст от границ...

— Да,— повторяю я,— больше десяти дней. Мы еще нигде не имели таких заранее оборудованных позиций.

— Харьковчане постарались,— соглашается Гречуха.

Потом речь зашла о партийном и комсомольском подполье, об отобранных товарищах, базах оружия, продовольствия.

— Кстати, секретарь подпольного обкома Бакулин сейчас здесь.

— Что ж, рад буду познакомиться,— сказал Гречуха.

В кабинет вошел высокий худощавый человек — Иван Иванович Бакулин.

- Как подвигается дело?
- Подбираем конспиративные квартиры, явки.
- Сами где будете жить? — спросил Гречуха.
- У профессора Михайловского.
- Надежен?
- Причин сомневаться нет.

Епишев глянул на часы:

- Митинг на тракторном. Как вы, Михаил Сергеевич?
- Обещал — поеду. Может, и член Военного совета с нами?

На митинге выступали люди с ввалившимися щеками и глазами, красными от бессонных ночей. Говорили, как лучше помочь фронту, об эвакуации. Когда митинг закончился, неожиданно слово попросила пожилая женщина, стоявшая возле трибуны. Она подошла к микрофону, развязала платок, опустила его на плечи. С первых же слов все насторожились.

— Никуда я не поеду. Все тут говорили верно. Надо, чтобы и народ на Урал, и машины. Мне отсюда хода нет. Свое дело, какое надо, и здесь сделаю.

На обратном пути я сказал Епишеву:

- Мобилизула бабка-то... да не в ту сторону.
- Интересно, что за дело она себе наметила? Секретарь парткома говорит: старая производственница, семья здешняя, хорошая семья, рабочая...

Вечером мне пришлось побывать на вокзале. Все пути, насколько видел глаз, были забиты составами.

У вагонов копошились дети. Из окон теплушек свешивались пеленки. Один старик, задыхаясь и кряхтя, взбирался на высокую подножку. На соседнем пути разгружался воинский эшелон. В освободившиеся вагоны вносили ящики с оборудованием. Потом началась очередная бомбежка. В канаве, где я оказался, спорили — восьмой это или девятый налет за день.

Когда умолкли разрывы и стихли тревожные гудки паровозов, люди стали энергично расчищать пути уцелевшим эшелонам.

В одном из паровозов, в еще дышавшей жаром топке, кочегар менял колосники. Он вылез оттуда в дымящейся одежде. На него вылили ведро воды. Кочегар набрал в легкие свежего воздуха и снова отправился в пекло.

С Холодной Горы просматривались многие кварталы города. Там росли новые баррикады, появлялись новые огневые точки. В казармах танкового училища расположилась наша опергруппа. На стенках — памятные каждому танкисту таблицы пробивной силы снаряда танковой пушки. На фоне аккуратно подстри-

женных елочек наступают «грозные» БТ-7 и от них в панике, с перекошенными лицами бегут вражеские солдаты...

А фронт все приближался к Харькову.

По улицам, забитым обозами, подводами, едем в ремонтно-восстановительный батальон. На него много жалоб: никакой помощи линейным частям, летучки на поле не высылаются, людей не добьешься.

То, что мне пришлось увидеть, превосходило самые худшие предположения. Батальон занимался чем угодно — даже за скромную мзду чинил самовары и керосинки — только не ремонтом танков. Сменили командира батальона, назначили подполковника Зиберова.

Большинство подбитых танков ремонтируется в цеху, оставленном по указанию обкома партии. На заводском дворе мелькают знакомые лица. В их числе Сеник с разводным ключом в руках. Мы не виделись с самого Нежина.

— У нас здесь весь полк. Переквалифицировались в ремонтников.

— Кто полком командует?

— Да все он же, майор Сытник.

— Неужто Сытник не в госпитале?

— Убежал. Сейчас разыщу его.

Сытник идет медленно, тяжело опираясь на палку. На нем повенький комбинезон.

— Как из госпиталя утек, во все новое обрядился, — широко улыбается Сытник. — Не мог больше в госпитале терпеть. Стал ночью ходить, тренироваться. А потом и вовсе ушел... Теперь здесь. Скоро технику получим и опять в бой. Заводские в полк просятся. Мы с ними занятия начали. Сеник старается. Он теперь комиссар батальона...

Фронт все ближе и ближе. Снаряды рвутся на топких берегах реки Уды. Но темп гитлеровского наступления несравним с летним. Не буду злоупотреблять цифрами. Приведу лишь несколько. В июне и начале июля германская группа армий «Юг» продвигалась в сутки на 20—22 километра. Во второй половине июля и в августе — 10—11 километров. В сентябре — 8—9, а в октябре на Харьковском направлении — 3—4 километра.

Конечно, радоваться особенно нечему. Противник, хоть и медленно, однако шел вперед, а мы отступали. И все-таки в явном снижении запланированных германским генштабом темпов — предвестие. В этом нельзя было не видеть катастрофы, неизбежной для немецких войск в Советской России.

Харьковчане создали для нас глубокоэшелонированную оборону и обеспечили армию боеприпасами. В день первой атаки

гитлеровцы сразу же угодили на подготовленные для них минные поля. Тут же ударила по заранее пристреленным рубежам наша молчавшая до поры до времени артиллерия.

Но не успела еще выдохнуться первая цепь атакующих, как пошли свежие роты. Немцы во что бы то ни стало хотели форсировать Уды.

У дороги оборонялся один из самых надежных наших полков — полк Иванова. Подполковник Иванов — старый пехотинец, участвовавший в финской кампании, — вынес свой наблюдательный пункт к первой траншее. Он терпеливо наблюдал, а в самую трудную минуту оставлял вместо себя заместителя по строевой части и рядом с комиссаром Серебряниковым шел с солдатами в атаку. Командир и комиссар показывали пример стойкости и мужества, были образцом честности и правдивости. Для меня Серебряников являлся, если можно так сказать, образцом комиссара. Впервые я увидел его, когда полк стоял в резерве. Окруженный бойцами, он сам показывал, как надо ползти по-пластунски.

Немецкие танки прорвались через Уды, миновали нашу первую траншею, выскочили на огневые рубежи 76-миллиметровой батареи лейтенанта Лабуса и после первых же выстрелов остановились. На них сзади бросились стрелки с бутылками горючей смеси: танки развернулись и подставили Лабусу свои меченные черно-белыми крестами борта.

Тем временем через Уды переправились немецкие пехотинцы. Ожившая первая траншея встретила их пулеметным огнем. Иванов и Серебряников подняли полк в контратаку. В грязи, у самой реки, завязалась рукопашная схватка. Артиллерия, наша и немецкая, умолкла. Затихли пулеметы. В огромном клубке на берегу не поймешь, где свои, где чужие. Только хрип, ругань, неожиданно громкие пистолетные выстрелы...

Потом тишина, и все как было утром: мы на левом берегу реки Уды, немцы — на правом. Тишина до восемнадцати часов. К этому времени тучи из синих стали серыми. Дождь кончился. Из-за туч вынырнули над передним краем нашей обороны немецкие бомбардировщики. Зенитный дивизион майора Калиновича, утром стрелявший по танкам, поднял стволы к небу. Легкой тенью пронесли над рекой наши истребители.

Севернее Харькова, в Дергачах, стоял резервный полк. Здесь же размещались курсы лейтенантов и курсы политруков. Людей было немало, но подразделения и части испытывали острую нехватку боеприпасов и не могли поэтому эффективно использовать боевую технику. Сейчас даже странно вспоминать тот «го-лод» на боеприпасы. А все объяснялось очень просто: огромные

оружейные склады находились вблизи границы, и многие из них эвакуировать не удалось. Некоторые же предприятия, производившие боевую технику и боеприпасы, эвакуировались на восток и еще не развернули производство на новом месте. Все это создавало трудности в ведении боевых операций.

У Дергачей, в междуречье Уды и Лопани, гитлеровцы нанесли свой очередной танковый удар. С севера, в обход нашей основной обороны, они хотели ворваться в Харьков. Об этой атаке мы узнали от секретаря обкома партии А. А. Епишева. Он сообщил, что фашистские танки продвигаются на Дергачи.

— Достоверно? Не паника? — спросил командующий армией.

— Абсолютно достоверно, сообщили из райкома.

— Ваш черед, — обратился Цыганов к подполковнику Бунтману.

Немецкие танки быстро, не встречая сопротивления, двигались нам во фланг. И вдруг сами получили фланговый удар.

Бригада Бунтмана, развернувшись, из-за леса ринулась в контратаку. Тяжелый батальон, который вел комиссар Галкин, навалился на транспортеры с пехотой и артиллерию, не дал противнику даже отцепить орудия от тягачей. Танки разбивали машины, сбрасывали их в реку, а бегущую пехоту расстреливали из пулеметов. Тем временем подошло два батальона, брошенные на север Меркуловым. Немецкая фланговая атака была сорвана. Но и бригада Бунтмана потеряла немало машин.

Ночью мы с Колядным поехали в дивизию Рогачевского, державшую оборону южнее Харькова, по левому берегу реки Уды. Здесь также попытка немцев ворваться в город сорвалась. В этих боях особенно отличился лейтенант Романюк. Еще накануне боя он пробрался с группой бойцов в тыл противника и поджег автомашины.

— Где сейчас Ромашук? — поинтересовались мы.

— В госпитале. Тяжело ранен... Пуля в живот попала.

— Ты про Салтыкова расскажи, — напомнил Рогачевскому комиссар дивизии Ганиев.

— Теперь он капитан, батальоном командует. Но все время его в немецкий тыл тянет. Сегодня гитлеровцы нащупали стык между нашей дивизией и соседней. Пока подтягивали пехоту, Салтыков с двумя ротами переправился на тот берег, вышел к огненным позициям немцев. Забросали их гранатами и на ура взяли. А потом из немецких пушек да по немцам.

После беседы направились с Ганиевым в полк, где комиссаром был опытный политработник Попов. Попова находим в батальоне, отведенном во второй эшелон. В просторной хате полно бойцов. У стола, рассчитанного на большую крестьянскую

семью, несколько солдат и комиссар полка. Наше появление смутило бойцов. Беседа возобновляется не сразу. Немолодой солдат в накинутой на плечи шинели, затягиваясь самокруткой, не спеша цедит сквозь желтые, прокуренные зубы:

— В армии никогда не служил. Был освобожден по болезни, белобилетчиком считался. А сейчас раз такое дело, сам пошел. Только чудно мне в армии. Взять товарища комиссара нашего.

Попов недоуменно смотрит на солдата.

— Он, комиссар-то, мне начальник, а по годам в сыновья годится. Я иных начальников так прикидываю: взял бы в сынонья или нет. Вот комиссара нашего взял бы. Смелый...

Попов покраснел, а боец как ни в чем не бывало продолжал:

— Я ведь правду говорю. Расчета у меня на лезть или какую хитрость нет. Был я солдат и солдатом останусь. Ну, может, к концу войны в ефрейторы выйду на потеху внукам... Но не за одну смелость комиссара в сыны взял бы. Разные смельчаки бывают... За душевность...

И вдруг без всякого перехода:

— Слушай, комиссар, приезжай после войны к нам в Орловскую. Председателем колхоза будешь, а то наш не очень голова. Захочешь, в семью свою приму...

Не пришлось старшему политруку Георгию Попову приехать на Орловщину. Я знаю его лишь по этой короткой встрече, по рассказу старого солдата и по песне, которую сложил сержант Егор Гуров в память о погибшем под Харьковом комиссаре:

Мы вместе с тобой в атаку ходили
По пашням, лугам и лесам,
И мы о тебе эту песню сложили,
Любимый, родной комиссар...

Ночевали в доме, где раньше помещалось какое-то учреждение. Столы с залитой чернилами канцелярской бумагой послужили нам ложем. В таких случаях за подушку у меня была стертая кожаная тужурка, которую надо так свернуть, чтобы к щеке приходился бархатный воротник.

Наутро меня и Калядина разбудил холод, пробирающий до костей. Грязь затвердела и теперь слегка похрустывала под ногами. Туманно, дымно, зябко. Утро началось спокойно. Только издали доносились редкие разрывы. Навстречу нам в ходах сообщения движутся поеживающиеся от холода, с темными лицами бойцы. Они жмутся к стенкам окопов, уступая дорогу, поднимают к плечам негнущиеся руки.

Неожиданно до нас долетают звуки баяна. Идем на эти звуки.

— Кто играет?

— Комиссар товарищ Ганиев. Он всегда так утром...

Подойти к Ганиеву невозможно. Окоп забит бойцами. Но лица их не так мрачны, как у тех, что попадались нам в начале пути.

— Великая штука баян,— говорит Калядин.— Ганиев — кладезь всевозможных добродетелей политработника. Кроме обычных, две уникальные: играет на баяне и знает татарский язык.

— Знание родного языка трудно считать добродетелью,— возражаю я.

— Это верно,— согласился Калядин.— Я к тому сказал о татарском языке, что не хватает у нас политработников, которые могут дельно поговорить с бойцами — башкирами, татарами, азербайджанцами, узбеками на их родном языке.

После завтрака гитлеровцы со свойственной им педантичностью начали артподготовку. Мы сидели на наблюдательном пункте Рогачевского. Снаряды подбирались все ближе. Стереотрубу пришлось снять. Когда ее поставили вновь, Рогачевский поманил меня. Я принял к окулярам. На северной опушке роши разгружались машины. Немецкая пехота накапливалась для атаки. Одни машины уходили, новые выезжали на опушку.

От стереотрубы было трудно оторваться.

— Не пора ли? — Рогачевский посмотрел на единственного среди нас человека в ушанке — полкового комиссара Жукова.

Не случайно на полкового комиссара поглядывали в это утро все находившиеся на наблюдательном пункте.

— В самом деле, Жуков, не пора ли? — присоединился я к Рогачевскому.— Уважь по старой дружбе, ведь мы с тобой десять лет тому назад вместе на курсах обучались.

Жуков рассмеялся.

— Чего не сделаешь для старого друга.— И он открыл зеленый ящик, покрутил ручку, поднял трубку, и сразу земля задрожала. Гул вырвался из недр ее, поднялся в небо, и оно вспыхнуло огненными полосами — от горизонта до горизонта. Гул перерос в грохот, несущийся с южного берега Уд, с опушки, на которой разгружались немецкие грузовики...

Недавно к нам в армию прибыла группа РС — восемь установок. Мы уже слышали о ней и раньше — «катюши» были без снарядов. Лишь пару дней назад получили несколько снарядов, которые мы и обрушили теперь на скопление пехоты противника. После этих залпов ни в тот, ни в последующие дни немцы уже не наступали на Харьков с юга. Остатки двух разбежав-

шихся полков, по-видимому, разнесли молву о «черной смерти», что караулит здесь каждого, кто только сунется.

А «катюши», укрытые брезентом, сделав свое дело, ушли. У них не было больше боеприпасов. Они не могли помочь истекающим кровью полкам Меркулова, защищавшим северо-западную окраину города. И противник ворвался в Харьков с севера. Начались бои за дома, улицы, площади. Гранаты и пули летели из окон, с балконов, из-за углов. Разбрасывали огненные струи рпачевые огнеметы.

Ефрейтор Назаров с ручным пулеметом залег за подбитым немецким танком. Едва гитлеровцы поднимались в атаку, он нажимал на спусковой крючок. Поди возьми его. А когда в магазинах не осталось ни одного патрона, залез в танк. Отодвинув убитого танкиста в черной пилотке, он стал вести огонь из пулемста. И опять к нему не подступишься.

Истекало время, намеченное имперским штабом для покорения России, для выхода к Волге, а фашистские полчища все еще топтались в Харькове. Западная часть города по Лопань — в руках гитлеровцев, в восточной шли ожесточенные бои...

Харьков был оставлен нами по приказу Ставки. Измотанные в неравных сражениях, наши части откатывались к Северскому Донцу. Однако и после ухода Красной Армии Харьков не стал мирным городом. Действовали группы диверсантов и разведчиков.

В начале ноября разведчики, выполнив задания, стали возвращаться в армию. От них мы узнавали много интересных подробностей. Однажды мне рассказали о пожилой работнице с Харьковского тракторного завода, той, которая не захотела эвакуироваться и пообещала «сделать свое дело» в родном Харькове (никогда не прощу себе, что не записал ее фамилию). Когда немецкие части проходили по Холодной Горе, она приоткрыла калитку своего дома, уперла приклад автомата в живот и отпустила указательный палец лишь после того, как диск ППШ совершенно опустел. Гитлеровцы растерзали эту женщину, и труп ее был выставлен на балконе с устрашающей надписью: «Так будет с каждым, кто поднимет руку на немецкого солдата». Но руку поднимали. Не прекращались убийства фашистских офицеров, диверсии на дорогах. Вместе с одной из групп разведчиков вырвался из Харькова летчик Герой Советского Союза Николай Соболев. Ему и многим другим попавшим в плен товарищам спасли жизнь врач Полина Кузьминична Давиденко и фельдшерицы Н. П. Протопопова и А. В. Поддубная. Женщины наладили «конвейер». Помогали пленным и заключенным бежать из лагеря, укрывали беглецов в городе, а потом на полводах с сеном отправляли через линию фронта. Гестапо неистов-

ствовало. На фонарях и балконах Сумской улицы были повешены десятки харьковчан.

Мы старались поддержать моральный дух населения всем, чем могли. По утрам на крышах домов, на тротуарах, во дворах люди неизменно находили сброшенные с самолетов листовки: «Бейте оккупантов, не давайте им покоя! Мы с вами, мы к вам вернемся, дорогие братья!». Под каждой листовкой, обращенной к жителям города, стояли две подписи — обкома партии и Военного совета нашей 38-й армии...

Мне хорошо запомнился путь от Харькова: залитые водой колеи, накренившиеся, севшие на дифер машины. Измазанные грязью шоферы суют под колеса доски, ветки, снопы соломы. Мотор натужно ревет, веером летит грязь, а машина ни с места.

Тощие лошаденки, упрямо опустив морды, тащат повозки, пушки. Они, эти жалкие, с ребрами наружу лошади да волы — единственная наша надежда. Если бы противник обрушился на нас, быть беде. Но гитлеровцы и сами в отчаянном положении. Они бросили на Харьков девять дивизий, которые вскоре оказались сильно потрепанными и обессиленными.

Разведчики приносят плаксивые письма и горестные дневники немецких солдат, в которых перечни убитых и первые признаки разочарования: «Могли ли мы полагать, что русский поход будет стоить таких жертв!»

Обескровленные германские дивизии тащатся по нашим следам. Их машины и пушки буксуют в тех же размытых колеях, что и наши.

Фронт замер по Северскому Донцу. В мокрую, вязкую землю понзаются лопаты.

Надо сосредоточиться, подвести черту под боями, которые вела армия от Днепра до Северского Донца, понять, чему мы научились и о чем забыли. Надо пайти то, что в политической работе называется основным звеном.

За героизм в боях за Харьков несколько сот человек получили ордена и медали. Появились первые гвардейские части.

Бездорожье, распутица, приближение зимы — все это усложнило материальное обеспечение войск.

Всем, чем мог, помогал наш друг — Харьковский обком партии, обосновавшийся в Купянске. А. А. Епишев приезжал к нам в штаб, бывал в частях. 24-ю годовщину Октября праздновали совместно: обкомовцы, командование, лучшие бойцы.

К середине декабря, когда дали себя знать холода, армия укрылась под накатами блиндажей и землянок. Фронт не всюду проходил по Северскому Донцу. Кое-где фашисты перебрались на наш берег и старались удержать, а то и расширить свои плац-

дармы. Особенно беспокойно вела себя 297-я пехотная дивизия гитлеровцев. Противостоящая ей дивизия Давыдова хлебнула немало горя.

— Будем фашистам капкан ставить, — сказал комдив.

Правее Давыдова стояла дивизия Пухова, левее — Рогачевского. Соседи должны были сосредоточить основные силы на флангах, соприкасающихся с Давыдовым.

На рассвете дивизия Давыдова двумя батальонами начала наступление. Немцы ответили сильными огневыми налетами, а затем перешли в контратаку. Наши батальоны отступили. Противник начал их преследовать.

Все разыгрывалось, как хотелось Цыганову. Ему тесно в узкой щели наблюдательного пункта. Несмотря на порывистый ветер, лицо командующего лоснится от пота. Он опустил бинокль, достал из планшета карту и приказал радисту:

— Вызвать Рогачевского и Пухова!..

Капкан захлопнулся с удивительной легкостью. Немцы о флангах не думали. Им и в голову не приходило, что мы отнажились на такое дело. Но когда дивизии Рогачевского и Пухова встретились, выяснился и наш просчет. Мы не знали, насколько у гитлеровцев первый эшелон удален от второго, и зажали кольцо прежде, чем в его горловину втянулся третий полк немецкой дивизии. Однако два пехотных полка и один артиллерийский были прочно окружены. Ночью фашисты пытались выскочить из котла. Они поднатужились, собрали в кулак артиллерию. Но наскочили на твердый, не желавший отступать заслон.

Через несколько дней газета нашей 38-й армии напечатала телеграмму: Военный совет Юго-Западного направления поздравлял «с достигнутой победой мужественных бойцов, командиров и политработников части Цыганова».

ПЕРОМ И ШТЫКОМ

НАЧАЛО ВОЙНЫ застало меня в поезде. Вместе с редактором газеты «Красное знамя» С. Симутиным возвращались мы с республиканского совещания. Прибыв в Харьков 22 июня, прямо с вокзала поехали в свои редакции. Там, на фронтах, протянувшихся от Баренцова до Черного моря, шли бои и лилась кровь, а в моем кабинете лежали областные газеты, со страниц которых веяло теплом ушедшего мирного времени.

Газеты сообщали, что днем состоится спектакль «Варвары» в постановке приехавшего на гастроли Московского Малого театра, а вечером будет показана пьеса «Без вины виноватые». В кинотеатрах шли фильмы «Песнь о любви» и «Высокая награда». Тысячи жителей собирались совершить загородную прогулку, куда их приглашали наши информаторы.

В понедельник, 23 июня, как обычно, газеты не вышли, а 24 июня на их страницах были помещены правительственные сообщения о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз и Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении». Вся вторая страница «Соціалістичної Харківщини» была занята корреспонденциями и информацией о митингах, прошедших на тракторном, электромеханическом и других заводах. Газета опубликовала выступления академика Г. Проскуры, писателя Ю. Смолича и скульптора А. Страхова. Они клеймили позором гитлеровских бандитов и призывали трудящихся отдать все свои силы на разгром ненавистного врага.

На третьей странице под общим заголовком «Кто с мечом придет на нашу землю, тот от меча и погибнет» публиковались корреспонденции с предприятий, из колхозов и советских учреждений, рассказывавшие читателям о трудовых подвигах рабочих и колхозников. Все выступления газеты были проникнуты чувством пламенной любви к Родине и Коммунистической партии, непоколебимой решимости советских людей отдать не только свои силы, но если потребуется, то и жизнь делу защиты свободы и независимости Отчизны.

25 июня областные газеты впервые публикуют сводку Главного Командования Красной Армии, а на следующий день — Совинформбюро. С тех пор сводка стала постоянным материалом, без которого газета не могла выйти из печати.

Журналисты в своих выступлениях писали о лучших образцах работы для фронта, рассказывали о массовом героизме советских воинов, формировании народного ополчения, об уходящих в действующую армию добровольцах.

Вскоре и многие работники редакции надели шинели. Добровольцем ушел на фронт литработник сельскохозяйственного отдела Сергей Борзенко, талантливый и оперативный журналист, получивший звание Героя Советского Союза за боевые подвиги. В военную газету ушел Миша Ройд, заведующий отделом партийной жизни и секретарь партийной организации, погибший вскоре на фронте. Он был чудесным журналистом, требовательным руководителем, человеком большой души.

Поредели ряды сотрудников и других отделов. В действующую армию были призваны заведующий отделом культуры Владимир Гавриленко, заведующий промышленным отделом Василий Руденко, литработник отдела писем Андрей Сирик, дежурный секретарь редакции Александр Царенко, фотокорреспондент Виктор Токарев. В народное ополчение ушел заведующий сельскохозяйственным отделом редакции Иван Литвин.

26 июня все областные газеты, в том числе и «Соціалістична Харківщина», вышли наполовину уменьшенным форматом. В начале июля прекратила свой выход областная комсомольская газета «Ленінська зміна». Оставшиеся в аппарате сотрудники двух областных редакций проводят большую работу по привлечению внештатных корреспондентов, литераторов, работников искусства, ученых. Страницы газет заполняются статьями и корреспонденциями партийных и советских работников, рассказами писателей и стихами поэтов, зарисовками и фотоснимками, отражающими трудовые будни и боевые подвиги нашего народа.

Вот со страницы газеты смотрят на читателя молодые лица. Это труженики завода маркшейдерских инструментов, вступающие в народное ополчение — В. Стяжков, Г. Абрамян, П. Королев, М. Лазоренко и другие. Народному ополчению посвящает свое стихотворение Терень Масенко:

Хто на правому фланзі високо
Підіймає над строем штики?
Наш стахановець — славий токар,
Чесний, відданий трудівник.
Він точив найдрібніші деталі
Так любовно, мов твір свій — різьбяр...
Хто засвоїв добірні сталі,

Той засвоїв стальний удар!
Він учора й сьогодні
Чистив зброю свою.
Ополченці народні
Не відступлять в бою!

В рассказе об огульчанских колхозницах Валковского района К. Гордиенко рисует волнующую картину женского движения за овладение техникой. «Мужчины ушли на фронт. Мы их должны заменить!» — говорили советские патриотки.

Академик Д. М. Синцов, заслуженный деятель науки И. Н. Буланкин, член-корреспондент АН УССР Л. М. Андреасов и другие в своих выступлениях одобряют соглашения СССР с Великобританией о совместных действиях против гитлеровской Германии. Народные артисты УССР А. Г. Крамов и Л. Н. Колобов, заслуженная артистка УССР А. П. Воропович и артист В. М. Аристов рассказывают о той помощи, которую оказывают работники искусства воинам Красной Армии.

В печати сообщалось о смелом налете советских партизан на Новоград-Волинск, Житомирской области, где возвратившийся помещик устроил бал для гитлеровцев. Этот эпизод послужил толчком к созданию коллективом театра музыкальной комедии спектакля «Последний бал», который рассказал зрителям об аналогичных событиях времен гражданской войны. Рецензии, опубликованные в печати, привлекли внимание харьковчан. И тысячи зрителей с увлечением смотрели спектакль, поставленный художественным руководителем М. Авахом и режиссером Н. Ивановым.

На страницах газеты печатались рисунки и плакаты художников В. И. Касияна и М. Г. Дерегуса. В одном из номеров «Соціалістична Харківщина» дала репродукцию картины А. Бублова, посвященной борьбе партизан в тылу врага. Под картиной было напечатано стихотворение:

Не дадим врагу покоя.
Ни травинки, ни зерна!
Чтобы знал он, что такое
Всемирная война.
Вспомним старую ссоровку:
Не впервые гадов бьет
Партизанская винтовка
Партизанский пулемет!

На страницах «Соціалістичної Харківщини» часто появлялись и фотоснимки с фронтов Отечественной войны. На одном из них военный корреспондент запечатлел бывших рабочих Харьковского завода им. Коминтерна, добровольно ушедших на

фронт и за образцовое выполнение задания командования награжденных орденами. Среди них были В. Панасовский, М. Радужный, Ф. Захарченко, С. Корольков.

В августе началось массовое движение за сбор средств в фонд обороны. Семизначное число 8012590 из дня в день появлялось на страницах газеты. Это был счет Госбанка, на который ручейками стекались деньги, золотые и серебряные портсигары, ложки, вилки, блюда и другие ценные вещи. 7 сентября в области состоялся массовый молодежный воскресник, в котором приняло участие 400 тыс. человек. Заработанные деньги — 4 млн. рублей — были переданы в фонд обороны страны. Газета широко освещала это замечательное патриотическое движение.

В эти дни журналисты работали с особым напряжением, работали и за себя, и за тех, кто ушел на фронт. Петр Резников, Антон Хижняк, Виктор Подольский, Борис Поверенный, Феофан Скляр и другие выполняли самые различные задания редакции. Они не только сами писали, но и шли на предприятия, в колхозы, совхозы, культурно-просветительные учреждения, учебные заведения и организовывали материалы внештатных корреспондентов.

Это были дни, когда на Харьков надвигалась непосредственная угроза фашистской оккупации. Во второй половине сентября началась эвакуация. Обком КП(б)У дал указание направить в тыл людей, без которых можно обойтись, и готовиться к изданию газеты в другом месте.

Октябрь принес с собой дождь и распутицу. Фашисты рвались к городу. Было ясно, что издание двух оставшихся газет — «Соціалістична Харківщина» и «Красное знамя» — в ближайшие дни станет невозможным.

В середине октября секретарь обкома партии А. А. Епишев сообщил мне, что бюро обкома партии решило перенести издание газеты в Купянск. Через два дня туда была направлена небольшая группа журналистов во главе с заместителем редактора П. Д. Резниковым.

Положение становилось угрожающим: на подступах к городу уже шли бои, а в типографии готовился номер газеты. Он вышел 21 октября. Это был последний номер газеты «Соціалістична Харківщина», изданный в Харькове в 1941 году.

Следующий номер, подготовленный небольшой группой газетчиков во главе с П. Д. Резниковым, вышел 22 октября в Купянске, когда мы еще были в Харькове и ждали особых распоряжений. 23 октября из редакции уже никто не уходил. Все было подготовлено к отъезду.

Утром 24 октября позволили и велели немедленно подъезжать к зданию обкома. Но в эту минуту не оказалось шофера. Он еще вчера отпросился на один час и вот уже прошла ночь, а его нет. Звоним в обком. Велят гранатой взорвать машину и идти с группой оставшихся товарищей во двор обкома партии. Жалко, ведь только недавно получили, совсем новенькая. Вышли во двор редакции и увидели возвращающегося с ночной прогулки изрядно подвыпившего водителя. Наконец выехали на площадь Тевелева и по Сумской направились к обкому, а оттуда по улицам, ведущим на Чугуев.

Погода была сырая. Осенние дожди вызвали распутицу и задержку движения по трассе Харьков — Чугуев. Дорога была забита грузовыми и легковыми машинами, телегами и тачками, огромным потоком людей, уходящих на восток с отступающими частями войск. К вечеру, когда уже совсем стемнело, мы добрались до Чугуева. С его окраин было видно яркое зарево пожаров. Гитлеровцы делали свое черное дело. Харьков горел.

Только на третий день после выезда из Харькова мы приехали в Купянск. С большой радостью брал в руки каждый из нас свежие номера «Соціалістичної Харківщини». Газета продолжала выходить. На ее страницах в первую очередь печатались сводки Совинформбюро и международная информация, сообщения с фронтов Отечественной войны и материалы, разоблачающие гитлеризм и его человеконенавистническую политику. Начали появляться и статьи о работе партийных и советских органов неоккупированных районов — Купянского, Двуречанского, Великобурлукского, Ольховатского, Боровского и части Изюмского, Савинского, Шевченковского, Волчанского, Печенежского и Балаклеевского. Корреспонденции и информации рассказывали читателям об организации помощи Красной Армии, о подарках для наших воинов, о сборе для них теплой одежды, о работе предприятий местной промышленности.

Органы связи, которые наладили свою работу после прекращения эвакуации, доставляли газету во все неоккупированные населенные пункты. На ее страницах печатались выступления партийных, советских и комсомольских работников, корреспонденции рабселькоров.

Вскоре обком КП(б)У дал указание готовиться к изданию газеты «Соціалістична Харківщина» небольшим форматом для населения оккупированных районов. Было решено печатать ее каждого 7, 17 и 27-го числа и с самолетов разбрасывать над Харьковом, захваченными гитлеровцами районными центрами и населенными пунктами, а часть тиража передавать партиза-

нам и подпольщикам, которые переходили линию фронта и вновь возвращались на временно оккупированную врагом территорию. Эту крошечную, любовно сделанную газету, которая несла нашим советским людям временно оккупированных районов последние известия, правду о положении на фронтах, о подвигах воинов и тружеников тыла, журналисты называли «Партизанкой».

На страницах «Партизанки» с предельным лаконизмом сообщалось о международных событиях и внутреннем положении нашей страны, о боевых буднях воинов Красной Армии и советских партизан, о жизни населения неоккупированных районов области. Газета страстно призывала наших людей, оказавшихся под фашистским игом, братья за оружие и беспощадно громить врага.

«Дорогие братья и сестры! — писала «Партизанка». — Беспощадно уничтожайте гитлеровских разбойников, помогайте красным воинам быстрее освободить Харьков, Чугуев, Богодухов и другие города и села Харьковщины». А вот некоторые заголовки газеты: «Товарищи харьковчане! Разворачивайте партизанскую войну против гитлеровских захватчиков!», «Отплатим фашистским извергам за кровь, слезы и смерть советских людей, за разрушенные села и города». Вверху, на самом видном месте, печаталось обращение: «Прочитай и передай другому».

7 января мы опубликовали новогоднюю речь М. И. Калинин. Немного увеличили тираж, отправили газету на аэродром, и крылатая птица увезла «Партизанку» в знакомые и близкие нам края. А вскоре летчик рапортовал: «Задание выполнено!». Газета была сброшена над Харьковом, Богодуховом, Чугуевом и над некоторыми сельскими населенными пунктами.

Конкретными фактами и примерами мы систематически разоблачали ложь фашистской пропаганды. На страницах «Партизанки» было напечатано сообщение о разгроме фашистских войск под Москвой, о зимнем наступлении Красной Армии на юге и другие материалы. Сообщая об освобождении Изюмского, Барвенковского, Лозовского, Петровского, Сахновщинского, Близнюковского, Савинского и Алексеевского районов Харьковской области, газета призывала население усилить борьбу против фашистских оккупантов, отрезать им пути отхода и уничтожать непрощенных гостей.

Однажды в редакцию пришел поэт Евгений Долматовский и принес свое чудесное стихотворение «Песня о Днепре». Нам оно очень понравилось. А через некоторое время стихотворение было положено на музыку. Новую песню исполнил в Доме куль-

туры небольшой хор Юго-Западного фронта. Она зазвучала как гимн, как боевой набат, звавший к борьбе с фашистской чумой:

Кровь фашистских псов пусть рекой течет,
Враг Советский край не возьмет.
Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.

Было решено перевести стихотворение на украинский язык и дать в большую газету, как мы тогда называли «Соціалістичну Харківщину», которая издавалась для населения неоккупированных районов, и в «Партизанку». Первый перевод мы сделали с помощью поэта М. Талалаевского, сотрудника армейской газеты. Ее аппарат находился в том же помещении и оказывал нам во всем большую помощь. «Песня о Днепре» была опубликована в газете «Соціалістична Харківщина» 17 февраля 1942 года.

Нужно было видеть, с какой любовью готовил наш коллектив каждый очередной номер «Партизанки». Всем хотелось дать в номер что-то интересное, сообщить нашим людям, находившимся по ту сторону фронта, о жизни в неоккупированных районах, о фронтовых эпизодах. Отлично удавалось это сделать, например, писателю Семену Сумному. Его рассказы «Подарунок діда Луки», «Кар'єра Никифора Ринді» и другие пользовались большой популярностью.

На страницах газеты часто появлялись корреспонденции и рассказы К. Косарика, К. Гордиенко, состоявшего в штате редакции, и других писателей. Заместитель редактора П. Резников, который с увлечением продолжал работать над своим романом «Селяни», или, как мы тогда шутя говорили, решал крестьянский вопрос, успевал писать и передовые статьи, и корреспонденции, и даже информации. Позже он был редактором Иркутской, а затем Херсонской областных газет, теперь — писатель. Ответственный секретарь редакции В. А. Подольский, он же секретарь партийной организации, был душой обеих газет. На его плечи ложилась основная тяжесть планирования. Успешно справляясь с этой работой, он вместе с тем выступал на страницах газет в самых различных жанрах. Свои статьи, корреспонденции, фельетоны В. А. Подольский обычно подписывал псевдонимом Чубенко. Посмеиваясь над его поредевшей шевелюрой, мы ему рекомендовали изменить псевдоним на «Лысеющий», а потом просто на «Лысенко». В. А. Подольский работал после войны ответственным секретарем редакции Николаевской областной газеты, он автор многих очерков, рассказов, фельетонов.

В редакцию часто приходили работники обкома и Купянского райкома партии, облисполкома и его отделов и приносили интересные материалы. Они тут же обрабатывались и готовились к печати.

В начале 1942 года по заданию обкома партии редакция газеты начала готовить тексты и издавать листовки для распространения в тылу противника. Листовки вместе с «Партизанкой» разбрасывались с самолетов и передавались партизанам.

В мае 1942 года в редакции царило приподнятое настроение: Красная Армия готовилась к освобождению Харькова. Готовились к этому и мы, газетчики. На редакционном совещании был тщательно продуман номер газеты, которая должна была выйти в день освобождения областного центра. Но, к сожалению, нам не пришлось реализовать свои замыслы. 15 мая на участке Изюм — Барвенково фашистская армия перешла в наступление и 24 июня захватила Купянск.

Издание газеты было перенесено в Двуречное. Здесь был подготовлен следующий номер. Но выпустить его так и не удалось. Немецкие войска приблизились к районному центру. Весь набор, шрифт, бумагу и другое типографское имущество пришлось погрузить в машину и направить в Петровку, где находился обком КП(б)У и облисполком. За этим селом мы закопали всю бумагу и подшивку газеты «Соціалістична Харківщина» за период с октября 1941 по июнь 1942 года.

Из Петровки мы переехали в Белолуцк, Ворошиловградской области, а затем отбыли в Энгельс. Отсюда одни были направлены в редакции газет различных областей, другие — в армейские и дивизионные газеты, а третьи с оружием в руках ушли на фронт.

Итак, мы расстались. Но каждый из нас пером или штыком продолжал сражаться против врага, вместе со всем советским народом ковал победу над ненавистным фашизмом.

•

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ГОД

У ТРУДЯЩИХСЯ ХАРЬКОВА вероломное нападение фашистской Германии на нашу страну вызвало глубокое негодование. Выступая на митингах, рабочие, служащие и инженерно-технические работники предприятий и учреждений торжественно клялись не жалеть ни сил, ни жизни в борьбе за разгром ненавистного врага. Эту клятву советские люди, беззаветно преданные своей социалистической Родине, выполнили до конца.

В начале Великой Отечественной войны я работал секретарем Ленинского райкома партии Харькова и одновременно был членом бюро горкома КП(б) Украины. Никогда не забуду, как самоотверженно, не считаясь ни со временем, ни со здоровьем, работали трудящиеся района, чтобы дать как можно больше продукции фронту и тылу. Нельзя забыть замечательных трудовых подвигов, которые совершали рабочие и железнодорожники в сентябрьские и октябрьские дни, когда шла интенсивная эвакуация предприятий и учреждений города.

Несмотря на частые бомбежки железнодорожных узлов, путей и заводов, железнодорожники продолжали грузить вагоны и формировать поезда, а рабочие оставались у своих станков.

3 июля 1941 года Коммунистическая партия и Советское правительство обратились к рабочему классу, колхозному крестьянству, советской интеллигенции с призывом: «Все для фронта! Все для победы!» Трудящиеся нашей Родины встретили этот призыв с огромным энтузиазмом. На митингах, проводимых партийными организациями на предприятиях, в учреждениях и в учебных заведениях, тысячи и тысячи харьковчан подавали заявления с просьбой зачислить их в ряды ополчения, послать в партизанские отряды или на фронт. Уже в первые дни войны в ряды народного ополчения записались десятки тысяч человек. Комиссаром ополчения района горком партии утвердил меня.

Во второй половине июля ополченцы приступили к военному обучению. Занимались они ежедневно по два часа после работы. Вскоре 12 000 ополченцев было направлено на сооружение

укрепленного района, который охватывал Зачепиловский район Харьковской области, Перещепинский район Днепропетровской области и один из районов Полтавской области.

В первые месяцы Великой Отечественной войны в Харькове по указанию ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У из числа ополченцев стали формироваться истребительные батальоны. На них возлагалась охрана мостов, железнодорожных путей, особо важных объектов, контроль за светомаскировочной дисциплиной, борьба с диверсантами, ракетчиками, светосигнальщиками, распространителями ложных слухов и шпионами. Истребительные батальоны осуществляли и ночное патрулирование.

Положение на фронте ухудшалось. По указанию горкома партии районы города приступили к комплектованию из ополченцев подразделений для защиты Киева. Из Ленинского района было отправлено несколько сот человек. После занятия фашистами Киева ЦК КП(б)У и правительство переехали в Харьков. Вскоре непосредственная угроза нависла и над нашим городом.

26 сентября бюро обкома партии приняло решение о посылке трудящихся на строительство вокруг Харькова оборонительных сооружений. Дивизия ополченцев нашего района, в которой к тому времени было 10 000 человек, трудилась в районе хутора Бугай и села Рогозянка. Одновременно развернулись работы по строительству укреплений на случай уличных боев в самом городе. Улицы покрывались противотанковыми рвами, дома превращались в огневые точки, началась подготовка к возведению баррикад.

Начальником сектора обороны Ленинского района, который протянулся от цементного до кирпичного завода, стал начальник танкового училища полковник Делаков. Комиссаром назначили меня. Через две недели Ленинский район, как и все районы города, был превращен в крепкий узел обороны. Не хватало лишь оружия.

Время шло.

Многие ополченцы добровольно и по призыву ушли на фронт. Некоторые были отправлены на защиту Киева, люди уходили и в партизанские отряды. Основная же часть ополченцев эвакуировалась со своими заводами. В конце сентября было решено, что для обороны города будет выставлен полк, а Ленинским районом, в частности, — один стрелковый батальон.

Ополченцев вооружили старыми винтовками и несколькими авиационными пулеметами, приспособленными для пехотного боя. Патронов не хватало. Батальон был хорошо снабжен лишь бутылками с горючей смесью. Бутылок население района собрало несметное количество. Горючей смесью их наполняли на

пищевых предприятиях. Терки и спички изготовляли предприятия местной и кооперативной промышленности.

Штаб нашего стрелкового батальона разместился в райкоме партии.

18—19 октября в городе уже были слышны звуки приближающихся боев. К 9-й больнице на Холодной Горе, которой заведовал профессор А. И. Мещанинов, потянулись легко раненные красноармейцы. Скоро стал ощущаться недостаток в перевязочных средствах и некоторых медикаментах. С согласия горкома партии заведующий горэдравтоделом тов. Сухарев организовал в больницах города сбор перевязочных средств. Они были переданы 9-й больнице.

21 октября 1941 года батальон занял в Залютино предназначенную ему позицию. Вечером этого же дня стало известно, что по приказу Верховного Главнокомандования наши войска должны оставить Харьков.

По указанию горкома партии днем 22 октября мы выехали из города. Позади нас раздавались взрывы — это подрывники уничтожали объекты, которые могли использовать фашисты. Мы оставляли родной город с болью в сердце, но каждый из нас твердо верил, что недалек тот час, когда Харьков станет снова советским.

ВМЕСТЕ С АРМИЕЙ

В ПЕРВЫЕ ДНИ Великой Отечественной войны возникла необходимость создать истребительные батальоны для борьбы с вражескими парашютными десантами. Всего на территории Харьковщины было организовано 45 таких батальонов численностью по 250—300 человек каждый. Руководила ими оперативная группа областного комитета партии.

Комплектование истребительных батальонов производилось из числа лиц, не подлежавших призыву в Красную Армию, работавших на предприятиях, в учреждениях и сельском хозяйстве. Командиров батальонов, их заместителей и начальников штабов рекомендовали районные комитеты партии. В течение месяца батальоны были подготовлены для успешной борьбы с вражескими парашютистами.

На вооружении истребителей были винтовки, ручные пулеметы, автоматы, бутылки с горючей жидкостью, а в батальоне Орджоникидзевского района имелась бронетанкетка, построенная во внеурочное время рабочими тракторного завода. Батальоны размещались в специально отведенных помещениях. Они имели телефонную связь с областным штабом. Для отряда, который круглосуточно дежурил в штабе, было организовано общежитие. Таким образом, имелась возможность в любой момент бросить отряд для ликвидации вражеских парашютистов.

Из числа добровольцев-комсомольцев и несоюзной молодежи в Харькове был организован также батальон истребителей вражеских танков. С личным составом этого батальона областной штаб проводил боевую и политическую подготовку, тактические занятия по уничтожению танков противника бутылками с горючей жидкостью. ЦК ВЛКСМ одобрил эту работу комсомольской организации нашего города. Впоследствии батальон, насчитывавший до 300 человек, выехал на фронт.

Бойцы истребительных батальонов задержали немало вражеских пособников. Беспощадно велась борьба с предателями, которые при появлении вражеских самолетов над промышленными районами подавали сигналы ракетами. Была, например, проведена ложная воздушная тревога. В воздух подняли само-

леты. Они были обстреляны трассирующими пулями, по ним вела стрельбу холостыми патронами зенитная артиллерия. К началу операции по всему городу были рассредоточены истребительные батальоны под руководством работников НКВД. Им удалось обезвредить почти всех сигнальщиков.

Истребительные батальоны являлись также базой создания партизанских и диверсионных групп для борьбы в тылу врага. Отряды добровольцев перебрасывались в тыл противника в Киевскую область.

С приближением фронта к Харьковщине большая часть истребительных батальонов была реорганизована в партизанские отряды. Командиры и комиссары отрядов прошли специальную подготовку. Весь личный состав принял присягу. Были установлены места пребывания отрядов в тылу врага, заготовлены в тех местах запасы боеприпасов и продуктов питания.

Примерно за месяц до приближения фронта к Харькову партизанские отряды ушли к своим базам. В ходе боев за Харьков истребительные батальоны в своем большинстве влились в части, оборонявшие город. Народное ополчение мужественно сражалось за родной Харьков вместе с воинами Красной Армии. Партизанский отряд Изюмского района под командованием тов. Сало, сформированный из истребительного батальона, отважно действовал в тылу врага, беспощадно уничтожал фашистских захватчиков.

ПРЕЗИРАЯ СМЕРТЬ

МНОГО ЛЕТ ПРОШЛО с тех пор, как мирный труд советских людей был прерван войной, но в памяти еще живы картины прошлого — героизм и отвага советских людей, грудью вставших по призыву партии и правительства на защиту своей Родины.

С чувством глубокого возмущения и гнева восприняли трудящиеся Червонозаводского района весть о вероломном нападении гитлеровской Германии. На митингах, прошедших на предприятиях и в учреждениях, рабочие и служащие поклялись, что они отдадут все свои силы и энергию для разгрома ненавистного врага. Особенно многолюдными были митинги и собрания на Основянском железнодорожном узле, одном из крупнейших предприятий страны, где трудилось более 1000 коммунистов. Железнодорожники поклялись отдать все свои силы фронту. «Победа или смерть — вот наш девиз, вот наше знамя, с этим знаменем мы победим!», — говорили они.

Труженики промышленных предприятий района отдавали все свои силы всепародному делу разгрома немецко-фашистских захватчиков, выполняли и перевыполняли свои производственные задания.

Самоотверженную борьбу трудящихся за победу над врагом возглавила районная партийная организация, в рядах которой насчитывалось свыше 5000 коммунистов.

Личным примером они воодушевляли людей на славные трудовые подвиги во имя защиты Родины.

По примеру москвичей и ленинградцев широкие массы рабочих и служащих района начали вступать в ряды ополчения, чтобы с оружием в руках отстаивать завоевания Октября. За короткий срок число ополченцев достигло нескольких десятков тысяч. Отряды ополчения создавались по предприятиям. Военное обучение они проходили после работы.

Командиром дивизии народного ополчения был назначен председатель райисполкома Н. И. Хованский, комиссаром — я. В со-

став штаба дивизии вошли секретари райкома партии тт. Беус и Тищевский, заместитель председателя райисполкома Б. Ф. Воликов и другие партийные и советские работники. Червопозаводский, как и все другие районы города, был превращен в сильный сектор обороны города. Начальником сектора обороны стал председатель райисполкома тов. Хованский.

Одновременно создавались оборонительные рубежи на подступах к Харькову. На рытье окопов и противотанковых рвов в Золочевский район было отправлено 10 000 человек.

Рабочие отряды, сформированные в основном из ополченцев и возглавляемые Б. Ф. Воликовым и Ф. В. Яременко, проделали большую работу по строительству укреплений в Золочевском районе.

Для создания линии обороны непосредственно вокруг Харькова в села Андреевку и Андреевку 2-ю выехало 6000 человек.

В грозные дни Великой Отечественной войны социалистическое соревнование на предприятиях приняло еще более широкий размах. Оно стало более действенным.

Особенно мощного подъема социалистическое соревнование достигло в июле—сентябре 1941 года. Трудящиеся нашего района, как и весь советский народ, успешно воплощали в жизнь призывы партии: «Все для фронта! Все для победы!» и «Фронт и тыл неотделимы!». Рабочие промышленных предприятий, служащие, железнодорожники самоотверженно трудились до последнего дня пребывания наших войск в городе.

В этой связи хочу более подробно рассказать о работе железнодорожников, перед которыми стояли ответственные задачи: обеспечивать четкое снабжение фронта всем необходимым и одновременно эвакуировать в тыл рабочих, служащих и их семьи, а также вывозить оборудование и материалы эвакуируемых предприятий.

В эти дни самоотверженно трудился коллектив локомотивного депо им. Кирова (начальник А. С. Кусенко, секретарь парторганизации М. Я. Бабайцев). Железнодорожники систематически перевыполняли задания по выпуску паровозов из подъемного и промывочного ремонтов. Не было ни одного случая задержки выдачи локомотивов под составы. Все локомотивы и имущество были своевременно эвакуированы.

Каждый рейс требовал от машинистов большого мужества: работать приходилось под огнем. Примером для всех служили коммунисты. Уже с первого дня войны машинисты П. В. Кузьмин и В. А. Безусый начали соревноваться за быстрое продвижение поездов. В октябре 1941 года они провели по 10 поездов. Ни вражеские бомбы, ни пулеметный огонь воздушных пи-

ратов не смогли преградить путь мужественным железнодорожникам. Благодаря находчивости и отваге паровозных бригад поезда были доставлены на конечные станции невредимыми.

Вспоминается такой эпизод. Противник быстро приближался к одной из фронтовых станций. Снаряды уже перелетали через служебное помещение, слышалась пулеметная стрельба. Со станции нужно было немедленно вывезти несколько эшелонов. Это поручили сделать машинистам тт. Кузьмину и Безусому. Ежеминутно рискуя жизнью, под непрерывно усиливавшимся обстрелом они начали быстро выводить поезда. Бесстрашные патриоты спасли жизнь сотен людей, вывезли тысячи тонн ценнейшего груза. Замечательное мужество проявил коммунист И. А. Выдренко. 20 октября он вывел из-под обстрела фашистов эшелон с боеприпасами со станции Куряж на станцию Основа. Рейсы машинистов тт. Кузьмина и Безусого, Выдренко — это замечательная страница героического труда советских людей в истории Великой Отечественной войны.

Бесстрашно водили поезда под огнем противника машинисты М. Н. Зигмунтов, С. И. Даманский, И. Г. Жуковенко, С. А. Маховский, И. П. Бойко и многие другие — коммунисты и беспартийные. С большим напряжением трудился коллектив станции Основа. Железнодорожники Основы не раз доказывали свою преданность Родине, делу Коммунистической партии. Отечественная война поставила перед ними ответственные задачи — своевременно формировать и отправлять поезда.

К началу Великой Отечественной войны вагонооборот на ст. Основа достиг 22 тысяч вагонов в сутки. Коллектив железнодорожников в трудных условиях, при строгом соблюдении светомаскировки успешно формировал и отправлял поезда, не допуская аварий и брака в работе.

Примеры отваги и мужества показывали диспетчеры И. С. Мысько, А. Н. Цымбалист, старший помощник начальника станции А. С. Филатов, секретарь партийного бюро М. Павлов и другие. Не раз им приходилось рисковать жизнью, чтобы не дать гитлеровцам поживиться социалистическим добром.

В годы войны железнодорожники Основы сэкономили за счет сокращения стоянки поездов тысячи вагоно-часов. Партийная организация во главе с М. Павловым сумела мобилизовать людей на выполнение боевых задач. Примеры героического труда, мужества и большевистской стойкости продемонстрировали и коллективы вагонного депо, дистанции пути и связи. Особенно отличались коммунисты: дорожный мастер А. С. Шалейко, старшая телефонистка А. Г. Проценко, главные кондукторы тт. Жолоб, Юрченко и другие.

Большую работу в дни войны проделал женсовет Основянского узла. Под руководством члена ВКП(б) А. Н. Фоменко активистки женсовета тт. Филатова, Велигодская, Молчанова, Яркова, Петрова, Склярова, Металиченко и другие бесперебойно доставляли горячую пищу стрелочникам, башмачникам, составителям поездов, не имевшим возможности пойти в столовую. Активистки женсовета провожали бойцов на фронт, встречали санитарные поезда, чинили обмундирование, стирали белье, заботились о детях фронтовиков и сиротах.

Железнодорожники Основянского узла активно участвовали в сборе средств на постройку танковой колонны. Всего было собрано 900 000 рублей наличными и на 30 000 рублей облигаций.

Большую организаторскую и агитационно-пропагандистскую работу среди коллективов узла проводили узловой партком станции Основа (секретарь Н. И. Гончаров) и первичные партийные организации станции, паровозного и вагонного депо, дистанции пути и связи. Коммунисты — агитаторы и пропагандисты — разъясняли трудящимся вопросы текущей политики, положение на фронтах, популяризовали опыт передовиков производства. Все это способствовало мобилизации коллективов на успешное выполнение заданий партии, правительства и военного командования по обеспечению своевременной и сохранной доставки поездов к месту назначения.

Партийные организации узла повседневно ощущали руководство и помощь политотдела Основянского отделения Южной железной дороги и Червонозаводского райкома КП(б)У. Систематически освещала боевые дела железнодорожников многотиражная газета отделения «Углевоз Донбасса», редактором которой был С. Н. Фоменко; редакция выпускала также «Боевой листок», в котором рассказывала о трудовом героизме, мужестве и отваге железнодорожников при исполнении своего служебного долга, обобщала опыт передовиков производства. После эвакуации предприятий и учреждений количество ополченцев в городе сократилось до минимума.

В начале октября на совещании в горкоме партии было решено, что Червонозаводский район выставит в формируемый для обороны ополченский полк роту связи. Эту роту создали из ополченцев междугородной телефонной станции. Мы покидали родной Харьков с твердой уверенностью в том, что скоро вернемся.

23 августа 1943 года вместе с частями Красной Армии партийный актив Харькова вступил в свой многострадальный город.

Харьковчане с огромной энергией принялись за восстановление разрушенного хозяйства и в короткий срок подняли свой город из руин.

НА ОХРАНЕ КОММУНИКАЦИЙ

В НАЧАЛЕ СЕНТЯБРЯ 1941 года, после захвата немцами Кременчуга и Полтавы и выхода противника на территорию Харьковской области, в район Валки — станция Искровка, была организована оборона на подступах к Харькову. Завязались упорные бои с противником. Его продвижение значительно замедлилось.

После того как враг занял железнодорожные и промышленные объекты к западу и югу от Харькова, войска НКВД, в которых я служил, были сосредоточены в городе и вокруг него. Они несли службу по поддержанию революционного порядка в полосе фронта.

Командиры частей войск НКВД были вызваны к секретарю ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко. Он предложил нам организовать оборону ряда объектов Харькова. На нас была возложена задача вести борьбу с вражескими парашютистами, которые могли появиться в лесах в районе Змиева, Изюма и Балаклеи.

Личный состав Харьковского полка под командованием подполковника Майбороды и бронепоезда, которым командовал капитан Турганов, а комиссаром был младший лейтенант Гольдфарб, совместно с частями Красной Армии успешно обороняли Харьковский железнодорожный узел, нанося немцам значительные потери. Наши части несли патрульную службу и взаимодействовали с истребительными батальонами народного ополчения. Фашисты пытались воздушными десантами захватить Изюм, Змиев, Балаклею, занять железную дорогу, разрушить мосты вокруг Харькова и парализовать боевые действия наших войск в этом районе, а также затруднить доставку боевой техники и войск на фронт и эвакуацию промышленных объектов и населения из города. Поэтому была усилена охрана мостов вокруг Харькова, организованы заградительные отряды по борьбе с десантами. Благодаря принятым мерам гитлеровцам не удалось захватить Изюм и Змиев, вывести из строя железную дорогу вокруг Харькова.

Примерно числа 20—21 октября бои шли на Холодной Горе, в Залютиню. Железная дорога на Мерефу и Белгород была захвачена немцами. Оставался один выход на Чугуев, который обстреливался противником. На Чугуевское направление и был брошен наш бронепоезд.

23 октября войска НКВД вместе с частями Красной Армии отступили в район ст. Лосево. Они отходили на Чугуев, Купянск, ведя ожесточенные бои за каждый железнодорожный мост. Немало храбрецов пало в этих боях. Многие командиры и красноармейцы были награждены орденами и медалями за отвагу и мужество. Особенно нужно отметить боевые действия бронепоезда в районе Новой Водолаги, Харьковского железнодорожного узла, станций Щенячье, Булацеловка, Коробочкино, в райцентре Шевченково. Малочисленные гарнизоны, имевшие к тому же ограниченные противотанковые средства, вступали в неравные бои с немецкими танками, поджигали их бутылками с горючей жидкостью и упорно отстаивали каждый объект.

Благодаря высокому боевому и моральному духу личного состава не было допущено ни одной диверсии на мостах и полотне железной дороги.

Благодаря четкому взаимодействию войск НКВД, истребительных батальонов и частей Красной Армии, а также активной помощи со стороны местных партийных и советских органов и населения удавалось своевременно обезвреживать небольшие воздушные десанты.

Особое внимание было обращено на охрану и оборону Харьковского железнодорожного узла. Вывод здесь из строя любого моста затормозил бы работу всего узла и нанес большой вред боевым действиям фронта в этом районе. Малочисленные гарнизоны обороняли свои объекты до конца, часто оставаясь в обороне даже после отхода частей Красной Армии, и вместе с подрыжниками выводили объекты из строя. Многие защитники мостов погибли, но так и не отступили ни на шаг.

Особенно отличились в боях младший лейтенант Зуев, комиссар полка Завелинский и его заместитель Перерва, помощник начальника штаба полка капитан Белоусов, начальник службы штаба дивизии Орлов и его помощник Пономаренко, помощник начальника штаба дивизии подполковник Водолазский, секретарь дивизионной партийной комиссии Таллановский, политработники Куликов, Приходько, командир бронепоезда Турганов, рядовые Коношенко, Мытник, Солопов, Гудим.

Кроме сбрасывания парашютистов и засылки в наш тыл шпионов, диверсантов и других своих агентов, фашисты старались использовать всякое отребье, отщепенцев и врагов социа-

листического общества. Наши войска совместно с истребительными батальонами при активной помощи партийных и советских органов вели решительную борьбу с подрывной деятельностью вражеских элементов.

В период наступления Красной Армии в 1943 году дивизия находилась вместе с частями Красной Армии и по мере продвижения вперед занимала освобожденные объекты, приводила в порядок подорванные и организовывала их охрану и оборону. Личный состав помогал восстанавливать разрушенное хозяйство, принял участие в уборке урожая в ряде районов области. Солдаты и офицеры наших частей наводили революционный порядок на освобожденной от фашистов территории.

ВСЕ СИЛЫ НА РАЗГРОМ ВРАГА

В ОТВЕТ на вероломное нападение фашистской Германии на нашу Родину трудящиеся Харькова, как и все советские люди, еще теснее сплотились вокруг Коммунистической партии.

Выполняя указания ЦК ВКП(б), Харьковская партийная организация провела работу по подготовке населения к противовоздушной и противохимической защите. Когда город подвергся бомбежкам и артиллерийскому обстрелу, принятые нами меры оправдали себя. Бомбоубежища и щели спасли жизнь тысячам людей.

Хорошо подготовленные аварийно-восстановительные службы работали четко, быстро, со знанием дела. Несмотря на частые бомбежки и вызванные ими большие разрушения, город до последнего дня получал электроэнергию, воду и пользовался транспортом.

Бойцы и командиры добровольных дружин и штатных команд — МПВО, Осоавиахима, Красного Креста и пожарных команд самоотверженно работали в самых трудных условиях. Во время бомбардировок, рискуя своей жизнью, они спасали людей и материальные ценности.

Дружинники день и ночь дежурили на наблюдательных вышках, крышах жилых домов и промышленных объектов.

Как-то в июле, во время одного из налетов фашистской авиации, площадь имени Тевелева и прилегающие к ней здания были буквально засыпаны зажигательными бомбами. Вспыхнули пожары. Группы самозащиты не успевали гасить бомбы. Стоило, однако, обратиться к людям, теснившимся у стен домов, с призывом о помощи, как многие быстро поднимались на крыши и вступали в борьбу с огнем. Несмотря на продолжавшуюся бомбежку, не располагая необходимым инструментом, они сбрасывали «зажигалки» на улицу. Вскоре пожары были ликвидированы.

С помощью населения удалось спасти от огня здания бывшего института физкультуры, общежития института железно-

дорожного транспорта, консерватории и бывшего института советской торговли.

Во время одного из первых массированных ночных налетов бомбежке подвергся район Московского проспекта. Разрушен был почти целиком квартал от площади им. Тевелева до Харьковского моста. На второй день, на восходе солнца, у уцелевшего магазина собралась большая толпа. В это время над городом появились самолеты. Фашистские стервятники пикировали на незащищенное население. Эта бомбежка вызвала в городе большие разрушения. Имелось много человеческих жертв. Была разрушена трамвайная линия, выведены из строя электросеть и водопровод. В восстановительных работах активное участие приняло население. Особенно самоотверженно трудились добровольные дружины предприятий района и железной дороги.

Население огромного города мужественно переносило все невзгоды и лишения. На заводах Киевского, Московского и Орджоникидзевского районов рабочие продолжали трудиться даже во время сильных налетов, когда вокруг бушевал огонь, рушились здания и гибли их товарищи. В то же время аварийно-восстановительные и другие добровольные дружины принимали все меры к быстрейшему восстановлению рабочих мест.

Бойцы добровольных дружин, воины Красной Армии, железнодорожники Харькова проявляли массовый героизм. На станции Основа скопилось до 3000 вагонов, в том числе вагоны с боеприпасами и боевым снаряжением. Об этом стало известно фашистской разведке. На исходе дня 18 октября над станцией появилась армада фашистских бомбардировщиков. Враг обрушил на станцию и прилегающие кварталы сотни бомб.

Рушились постройки, взрывались вагоны с боеприпасами, загорались цистерны с горючим. Из люков горящих цистерн взметнулись к небу гигантские языки пламени, осветившие станцию. Пользуясь этим, фашистские разбойники через каждые 1—2 минуты сбрасывали тяжелые фугасные бомбы. В этот бушующий ад ринулись наши славные дружинники и воины Красной Армии. Под взрывами бомб и снарядов они откатывали горящие вагоны, локализовали отдельные участки пожара, тушили бушующее огненное море, выносили убитых и раненых. Долго шла борьба с огнем. Люди, беззаветно преданные своей Родине, выстояли. Большая часть боеприпасов и заводского оборудования была спасена.

Оборонной работой постоянно занимались секретарь обкома КП(б)У А. А. Епишев, секретарь горкома партии В. М. Чураев, секретарь райкома партии А. И. Евсеев и другие.

Непосредственное руководство обороной работой осуществляли председатель горсовета депутатов трудящихся А. И. Селиванов, начальник горштаба МПВО майор А. И. Гильман, председатели облсовета и горсовета Осоавиахима, начальник школы ПВХО В. А. Онянова, председатель обкома Красного Креста, начальники служб МПВО. Усилиями этих людей личный состав служб и команд был подготовлен для действий в условиях угрожающего положения и в период непосредственного нападения.

Ярким примером проявления массового героизма советских людей, воспитанных партией, явилось вступление харьковчан в народное ополчение. Люди клялись, не жалея сил и самой жизни, громить ненавистного врага до полной победы.

Уже в первые дни июля 1941 года в ряды народного ополчения вступили десятки тысяч человек.

Вскоре создали штаб обороны и штаб народного ополчения. Все бойцы ополчения были объединены в отделения, взводы, роты, батальоны, полки и дивизии, которые входили в корпус народного ополчения. Партийные организации подобрали и назначили командный и политический состав. Началась ежедневная военная учеба. Военные отделы горкома и райкомов партии проделали большую работу по обеспечению ополченских подразделений учебным снаряжением. После трудового дня на заводах, фабриках, в учреждениях и учебных заведениях мужчины и женщины вливались в свои подразделения и приступали к военной подготовке. На площадях, где проводились военные занятия, часто можно было видеть, как марширует или выполняет упражнения с винтовкой пожилой профессор, видный научный работник или руководитель учреждения. Занятия с ополченцами проводили командиры, по каким-либо причинам не призванные в армию, а чаще всего старики, бывшие солдаты, получившие военную подготовку еще в царской армии.

За всю работу в дивизиях народного ополчения отвечали секретари райкомов, заведующие военными отделами и председатели райисполкомов. Необходимо подчеркнуть, что военные отделы райкомов партии по-настоящему возглавили всю работу по военной подготовке ополченцев, обеспечили им площадки и классы для занятий, снабдили бойцов и командиров оружием, снаряжением.

В связи с массовой мобилизацией населения на строительство оборонительных сооружений, эвакуацией предприятий вместе с рабочими, а также в связи с призывом военнообязанных в ряды Красной Армии число народных ополченцев значительно сократилось.

В сентябре 1941 года более 50 тысяч человек было вновь послано на строительство оборонительных сооружений вокруг Харькова. Продолжалась эвакуация предприятий, а с ними уезжали рабочие, инженерно-технические работники и служащие.

Оставшийся в городе полк народного ополчения был разделен на батальоны. Один из них предназначался для круговой обороны ХТЗ, а другой для обороны собственно Харькова по линии станция Залютино — Холодная Гора — Парк — Лесопарк.

Областной и городской партийные комитеты, райкомы партии и заводские партийные организации провели большую работу по изготовлению для народного ополчения некоторых видов вооружения. За счет внутренних резервов и частично с помощью проходивших воинских частей полк был вооружен винтовками, автоматами различных систем и бутылками с горючей смесью. Нам удалось снабдить полк танковыми и авиационными пулеметами, которые устанавливались на треноги и сошки. Ополченцы имели больше 100 таких пулеметов. Располагало ополчение 80 «орудиями». Это были стволы танковых пушек, к которым делались на заводах рамы, лафеты, кронштейны. На одном из заводов собрали 10 ранцевых огнеметов.

Готовя ополчение к обороне Харькова, мы всячески старались увязать и согласовать свою работу с воинскими частями, которые должны были защищать Харьков, но это не всегда удавалось, так как предназначавшиеся для этой цели части уходили на фронт, а им на смену приходили другие.

Незадолго до приближения немцев к городу бойцы ополчения были переведены на казарменное положение, а затем по согласованию с командованием воинских частей, оборонявших город, выведены на предназначенные им рубежи.

Часть полка, занявшая боевой рубеж на Залютино, приняла на себя первый удар немецких передовых отрядов и, взаимодействуя с частями Красной Армии, участвовала в оборонительных боях за город.

В районе Старого Салтова командный состав ополчения был оставлен в распоряжении штаба 38-й армии, а основная часть рядового состава ополчения влилась в соединения действующей армии.

Наряду с боевой и политической подготовкой бойцов народного ополчения партийная организация Харькова провела большую работу и по отбору добровольцев в партизанские отряды. Перед нами была поставлена задача добиться широкого вовле-

чения добровольцев в партизанские отряды, поэтому райкомы партии принимали заявления от желающих вступить в партизанские отряды и от ополченцев.

Желающих вступить в партизанские отряды насчитывалось очень много: в первичные партийные организации обращались с этой просьбой десятки тысяч человек. Секретари райкомов и заведующие военными отделами райкомов партии уже после проведенного отсева в первичных партийных организациях беседовали с десятками тысяч человек. В результате горком партии отобрал более 3000 человек.

Основная масса отобранных лиц прошла подготовку в отрядах, а часть — в специальной школе органов безопасности. Усилиями горкома и райкомов партии группы партизан, проходившие специальную подготовку, были экипированы, вооружены и отправлены по указанию соответствующих органов в тылы противника: первая группа — под Киев, а вторая — в районы Сумской и Харьковской областей.

Из числа лиц, подавших заявления о вступлении в партизанские отряды и в народное ополчение, было подготовлено 60 подрывников-партизан. Эта группа провела работу по установке мин различного действия. Часть подрывников-партизан оставалась в городе для диверсионной работы.

В заключение хочу особо отметить большую работу, проведенную военными отделами партийных органов. Военные отделы горкома и райкомов партии были непосредственными организаторами массовой оборонной работы.

НА БРОНЕПОЕЗДЕ

БРОНЕПОЕЗД на полном ходу мчался к станции Булацеловка. Чтобы окончательно подавить фашистскую батарею, которая там укрепилась, командир решил ударить по ней прямой наводкой. Это была очень смелая и рискованная операция. Предстояло прорваться сквозь оружейный шквал, каждую минуту могла взлететь на воздух заминированная железнодорожная линия. Сквозь амбразуры мы видели проносившиеся мимо телеграфные столбы с оборванными проводами, пылающий склад горючего, развороченные снарядами дома и огороды...

Влетев на станционные пути, бронепоезд открыл огонь. Немецкая батарея даже не успела дать залп. Она была уничтожена снарядами бронепоезда. Разбежались со станции напуганные гитлеровцы. Воспользовавшись замешательством противника, подразделения Красной Армии ударили во фланг отступающим немецким ротам, ворвались в районный центр Шевченко и в три соседних населенных пункта.

Это один из многих эпизодов летописи боев за Харьков, в которых принимал участие бронепоезд № 60, где я был комиссаром. Под Харьков бронепоезд попал после непрерывных боев, которые он вел от самой государственной границы. Его борта были испещрены глубокими царапинами, вмятинами, а в некоторых местах пробиты насквозь. Фашистские захватчики не раз чувствовали на себе меткие удары его четырех 76-миллиметровых орудий и двенадцати станковых пулеметов.

Командиром бронепоезда был высокообразованный боевой капитан В. Т. Турганов, которого еще до Великой Отечественной войны за отличные боевые действия против басмачей наградили орденом Красного Знамени. Бесстрашный командир находился все время на не защищенном броней паровозе, умело и без потерь выводил часть из зоны артиллерийского огня противника. Он лично руководил стрельбой орудий, добивался меткого огня, своим мужеством подымал дух личного состава.

Несколько дней мы во взаимодействии с 14-й танковой бригадой успешно вели бои в районе станции Новая Водолага. Бои

были ожесточенными. Населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Наших стрелковых частей на этом участке находилось мало, и после изгнания фашистов огневыми налетами танков и бронепоезда нам, к сожалению, не удалось надолго закрепить за собой освобожденные пункты. Немцы часто сбрасывали листовки, в которых называли нас фанатиками, идущими на бессмысленную смерть, поскольку, мол, остальные части ими уже разгромлены. Обещали нам различные награды за прекращение огня. Старший сержант, коммунист Ф. Д. Мытник, помощник командира взвода разведки и связи, редактор нашего боевого листка, в специальном выпуске высмеял коварство фашистов: «Вы пишете, что наш бронепоезд остался один в поле воин, что наше сопротивление бессцельно. Брешете! Наши силы неисчислимы. В сердце каждого советского воина горит священный огонь ненависти и мести к вам, извергам человечества... Смерть немецким захватчикам!...»

Вспоминается случай, свидетельствующий о крепкой спайке между воинами Красной Армии, готовности жертвовать собой, чтобы выручить товарища.

Огнем противника под Новой Водолагой был поврежден наш истребитель. Он произвел вынужденную посадку между советскими и немецкими позициями. Летчик стал пробираться в ближайший лесок. Его окликнули наши разведчики и привели на бронепоезд.

Утром мы с группой красноармейцев поехали на полуторке в район посадки самолета. Автомашину оставили неподалеку в лощине. Воспользовавшись туманом, мы под артиллерийским огнем противника ползком добрались к самолету. Зацепив его веревками, стащили в лощину, а затем привязали к автомашине, отвезли на стапцию Новая Водолага. Там разобрали и погрузили на платформу бронепоезда.

Особенно смело и отважно действовали в этой операции бойцы бронепоезда Некрасов и Гудим, а также милиционер станции Новая Водолага Семикрасов, показавший нам скрытые пути подхода к местонахождению самолета. Вместе с нами находился и летчик поврежденного самолета — лейтенант Бирюков из 6-го истребительного авиационного полка, базировавшегося в Харькове.

23 октября 1941 года бронепоезд занял позицию для защиты Харькова. Весь день он вел огонь по немцам, рвавшимся к городу по Комсомольскому шоссе, периодически выдвигался на открытую позицию и прямой огневой наводкой поражал противника. Разведчики сообщают: «Разгромлены две батареи фашис-

тов. Противник выставил новые три батареи...» Подаются команды: «Прицел... трубка... огонь!»

Разведчики из далеко выдвинутого и хорошо замаскированного наблюдательного пункта докладывают по телефону: «По шоссе движутся немецкие танки». Залп по шоссевному мосту, что впереди танков. Мост взорван. Продвижение противника приостановлено. Огонь переносится на его технику. Наблюдатели сообщают: «Два танка подбиты, остальные повернули назад»...

Противник понес крупные потери в живой силе и технике. Но оставаться дальше в городе было опасно. Командование отдало приказ оставить Харьков. Другие бронепоезда уже были выведены из боя и ушли в направлении Чугуева. Для нас оставили одну линию. В это время к позициям бронепоезда подошла оперативная группа штаба одного полка. Его командир заявил, что два батальона попали в окружение, понесли большие потери, кольцо вокруг них все теснее смыкается. Нас просили оказать помощь.

Командир бронепоезда капитан Турганов отдал приказ двум броневикам, которые до этого защищали наши фланги, и десантной группе занять железнодорожные мосты в тылу и следить за тем, чтобы просачивающиеся автоматчики противника не взорвали железнодорожную линию, по которой мы действуем. Взвод разведки и связи был направлен в расположение стрелкового батальона, который вел кровопролитный бой. Мы открыли артиллерийский огонь. Это приободрило воинов стрелковой части. А немцы, неся потери от нашего огня, ослабили натиск. Полк начал перегруппировывать свои силы. Но возникла новая угроза. Противник направил по шоссе, параллельному железнодорожной линии, колонну танков. Огонь по ним с закрытой позиции был неэффективным.

«Полный вперед!» — скомандовал капитан Турганов. Быстро вылетаем из ложины на открытую позицию и разгорается ожесточенный бой. Уничтожены четыре танка противника. Остальные повернули вспять.

Гитлеровцы обрушили на нас шквал огня. Осколки снарядов с визгом бьют по броне. Мы уходим на закрытую позицию. Но вот сообщают: «Немцы подтягивают мотопехоту!» Снова выходим на открытый бой. Из полка передают: «Вашим огнем уничтожено и рассеяно свыше трех рот противника. Продвижение мотопехоты приостановлено. Вырываемся из кольца. Прикройте отход». Бой снова разгорается.

С острой болью в душе оставляли мы Харьков. Но мы уходили с глубокой верой в то, что скоро вернемся.

В боях за освобождение родной Харьковщины закаленный личный состав бронепоезда провел много и других удачных операций.

Замечательными по тактическому маневру и смелости были бои за станцию Булацеловка. В феврале 1942 года станцию захватила переброшенная с острова Крит свежая эсэсовская дивизия, рвавшаяся к городу Купянску, важному железнодорожному узлу, через который тогда снабжался Юго-Западный фронт. Бронепоезд охранял железнодорожный мост через реку Северский Донец. По селектору нам передали приказ: установить связь с командиром 199-й дивизии и помочь ей оторваться от противника до подтягивания новых частей. Мы должны были ворваться в глубь позиции немцев на 12 километров, захватить станцию Булацеловка и отвлечь на себя огонь противника. Это было тем более рискованно, что дивизия не могла выделить свои силы для охраны пути, по которому мы собирались действовать. Но командир бронепоезда Турганов, как обычно, спокойно рассуждал: «Навязать свою волю противнику — главный залог успеха. Самоуверенные немцы не закрепляют свои позиции, лезут напролом. Их нужно ошеломить внезапным ударом. Но для этого нужна высокая доблесть всего личного состава бронепоезда». Обратились, как обычно, прежде всего к коммунистам, а через них ко всем воинам. Командир бронепоезда собрал командиров бронеплощадок, взвода разведки и связи: старшего лейтенанта Коношенко, лейтенанта Кривобока, старшину Казакевича. Каждый понимал, какая опасная операция нам предстоит, но никто не дрогнул, все рвались в бой.

Мы совершили несколько огневых налетов на станцию. Особенно удачным был первый. Фашисты ничего подобного не ожидали. Они в страхе выскакивали из станционных помещений, а мы их расстреливали прямой наводкой из орудий и пулеметов.

Противник сконцентрировал против нас огонь нескольких батарей. Турганов, выглянув из командирской рубки, рассуждал вслух: «Сволочи! Не научились стрелять. Действуют точно по наставлению, а своего ума — капля. Мы их сейчас проучим...»

Последовала команда усилить огонь:

«Первая бронеплощадка, весь огонь на батарею слева!»

Наблюдатели докладывают: «Вражеская батарея слева подавлена. Сектор обстрела по батареям справа из-за домов плохо обозрим».

Турганов спокойно продолжает: «Наконец переходят на поражение. Теперь — тикать... Полный назад!.. Наблюдателям засечь позицию для нового огневого налета против батарей справа!»

Умело маневрируя, Турганов своевременно выводил бронепоезд из-под огня, выбирал каждый раз новые удобные позиции для уничтожения целей. Расчет был на использование всех преимуществ бронепоезда: его способность быстро скрыться и сразу появляться на новом участке, малый откат его орудий и меткий огонь. Пока полевая артиллерия противника перестраивала свой огонь, мы ее поражали.

Наши броневики прикрывали железнодорожный путь от немецких автоматчиков. Личный состав броневика под командованием сержанта Стеценко, в расчет которого входили водитель красноармеец Басула и башенный стрелок красноармеец Некрасов, настолько увлекся преследованием немецких автоматчиков, что достиг деревни Огурцовка, завязал там бой с вражеской ротой, расстреливая ее из 45-миллиметровой пушки и пулемета, и помог частям 199-й дивизии занять этот пункт.

После седьмого огневого налета бронепоезда ответного огня со стороны противника не последовало. Наши разведчики доложили: фашисты оставляют станцию и районный центр Шевченко. Мы послали им вдогонку несколько «гостинцев». Особенно отличились в этом бою артиллеристы Коношенко, Бессарабов, Ваганов, Судаков, Солопов, Орлов; пулеметчики Бурмистров, Гайриев; артиллерийские разведчики Казакевич, Мытник, Гудим, Некрасов и другие.

После освобождения станции усталые, но ободренные победой, мы выскочили из узких башен и проходов бронепоезда на свежий воздух. Остались только дежурные. Весь остальной личный состав помог взводу разведки и связи занять районный центр Шевченко. Местное население со слезами радости встретило освободителей. Они рассказали, что немцы называли нас «панцирьфанатиками», заявляли, что мы, мол, воюем не по правилам...

Подоспели подразделения 199-й дивизии. Вместе освободили мы и ряд других населенных пунктов. Совинформбюро сообщило, что бронепоезд, командиром которого является капитан Турганов, совместно с Н-ским соединением освободили районный центр Шевченко, станцию Булацеловка, Огурцовку и ряд других населенных пунктов.

А в это время бронепоезд уже мчался по новым железнодорожным путям. Наблюдатели зорко всматривались в горизонт, а расчеты орудий ждали боевой команды.

СВОЙ ДОЛГ ВЫПОЛНИЛИ

ШЛИ ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ Великой Отечественной войны. Наши войска с упорными и тяжелыми боями продолжали отступать. Обращение Коммунистической партии и Советского правительства по радио к населению с призывом создавать партизанские отряды для борьбы в тылу врага и части народного ополчения для организации сопротивления фашистам, рвавшимся в глубь нашей страны, вызвало у трудящихся Орджоникидзевского района, как и у всех советских людей, небывалый подъем.

На митингах рабочие и служащие заводов заверяли нашу партию и правительство, что во имя победы над озверевшим врагом они готовы на любые лишения и трудности. Здесь же после митингов трудящиеся подавали заявления с просьбами о посылке их добровольцами на фронт или о зачислении в партизанские отряды и ополчение.

Как и всегда в трудные для нашей страны времена, впереди шли коммунисты и комсомольцы. В ряды ополченцев вступили все коммунисты и комсомольцы района. Многие из них ушли добровольцами в ряды Красной Армии и в партизанские отряды.

На заводах митинги проводились в трех сменах. К утру 4 июля по району вступило в ополчение 7000 человек. Около 500 человек изъявили желание уйти добровольцами на фронт.

8 июля 1941 года запись в ополчение была окончена. За пять дней в ряды ополчения вступили тысячи трудящихся района.

По указанию горкома партии начальниками ополченских дивизий назначались председатели райисполкомов, а комиссарами первые секретари райкомов партии. Таким образом, комиссаром ополчения Орджоникидзевского района стал я, а командиром — тов. Евглевский.

О любви советских людей к своей Родине, об их горячем стремлении быстрее разгромить фашистские орды свидетельствует тот факт, что в ополчение записалась четвертая часть населения. С середины июля ополченцы приступили к военным

занятиям по сточасовой программе, разработанной горкомом партии.

Вскоре ряды ополчения поредели. В конце июля район направил на рытье окопов и прогивотанковых рвов на линию Перещепино—Зачепиловка—Полтава свыше 5000 человек. Ополченцы выехали на работу со своими тракторами, автомашинами и бульдозерами.

По указанию горкома партии наш район послал на защиту столицы Украины Киева батальон из 200 человек. Комиссаром батальона был назначен редактор многотиражной газеты станко-строительного завода тов. Солонецкий. Батальон участвовал в боях за Киев. На фронте его так и называли — батальон имени Орджоникидзе.

В сентябре по решению бюро обкома на строительство оборонительных рубежей на подступах к Харькову наш район отправил 2000 человек. Ополченцы работали в селах Замостье и Задонецком. Несколько позже они приступили к укреплению второго пояса обороны города, проходившего по линии Мерефа — Жихарь. Сюда прибыло из района еще несколько отрядов ополченцев. Это была наиболее мощная линия обороны. Защитники города обнесли окопы двумя рядами проволочных заграждений, установили противотанковые надолбы. Заводы района изготовили около 2000 металлических ежей.

В августе район приступил к эвакуации предприятий и населения. Эта работа проходила в чрезвычайно сложной обстановке, так как железнодорожная линия, проходившая через район, очень часто подвергалась бомбежкам. Нередко фашисты совершали по 4—5 налетов в сутки. Пренебрегая опасностью, рабочие заводов и железнодорожники трудились до изнеможения, чтобы как можно быстрее отправить в тыл ценнейшее оборудование, сырье и материалы. Об огромных масштабах работ по эвакуации красноречиво свидетельствует тот факт, что только с тракторного завода были отправлены на восток тысячи вагонов с оборудованием. Несмотря на ежедневные бомбежки, рабочие, еще остававшиеся на заводах, продолжали трудиться у станков, а эвакуирующиеся с оборудованием день и ночь грузили вагоны. 20 октября 1941 года со станции ушел на восток последний эшелон.

На ХТЗ по указанию секретаря обкома КП(б)У А. А. Епишева и секретаря горкома партии В. М. Чураева была организована мастерская по ремонту танков. Последний танк был отремонтирован и отправлен в часть вечером 22 октября, но рабочие оставались в мастерских до последнего дня, оказывая помощь воинским частям.

В один из тревожных октябрьских дней на ХТЗ приехала группа работников горкома партии. Их интересовал вопрос, чем может завод помочь ополчению города. Они осмотрели два одетых в броню учебных трактора, которые использовались на районных осоавиахимовских учениях. Собравшиеся у машины ополченцы-осоавиахимовцы посоветовали установить на них пулеметы, обшить еще один трактор броней и организовать на заводе танковый взвод. Это предложение было принято. Так возникла мысль использовать обшитые броней тракторы в качестве огневых точек. Завод дал около 100 таких тракторов.

Военная обстановка ухудшалась. Харьков стал фронтовым городом. После эвакуации основной массы предприятий района в рядах ополчения осталось несколько сотен человек.

Числа 18—19 октября А. А. Епишев провел последнее совещание с секретарями обкома, горкома и райкомов партии, на котором было решено вывезти железные ежи и громоздкое негодное оборудование заводов на основные городские магистрали для строительства баррикад. В течение 20—21 октября наш район был превращен в узел обороны, опоясан окопами, проволочным заграждением; улицы покрылись баррикадами. В некоторых местах, особенно удобных для прохода фашистских танков, установили ежи и надолбы.

21 октября из города стали доноситься звуки сильных взрывов. По телефону я узнал, что есть приказ Главного командования об оставлении Харькова и что сейчас подрываются некоторые объекты, которые немцы могут использовать в войне против нас.

К вечеру 22 октября взрывы в Харькове прекратились. 23 октября с утра из города снова стали доноситься взрывы. Вскоре мы узнали, что наши ополченцы во взаимодействии с частями Красной Армии ведут бой с ворвавшимися в город фашистами. Поздно ночью гул, доносившийся из города в течение всего дня, стих. Над Харьковом фашистские самолеты непрерывно сбрасывали осветительные ракеты. В полдень 24 октября нам стало известно, что немцы вступили в город. С тяжелым чувством покидали мы родной город. До боли обидно было за все наши военные неудачи. Но мы верили, что военные успехи фашистов — явление временное.

16 февраля 1943 года части Красной Армии вновь вступили в Харьков. С ними вошли в родной город и партийные работники.

Вновь закипела работа. В тыл эвакуировались раненые воины и население, которому в период оккупации пришлось испытать муки голода и холода. Быстро налаживалась работа пред-

приятий пищевой и кооперативной промышленности. Военкоматом была оказана помощь в призыве в ряды армии молодежи очередного возраста.

В период нового наступления фашистов на наш город харьковчане вновь собрали несколько сот ополченцев и вместе с частями Красной Армии вели бои с врагом в районе паровозостроительного завода. В число ополченцев входило 150 человек из Орджоникидзевского района.

16 марта фашистам удалось вновь занять Харьков, но уже не надолго.

23 августа 1943 года части Красной Армии освободили город. Вместе с бойцами в Харьков вошла оперативная группа партийных работников обкома и горкома партии.

Под лозунгом «Все для фронта! Все для победы!» еще совсем малочисленная городская партийная организация подняла трудящихся Харькова на восстановление разрушенного хозяйства и направила их усилия на всемерную помощь фронту.

ВРЕМЯ ТЯЖЕЛЫХ ИСПЫТАНИЙ

В ПЕРВЫЕ ЖЕ ДНИ войны ряды работников горкома и райкомов сильно поределели — люди уходили на фронт. Мне, как секретарю горкома КП(б)У по пищевой промышленности и как секретарю первичной партийной организации аппарата горкома партии, было поручено заниматься целым рядом вопросов военного характера.

Надо было обеспечить выполнение предприятиями заданий по выпуску военной продукции при обязательном выполнении плана производства общей продукции, повысить революционную бдительность на всех участках работы, подготовить базу для ремонта военной техники, добиться более четких действий МПВО.

Осуществлением всех военных мероприятий в городе повседневно руководила оперативная группа, в которую вошли Г. С. Боровлев, А. Н. Бровкин, В. Б. Гливенко, В. Н. Каверин, Н. И. Клименко, А. И. Смирнов, В. М. Чураев и я.

Работу партийных органов необходимо было строить так, чтобы обеспечить всемерную помощь военным органам в решении задач, поставленных перед ними партией и правительством.

Дел у всех горкомовцев было по горло. У секретарей горкома партии рабочий день начинался на рассвете, а заканчивался поздно ночью. Они поддерживали непосредственную связь с промышленными предприятиями, воинскими частями, военкоматами, МПВО, госпиталями, народным ополчением, истребительными батальонами, аварийно-восстановительным полком, милицией, пожарными командами, организациями Красного Креста и Осоавиахима. Бесчисленное множество возникающих в этих организациях вопросов необходимо было решать сейчас же.

На каждом предприятии, в каждом учреждении города в те дни царил огромный трудовой и политический подъем. Трудящиеся Харькова, как и всей страны, выражали непреклонную готовность довести войну до полной победы над фашистской

Германией. Уже в первых числах июля ежедневно на имя партийных организаций поступали от рабочих, инженерно-технических работников, служащих и студентов тысячи заявлений о зачислении их в ополчение. А сколько харьковчан ушло добровольцами на фронт! Это были люди самых мирных профессий — слесари и токари, каменщики и плотники, инженеры и техники, учителя и библиотекари, кузнецы и связисты, санитарки и медицинские сестры. И в первых рядах патриотов, добровольно ушедших на фронт, было около 10 тысяч коммунистов и комсомольцев.

Партийные организации разоблачали ложь вражеской пропаганды, создавшей миф о непобедимости гитлеровской армии. Наши агитаторы, докладчики вселяли в народ твердую уверенность в том, что врага ждет на советской земле неминуемая гибель.

Партийно-политическая работа, проводимая партийными организациями города, дала свои положительные результаты. Трудящиеся Харькова мужали. Горечь временных поражений на фронте стала переноситься стойче. Люди трудились на предприятиях еще более производительно.

В наиболее тяжелые дни, когда город содрогался от взрывов вражеских бомб, люди уже не бежали в убежища, как при первых бомбежках, а, несмотря на непосредственную опасность, бесстрашно стояли у станков, сознавая, что своим трудом они усиливают мощь социалистической Родины. Лозунг партии «Все для фронта, все для победы!» воплощался в жизнь.

Вести с фронта были неутешительны. Первая же бомбежка, которой подвергся Харьков 27 июля, показала, что аварийно-восстановительная служба МПВО слабо справляется со своими обязанностями. По решению бюро горкома КП(б)У 28 июля в городе был создан аварийно-восстановительный полк.

Следуя указаниям ЦК КП(б)У, горком, райкомы партии приступили к формированию истребительных батальонов. Их создавали в каждом районе. Численный состав батальонов был различен. С помощью органов милиции и военкоматов мы в каждом районе сумели вооружить по одному взводу.

Взводы истребительных батальонов действовали под руководством соответствующих отделений милиции. Ими было задержано несколько десятков шпионов, светосигнальщиков, ракетчиков и распространителей провокационных слухов.

Харьковская партийная организация проводила огромную работу по обеспечению фронта боевой техникой и по созданию оборонительных сооружений.

В начале августа Харьковский горком партии получил задание от ЦК КП(б)У подготовить базу для ремонта танков. Завод был подыскан, ремонт танков организовали без ущерба для выпуска плановой продукции.

Вскоре началась частичная эвакуация промышленности города. Фашисты бомбили станции, мосты и железнодорожные пути, они пытались сорвать эвакуацию предприятий. Однако им это не удалось. Пренебрегая опасностью, железнодорожники сумели обеспечить почти бесперебойную отправку в тыл эшелонов с оборудованием, материалами и людьми.

В июле по указанию горкома партии для сооружения укрепления района по линии Перещепино—Зачепилровка—Полтава была послана первая партия ополченцев в количестве 60 тысяч человек. Всего в народное ополчение вступила четвертая часть населения города. Вскоре в Харьков начали поступать сигналы о том, что при переходе работающих на территорию Днепропетровской и Полтавской областей они стали ощущать продовольственные затруднения. Пришлось выезжать на места и решать там этот важный вопрос.

Еще в начале сентября в районе Кременчуга фашисты значительными силами форсировали Днепр и стали продвигаться на восток. Было ясно, что харьковчанам придется скоро непосредственно отбивать натиск врага.

Из штаба 38-й армии в наш город был командирован военный инженер. Под его руководством группа партийных работников и занималась вопросами укрепления города на случай уличных боев. С помощью саперов город в течение 10—12 дней был превращен в сложную систему обороны. Для работы по укреплению города привлекалось около 10 тысяч человек. В те дни Харьков был покрыт сетью окопов и ходов сообщения. Угловые дома и дома в тупиках превращались в доты.

В конце сентября 1941 года на рытье окопов вокруг Харькова было дополнительно послано 53 тысячи горожан. На совещании секретарей горкома и райкомов секретарь обкома партии А. А. Епишев дал указание изготовить 5000 штук металлических «ежей» для обороны подступов к городу, а на случай уличных боев подготовить для баррикад громоздкий металлический лом и негодные машины.

Через несколько дней после этого совещания в горком партии прибыл генерал Советников. Он интересовался состоянием частей народного ополчения. Чтобы усилить огневую мощь ополченцев, пришлось модернизировать, ремонтировать старые ружья, пулеметы. Большим подспорьем являлись бутылки с горючей жидкостью.

Враг приближался к Харькову. Во время бомбежек рабочие еще не эвакуированных заводов своих рабочих мест не оставляли. На замечание о том, что в данном случае лучше было бы уйти в укрытие, они обычно отвечали: «Фронту нужны танки, можем ли мы отсиживаться в убежище?» Можно было услышать тогда и такую фразу: «Защищая Родину, красноармеец не думает о своей жизни, можем ли иначе поступать мы?»

В те дни бои шли на ближних подступах к Харькову. 18 октября фашисты подвергли город ожесточенной бомбежке. Бомбили все вокзалы и центр города. Орудийный гул и взрывы бомб не умолкали целый день. 9-я холодногорская больница, которую возглавлял опытный врач А. И. Мещанинов, превратилась в полевую госпиталь, куда попадали легко раненные.

Утром 19 октября первый секретарь обкома партии А. А. Елишев созвал последнее (до эвакуации обкома и горкома) совещание. Речь его была кратка. Ознакомив нас с обстановкой, он предложил в течение двух дней все изготовленные «ежи» установить в местах, указанных представителем инженерно-саперных войск. Весь громоздкий металлический лом, все пришедшие в негодность автомашины и трамваи надо было немедленно вывезти на основные магистрали города и использовать их для устройства баррикад. Чтобы фашисты не использовали наши заводы как базу для ремонта своей техники, котельные и оставшееся оборудование следовало уничтожить перед уходом из города.

В течение двух дней город покрылся баррикадами. Но советским войскам и ополченцам пришлось все же Харьков временно оставить.

БОЕВЫЕ БУДНИ НАРОДНЫХ ОПОЛЧЕНЦЕВ

БОЕВЫМ ДЕЙСТВИЯМ харьковского народного ополчения непосредственно предшествовала огромная работа по созданию оборонительных сооружений. Их выполняли организованные в дивизии народного ополчения десятки тысяч рабочих, служащих, учащихся Харькова.

В первых числах июля 1941 года Харьковский горком КП(б)У приступил к формированию народного ополчения. Многие тысячи харьковчан на заводах и других предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях добровольно изъявили желание активно помочь в обороне родного города.

Формирование народного ополчения проводилось в каждом отдельном районе Харькова. В дивизию народного ополчения Дзержинского района, например, входило три полка. Командиром дивизии был назначен полковник запаса Егоров, начальником штаба дивизии — работник райкома партии Бабак. Командование третьим стрелковым полком доверили мне. Формирование дивизии закончилось к середине августа.

Первоначально обучение бойцов народного ополчения проводили на площади имени Дзержинского и в прилегающем к ней парке. Здесь занимались строевой подготовкой, изучали пулемет, винтовку. Среди ополченцев можно было видеть людей разных профессий, умудренных жизненным опытом и совсем юных.

18 августа дивизия народного ополчения Дзержинского района была направлена в Зачепиловский район и 20 августа приступила к созданию оборонительных сооружений вокруг Харькова. Дивизия рыла противотанковый ров в районе села Залинейное. Работа была весьма трудоемкой, ведь ширина рва равнялась четырем, а глубина — двум метрам. Охваченные энтузиазмом, соревнуясь между собой, ополченцы работали с утра до позднего вечера, а иногда и ночью, «чтобы никакие танки не прошли». Работа буквально кипела. Этому способствовало и то обстоятельство, что при укомплектовании подразделений строго соблюдался принцип, по которому во взвод, роту, батальон вхо-

дли ополченцы одного учреждения, цеха, курса и т. п. Люди знали друг друга по совместной работе, в подразделениях оставалась прежняя первичная партийная или комсомольская организация. Это облегчало руководство полком, так как, говоря военным языком, подразделения были крепко сколочены и имели высокую моральную боеспособность.

Работы было много. По окончании одного участка трассы принимались за другой, чтобы создать на дальних подступах к городу сплошное кольцо противотанковых препятствий. Рылись примитивными орудиями: лопатой, киркой, землю выносили носилками. К тому же с каждым днем осложнялась обстановка. К концу августа изредка появлялся разведывательный самолет противника, который, как правило, безрезультатно обстреливал работающих. Такие «налеты» вносили оживление, еще больше поднимали дух, работа казалась еще более важной и первоначально необходимой. Но во второй половине сентября обстрелы с самолетов участились, иногда враг даже сбрасывал бомбы — появились раненые и контуженые.

Сводки Совинформбюро передавали нерадостные вести: фашистские разбойничьи войска перешли Днепр, Красная Армия оставила Киев. Ряды дивизии народного ополчения начали редеть. Люди возвращались на заводы, в учреждения, уходили по вызовам военкоматов — нужно было готовиться к эвакуации оборудования предприятий, к вывозу ценностей. Харьков превращался в угрожаемый район, и эвакуация становилась все интенсивнее. В середине сентября начали эвакуироваться и вузы.

К октябрю части народного ополчения были стянуты в Харьков, и 2 октября Харьковский горком партии принял решение о создании боевых частей народного ополчения — нескольких полков. Предполагалось, что оставшийся состав дивизий пополнится новыми контингентами. Сначала был создан 1-й Харьковский полк народного ополчения. События заставляли усилить работу по эвакуации, и потому поток добровольцев направляли для выполнения других неотложных дел.

В начале октября командование Харьковским полком народного ополчения было возложено на тов. Зильпера. Комиссаром полка стал батальонный комиссар запаса тов. Тимец. Начальником штаба полка утвердили меня.

С 5 по 16 октября Харьковский полк народного ополчения продолжал пополняться добровольцами — рабочими и служащими заводов, организаций и учреждений. Штаб полка помещался в здании Харьковского института советской торговли. В полк было зачислено немало товарищей из аппарата горкома и рай-

комов партии, правда, потом многих отзывали для выполнения других заданий.

В середине октября в ряды ополченцев влились 650 бойцов из истребительных батальонов, тогда же Харьковскому полку был передан отряд МПВО — 248 человек. К основному костяку состава полка — 400 бойцам-добровольцам — прибавилось еще около 900 человек.

Ночью 16 октября 1941 года согласно приказу начальника обороны города полк народного ополчения влился в состав войск, оборонявших Харьков, и занял участок обороны Сокольники — площадь Дзержинского. Ставилась задача — прикрыть Харьков с севера. 1-й батальон был оставлен в распоряжении начальника обороны города. Заняв оборону, полк выставил усиленное боевое охранение, выслал разведку в направлении Дергачей и установил связь с войсками.

Несколько дней ополченцам не приходилось сталкиваться с противником. Полк продолжал еще формироваться, обучать бойцов, строил и оборудовал огневые точки. Позже на северную окраину Харькова поставили патруль. Основная же часть личного состава участвовала в учениях, на которых отрабатывалась тема: «Контратака роты в случае прорыва противника в район обороны».

И вот 20 октября по приказанию начальника обороны Харькова 1-й батальон полка занял оборону на восточном склоне Холодной Горы, вдоль железнодорожного полотна, идущего от Кузинского моста к Балашовскому вокзалу. Нужно было прикрыть Полтавское шоссе в случае появления разведывательных групп противника.

21 октября 38-я армия начала вести тяжелые бои на окраинах Харькова. Власть в городе полностью перешла к начальнику обороны Харьковского узла сопротивления генерал-майору Маршалкову. Полк народного ополчения выделил около половины своего состава для патрулирования по городу с целью поддержания порядка. Одновременно устанавливается связь с полками, которые занимают новые рубежи обороны непосредственно на окраинах города.

22 октября подразделения 1-го батальона Харьковского полка народного ополчения, находившегося в резерве начальника обороны города, получили новое задание — оборонять станцию Лосево. А 23 октября бои начались непосредственно на улицах города.

Штаб обороны Харькова получил донесение о том, что противник, используя многократное превосходство в силах и средствах, несмотря на контратаки советских войск, занял право-

бережье реки Лопань. Это создало угрозу левому флангу и тылу Харьковского полка народного ополчения. Командир полка Зильпер лично доложил о сложившейся обстановке начальнику обороны города генерал-майору Маршалкову. Задача перед ополченцами осталась прежняя — оборонять участок полка с целью не допустить прорыва противника в город по Белгородскому и Алексеевскому шоссе. Но одновременно полк получил и дополнительную задачу: своими резервными силами занять для обороны участок, передний край которого шел на юг по левому берегу Лопани до Речного переулка и от северной части горсада имени Шевченко до пединститута. Передний край Харьковского полка народного ополчения удлинился.

Утром 24 октября на правом берегу Лопани появилась большая группа автоматчиков противника, которая вступила в перестрелку с одной из рот полка. По нашим огневым точкам, обнаружившимся в перестрелке, враг открывает сильный минометный огонь. Одновременно противник усиливает огонь по всему переднему краю 216-й стрелковой дивизии, а также и по левому флангу 2-го батальона Харьковского полка. Позже фашистам удастся прорвать фронт дивизии, и они группами распространяются по Клочковской улице, к спуску Пассионарии, выходят на Речной переулок во фланг и тыл 9-й роте полка народного ополчения. Попав под огонь с двух сторон и потеряв убитыми и тяжело ранеными 4 человека, подразделения роты отходят на заранее подготовленные для огневых точек позиции у дома Госпрома, на площадь Дзержинского.

Далее гитлеровцы пытаются форсировать реку Лопань на участке 6-й роты, но огнем двух орудий, временно поддерживавших роту, и сильным огнем пулеметов и винтовок переправа разрушается и накопление противника приостанавливается.

Немецкие автоматчики с минометным расчетом продолжают продвигаться по Клочковской улице, угрожая флангу 2-го батальона. Командир 5-й роты тов. Шевцов, чтобы приостановить продвижение по Клочковской улице, повел часть роты в обход прорвавшемуся противнику по Севастопольской улице и улице Водопьянова и контратаковал его. Потеряв 7 человек убитыми и ранеными, враг отошел.

К десяти часам утра противник, просочившись через южную часть городского сада имени Шевченко, стал вести минометный огонь во фланг 9-й роты, а отдельные группы разведчиков прорвались к Театральной площади и открыли огонь по автомашине, перевозившей комендантский взвод полка для оборудования в одном из зданий запасного командного пункта.

После того как фашистам удалось прорвать оборонительную полосу 216-й стрелковой дивизии, 9-й роте ополчения, находившейся в районе площади Дзержинского, пришлось вести огонь в направлении юга и юго-запада. Левый фланг 2-го батальона занял круговую оборону и вел огонь по противнику, остановившемуся вдоль левого берега реки Лопань. 4-му батальону было приказано две свои роты направить в распоряжение командира полка.

Эти роты обходным маневром и одновременным лобовым ударом неожиданно контратаковали гитлеровцев на площади Дзержинского и заняли ее. Противник обрушил на ополченцев сильный огонь из автоматов и минометов со стороны улиц Сумской и Бассейной. Уничтожив часть автоматчиков, действовавших с тыла, и не давая немцам дальше продвигаться с улицы Сумской, командир роты тов. Туполь выслал разведку для установления связи с подразделениями, которые вели бой в районе Журавлевки. Две роты этого батальона продолжали вести бой также в сложной обстановке: противник продолжал накапливаться на улицах Сумской и Пушкинской. Часть подразделений с боем начала отходить в направлении Журавлевки. В районе Рашкиной дачи было уничтожено несколько автоматчиков, просочившихся в наш тыл. Здесь необходимо отметить умелые действия комсомольца Фомиченко. Юноша метким огнем из винтовки уничтожил двух фашистов.

Тем временем усилился минометный огонь немцев со стороны реки Лопань и огонь автоматчиков со стороны улицы XIV Съезда Советов. Большая группа разведчиков противника вела обстрел из городского парка. В сложившейся обстановке Харьковской полк народного ополчения переносит командный пункт в здание института инженеров железнодорожного транспорта.

Фашисты не унимаются. Наступая из леса, северо-западнее Алексеевки, силою не менее двух батальонов пехоты при поддержке артиллерии, противник обрушивается на подразделения 2-го батальона, которые, упорно обороняясь, вели огонь в трех направлениях. Части 212-й стрелковой дивизии под напором врага стали отходить, гитлеровцам удалось занять западную опушку Лесопарка (у дома лесника).

К трем часам дня 24 октября положение подразделений Харьковского полка народного ополчения было следующим. 2-й батальон занимал круговую оборону и упорно отбивал атаки противника. 3-й батальон, прикрывая отход частей 216-й стрелковой дивизии, занимал (фронтом на запад) район обороны по левому берегу реки Харьков — от Харьковского моста до пл. Фейербаха. 4-й батальон в районе Рашкиной дачи несколько

раз контратаковал противника в северном направлении, помогая своими активными действиями 2-му батальону выйти из окружения.

Спустя два часа командиру 2-го батальона тов. Титову поступило распоряжение от штаба 212-й дивизии прикрыть отход частей дивизии, для чего занять оборону в районе Черкасские Тишки — Циркуны — Русские Тишки. Батальон под сильным огнем врага отходит на север и, сообразуясь с обстановкой, занимает рубеж обороны в двух километрах юго-восточнее Малой Даниловки и до утра 25 октября сдерживает натиск противника, прикрывая отход частей 212-й дивизии по дороге Большая Даниловка — Терновая.

Почти в это же время 3-й батальон, ведя огневой бой с противником в районе Харьковский мост — площадь Фейербаха, успешно отражал настойчивые попытки врага прорваться через мост.

К 6 часам вечера на командный пункт Харьковского полка сообщили, что наши войска, получив новый район обороны, отступили и что Харьковский мост будет сейчас взорван. Тогда 3-й батальон вместе с подразделениями 4-го батальона отошел по направлению к Сабуровой даче. Там оборудовали и КП полка. Сюда же пытались просочиться мелкие группы немецких автоматчиков, но были уничтожены комендантским взводом полка.

Всю ночь с 24 на 25 и весь день 25 октября от разведчиков-ополченцев непрерывно поступали сведения о появлении и движении по городу танков и артиллерии врага. Разведка, возглавляемая тов. Шевченко, вела не только наблюдение, но и часто внезапно открывала огонь по живой силе противника и наносила ему потери. В одной из стычек наши разведчики захватили пленного.

К середине ночи 25 октября все подразделения полка стали сосредотачиваться в районе хутора Немышля. Здесь они получили задание прикрывать отход частей 216-й дивизии. Одновременно нам сообщили, что командующий 38-й армии приказал Харьковскому гарнизону оставить город и занять новый рубеж обороны.

26 октября нашему полку было приказано сосредоточиться в районе Большая Бабка.

К рассказу о боевых действиях полка следует добавить, что обстановка в течение 24 и 25 октября непрерывно изменялась. Многие подразделения на всем участке обороны действовали самостоятельно, отдельными группами, и в донесениях командиров батальонов эти действия часто не отражались. Тогда еще

не было опыта боевых действий в больших городах. Между тем известно, что бой в степи совсем не то, что бой в городе.

Безусловно, скудные выдержки боевых донесений не отражали глубоких переживаний людей, становление человека-бойца. А ведь подавляющая часть состава полка в первую военную осень получила боевое крещение.

В моей памяти сохранились яркие картины боевых патристических дел, мужественной стойкости ополченцев.

Вспоминается, как 23 октября приходилось ставить задачу трем разведчикам и они беспокойно задавали вопросы о том, что же известно мне о противнике. И вот поздно ночью стоят перед нами два вернувшихся разведчика. Внимательно слушает их комиссар. Командир полка подробно расспрашивает, а я стараюсь представить себе обстановку, записываю названия улиц, по которым они шли. Вот они переходят железнодорожное полотно, насторожились, услышав шум мотора (не то трактора, не то танка). Вот проходят дворами и неожиданно для себя попадают на улицу. В одном конце небольшого квартала стоит огромный танк, около него силуэты курящих людей, мелькают блики карманных фонариков, а на противоположном конце улицы появляется из-за угла и быстро идет по мостовой группа людей. Разведчики хотят перебежать улицу — там, напротив, они видят хорошее укрытие — полуразрушенный дом. Но с обеих сторон вдруг доносятся выкрики на ломаном русском языке: «Стой, руки вверх!»

«Стой на мостовой! — слышен напряженный полусшепот разведчика Николая. — Они друг против друга, — стрелять не будут. Снимай кольцо, бросай подальше вправо, а я влево! Ложись, прчь голову!»

И внезапный ослепляющий свет и гул взрыва трех гранат...

Волнуясь, перебивая друг друга, разведчики рассказывают дальше о том, как в голове все зазвенело от взрыва, как пол оглушающий треск автоматов метнулись они во двор, как потом переползали под свист пуль железнодорожную насыпь и вернулись теми же улицами. Выслушав двух разведчиков, командир полка предложил подождать до утра. А что расскажет третий? Тот вернулся рано утром. Усталое бледное лицо. Рука забинтована. перевязка сделана добротнo, умелыми руками. Осколок гранаты, повредивший правую руку, удален. Говорит быстро, волнуется, чувствуешь, как глубоко пережит им вчерашний вечер.

Разведчик рассказывает о том, как налетевшая ударная волна, когда он уже ложился на землю, чуть не вышибла из рук винтовку, обрушилась на голову, ударила в лицо, прервала ды-

хание. И одновременно — в руке острая боль, звенящий шум в ушах, в голове. Молниеносно мелькает в сознании — встать, скорее бежать за товарищами.

Рассказ его полностью совпадает с уже известным нам ходом стычки. Несмотря на ранение, он настойчиво просит не направлять его в обоз. Но комиссар полка Тимец убеждает разведчика, что он нужен там, что ему под силу повести такую воспитательную работу, которая неизбежно укрепит стойкость ополченцев-хозяйственников.

...Полдень 24 октября. На площади Дзержинского падают мины, их осколки оставляют глубокие царапины на облицовке фасадов зданий. Разбитые окна тупо смотрят на пустую площадь. Вот уже который день продолжает дымиться Дом проектов.

Противник занял часть территории от Дома проектов до Госпрома и ведет огонь в направлении здания обкома КП(б)У. Под обстрелом часть Сумской улицы. 4-му батальону дано задание контратаковать и освободить площадь Дзержинского. Кажется, легко это сделать — противник боится громадного пространства молчащей площади, еще не занимает зияющих пустот зданий. Но нет, это трудная задача. Осколки мин падают повсюду. Нигде нет укрытия. Свистящие пули все время носятся над площадью.

Подойдя по Сумской к зданию обкома, ополченцы батальона делятся на две группы. Одна быстро, но все же с двумя перебешками, перебегают к ветеринарному институту.

Вторая группа батальона идет в обход Госпрома. Она должна атаковать врага через тот проезд Госпрома, который ближе к Дому проектов. Для ручных пулеметов — их было только два — много дела! Один пулеметчик через окно второго этажа Военно-хозяйственной академии должен бить по врагу у Дома проектов и по выходу из горсада, другой — вести огонь по противнику из здания Госпрома.

Разведчиков-фашистов с автоматами можно было ожидать отовсюду. Но тогда в большом городе их обнаружить было не трудно. Один фашист крадется вперед, другой прикрывает его огнем — бьет по окнам, по воротам, по фасадам, туда, где что-то ему померещится. Найдя какое-нибудь укрытие, гитлеровские разведчики не только ведут наблюдение, но время от времени короткими очередями подбадривают себя — жутко им среди огромных молчаливых громад зданий, неведомых и коварных. И автоматные очереди были слышны отовсюду, они выдавали врага, по направлению стрельбы можно было определить и место, откуда ведется огонь.

Продолжу рассказ о наших действиях. Спешили бойцы, обходя здания. У одного ручного пулемета командир зорко наблюдает за первой группой ополченцев, продвигающейся по площади вдоль стен ветеринарного института. А у второго пулемета другой командир ждет появления у проезда Госпрома своей роты, совершающей обход. Вот он видит сигнал — рота готова к атаке. Но еще никто не смеет открывать огня.

Бойцы первой группы совсем открыты, а мины продолжают методично падать: на Сумскую, у здания обкома и ближе. Ополченцы прижимаются к стенам, к асфальту.

Все ждут, когда первая группа выйдет к заданному месту. Вот они, наконец, у цели. Сигнал! Неожиданный ураганный огонь пулеметов прижимает автоматчиков противника, рассеивает расчет миномета. И вслед, тут же, раздаются частые взрывы ручных гранат.

Немногим гитлеровцам удалось отойти, прячась за здания...

Потом ночью разбирали этот бой в подразделениях полка комбриг Зильпер и батальонный комиссар Тимец. Мне был передан список людей для представления к награде. Помню, как тов. Тимец сказал: «А я вот никогда не думал, что так отважно будет вести себя в бою тов. Рузин. Такой незаметный, чисто штатский политработник, а как проявил себя в бою».

К полудню 26 октября обоз батальона начал вытягиваться по Старосалтовскому шоссе. Бездорожье, невылазная грязь. А к тому же и автоматчики противника обстреливали подводы, выводили из строя лошадей. Положение было тяжелое. Много имущества бросили либо уничтожили.

1-й батальон Харьковского полка народного ополчения находился в непосредственном распоряжении начальника обороны Харькова генерал-майора Маршалкова и также последним оставил Харьков. На вооружении 1-го батальона (помимо вооружения общего для всего полка — винтовок, гранат, ручных пулеметов) были две танкетки и бронемашина, отремонтированные, вернее сделанные из лома, рабочими ХПЗ и ХТЗ. После окончания эвакуации и отхода войсковых частей гарнизона командир 1-го батальона Кирсанов, раненный осколком в руку, получил распоряжение начальника штаба обороны города отходить по шоссе в Чугуев. Одновременно отошли подразделения батальона, оборонявшие Лосево.

В последующие дни значительная часть личного состава 1-го батальона, сосредоточенного в Купянске, по распоряжению Харьковского обкома КП(б)У была направлена по месту прежней работы. Товарищи выехали на эвакуированные в тыл заводы.

В Большой Бабке командир 216-й стрелковой дивизии усиливает свой 647-й полк, вливая в него 4-й батальон харьковских ополченцев. И наши товарищи с ходу вступают в бой, успешно сдерживают противника, который стремится захватить переправу через реку Бабка.

27 октября 1941 года по приказу командующего 38-й армией Харьковский полк народного ополчения вышел из боя и преследовал через Хотомлю, Подсереднее и Великий Бурлук. Затем поступило распоряжение штаба Юго-Западного фронта сосредоточиться в Валуйках и расформироваться для направления личного состава полка в тыл по местам эвакуации предприятий, где ранее работали ополченцы. Каждому из нас было выдано удостоверение, что он принимал участие в боях по обороне Харькова.

Командование и штаб полка рассмотрели рапорты командиров рот и батальонов о представлении ополченцев к наградам. Приказом командования Юго-Западного фронта красноармейцы-ополченцы Григорий Семенович Агафонов, Григорий Якубович Швец, Алексей Андреевич Шевченко были награждены за оборону Харькова медалями «За боевые заслуги». Медалью «За отвагу» были отмечены боевые дела командно-политического состава Харьковского полка народного ополчения. Ею награждались Иосиф Григорьевич Рузин, Карл Оттович Туполь, Андрей Семенович Шевцов и др.

Воспитательная, партийно-политическая работа в полку проводилась непрерывно, вплоть до окончания боев 27 октября. Боевая задача доводилась буквально до каждого бойца. Каждый ополченец глубоко понимал свой долг — оборонять родной город до тех пор, пока не будет завершена эвакуация и не поступит приказ об отходе.

Беседы, партийные и комсомольские собрания приходилось проводить в трудных условиях. Особенно широко практиковались в те дни групповые беседы. Их проводили не только политруки и комиссары батальонов. Члены и кандидаты партии, комсомольцы, часто по собственной инициативе, после каждой боевой стычки организовывали беседы с ополченцами. Здесь разбирали ход боя, говорили о том, кто и как вел себя, шла речь и о задаче полка, и о трудностях сегодняшнего дня. Почти в каждой беседе говорилось о призыве ЦК партии — измотать, ослабить войска противника, выиграть время для накопления сил Красной Армии.

Показывая образцы мужества и героизма в бою, проводя большую массово-политическую работу среди личного состава, коммунисты и комсомольцы укрепляли свою авангардную роль, значение которой трудно было переоценить в то тяжелое время.

**БОРЬБА ХАРЬКОВЧАН
В ПЕРИОД ФАШИСТСКОЙ
ОККУПАЦИИ ОБЛАСТИ**

ОПЕРАЦИЯ ПРОШЛА УСПЕШНО

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ 1941 года я получил приказ создать и возглавить оперативную инженерную группу с задачей — массовыми минно-взрывными заграждениями содействовать войскам Юго-Западного фронта в обороне Харьковского промышленного района, а в случае продвижения противника заминировать и разрушить аэродромы и другие объекты военного значения.

Направляясь на прием к начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза Б. М. Шапошникову, я продумал заявку на необходимые силы и средства и решил во что бы то ни стало добиться получения самых современных по тому времени управляемых мин и опытных партий электрохимических взрывателей и замыкателей замедленного действия.

— Войска Юго-Западного фронта упорно обороняют занимаемые ими рубежи, — сказал маршал, — но противник стремится во что бы то ни стало в самое короткое время захватить Харьковский район, не дать нам полностью эвакуировать промышленность большого города. В помощь войскам Ставка решила направить в Харьков большую группу минеров. Вы, вероятно, знаете об операции «Альберих», — продолжал он, — которую провели немцы во Франции в марте 1917 года, во время отхода на линию Зигфрида. За 5 недель они произвели массовые разрушения и минирование на площади около 4000 квадратных километров. Вам придется выполнить работы по заграждению в большем масштабе. С собой вы возьмете группу командиров для укомплектования штаба оперативно-инженерной группы и в качестве инструкторов, а также необходимые минно-подрывные средства. Саперные части вам будут выделены командующим Юго-Западным фронтом.

Маршал внимательно просмотрел нашу заявку, задал ряд вопросов и, наконец, утвердил состав оперативно-инженерной группы.

Для комплектования штаба группы были выделены 3 командира, окончивших Военно-инженерную академию им. В. В. Куйбышева, и 12 командиров, закончивших Курсы особой техники.

В состав группы включалось подразделение специального минирования под командой подполковника В. П. Ястребова. С ним мы впервые познакомились еще в 1938 году во время испытания самых совершенных по тому времени мин, в улучшении которых он внес и свою лепту.

Прощаясь с нами, маршал сказал:

— Обращаю ваше внимание на то, чтобы не было несчастных случаев. Помните, что ваши мины должны быть безопасны для наших войск.

На следующий день, рано утром, мы выехали в Харьков.

Проезжая через Орел, я побывал в партизанской школе, откуда взял с собой несколько инструкторов оперативно-учебного центра и получил горючий и смазочный материал, а также образцы изготавливаемой нами партизанской техники.

В Харькове я явился к начальнику инженерных войск Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту Г. Г. Невскому и доложил ему о задачах оперативной группы, о силах и средствах, которыми она располагает, и сделал заявку на воинские части фронта, необходимые для выполнения задач, поставленных Ставкой.

— Ну и запросы у вас,— заметил генерал, когда я назвал количество батальонов, которые, по нашему расчету, нам должен был предоставить фронт.— Нет у нас возможности выделить для устройства минно-взрывных заграждений десять батальонов. Можем выделить только пять батальонов и одну роту для устройства электрифицированных заграждений, но и то при условии, что ваша группа будет ставить заграждения не только на дорогах, аэродромах и других военных объектах, но и минировать заблаговременно подготавливаемые оборонительные рубежи. Я буду просить маршала Тимошенко сосредоточить в ваших руках руководство всеми работами по минно-взрывным заграждениям на подступах к Харькову.

Я пробовал возражать, но генерал стоял на своем.

Генерал Невский ознакомил нас с обстановкой на фронте. Севернее Краснограда противник находился всего в 50—55 километрах от Харькова. На других участках линия фронта проходила в 100—150 километрах от города. После отхода от Киева наши части с трудом сдерживали атаки вражеских войск, которые рвались к Харькову. Промышленные предприятия, учреждения и население города эвакуировались.

1 октября мы были приняты командующим фронтом — Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко.

— Первым делом совместно с генералом Невским составьте план работы,— сказал командующий.— Работу ведите так, чтобы противнику не оставить ни одного важного военного объекта

Сроки готовности объектов к разрушению и установки мин должны быть такими, чтобы все работы в районе Харькова, Рогани и Чугуева были закончены к 20 октября.

— Товарищ генерал,— обратился командующий к Невскому,— сколько вы считаете возможным выделить батальонов в распоряжение полковника Старина?

— Пять батальонов и одну роту электрифицированных препятствий и одновременно передать им минирование оборонительных рубежей,— ответил Невский.

Необходимо было установить большое количество мин на глубину более метра. При помощи одних лопат выполнить эту работу в короткое время просто невозможно, а буров у нас не имелось. Но помогли харьковские рабочие и обком КП(б)У.

В ночь на 3 октября мы закончили составление плана и заявки. Было уже далеко за полночь, когда меня принял генерал-лейтенант Невский.

Он подробно изучил план и приложения к нему. Нам предстояло провести сложную операцию. По своему размаху, объему работ она в пять раз превосходила операцию «Альберих», но выполнить следовало ее вдвое быстрее. Таким образом, суточный объем работ должен был быть в 8—10 раз больше, чем у немцев во время операции «Альберих».

Тщательно изучив план, Г. Г. Невский завизировал его. Я попросил генерала пойти вместе со мной к командующему фронтом С. К. Тимошенко.

— Что-то вы сильно размахнулись,— заметил маршал, просмотрев план,— смотрите, сами не взорвитесь!

Затем он утвердил план. От командующего фронтом я поехал в обком КП(б)У.

Помню темную осеннюю ночь. Город был погружен в крошечную темноту. Только видны затемненные фары движущихся навстречу автомашин. Дом проектов казался бесформенной глыбой, уходящей в черное небо. Машина остановилась у знакомого подъезда.

В обкоме кипела напряженная работа. Он напоминал штаб многочисленной армии. В трудных условиях отступления наших войск под натиском противника Харьковский обком сумел мобилизовать население на строительство оборонительных сооружений, формировал и готовил партизанские отряды и диверсионные группы, заблаговременно создавал подпольные организации, руководил эвакуацией, подбирал кадры не только для фронта, но и для тыла, с тем чтобы эвакуированные предприятия возможно быстрее начали работу на новом месте, решал

десятки других сложных вопросов. И все это делалось в считанные дни и часы.

Прием посетителей был в разгаре. В приемной собралось много народу, и я подумал, что мне придется долго ждать. Однако вышедший из кабинета помощник секретаря сразу вызвал четырех человек и, обращая ко мне, сказал:

— Товарищу Елишеву о вас доложено. Он примет вас сразу после этих товарищей.

Войдя в кабинет, я представился, кратко изложил утвержденный Военным советом фронта план заграждений и сказал, что выполнение его в значительной мере зависит от того, насколько быстро и полно предприятия Харькова сумеют обеспечить нас необходимой техникой.

Посмотрев заявку на корпуса для мин замедленного действия, мины-сюрпризы, буры и др., секретарь обкома сказал:

— Заявка небольшая, но и времени мало, промышленность перебазируется в глубокий тыл, однако все необходимое наши предприятия изготовят.

Прекрасно зная Харьков и его окрестности, наиболее важные и уязвимые места автомобильных и железных дорог, товарищ Елишев дал советы, которые очень помогли нам в выполнении плана заграждений.

— Помимо вашей группы минированием промышленных предприятий занимаются и другие организации,— сказал он.— Прошу вас оказать им помощь специальными инженерными средствами, которые имеются у вас.

А. А. Елишев сказал, что промышленные здания и другие остающиеся материальные ценности необходимо привести в такое состояние, чтобы оккупанты не могли ими воспользоваться, не могли их разграбить. Кроме наших частей, эти задачи будут выполнять местные группы подрывников, а позже партизанские отряды, диверсионные группы и подпольные организации. Но у них мало инженерных средств, им надо помочь и выделить как можно больше мин, зажигательных снарядов, ручных гранат, научить ими пользоваться и изготовлять их из подручных материалов. Для подготовки наших партизанских отрядов очень мало времени, а их надо перебросить в тыл врага, чтобы они быстрее вышли в лесные районы и начали действовать. Некоторые наши отряды будут снабжены средствами радиосвязи.

В заключение секретарь обкома предложил мне оставить заявку.

— Завтра зайдите в горком, и все будет сделано,— сказал он.— Если понадобится помощь обкома, сразу обращайтесь, поможем.

На следующий день мы начали размещать заказы на корпуса, взрыватели, буры и другие необходимые нам детали. И куда бы ни явились представители оперативно-инженерной группы, всюду на указанных горкомом предприятиях знали о наших заказах и готовы были немедленно приступить к их выполнению.

Конструкторы электромеханического и паровозостроительного заводов с помощью инженеров оперативной группы Л. Медведова и Н. Леонова всего за 3 суток разработали проекты, а рабочие изготовили первые образцы. По нашему заказу было сделано 50 буров, около 1000 мин-сюрпризов, которые взрывались при сжатии с них тяжести. Эти мины мы ставили сбоку или сверху наших наиболее крупных мин, а также некоторых миных корпусов, заполненных шлаком и металлоломом.

«Сюрпризы» ставились также и в других местах, где противник мог искать мины, с целью прикрыть наше основное минирование.

Корпуса мин и отдельные детали к ним были заказаны на Харьковском электромеханическом заводе. Конструкторы ХЭМЗа улучшили предложенные нами элементы неизвлекаемости мин, сделав их более простыми, надежными, герметичными и удобными в установке.

Около 1000 из 6000 изготовленных корпусов мы использовали для мин, а остальные заполняли металлоломом или шлаком.

Мне не раз приходилось заходить в конструкторское бюро и цех, где изготавливались корпуса мин замедленного действия. С завода продолжалась эвакуация оборудования. Цехи заметно пустели: там, где недавно стояли станки, остались только бетонные фундаменты. Многие станки демонтировались и готовились к погрузке. Всюду шла напряженная работа.

Вот двое рабочих разбирают станок, отвинчивают отдельные части и аккуратно кладут их на листы картона. У выхода из цеха группа рабочих осторожно передвигает большой станок к железнодорожному пути. А оставшийся в цехе единственный станок штампует корпуса для наших мин. Двое пожилых рабочих вставляют заготовки и снимают готовые корпуса, аккуратно складывая их в тележки, на которых отвозят для доделки в другой цех.

В это время подходит смена, принимает станок. Работа не прекращается ни на минуту.

Я предлагаю пожилому рабочему, передавшему станок предыдущей смене, отвезти его домой на машине. Он отказывается.

— Спасибо. Нас уже дома не ждут. Ждать некому: жена работает в ночной смене, сыновья на фронте, а мы ночуем на заводе. Некогда ходить домой, не то время.

В цехе, где шла сборка корпусов в ночной смене, работала целая бригада — человек 12. Мы видели, как ловко и аккуратно молодая работница закладывала резиновые прокладки, обеспечивающие герметизацию. Она так была увлечена работой, что не заметила, как Ястребов взял стоявший сбоку корпус.

Подошел мастер. Мы разговорились.

— Продукцию выдаем с опережением графика, — сказал мастер. — Самое главное, — продолжал он, — смотрим, чтобы качество было отличное. Когда-то с целью улучшения качества и повышения производительности выдавались премии и награды, а теперь никто и не думает о премиях. А награда одна — скорей бы разгромить врага.

Внезапно взвыла сирена воздушной тревоги, но работа в цехе не прекратилась.

Характерно, что в эти тяжелые дни нам не пришлось ходить для решения вопросов ни в обком, ни в горком. Там очень трудно было застать секретарей, так как большую часть времени они проводили на предприятиях, на погрузочных площадках, там, где выполнялись срочные задания. До самого последнего дня оставались в городе секретарь обкома Алексей Алексеевич Епишев, секретарь горкома Виктор Михайлович Чураев. С секретарем горкома Владимиром Алексеевичем Рыбаловым я встретился на ХЭМЗе.

Готовые к эвакуации рабочие и инженеры продолжали с помощью ручного инструмента делать для нас сверхплановую продукцию — детали мин-сюрпризов и элементы неизвлекаемости, которые нам оченьгодились.

Мы испытывали острый недостаток взрывчатых веществ. Пришлось применять аммониты. Для минирования использовались и авиабомбы. Выделенные для минирования осколочные заградительные мины из 152 мм снарядов (ОЗМ-152) поступили перед самым оставлением Харькова и не были полностью использованы.

Выполняя указания Военного совета фронта, я связался с командирами железнодорожных бригад, полковниками С. А. Степановым и П. А. Кабановым, а также Б. И. Павловым. Они активно включились в подготовку, а затем и минирование объектов на своих железнодорожных участках. Особенно энергично взялись за дело офицеры С. В. Брыкин из бригады П. А. Кабанова и П. А. Фролов из бригады Б. И. Павлова.

Один из плакатов, выпущенных в Харькове в первые дни Великой Отечественной войны.

**ЗОРКО БЕРЕГИ
ДОРОГУ,
ЭЛЕКТРОСЕТЬ,
ТЕЛЕГРАФ!**

Строительство оборонительных сооружений в Харькове. 1941 г.

Харьковчане возводят проволочные заграждения на подступах к городу.

О. И. Виноград и Е. И. Проценко — связные Харьковского подпольного обкома КП(б)У.

ПРИСЯГА ПАРТИЗАНА

Я, красный партизан, даю партизанскую клятву перед Родиной, своими боевыми товарищами — красными партизанами, что буду смел, дисциплинирован, решителен и беспощаден к врагам.

Я клянусь, что никогда не выдам своего отряда, своих командиров, комиссаров и товарищей партизан, всегда буду хранить партизанскую тайну, если бы это даже стоило мне жизни.

Я буду до конца жизни верен своей Родине, партии. Если я нарушу эту священную партизанскую клятву, то пусть меня постигнет суровая партизанская кара.

Подпись В.С.

Имя, отчество и фамилия Василий Александрович

Наименование части, управления, учреждения с. "Зубов" Ленинград
Мирей Клеопе Васильевна

Группа бойцов партизанского отряда Волчанского района.

Группа медработников 9-й городской больницы, участников антифашистского подполья. В центре — профессор А. И. Мещанинов.

Баракы на окраине Харькова, превращенные фашистами в концлагерь для советских людей.

Харьковчане, повешенные гитлеровцами на одной из городских улиц.

После фашистской оккупации Харькова областная газета «Соціалістична Харківщина» продолжала выходить в Купянске.

Здания Дома Красной Армии и «старого пассажа», взорванные фашистами.

Харьковский Южный вокзал, разрушенный фашистами

Герой Советского Союза И. И. Бакулин, секретарь подпольного обкома КП(б)У.

Герой Советского Союза А. Г. Зубарев, секретарь подпольного обкома ЛКСМУ.

Герой Советского Союза Н. Т. Волкова, связная подпольного обкома ЛКСМУ.

Н. А. Гонтаренко — уполномоченный Харьковского обкома ЛКСМУ по связи с подпольем.

Партийный билет командира роты 375-й стрелковой дивизии А. И. Казанцева, пробитый вражеской пулей и обгаженный кровью.

Заявление о приеме в партию.

Первый парторганизации при
98 соинтл
от об. мл. сержанта
роты ПТР Мусавва
А.М.
Заявление
Прошу принять меня в ряды ВКП(б) и считать
кампанейским при вступлении в партию.
Буду уничтожать технику и живую силу
врага, надеюсь не откажут мне в приеме.
Прислать: (Подпись)
и/м 43.

Дорогі брати і сестри!

Робітники, селяни, інтелігенція Харківщини!
Всі чесні люди, всі в кому б'ється благо-
родне серце!

**СТАВАЙТЕ ДО ЛАВ
ЧЕРВОНИХ ПАРТИЗАНІВ!**

**Нещадно знищуйте німецько-
фашистських мерзотників,**

громіть бази противника, висаджуйте в повітря
залізничні мости, пускайте під укіс військові ешелони—
всім, чим зможете допомагайте Червоній Армії та
Червоним партизанським загонам!

За зруйнований Харків, за сотні спалених сіл
Харківщини, за маленьку шестирічну дівчинку Вазю з
Ізюмщини, що її живою кинули вимці в палаючу хату,
за відвату мирну працю, за великі страждання ваші—

**хай потечуть ріки чорної
фашистської крові!**

**Будьте нещадні у своїй боротьбі!
Хай живуть народні месники—
відважні партизани і партизанки
Харківщини!**

Харківський Обком КП(б)У.

10 липня 1943 року.

ГРУППА ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА —
ШИРОНИНЦЕВ

П. Н. Широнин.

П. Т. Шкодин.

И. М. Чертенков.

И. П. Букаев.

Н. И. Кирьянов

А. Н. Тюрин.

И. Г. Вернигоренко.

А. Ф. Торопов.

А. П. Болтушкин.

С. Г. Зимин.

А. А. Скворцов.

Президент ЧССР, Герой Советского Союза генерал армии Людвик Свобода.

Герой Советского Союза над-поручик Отакар Ярош.

Герой Советского Союза полковник К. В. Билюткин.

Возложение венков на могилу советских и чехословацких воинов в с. Соколово.

Фрагмент памятника в честь советско-чехословацкого боевого
содружества в с Соколово.

Зруднийий расчет 213 ПАГ, который участвовал в боях за Харьков. 1943 г.

Огонь «катюш».

Для успешного применения полей минно-подрывной техники нужно было, во-первых, обучить людей ее использованию и, во-вторых, создать по существу заново удобные и безопасные в установке надежные фабричные образцы мин, используя для этого припезненные взрыватели и замыкатели.

Обучение проводилось главным образом практически в оборудованных панах мастерских, а также на железных и автомобильных дорогах.

Подготовка инструкторов проходила очень напряженно и продолжалась всего три суток. Работали по 12—14 часов в день. Большинство офицеров и сержантов не были знакомы не только с противотранспортными минами замедленного действия и их установкой, но и с устройством некоторых табельных замыкателей и взрывателей.

При минировании возникал целый ряд трудностей. Особенно трудно было соблюсти должную секретность, маскировку, ввести противника в заблуждение.

Вспоминается такой эпизод. 9 октября, когда минеры вели работу на Богодуховском направлении, меня отозвал в сторону командир группы минеров сержант П. Г. Шедов:

— Вчера ночью мы работали по выделке скважин, а сегодня вечером я обнаружил три зарубки на деревьях в самом низу стволов, прямо над корнями. И все зарубки направлены на наши мины. А напротив одной мины ветка сломана.

Чтобы отучить вражеских лазутчиков следить за работой минеров и наказать их, я приказал поставить мины-сюрпризы. Оказалось, что это уже сделано.

— А как вы догадались осмотреть деревья? — спросил я у командира группы минеров.

— Я сибиряк. С Алтая. Охотой промышлял. Привык вокруг капканов следы изучать. У нас ведь не только звери, но и браконьеры были.

Не заметь сибиряк зарубок, мы долго могли не знать, что за нами следят. На следующий день я поручил группе командиров проверить, нет ли этих и других признаков фиксирования наших работ. И обнаружились новые признаки. Минер А. К. Сахневич, проходя утром по месту выполненной работы, обнаружил, что из булыжной мостовой вынут один камень и на его место положен другой. Он тщательно осмотрел участок и увидел, что спит еще один камень.

Чтобы ввести в заблуждение вражеских лазутчиков, командир 532-го отдельного саперного батальона П. М. Клевницкий проводил специальные отвлекающие операции при установке мин с замыкателями ЭХВ системы инженера Файнберга. П. М.

минах, установленных его батальоном, было уничтожено много машин, танков и живой силы противника.

Были трудности и технического порядка. Электромеханические замыкатели и взрыватели замедленного действия еще не прошли должной проверки в боевых условиях, и сроки замедления их действия не поддавались контролю. Некоторые мины, рассчитанные на взрыв через 15 суток, могли взорваться на второй день после их установки.

Минирование проводилось почти одновременно на десятках объектов, на дорогах протяжением в сотни километров. Работали днем и ночью. Наши минеры сделали тысячи скважин, но мины замедленного действия ставились только в одну из каждой пяти или шести скважин, в остальные же — только макеты мин, а иногда и мины-сюрпризы, рассчитанные на уничтожение предателей и вражеских минеров. Заметить наши мины было очень трудно. Там, где мы обнаружили признаки деятельности врага или следы небрежной работы наших людей, как правило, ставились «сюрпризы». В первую очередь мы устанавливали не боевые мины, а макеты, стремясь ввести противника в заблуждение.

Минирование многих объектов проводилось заблаговременно, но заграждения на дорогах, а также разрушение ряда объектов приходилось иногда выполнять уже после отхода арьергардов наших войск.

Нередко минерам приходилось трудиться по целым суткам, без сна и отдыха. К тому же начались дожди, а люди не имели палаток.

В связи с выявившимися затруднениями была разработана специальная инструкция, которую Военный совет утвердил 12 октября.

После этого я обратился в Военный совет фронта с просьбой о зачислении в нашу группу бывших бойцов испанской Республиканской армии, которые в то время находились в Харькове. Некоторых из них я хорошо знал, так как воевал вместе с ними в Испании.

Военный совет фронта дал указание генерал-лейтенанту Невткому зачислить испанцев в один из приданных мне батальонов.

Трудно описать радость испанских товарищей, когда я им объявил, что они зачисляются в ряды Красной Армии.

Как сейчас вижу молодого красивого Франциско Гуйона, задавшего первый вопрос:

— Когда нам дадут оружие?

Он начал сражаться с фашистами, когда ему было 16 лет, а в 18 ему уже присвоили звание капитана. В августе 1939 года

Франциско Гуйон приехал в СССР, жил, работал и учился в Харькове.

Всего в Харькове сразу вступило в ряды Красной Армии 22 испанских товарища, 19 из них участвовало в феврале 1942 года в ледовых походах в тыл противника через Таганрогский залив. Принятые в армию испанцы сразу включились в работу по монтажу мин, обучению людей и выполнению боевых заданий.

Позже вступили в Красную Армию и те испанцы, которые эвакуировались из Харькова на Волгу. Летом 1942 года около 50 испанцев, живших до войны в Харькове, участвовали в партизанской борьбе в тылу врага на Калининском фронте, а зимой 1942/43 годов — на Кавказе, а также в Ленинградской области. И всюду испанские товарищи проявляли отвагу, мужество, инициативу в борьбе с врагом.

Сложная операция была осуществлена по минированию дома № 17 по улице Дзержинского. Особняк находился в глубине двора, среди могучих дубов и лип. Весь участок окружал сплошной высокий забор. Когда массивные металлические ворота закрывались, с улицы и из соседних домов нельзя было что-либо увидеть. В особняке все отличалось удобством, рациональностью и говорило о хорошем вкусе человека, построившего его.

Я понимал, что особняк можно заминировать скрытно, однако пребывание военнослужащих в доме могло вызвать подозрения. Напрашивалось решение: минеров переодеть в гражданскую одежду и тем самым ввести в заблуждение предателей, которые, возможно, уже наблюдают за особняком. Но, взвесив все обстоятельства, я отказался от этого и решил поселиться со своим заместителем в этом удобном доме вместе с группой минеров.

Мы исходили из следующих соображений: если в особняке минеры будут жить до самого отхода наших войск, то кто может подумать, что они будут спать на заблаговременно установленных чувствительных и опасных минах. Конечно, можно предполагать, что минеры при отъезде поставят наспех несколько «сюрпризов», но трудно поверить, что они заблаговременно установили мины замедленного действия. К исходу 14 октября в доме было установлено две мины. После выезда штаба фронта установили еще одну.

Вместе с В. П. Ястребовым мы замаскировали в куче угля отвлекающую мину. Это была не обычная мина замедленного действия, а с различными уникальными ухищрениями.

Легко работалось с подполковником Ястребовым и его микерами-энтузиастами, они быстро понимали замысел и вносили свои дополнения и улучшения, делали все спокойно и тщательно.

Сам подполковник Ястребов никогда не терялся даже в наиболее трудных положениях, часто связанных с риском для жизни. Мне с ним пришлось устанавливать мины на виадуке. У опоры был заложен огромный заряд. В нем устанавливалась сложная инженерная мина, а в это время по виадуку шли машины, а под ним — поезда. Движение нельзя было прекратить. К тому же начался налет немецкой авиации. А Ястребов спокойно устанавливал мину, точно он это делал на полигоне в мирное время.

Самоотверженно работали также командиры-выпускники Военно-инженерной академии.

17 октября по приказу Ставки войска стали планомерно отходить на восток, на линию Касторное — река Оскол. Враг приближался к Харькову. Нам пришлось удвоить свои усилия. Работы велись широким фронтом: минировались важные объекты на подходах, на аэродромах, автомобильные и железные дороги, оборонительные рубежи и объекты в самом городе. Особенно интенсивно работа шла на автомобильных дорогах и оборонительных рубежах. Ни дожди, ни усталость не останавливали самоотверженных минеров, саперов и помогавшее им мирное население. Эти люди, о делах которых так мало написано, работали в исключительно тяжелых условиях. Харьковчане отдавали все свои силы и средства на оборону родного города.

Там, где обстановка была особенно напряженной, где требовалась помощь, мы не раз видели секретаря обкома А. А. Епишева, секретаря горкома В. М. Чураева и других партийных работников. Часто харьковчане встречали и командующего 38-й армией генерал-майора В. В. Цыганова.

...Воины Красной Армии продолжали сдерживать натиск врага. Расчет гитлеровцев на захват Харькова с ходу провалился.

А в городе продолжалась напряженная работа. Каждый день сотни вагонов с промышленным оборудованием уходили на восток. Эвакуировался в глубокий тыл страны и электромеханический завод. Некоторые тяжелые станки нельзя было вывезти. Поэтому решили заминировать здание одного цеха. Мы установили мины у фундамента мощного пресса. Над зарядом поставили две мины-сюрприза, взрывающиеся при попытке снять с них груз. Место установки мины замедленного действия было тщательно замаскировано. Еще три мины установили в других цехах завода. Они должны были, не разрушая зданий, вывести из строя оборудование. Наши расчеты оправдались — во время оккупации на заводе произошло четыре взрыва.

На складе завода после эвакуации оставалось несколько десятков тонн проката, который из-за недостатка подвижного состава не смогли вывезти. Склад был минирован минами-сюрпризами.

После взрыва одной из мин при попытке воспользоваться запасами склада гитлеровцы поставили ряд табличек с надписями: «Внимание! Русские мины!». Эти таблички так и простояли до освобождения города нашими войсками.

Наиболее трудно было минировать объекты внутри города. Некоторые работы производились на глазах у населения и приходилось ставить мины, имитируя устройство оборонительных сооружений, дзотов.

Много мин было поставлено в местах предполагаемой стоянки самолетов, под взлетно-посадочной полосой. С помощью буров, изготовленных для нас харьковскими рабочими, мы ставили мины на глубину свыше одного метра и надежно маскировали их.

Чтобы ввести противника в заблуждение, мы имитировали «неудачные» подрывы некоторых ангаров, а внутри них, под полом, ставили мины замедленного действия, пол восстанавливали и маскировали, заливая его отработанным маслом.

Применяли и другие военные хитрости, например, подрывали части взлетно-посадочных полос. Оседавшая пыль надежно маскировала всю работу по минированию в радиусе на десятки метров.

Минировать аэродромы мы начали еще тогда, когда на них базировались наши самолеты. После того как авиация покинула их, были заминированы ангары и другие служебные помещения, емкости горючего и смазочных материалов.

При первой возможности я заехал в специальную партизанскую школу, созданную Харьковским обкомом. Начальником школы работал мой старый знакомый по Испании Максим Константинович Кочегаров.

Порядок в партизанской школе был образцовый, как в хорошем военном училище. Кочегаров знал дело и был способным администратором. Я ему передал значительное количество мино-подрывной техники, и харьковские партизаны использовали ее в тылу врага.

Партизанские отряды, разведывательные и диверсионные группы Двуречанского, Савинского, Сахновщинского, Близнюковского, Изюмского, Старосалтовского, Липецкого, Балаклейского, Староверовского, Нововодолажского, Чугуевского районов и другие отряды Харьковской области успешно действовали в тактическом взаимодействии с войсками Красной Армии.

Показателем успешных действий харьковских партизан является захват ими крупного склада боеприпасов на станции Лозовая при отступлении противника в 1943 году.

Перед уходом из города мы тщательно осмотрели дом № 17 по улице Дзержинского и умышленно оставили в комнатах консервные банки, газеты, сложили их так причудливо, что казалось, будто под ними положены «сюрпризы».

Всех нас тревожила мысль: вдруг противник найдет мину, вдруг она взорвется при извлечении и будет убито только несколько вражеских солдат?

В Воронеже подвели итоги проделанной работы. Всего за время операции по устройству заграждений на подступах к городу и в самом Харькове было поставлено только батальонами, включенными в состав нашей оперативно-инженерной группы, свыше 30 000 противотанковых и противопехотных мин, свыше 2000 мин замедленного действия различного назначения, десятки сложных приборов, которые позволяли взрывать мины в любое время без подхода к объекту, около 1000 мин-сюрпризов, взрывающихся от различных внешних воздействий, а также несколько тысяч макетов мин.

Каждая из установленных боевых мин замедленного действия по своей эффективности равнялась снаряду или даже авиабомбе крупного калибра. Они были так устроены, что взрывались только после установленного нами времени, когда над ними проходили поезда, автомашины или танки, или разрушали различные объекты в тылу врага в определенное нами время.

О действиях наших мин замедленного действия поступали самые противоречивые сведения. Одни рассказывали о сильных взрывах и большом их моральном воздействии на противника, другие — о найденных противником минах и об их безвредности.

Не бездействовала вражеская контрразведка. Она распространяла слухи о легком обнаружении мин замедленного действия. Однако враг понес впоследствии серьезные потери, много потратил сил и средств на ликвидацию обнаруженных макетов, принимая их за настоящие мины. Об этом мы узнали позже, после освобождения нашими войсками Харькова. А в ту первую военную осень многие верили, что врагу удалось обнаружить большинство установленных нами мин замедленного действия.

Прибывшие из Харькова подробно обрисовывали обстановку в городе. Из их рассказов стало известно о первых больших взрывах в городе, о том, что в доме № 17 по улице Дзержинского расположился командир 68-й пехотной дивизии гитлеровский

генерал фон Браун. Он являлся в то же время начальником Харьковского гарнизона. Особняк сильно охранялся.

Некоторые утверждали, что в особняке немцам якобы удалось извлечь нашу мину, чем гитлеровцы не преминули похвастать перед местным населением.

— Русские иваны не имеют хорошей головы! Они заложили большую мину со всякими взрывателями, но грамотный немецкий офицер все разглядел, умело извлек адскую машину. Теперь господин генерал Браун чувствует себя в доме совершенно спокойно, — с гордостью заявляли немецкие саперы местным жителям.

От таких рассказов мне пришлось в ту пору несладко.

По заданию Военного совета фронта ночью 14 ноября 1941 года генерал-лейтенант Невский, подполковник Ястребов и я подъехали к Воронежской радиостанции. Операция началась. Передаваемые по радио сигналы сделали свое дело.

Мощные взрывы потрясли оккупированный, но не покоренный врагом Харьков. Один из них привел в исполнение смертный приговор фашистскому палачу генералу фон Брауну и размещенной с ним группе офицеров и солдат его штаба. Одновременно было подорвано несколько важных военных объектов. Оккупанты неистовствовали, а взрывы продолжались.

По неполным данным, на минах, установленных при отходе из Харькова, подорвались десятки вражеских поездов, более 75 автомашин, 28 танков, танкеток и бронеавтомобилей, было уничтожено свыше 2300 вражеских солдат и офицеров, два генерала. Минеры разрушили много мостов и путепроводов, а когда враг их восстановил, то девять из них было взорвано вторично. В результате взрыва мин оккупанты долго не могли использовать ряд участков на железных и автомобильных дорогах, а также аэродромы области.

Наши минеры с честью выполнили свой долг перед Родиной.

НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ

МНЕ НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ июнь 1941 года. Работал я секретарем Нововодолажского райкома партии Харьковской области. Едешь, бывало, колхозными полями и не нарадуешься: щедрым обещал быть тот год. И вот — война, а затем и немецкая оккупация Харьковщины.

К борьбе с врагом в его тылу по указанию Центрального Комитета партии мы стали готовиться заранее. Уже в июле приступили к формированию истребительного батальона, который в случае оккупации должен был стать партизанским отрядом. Готовили и условия для подпольной работы. Во многих селах были созданы подпольные организации, намечены явочные квартиры, подобраны связисты. Возглавили подпольные организации опытные товарищи.

Много внимания мы уделяли боеспособности партизанского отряда. В него включали прежде всего коммунистов, комсомольцев, партийных и советских активистов, обучили их обращению с оружием.

Командиром отряда райком назначил коммуниста Степана Онуфриевича Лыбу, председателя колхоза «Комсомолец», участника гражданской войны, энергичного человека, хорошего организатора; комиссаром отряда — Ефима Порфирьевича Иванова, секретаря райкома партии.

В сентябре фашисты оккупировали примерно половину района. Долгое время фронт оставался неподвижным. Немцы находились в 12—13 километрах от райцентра. Уже в это время наш отряд, насчитывавший около семидесяти человек, развернул активную деятельность.

Хорошо помню один из эпизодов тех дней. В селе Винники фашисты назначили старостой местного полевода. Предатель беспощадно грабил односельчан, издевался над колхозниками-активистами, выслуживаясь перед оккупантами. Райком партии постановил: обезвредить иуду. И уже через двое суток побывавшие в тылу врага партизанские разведчики доложили: предатель взят и передан органам контрразведки. «Партизанская рука где

угодно достанет врага», — стали говорить с теплотой и надеждой бинниковцы.

Во второй половине октября фашисты полностью оккупировали район, и партизанский отряд приступил к боевым действиям в тылу врага. У нас была хорошая связь с регулярными частями Красной Армии, по заданию командования партизаны переходили линию фронта, добывали «языков», сведения о расположении, вооружении и передвижениях немецких войск. В первых стычках с врагом особенно отличились Николай Федорович Хихля, Александр Симонович Онацкий и Пантелей Емельянович Сушко.

Весной 1942 года Красная Армия готовилась к большому наступлению. Наш отряд в числе других получил задание пройти в тыл противника и своими действиями способствовать успеху операций регулярных частей. Для осуществления этой задачи требовались уже крупные партизанские соединения. 23 мая наш отряд соединился в змиевских лесах с отрядом прославленного партизанского командира Героя Советского Союза И. И. Копенкина.

Этот отряд в 1941—1942 годах с боями прошел от Полтавы до Купянска, наводя страх на фашистских захватчиков. Партизаны с удовлетворением говорили: «Ну, теперь фашистам и их холоуям покоя не будет».

С первых же дней партизанского рейда мы открыли боевой счет. Отряд вошел в Новую Водолагу, захватил среди бела дня коменданта и разгромил гарнизон, состоявший из немецких солдат и полицейских, уничтожил противотанковую пушку и грузовую машину. Трофей, конечно, были невелики, но трудно переоценить то влияние, которое оказала на боевой дух партизан эта первая военная операция. А сколько радостных ожиданий породила она у нововодолажцев!

Фашисты были взбешены дерзостью налета и, когда мы ушли, повесили 13 ни в чем не повинных мирных граждан. Они думали этим запугать население, вышло же наоборот. Отряд вскоре значительно пополнился. И вообще, надо сказать, после каждой боевой операции мы росли, как снежный ком.

Особенно большое пополнение партизаны получили 30 мая. Местные жители рассказали, что в селе Литвиновка, Валковского района, расположены два лагеря — военнопленных и гражданских патриотов. В них томилось около двухсот человек. Мы приняли дерзкий план: внезапным ударом перебить охрану и освободить заключенных. И вот ночью мы скрытно подошли к лагерю. Проводником был у нас старик, местный житель — фамилии его, к сожалению, не помню. Бой продолжался недолго.

го. Охрана разбежалась, советские люди получили свободу. Сорок человек из них мы приняли в отряд и двинулись дальше.

Вспоминается и такой эпизод. Партизанские разведчики переоделись в немецкую форму и пошли в деревню Черемушную, Валковского района. Бывший директор школы Василий Кузьмич Олейник прекрасно владел немецким языком, но явился в дом старосты с «переводчиком». Вражеский холуй засуетился, стал предлагать «дорогим гостям» подарки. Когда разведчики узнали, что в селе немцев нет, — дали знать основным силам отряда. В селе мы провели митинг жителей, рассказали им о положении на фронтах, о самоотверженных усилиях советского народа в тылу. Рассказали о том, как народные мстители не дают житья фашистам на нашей земле, призвали колхозников саботировать работу на оккупантов.

Во всех домах Черемушной нас принимали как самых дорогих гостей. И так было везде. Радостно было встречаться с хлеборобами района, с теми патристически настроенными людьми, которые по какой-либо случайности оказались на территории, занятой врагом. В их сердцах жила глубокая вера в конечную победу над ненавистным врагом, вера в партию, в нашу доблестную армию.

Не могу не рассказать об одной такой встрече в селе Снежково, Валковского района. Ночью разразилась гроза. Группа партизан заблудилась и зашла в село. Мы постучали в первую попавшуюся дверь. В доме находились четыре женщины — мать с тремя дочерьми. Как они обрадовались нашему приходу! Устроили обед, рассказали, какая обстановка, где находятся фашисты. Уговаривали нас остаться переждать грозу, но нам надо было идти в отряд. Тогда младшая из сестер, бывшая студентка Харьковского медицинского института, не испугавшись бушевавшей за окнами стихии, проводила нас километров за шесть в лес, где мы уже сами знали дорогу.

Наш отряд причинял оккупантам много неприятностей. Они решили уничтожить его. Почти каждый день у нас были стычки с карателями. Серьезный бой произошел у деревни Болгар, Валковского района. Каратели были вооружены, что называется, до зубов. Но им пришлось позорно бежать, оставив на поле боя около двадцати убитых. У нас потерь не имелось.

Первые успехи придали смелости бойцам. От эпизодических нападений на противника мы стали переходить к крупным боевым операциям. Деревню Паньковку, Валковского района, отряд удерживал в своих руках целый день.

31 мая отряд пересек железную дорогу, разобрал рельсы. Немецкий воинский эшелон пошел под откос. В этот же день

партизаны заняли деревню Казачью, расположенную в глубокой балке. Здесь завязался неравный бой. На нас наступали девятьсот хорошо вооруженных фашистов и полицейских. У них была артиллерия, минометы. В этом бою мы уничтожили 120 гитлеровцев. У нас один человек был убит и четверо ранено. Помню, как самоотверженно действовал в бою коммунист Роман Бондаренко, бывший председатель колхоза «Серп и молот» Нововодолажского района. Когда у него кончились патроны, он в рукопашной схватке уничтожил несколько фашистов.

Умело действовали партизанские командиры Копейкин и Лыба. Они создали ударный кулак из нескольких пулеметов и перебрасывали их с одного участка на другой. Фашисты решили, что у нас большая огневая мощь, и боялись идти в атаку. Наступила ночь. Мы находились в кустарнике, окруженные со всех сторон врагом, который подтягивал свежие резервы. Положение было серьезным. И все-таки выход нашли. Через глубокий овраг партизаны перебрались на болото, успешно преодолели его и через реку ушли в лес.

Утром фашисты открыли огонь по кустарнику, но там уже никого не было.

Успехи партизан и неспособность карательных отрядов причинить нам существенные потери переполошили немецкое командование. Для борьбы с отрядом они бросили целую регулярную дивизию, которая предназначалась для отправки на фронт. Это известие, принесенное разведчиками, и радовало, и беспокоило нас. Сердца наши были полны гордости: в какое село ни зайдешь — жители уже знают о наших боевых делах, знают о том, что фашисты вынуждены задерживать войска, идущие на фронт. Но как биться с таким сильным врагом?

9 июня командование отряда решило перебазироваться в краснокутские леса. В селе Слободка, Краснокутского района, провели беседы с населением, уничтожили фашистских прихвостней. Как только мы ушли из села, по нашим следам ринулся отряд карателей. Мы их быстро рассеяли. Но фашисты подтянули регулярные части, окружили краснокутский лес. Казалось, из железного кольца нам уже не вырваться.

Четыре часа длился бой. Наконец, ложными маневрами запутав врага, партизаны пошли на прорыв. Кольцо врага было разорвано. Мы захватили немецкие орудия и из них стали обстреливать противника. В этом сражении враг потерял убитыми до двухсот солдат, были выведены из строя бронемашина, три автомобиля. Мы захватили много оружия и продовольствия.

Отряд вырвался из окружения, но на поле боя осталось двадцать бойцов. Многие партизаны были тяжело ранены, в том числе Копенкин и Лыба.

В создавшихся условиях большому соединению было трудно действовать. Командование решило разделить отряд на четыре группы. Нововодолажцы под командованием комиссара Иванова стали пробиваться в свой район. Раненого Лыбу мы несли на руках. Рана оказалась смертельной, и вскоре первый командир нашего партизанского отряда скончался.

Действуя в ракиятских, водолажских и люботинских лесах, отряд продолжал борьбу с захватчиками. Большую помощь оказывало нам в это время население. Например, дочь хозяина кооперативной квартиры Александра Кузьмича Куца активно распространяла листовки, собирала много ценных сведений. Фашисты схватили патриотку и расстреляли.

Вскоре оккупантам удалось раскрыть места постоянного пребывания отряда, и нам пришлось срочно менять дислокацию. Отряд направился в сторону волчанских лесов.

Возле села Рубежное, Волчанского района, мы группой в восемь человек перешли Северский Донец. Связей с населением мы еще не имели, ориентировались здесь сначала плохо.

Стали искать местных партизан, установили с ними контакт. Помню, как встретились с отрядом И. А. Шепелева. Остановились на ночлег в лесу, выслали разведку. Правило было у нас такое: вечером ушел, утром возвращаясь. А тут наши товарищи задержались. Вот уже и день клонится к вечеру, а их нет. Мы решили, что ребята «засыпались». Слышим голоса и думаем: идут «фрицы». Приготовились отстреливаться. Но оказалось, что это наши разведчики, они встретились с группой партизан, недавно проникших в волчанские леса.

Мы присоединились к отряду Шепелева. Установили связи с населением, отряд стал расти. Большую помощь оказывал отряду староста села Максимовки Максим Николаевич Сыроватский. Он пошел на эту должность по заданию партии. Замечательным разведчиком проявил себя Николай Корнеевич Страх, хорошо действовали связные Ирина Александровна Щекина, Матрена Алексеевна Грабарь, Давид Семенович Голуб, Татьяна Афанасьевна Прасолова.

Много славных дел на счету у шепелевцев. Расскажу о некоторых из них.

6 ноября 1942 года партизаны напали на продовольственную базу в селе Максимовке. Все продукты, предназначавшиеся для отправки в Германию, были залиты керосином и приведены в негодность. 15 ноября две группы под командованием А. Лип-

чанского и А. Макаренко совершили налет на базу совхоза «Земляное», уничтожили находившиеся там запасы продовольствия. Так партизаны подрывали продовольственную базу немецкой армии.

Среди славных дел отряда — поджог двух цистерн горючего на станции Волчанск, срыв ремонта тракторов и автомашин в Белоколодезянской МТС, взрыв моста на тракте Волчанск — Рубежная, налет на автоколонну по дороге Терновая — Липцы. Во время этого боя было убито и ранено 35 немецких солдат и офицеров.

В борьбе с врагом, с фашистской пропагандой мы широко использовали большевистское слово. Отряд не имел своей типографии. Листовки писались от руки, под копирку, но они были единственной правдивой информацией в тылу врага, мобилизовали население на борьбу с немецкими оккупантами и их приспешниками — украинскими националистами. Такие листовки, как «Наступление Красной Армии», «О 25-й годовщине Октябрьской революции», горячо были восприняты населением сел Украинское, 2-е Шевченково, Полное и других. Жители этих сел стали срывать мероприятия немецких властей.

Не прекращалась и партийная работа в самом отряде. За время его существования было проведено 11 партийных собраний. Коммунисты и комсомольцы показывали примеры храбрости, самоотверженности и дисциплины. Парторганизация непрерывно росла.

8 октября 1942 года коммунисты отряда в тылу врага, в селе Глазуновке, Большетроицкого района, Курской области, организовали первичную партийную организацию. В нее вошли девять членов партии и два кандидата. Секретарем был избран член партии с 1927 года А. Я. Нижегородов.

27 ноября 1942 года вечером после ожесточенного боя со сводным немецким карательным отрядом партизаны отошли на хутор Красный (отделение совхоза «Перемога» Старосалтовского района). Тут мы хотели отдохнуть. Какой-то предатель сообщил полиции о прибытии партизан. На следующий день в 5 часов утра на хутор ворвалась группа полицейских, завязался бой. Полицейские подожгли хату, где находились комиссар отряда Голуб, командир разведки Дьяченко и боец Белецкий. Отстреливаясь, партизаны убили пять полицейских. Раненый комиссар, задыхавшийся от дыма, потерял сознание. Партизан Дьяченко, рискуя жизнью, вытащил его из горящей хаты, доставил в безопасное место и вышел на соединение с отрядом.

Фашисты предпринимали много попыток уничтожить отряд, но ничего у них не получалось. Тогда они пустились на хит-

рость. Организовали вечер лесников, напоили их, и один из них, Безбородов, выболтал, где паходятся партизанские базы.

Немцы в ту же ночь окружили соседний отряд, которым командовал тов. Синельников. Мы помогли соседям разорвать цепь окружения. Но выяснилось, что в землянке остались важные документы. Радистка, комсомолка Надя Волкова, не говоря ни слова, бросилась в огненное кольцо. Она пробралась в землянку, сожгла документы, но ее окружили каратели. Надя отстреливалась из пулемета, пока не погибла смертью храбрых. В мае 1965 года ей посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Цена предательства оказалась очень большой. Погибло у нас в тот день семь человек. Фашисты подобрали их и повезли в село Старицу для опознания. Никого из убитых жители «не признали», хотя имым приходилось сдерживать рыдания — там были родные и близкие.

Безбородова мы потом поймали и расстреляли.

Вскоре оккупанты были изгнаны из наших мест. 10 февраля 1943 года вместе с регулярными частями мы вступили в Волчанск.

В БОРОВСКОМ ПОДПОЛЬЕ

ПЕРЕД ВОЙНОЙ я работал директором совхоза «XX лет Октября» Боровского района. Это было одно из самых больших и высокоразвитых хозяйств Харьковской области с замечательными перспективами на будущее. Мы планировали уже в 1941 году добиться таких производственных успехов, которые поставили бы хозяйство в число образцовых. Полным ходом строили жилые дома и хозяйственные здания. Создали все условия для получения высокого урожая хлебов и подготовили прочную базу для увеличения поголовья скота, повышения его продуктивности.

Следует отметить, что 1941 год радовал хлеборобов. Часто выпадали теплые дожди. Урожай зерна выдался редкостный. Даже старики не могли припомнить такого щедрого лета.

Хлеба уже созревали, и мы готовились начинать жатву, когда фашистская Германия вероломно напала на нашу страну, прервала мирный труд советских людей.

Очень больно было слышать, что гитлеровские полчища топчут родную землю, заливают ее кровью советских людей, разрушают наши города и села, сжигают, грабят, уничтожают все, что было создано трудолюбивыми советскими людьми под руководством мудрой партии Ленина.

Красная Армия отступала. Враг, используя свое превосходство в силе и военной технике, остервенело рвался вперед. Нависла угроза и над Харьковской областью. Меня вызвали в райком партии и предложили на случай оккупации района создать подпольную группу. В нее вошли: главный бухгалтер совхоза Олейник, управляющий отделением совхоза Лиманский, председатель поселкового Совета Котяхов, агроном Погребняк, бригадир животноводческой бригады Шаркунов, начальник политотдела совхоза Акимов. Руководителем этой группы утвердили меня.

Осенью 1941 года немцы заняли Харьков, захватили Изюм, Чугуев, сильно бомбили Боровую и близлежащие населенные пункты. Наша группа ушла в лес. Необходима была тщательная конспирация.

Однако немцы были остановлены советскими войсками. Фронт установился по реке Северский Донец. Мы вернулись в совхоз и стали продолжать работу, готовиться к весеннему севу. В совхозе почти не было рабочей силы. Трудоспособные мужчины ушли в армию, а их семьи в большинстве были отправлены в тыл за Волгу. Приходилось целыми сутками работать без сна, без отдыха.

Наступила весна. Мы провели сев. Оставшиеся в совхозе люди трудились с чувством большой ответственности перед Родиной. Но вот в июне 1942 года положение ухудшилось. Наши войска стали отходить. Враг прорвал фронт в районе Изюма и приближался к Боровой. Фронт проходил уже по правому берегу реки Оскол. Мы получили приказ эвакуировать тракторы на восток, в совхоз «Ильтон». Группа приступила к выполнению этого задания. В пути под яростной бомбежкой врага пришлось тракторы бросить, пробираться к Волге на попутных автомашинах. Во время одной из сильных бомбежек наша группа рассеялась в общей сутолоке и собраты всем снова уже не удалось. Я нашел только Олейника. Судьба остальных для меня осталась неизвестной. Все же я был уверен: тот, кто остался в живых, обязательно будет искать меня или же вернется для подпольной работы в Боровской район. Это были, как мне казалось, надежные, твердые и решительные люди. В большинстве товарищей я не ошибся.

Вдвоем с Олейником мы добрались до совхоза «Ильтон». Получили приказание переехать в совхоз «Спартак». Там мы узнали, что харьковские работники съезжаются в г. Энгельс, где находился Харьковский обком КП(б)У. Поехали туда. Нам предложили выехать на работу в Сибирь. Мы отказались, так как сдали партийные билеты на хранение в ЦК партии. Работники Харьковского обкома выслушали меня и направили в спецшколу. Я согласился. Была подобрана группа харьковчан, и мы уехали в Саратов. Прошли полуторамесячную подготовку к подпольной работе в тылу врага. Из окончивших школу были сформированы группы, в которые входили партийные работники, разведчики, подрывники, радисты.

В нашу группу вошли: Толмах — председатель колхоза села Гороховатка, Боровского района, Олейник — главный бухгалтер совхоза «XX лет Октября», милиционеры Боровского райотдела милиции Молчанов и Соколов, работники райисполкома Запороженко, Гноевой и Зозуля, два радиста из Ростовской области: Владимир Козюберда и Клава Ковальчук, милиционер Федор Архипенко и Колесник — председатель Вышесоломянского

сельсовета — всего 12 человек. Мы получили теплую одежду, оружие, взрывчатку, продукты и поездом отправились в Москву.

В Москве меня вызвали в ЦК ВКП(б), утвердили секретарем подпольного Боровского райкома партии и парторгом ЦК с правом принимать достойных людей в партию на временно оккупированной врагом территории. В ЦК меня предупредили, что после приземления в районе высадки я должен немедленно законспирироваться, о месте моего пребывания никто не должен знать.

Вылетели на Балашов. Сделали посадку, в первом часу ночи меня вызвали к командиру авиачасти Валентине Гризодубовой. Там уже находились летчик и бортмеханик самолета. Валентина Гризодубова спросила:

— Где вас выбросить?

Я посмотрел на карту Боровского района и показал место высадки в глухой степи. Она кивнула головой. Летчик и бортмеханик поставили кружочки на своих картах. Простились, вышли, направились к самолету.

Ночь была темная. Полет прошел успешно, но посадка оказалась не совсем удачной. С самолета прыгали один за другим по сигналу, который я давал карманным фонарем. Когда уже были на земле и собрались вместе, то обнаружили, что нет еще двоих: Архипенко и девушки-радистки. Долго впотьмах обшаривали землю. Наконец нашли: радистку — со сломанной ногой, а Архипенко — мертвого. Он погиб, так как его парашют оказался прорванным. Архипенко мы тут же похоронили, а радистку положили к скирде необмолоченных снопов. Условились о явках и о дежурстве возле больной и разошлись в разные стороны.

Спустя некоторое время ночью перенесли радистку в село Шейковку, поместили у надежных людей. Однако фашисты обнаружили ее, забрали в Изюм, долго и жестоко избивали. Ничего не добившись от мужественной девушки, они ее расстреляли. Но мы не знали тогда, как вела себя Клава Ковальчук, поэтому пришлось менять явки, усилить конспирацию, соблюдать особую осторожность. Мне же лично — еще больше изолироваться, так как, по сведениям разведчиков, гестаповцы уже усиленно разыскивали Журавлева.

Одна из главнейших наших задач заключалась в том, чтобы не дать гитлеровцам возможности пустить поезда на участках Купянск — Святогорск и Харьков — Красный Лиман.

Мы сосредоточили у дорог подрывников и разведчиков группы. Подпольщики с честью справились с поставленной задачей.

Систематические взрывы так и не дали гитлеровцам наладить перевозки по этим дорогам.

Соблюдая правила конспирации и изоляции, особенно после ареста Ковальчук, я на время оторвался от группы, обосновался со своим радистом в селе Грачиное, у молодого комбайнера совхоза «XX лет Октября» Сало. Пять суток мы копали под его квартирой подвал. Разместили там рацию. Установили связь с Москвой. Стали принимать известия о положении на фронтах. Писали от руки листовки и через разведчиков и связных распространяли их среди населения. В распространении этих листовок большую помощь оказывали нам связные, с которыми я из-за условий конспирации лично пока не встречался, но хорошо знал их до войны. Это были объездчик совхоза Лыпарь, тракторист Витченко, председатель колхоза Враженко, работница совхоза Гармаш и другие.

Витченко выполнял две роли: он был разведчиком и подрывником, проводил диверсии. Мы поставили себе задачу — не дать немцам обмолотить хлеб. Витченко портил молотилки и комбайны, выводил их из строя так, что отремонтировать их было уже невозможно. Благодаря этому на территории действия Витченко немцам так и не удалось обмолотить ни единого снопа.

Неутомимой и бесстрашной разведчицей была молодая работница Гармаш. Она разносила по селам листовки, приносила сведения о полициях и гитлеровских захватчиках. А однажды, уже зимой, случилось так, что радист Козюберда отморозил ноги. Гармаш взяла его к себе на квартиру и лечила, пока тот снова стал в строй.

Как я и предполагал, члены подпольной группы, угонявшие по заданию райкома в тыл тракторы, в большинстве вернулись на территорию своего района. Хозяйственными делами в районе управлял немец, именовавшийся комендантом. Он принял их в качестве черноработных. Подпольщики обосновались в совхозе.

Я установил личную связь с Погребняком, а через него — и с Лиманским. Они тоже стали распространять листовки, проводить диверсионную работу.

Позже я встретился также и с Акимовым. Он пришел ко мне вместе с бывшим председателем Боровского райпотребсоюза Коротким на подпольную квартиру, у комбайнера Сало. Это было в первом часу ночи.

Акимов в подполье выполнял обязанности второго секретаря, а Короткий был третьим секретарем подпольного райкома партии. Мы задались целью создать подпольные группы в каждом населенном пункте.

В совхозе «ХХ лет Октября» в подпольную группу, кроме Лиманского и Погребняка, вошли объездчик совхозных полей Лыпарь, доярка Козинская и другие.

Такие же группы были созданы в селах В. Солоной — во главе с Довженко, Дружелюбовке — во главе с Ракитянским, в Изюмском отделении совхоза — во главе с Сытым и других населенных пунктах. В задачу этих групп входили не только разведка, распространение листовок и диверсии, но и истребление гитлеровцев.

Просто нападать и убивать фашистских извергов и предателей полицейских значило бы навлечь великие бедствия на все население. Везде были вывешены приказы немецкого командования и оккупационных властей о том, что за каждого убитого немца будут расстреливаться 100, а за полицейского — 20 местных жителей. Поэтому мы решили «воровать» их и одних спускать в колодец, а других просто закапывать подальше от села, в степи. Фашистские палачи и их наймиты начали бесследно исчезать. Был и нет его, как ветром сдуло. Ни живого, ни мертвого.

Таким путем подпольная группа, которой командовал Толмах, а впоследствии я, уничтожила 7 гестаповцев, 26 полицейских и несколько шпионов.

Исчезновение гестаповцев и полицейских всполошило гитлеровские власти. Во всех населенных пунктах были расклеены приказы, запрещающие появляться на улице после шести часов вечера. Каждый, кто появлялся в это время, задерживался и доставлялся в гестапо.

Это усложнило работу связных да и всех подпольщиков. Пришлось на некоторое время прекратить «воровство» и переключить силы подполья на проведение разъяснительной работы среди населения. А это было очень важно.

Дело в том, что в городе Славянске, Донецкой области, издавались нацистские газеты. Они распространялись в Славянском, Краснолиманском, Изюмском, Боровском, Сватовском и других районах Донецкой, Харьковской и Ворошиловградской областей. В этих газетах печатали чудовищную ложь, направленную на то, чтобы морально подавить советских людей, сломить их волю к сопротивлению. Сообщалось, например, что советские войска разбиты, остатки их потоплены в Волге, что Сталин сбежал за границу, а руководство захватил какой-то Шляпников, который-де продал Украину американцам и англичанам. Теперь, дескать, освобожденную немецкой армией Украину пытаются поработить американцы и англичане...

Мы увеличили количество выпускаемых листовок. Их писал и переписывал чаще всего комбайнер Сало. В листовках мы разоблачали брехню фашистских пропагандистов, передавали сообщения Совинформбюро, новости из Москвы. В распространении листовок принимали участие все подпольщики.

В декабре 1942 года, находясь на радиостанции под квартирой Сало, мы с Акимовым услышали шум. В подвал спустился взволнованный Короткий, посланный до этого в Боровую для связи с одним жителем, у которого имелась в разобранном виде пишущая машинка; он должен был ее принести, чтобы ускорить выпуск листовок. Но Короткому не удалось добраться до Боровой. В темноте наткнулся на патруль и стал уходить. Гитлеровцы шли по следу. Короткий спустился в подвал и сообщил, что мы окружены.

Нужно было немедленно принять решение. Мы поднялись из подвала на чердак и в щели крыши увидели, что дом действительно окружен гитлеровцами. Нельзя было терять ни минуты. Нам оставалось или пробиться, или погибнуть. Нас было трое. Хозяин квартиры отлучился по заданию.

Мы швырнули несколько гранат, прыгнули с чердака, автоматным огнем проббили себе дорогу. Короткого тяжело ранили. Отстреливаясь, мы отходили в степь, унося с собой товарища. Вскоре Короткий скончался. Мы оставили его, а сами, применяя тактику маневрирования, которой нас обучали в спецшколе, обманули преследователей и оказались позади них.

Потеряв след, гестаповцы вернулись в дом Сало и учинили допрос его жене. Как ее ни пытали, молодая смелая женщина-комсомолка не выдала ни подпольщиков, ни радиостанцию. На все вопросы отвечала коротко: «Ничего не знаю, никого не видела». За эту ночь она поседела.

Гестаповцы оставили в доме засаду. Возвратился Сало, фашисты схватили его.

На второй или на третий день начались аресты подпольщиков. Была арестована вся подпольная группа в совхозе «XX лет Октября», в которую входили тт. Лиманский, Погребняк, Козинская и другие. Забрали их под тем предлогом, что Лиманский и Погребняк — самые лучшие приятели Журавлева и поэтому должны знать, где он находится (впоследствии, когда район уже был освобожден от гитлеровцев, выяснилось, что их выследил и выдал гестаповский агент, работавший в совхозе трактористом. С приходом наших частей шпион был разоблачен и арестован). В гестапо подпольщиков долго и жестоко истязали, но, не добившись ничего, Лиманского, Погребняка, Козинскую и других вывезли в лес недалеко от Боровой и расстреляли.

Несмотря на жестокие расправы и преследования, наше подполье не только не уменьшалось, а, наоборот, численно с каждым днем росло. Оно уже насчитывало в своих рядах более сорока человек. Руководство подпольными группами в селах осуществляли не только мужчины, но и женщины. Особенно мне запомнились такие исключительно отважные и смелые женщины, как Гармаш, жена убитого гестаповцами подпольщика Сало, комсомолка Невенчанная и другие.

Стало известно, что в Боровой работает главным врачом Сусанна Александровна Головина. Она была на этой должности и до войны. Я написал ей записку примерно такого содержания: «Сусанна Александровна! Вы не можете не видеть, каким пыткам и мучениям подвергают фашистские изверги наших советских людей. Патриоты отдают все свои силы для борьбы против оккупантов, не жалеют ни крови, ни жизни по имя победы над врагом. Мы надеемся, что и Вы используете свои возможности для облегчения страданий народа, для борьбы с заклятым врагом. Костин». (Моя кличка в подполье).

С этой запиской я послал одного из подпольщиков под видом больного к Головиной. Прочитав записку, Сусанна Александровна спросила:

— Кто вас послал?

— Журавлев.

— Скажите, пусть сам придет ко мне,— ответила Головина и вызвала следующего посетителя.

Я, конечно, не пошел. Однако знал, что Головина ответила так из-за боязни провокации. Почему-то верил, что Сусанна Александровна будет нам помогать. И действительно, она, не имея связи с подпольем, стала оказывать нам помощь в борьбе с оккупантами. Когда, например, готовилась отправка людей в Германию, объявила, что в районе вспыхнула эпидемия тифа. Придумывала и другие инфекционные заболевания. Этим спасла сотни людей от угона в Германию.

Подпольные группы проводили огромную работу. По диверсиям особенно выделялась группа села Мясорожовки, которую возглавлял комбайнер Чепурной. Этой группой были подорваны несколько немецких машин, комбайнов и молотилок. Весь хлеб на территории действия группы Чепурного остался необмолоченным и впоследствии им снабжались советские войска, действовавшие на Изюмско-Барвенковском направлении.

Сам Чепурной был бесстрашным разведчиком. Однажды он узнал, что в селе Штельмаховке, Сватовского района, немцы устроили склад оружия. Темной ночью Чепурной пробрался к складу и заметил, что часовые дежурят только возле двери,

а с глухой стороны, от сада, никого нет, подкопался под стену и вытащил два ручных пулемета, несколько лент с патронами и притащил трофеи в группу. Они оченьгодились нам.

Вспоминается такой случай. Комсомолец Василенко в конце января 1943 года, когда наступали советские войска и бои шли вблизи села, заметил, что из сада за сараем немцы ведут сильный огонь из миномета. Это затрудняло продвижение советских войск. Молодой подпольщик пробрался к сараю и бросил из-за стены связку грапат. Раздался сильный взрыв. Весь расчет из шести человек вместе с минометом взлетел на воздух.

Большую работу провела и группа, которой руководил тракторист Витченко. Помимо того, что выполняла группа, Витченко лично вывел из строя четыре немецкие автомашины, произвел много поломок в комбайнах и молотилках. Обмолот хлеба, который немцы старались организовать, был сорван.

У Витченко находилась наша явка. Жил он с семьей: жена и трое маленьких детей. Это была замечательная простая советская семья. Посещения этой семьи мне запомнились навсегда. Бывало, глухой ночью, чаще всего в такую погоду, о которой в народе говорят, что «хозяин со двора собаку не выгонит», мы приходили к Витченко. Он тщательно завешивал окна, засвечивал каганец, и мы тихо беседовали. При этом присутствовали и дети. Отец и мать доверяли им. Дети тесной кучкой сидели на лежанке, с серьезными, как у взрослых, личиками и смотрели на нас внимательно, сосредоточенно. И никогда после этого, нигде и никому не обмолвились словом. Они были нашими молчаливыми единомышленниками, маленькими членами сурового и опасного подполья.

Как-то я и Акимов возвращались от Чепуриного и остановились в селе Иржевка, Сватовского района, чтобы там распространять листовки. Зашли в один дом. Стали беседовать с хозяевами. Вдруг заходит староста. Взглянув на наши бороды, спросил:

— Откуда идете, деды? Документы есть? — и не ожидая ответа, добавил: — Придется вас отправить в гестапо.

Мы усмехнулись, спокойно ответили:

— Документов нет. Мы военнопленные, рыли окопы. Теперь идем домой в Балаклеянский район. В гестапо нам, конечно, не с руки, лучше покажите дорогу.

Староста задумался, спросил:

— Вы вот были недалеко от фронта, копали окопы. Скажите, какая армия наступает. Красная или другая какая?

— Красная. Мы видели звезды на самолетах и солдат в одежде красноармейцев.

— Не может этого быть, разве так бывает, чтобы разбитая армия снова могла наступать?

— Армия может и отступить, но у нас есть резервы. При благоприятных условиях она может вступить в бой и перейти в наступление, — сказали мы.

— Вижу, что ни черта вы не знаете, — махнул рукой староста. — Я вчера был на совещании в Сватово. Комендант города сказал: «Советы и их армия разбиты. Но наступает армия американцев и англичан. Они хотят захватить Украину. Мы ее освободили, а они хотят захватить. Мы уезжаем на родину, а вы теперь сами защищайтесь от американцев и англичан».

— Но ведь это же неправда.

— Я и сам понимаю, что тут концы с концами не сходятся, а вот к чему эти разговоры — ума не приложу.

Помолчав немного, староста тихо спросил:

— Скажите, люди добрые, могут меня расстрелять, когда придут советские войска?

— Если вы были хорошим человеком, народ защитит. Если плохим были — народ вас и накажет.

Староста глубоко вздохнул. Мы снова попросили:

— А вы все-таки покажите нам дорогу на Барвенково.

Он поднялся, сказал:

— Что ж, вижу, деды вы хорошие, так и быть, покажу.

И он вывел нас на дорогу.

Но бывало и хуже. Однажды ночью мы с Акимовым отправились в Шейковку для расклеивания листовок. Выполнив задание, зашли в одну из квартир. Поздоровались. В комнате был старик и две женщины, молодая и старая. В молодой я сразу узнал бывшую медработницу нашего совхоза, но виду не подал. Я считал, что она меня не узнает, так как у меня отросла большая борода и одет я был так, как никогда не одевался прежде. И все же она меня узнала, но тоже виду не подала. Подошла к старухе и шепнула ей: «Этим людям надо дать покушать». Старуха кивнула головой и, пока мы беседовали со стариком, приготовила на стол.

Вдруг старик засуетился, стал быстро куда-то собираться. Сказав, что идет «сдавать молоко», вышел. Медичка подошла ко мне, шепотом сказала: «Уходите. Этот гад, мой свекор, пошел заявлять в полицию».

Мы немедленно ушли. Вскоре на дороге увидели пять подпол с полицейскими.

— «Охотники» за нами, — сказал я.

Акимов внимательно посмотрел, кивнул головой. Мы спрятали автоматы, залегли в бурьян. Полицейские рассыпались по полю.

их было не менее тридцати человек. Завязалась перестрелка. Я дал очередь из автомата. Полицейские попадали и кто ползком, кто бегом, согнувшись, стали уходить. Подводы тоже повернули обратно, а на другой день по селу Шейковка прошел слух, что полиция поймала двух партизан и расстреляла их.

...В середине января 1943 года мы находились в одном из животноводческих помещений, под которым помещался подвал подпольного райкома партии. Сарай до отказа был заполнен соломой. Для того чтобы в него проникнуть, нужно было залезть на солому, прорыть дыру до пола, поднять крышку и опуститься в подzemелье. В этом подвале мы выпускали листовки.

И вот ночью сарай окружили полицейские. Их было пятьдесят человек. Поставили у входа пулемет и начали выбрасывать из сарая солому. Когда полицейские открыли крышку в подвал, мы швырнули в них две гранаты. Полицейские залегли. Сарай наполнился дымом, мы вылезли и бежали. Полицейские не сразу разобрались, в чем дело, думали, что это свои уходят. Только когда мы были у самого оврага, открыли огонь из пулеметов. Мы скатились в овраг, стали бросать гранаты. Двух полицейских ранили, остальных выпудили отойти. Тогда один из наших подпольщиков, донбассовский рабочий из группы Сытого, под видом крестьянина отправился в Боровую. Опередив отряд полицейских, зашел в гестапо и «сообщил», что начальник полиции, выезжавший с отрядом на операцию, связался с партизанами, предал свой отряд, в результате чего партизаны разгромили его и скрылись.

Гитлеровцы схватили начальника полиции, избили его до полусмерти, хотели расстрелять, но он дал клятву, что будет преданно служить фюреру, и принял немецкое подданство. Это его только и спасло от расстрела.

Советские войска приближались. Наступление развивалось успешно. Гитлеровские захватчики, огрызаясь, откатывались на запад. Подполью подходил конец. Мы начали готовиться к работе в мирных условиях. Сформировали районное руководство, подобрали председателей колхозов, сельсоветов. Председателем райисполкома подпольный райком партии утвердил бывшего бригадира тракторной бригады Виноградского.

В начале февраля 1943 года пришли советские войска. Мы собрали в Боровой весь наш актив, всех утвержденных подпольным райкомом председателей колхозов, сельсоветов, руководителей районных учреждений и организаций. На совещании зачитали, кто на какую работу назначен. Было дано задание срочно возобновить работу колхозов, советских органов, приступить к оказанию материальной помощи Красной Армии.

Откопав трупы убитых и замученных гитлеровцами польщиков, свезли в Боровую. С почестями похоронили их на центральной площади в братской могиле, поставили памятник.

Теперь уже другие задачи стояли перед нами. В первую очередь надо было восстанавливать экономику колхозов. Председатели колхозов собрали в порядке контрактации весь молодняк крупного рогатого скота на фермы колхозов. Начали сбор посевного материала. Организовали помощь Красной Армии. Как известно, зимнее наступление советских войск шло быстро. Боевые части, преследуя врага, продвигались ежедневно на десятки километров. Тылы же из-за бездорожья отставали. Продовольственные склады находились еще в Кантемировке, Старобельске. Железные и шоссейные дороги были разрушены. Приближалась весна, начиналась распутица. Вопрос снабжения войск стоял очень остро. Фронт тем временем остановился на Северском Донце. В Боровском районе, как и в самой Боровой, а также в селах Пески-Радьковские, В. Солоная, Подлиман, Н. Солоная и других расположились штаб Юго-Западного фронта, 1-я гвардейская армия, которой командовал генерал-полковник Кузнецов, и другие соединения. Райком партии поручил мне связаться с командованием советских войск, выяснить потребности в продовольствии.

Генерал-лейтенант Андреев, заместитель командующего 1-й гвардейской армии по тылу, принял меня радушно. Я спросил:

— Сколько требуется продовольствия в данный момент для 1-й гвардейской армии?

— А сколько вы можете дать?

— Шестьсот тонн хлеба, двести пятьдесят тонн картофеля, двести тонн соленых овощей и двести тонн мяса.

— Где же вы все это возьмете? — удивился генерал.

— Соберем. Только просим, чтобы соблюдался определенный порядок. Продовольствие должно выдаваться только по требованиям интендантств частей.

— Как быстро вы сумеете его подвезти? — спросил Андреев.

— Через пять дней, — ответил я.

— Хорошо. Мы будем очень благодарны.

Созвали председателей колхозов. Совместно подсчитали, сколько нужно чего собрать каждому колхозу.

В течение пяти дней намеченный райкомом план сбора продовольствия был не только выполнен, но и перевыполнен.

Потом командование советских войск обратилось в райком партии с просьбой построить мост через реку Оскол и восстановить железную дорогу Купянск — Донбасс, которая имела первостепенное значение для снабжения войск. На строительство

моста и восстановление дороги вышло более 800 человек. Мост построили за 12 дней, а железная дорога от Купянска до Святогорска была восстановлена за 20 дней. В мае меня вызвали в Военный совет Юго-Западного фронта, объявили благодарность райкому партии, а мне вручили орден Красной Звезды.

До июля, пока фронт стоял по Северскому Донцу, было несколько сильных боев на Изюмско-Барвенковском направлении. В Боровую поступило много раненых. Райком партии и райком комсомола мобилизовали все силы для помощи раненым. Особенно много стараний для быстреего выздоровления воинов прилагали секретарь райкома комсомола Мария Назаренко и комсомолка Толмах (дочь погибшего подпольщика). Комсомолка Толмах организовала также сбор посылок для фронтовиков. За четыре месяца она собрала около десяти тысяч посылок и отправила на фронт. От бойцов, получивших посылки, в адрес райкома партии, райкома комсомола, общественных организаций и отдельных лиц шли тысячи благодарностей.

Вскоре советские войска развернули новое мощное наступление, освободили Харьков и всю Харьковскую область, стремительно пошли на запад, изгоняя фашистских захватчиков со священной советской земли. Боровской район оказался в глубоком тылу.

Над широкой степью вновь водворилась мирная тишина.

Мы приступили к восстановительным работам.

ГОРОД ПРОДОЛЖАЕТ БОРЬБУ

В НОЯБРЕ 1941 года я с группой бойцов Харьковского партизанского отряда пришел из Киева в Харьков. Здесь в первые дни войны наш отряд проходил подготовку к боевым действиям в тылу врага. В здании обкома КП(б)У 2 сентября 1941 года перед отъездом в Киев командование отряда принял секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко. Охарактеризовав обстановку на фронтах, Демьян Сергеевич поставил перед нашим отрядом ряд конкретных задач и в заключение рассказал несколько эпизодов из боевых действий партизан на Украине в период иностранной интервенции и гражданской войны. Не раз, проходя мимо здания обкома партии уже в оккупированном фашистами Харькове, я вспоминал эту теплую беседу.

Харьков лежал в развалинах. Мы уже видели руины Киева, но как-то особенно больно было смотреть на разрушенные знакомые дома, на озабоченные, постаревшие лица людей.

Я записал тогда в своем дневнике — на «заподкладочных листах»:

У твоих чернеющих развалин
Прошлое всех за душу берет.
Нас по именам здесь называли,
А теперь никто не назовет.
Каждый камень твой знаком до боли
Той, с которой не идут к врачу...
Буду жизнью я тогда доволен,
Коль фашисту жизнь укорочу.

В Харькове мы установили связь с одной из ячеек партийного подполья Нагорного района, которую по заданию областного комитета партии возглавила член КПСС с 1918 года, участник гражданской войны, Антонина Кузьминична Белоусова. Перед оккупацией города ее снабдили документами швеи и сообщили пароль для связи с подпольщиками.

На организационном совещании руководства партизанской группы и ячейки коммунистического подполья, проходившем в полуподвальной квартире А. К. Белоусовой по улице Анри Бар-

бюса, 6, было решено организовать подпольно-партизанскую группу с единым командованием. Секретарем парторганизации группы стала Антонина Кузьминична, командиром группы был назначен я. Начали мы с организации конспиративных квартир и явок в различных частях города и в пристанционных поселках.

Конспиративные квартиры и явки были организованы в районе Госпрома, на улицах Анри Барбюса и VIII Съезда Советов у Г. С. Зозулевич, А. А. Воеводиной, Е. П. Гавриловой, на Конторской улице — у Л. И. Клягиной, О. Д. Гречкиной, на Журавлевке — у Селезневых, на Кузнечном переулке — у И. С. Щербака, на Новоселовке — у Крохмаль, на Репинском переулке — у Н. К. Майбороды, а также в районах — Холодной Горы, на ст. Харьков-Сортировочный, на Кошном базаре и в других местах. Конспиративные квартиры и квартиры явок имелись также в Покотиловке (железнодорожные бараки и будка — семьи Г. В. Моссалитина, И. А. Коваленко, И. М. Братченко), в Люботине по Пролетарской улице — у В. Н. Гиренко, М. Н. Гиренко, в Мерефе — у А. А. Андрейченко, в Будах — у родственников Е. П. Гавриловой.

Штабными пунктами группы являлись квартиры Антонины Кузьминичны Белоусовой, Ивана Семеновича Щербака (Кузнечный пер., 2), партизана отряда Михаила Акиндиновича Шеркунова (по подпольным документам Михаил Александрович Шатко).

Разветвленная сеть опорных пунктов группы давала возможность получить информацию из различных районов города и отдельных участков железной дороги о расположении и перемещении немецких воинских частей, о военных объектах, складах и базах, а также сведения о деятельности других подпольных групп, расширить связи и менять при необходимости местонахождение отдельных членов группы.

За основными членами группы были закреплены отдельные районы действия. М. А. Шеркунову, члену КПСС с 1928 года, как бывшему сотруднику службы пути Южной железной дороги поручили работу среди путейцев на участках Харьков—Мерефа—Лихачево и Мерефа—Красноград. Связным между отдельными железнодорожниками и М. А. Шеркуновым стал А. А. Андрейченко. А. Р. Селезнев, партизан отряда, руководил действиями подполья на станции Харьков-Сортировочный и на Журавлевке. С ним поддерживал связь И. Г. Григорьев, член партии с 1927 года, и ряд других товарищей. Район Конторской улицы был поручен члену группы, бывшему командиру подразделения ополченцев М. Н. Ключкову.

Зону Харьковского моста и станции Левада держал под своим наблюдением И. С. Щербак, работавший до войны начальником ремонтно-строительного цеха Харьковской ГЭС № 1; ему помогали жена Варвара Самуиловна и дочери Алла и Сусанна.

По Нагорному району командование группы получало информацию от хозяев конспиративных квартир, а также от Ирины Сергеевны Ильчук, бывшей учительницы, поддерживавшей связь с патриотическими группами.

Обстановка для действия Харьковского партийного подполья была исключительно сложной. Кровавый оккупационный режим, массовый террор, облавы, обыски, разнузданная фашистская пропаганда — все было направлено на то, чтобы сломить волю советских людей к сопротивлению, внушить им мысль о необходимости гитлеровской Германии. Это вызвало острую необходимость в организации массово-политической работы среди населения.

Для получения информации с большой земли в некоторых квартирах был организован прием сводок Совинформбюро. Радиист группы Владимир Соколов собрал из отдельных деталей радиоприемник и систематически на квартире И. С. Щербака принимал и записывал передачи из Москвы. Сводки Совинформбюро распространялись членами группы в устной и письменной форме. Дочери Ивана Семёновича Алла и Сусанна и Владимир Соколов размножали сводки и вместе с другими членами группы распространяли их в городе, на железной дороге и в селах во время «менки».

Группа также получала информацию, листовки, тексты отдельных приказов Верховного Главнокомандующего через И. С. Ильчук. Ирина Сергеевна поддерживала связь с одной из подпольных групп, располагавшей радиоприемником и радиопередатчиком. В этой группе действовала машинистка Хмельницкая, которая, как нам стало известно после войны, была связана с секретарем подпольного обкома партии. Ирина Сергеевна, жившая в одном доме с А. К. Белоусовой, поддерживала с ней связь. Различную информацию, в том числе и сведения из Москвы, И. С. Ильчук получала также от бывших своих учеников — юных радиолюбителей, слушавших советские радиопередачи.

Распространялись не только листовки, написанные группой, но также листовки и газеты, которые попадали на оккупированную территорию через линию фронта. Они передавались из квартиры в квартиру в городе, из будки в будку по железной дороге, доходя до Краснограда. Газету «За Радянську Україну» зачитывали до дыр.

В октябре 1942 года работавшие в немецкой типографии «Остфронт» (Московский проспект) подпольщики организовали на Омской улице № 2 «домашнюю типографию» и вместе с И. Г. Григорьевым печатали листовки. В декабре 1942 года, например, была напечатана и широко распространена листовка «Правда о Сталинградской битве». Как-то фашисты расклеили по городу красочный плакат, который, по их замыслу, должен был ответить на поставленный им вопрос: «Чому ми сюди прийшли?» Мы решили дать подлинный ответ на этот вопрос. И вот на некоторых плакатах (Холодная Гора, улицы Рождественская, Ключковская и др.) появились сделанные цветными карандашами надписи: «Грabitь, вешать».

Одна из распространяемых в Харькове нашей подпольно-партизанской группой листовок заканчивалась следующими строками:

...Мечтал он землю получить в Остланде,
А три аршина получил в надел.
И каждому из гитлеровской банды
Такой написан на роду удел...

По призыву подпольщиков население саботировало различные мероприятия оккупантов, всеми способами уклонялось от работы на врага, устраивало диверсии. Подпольно-партизанская группа организовала саботаж, срывала восстановительные, ремонтные работы в путевом хозяйстве железной дороги. Тут успешно действовали А. А. Андрейченко, И. М. Братченко, Г. В. Моссалитин, И. А. Коваленко и другие подпольщики. На восстановлении городской электростанции отлично «трудился» И. С. Щербак.

Особенно активизировала работу группа в дни революционных праздников. В ночь с 6 на 7 ноября 1942 года советские бомбидировщики направлялись на очередную бомбежку военных объектов. Когда самолеты пролетали над городом, на станциях Харьков—Сортировочный, забитой вражескими эшелонами, загорелась стрелочная будка. Воспользовавшись этим, советские летчики нанесли удар по важным объектам противника и разрушили пути и ряд железнодорожных объектов. Движение было парализовано. В дни празднования 25-летия Великого Октября Харьков—Сортировочный не принял и не отправил ни одного поезда. Операцию по поджогу будки успешно провел коммунист Афанасий Вакула из группы А. Р. Селезнева. Много хлопот доставляла подпольно-партизанская группа фашистскому командованию, комендантам сельхозрайонов, бургомистрам. Советские патриоты выводили из строя вражескую связь, особенно в период наступления советских войск, срывали графики формирования

поездов, похищали документы, в результате чего на станции скапливалось много «безадресных» вагонов, нередко засылали «по ошибке» подвижной состав в неправильном направлении. В районах Харьковской области подпольщики портили сельскохозяйственные машины, инвентарь, срывая полевые работы, прятали хлеб.

Мы стремились делать все возможное для освобождения из фашистского плена воинов Красной Армии, спасения раненых и больных. На Нижне-Гиевской улице, в доме № 140, у Антонины Мефодиевны Андросовой был организован при участии члена подпольно-партизанской группы Надежды Яковлевны Яценко, имевшей медицинское образование, подпольный лечебный пункт. Здесь оказывалась первая помощь раненым и больным воинам Красной Армии, попавшим в окружение. Бойцы с тяжелыми ранениями направлялись в больницу, к профессору Александру Ивановичу Мещанинову, который хорошо знал семью Якова Степановича Яценко и его дочь Надю.

Зимой 1942/43 годов Ф. Е. Колесников помог солдату Красной Армии Николаю Николаевичу Кулакову бежать из лагеря для военнопленных. Уже после освобождения Харькова от фашистских захватчиков, в октябре 1943 года, Ф. Е. Колесников получил письмо с фронта, которое заканчивалось словами: «...очень благодарю Вас, дядя и тетя, за то, что Вы меня спасли от смерти, от немецких извергов, я Вас никогда не забуду, пока буду жив...» По заданию группы Алла и Сусанна Щербак доставляли на конспиративные квартиры одежду для воинов Красной Армии, бежавших из плена.

Подпольно-партизанская группа нередко спасала мирных жителей от истребления и угона в фашистское рабство.

Оккупанты предпринимали активные меры для вывоза работоспособного населения на каторжные работы в Германию. В первую очередь они организовали регистрацию специалистов. В связи с этим мы написали листовку, в которой призывали харьковчан давать ложные сведения о себе, чтобы избежать отправки в Германию. Эта листовка распространялась у пунктов регистрации. Иногда ее просто засовывали в карманы.

Не имея добровольцев, оккупанты насильно хватали советских граждан и отправляли в Германию.

Командование подпольно-партизанской группы нередко обеспечивало членов группы необходимыми документами, которые давали возможность беспрепятственно ходить по городу и проживать на нужных квартирах. По заданию подпольно-партизанской группы И. П. Моссалитин изготовил из линолеума по

оттиску копию печати немецкого военного коменданта Новой Водолаги. Эта печать дала возможность снабжать членов группы справками, «аусвайсами» различного содержания, в зависимости от установленной легенды. Чистые бланки с печатью хранились на различных конспиративных квартирах. Некоторые члены группы с помощью И. С. Щербака получали справки о работе на восстановлении городской электростанции.

Секретарь подпольной организации А. К. Белоусова также одно время числилась рабочей электростанции. Десятки справок, а также аусвайсов на «менку» выдал И. С. Щербак юношам и девушкам. Это спасло многих из них от угона в фашистское рабство.

Нередко патриоты-врачи города и железнодорожной станции, с которыми были связаны члены группы, выдавали харьковчанам справки о болезни, спасая их тем самым от фашистской каторги. Многих советских граждан снабдила фальшивыми документами Н. Я. Яценко. С ее помощью, например, получил паспорт тяжело раненный воин Красной Армии Федор Иванович Суворов.

16 декабря 1941 года в Харькове был издан приказ немецких властей о явке евреев на территорию тракторного завода якобы для отправки в гетто. Члены группы разъясняли еврейским семьям подлинный смысл этого приказа. Некоторым гражданам еврейской национальности удалось спастись с нашей помощью. Это Р. Б. Аринберг с дочерьми Еленой и Ириной, Р. Б. Эрлиш с детьми Галиной и Борисом. Они скрывались сначала в квартире Г. С. Зозулевич, а затем были снабжены фальшивыми документами и отправлены в село. По доносу за спасение еврейских детей была расстреляна фашистами машинистка подпольной группы Варвара Белова. На квартире И. С. Щербака в период оккупации скрывалась еврейка Ольга Наумовна Брагиловская (ее мы снабдили документами на имя Ольги Николаевны Гончаровой). Хорошо владея немецким языком, она оказывала нам помощь как переводчица и была включена в состав одной из групп для доставки сведений через линию фронта.

Важнейшее место в деятельности подпольно-партизанской группы занимала разведывательная работа. Нашим частям необходимы были данные о расположении и характере военных объектов, оборонительных сооружений, складов и баз, передвижении фашистских частей и т. п. Эти данные мы получали от членов группы из различных частей города и железнодорожных станций и доставляли через линию фронта командованию Красной Армии. Сбором разведанных занимались не только взрослые, но и школьники.

Одну из операций успешно осуществили Михаил Шеркунов и Николай Сивков. Ценные разведывательные данные были доставлены штабу 6-й армии советских войск. При выполнении этого боевого задания в мае 1942 года погиб наш храбрый разведчик, партизан отряда, коммунист Николай Федорович Сивков, бывший сотрудник Харьковского института металлов. Из киевских лесов его направили в агентурную разведку, в логово врага, он был схвачен гитлеровцами, бежал из лагеря и в начале 1942 года установил связь с нашей группой.

Расширяя разведывательные действия, командование группы поручило Надежде Яценко раздобыть немецкие штабные документы. Разведчица разыскала «соответствующего» офицера. Познакомилась с ним. Можно себе представить самочувствие вояки, когда «милая фрейлен», а вместе с ней папка с документами и картами исчезла. На квартире Л. И. Клягиной были срочно сняты копии с некоторых важнейших документов для того, чтобы оставить их на хранении, а подлинники переправить через линию фронта. Работой по копированию документов руководил коммунист Николай Семенович Зинченко.

Для связи с частями Красной Армии и передачи разведанных в июне 1942 года из Харькова вышла группа партизан. В ее состав вошли Михаил Шеркунов, Михаил Ключков, Надежда Яценко, военфельдшер и я. С фальшивыми справками на руках и печатью в каблуке туфли для «документального» подтверждения измененных легенд в зависимости от обстановки группа проделала путь до Дона, устанавливая связи с местными партизанскими отрядами. Большую помощь нашей группе в этот период оказала замечательная советская патриотка Акулина Ефимовна Пьяных (село Богатырево Горшеченского района Курской области) и другие. Линию фронта мы перешли в районе действия 309-й стрелковой дивизии 40-й армии.

Заместителем командира подпольно-партизанской группы в Харькове был назначен офицер Красной Армии Н. С. Зинченко, который успешно выполнил ряд заданий. Он побывал в штабных пунктах подполья, установил необходимые связи, а через некоторое время по заданию секретаря подпольной партийной организации Нагорного района А. К. Белоусовой возглавил группу товарищей, направленных для передачи разведанных командованию Красной Армии.

В рядах нашей подпольно-партизанской группы насчитывалось свыше 50 человек. И каждый из них внес свой посильный вклад в дело борьбы за освобождение родного Харькова от фашистских захватчиков. Никогда мы не забудем тех, кто сражался рядом с нами и отдал жизнь во имя победы.

СМЕЛЫЙ РЕЙД

СЕНТЯБРЬ 1941 года. Гитлеровские войска приближались к Харькову. В стране шла большая, напряженная работа партийных органов и государственных учреждений: на восток перемещались заводы и фабрики, от мобилизовывались резервы. Все готовились к решающим сражениям.

Харьковская партийная организация принимала все меры к тому, чтобы как можно быстрее и организованнее вывезти в тыл оборудование заводов и фабрик, с тем чтобы на новых местах ковать оружие для фронта, для победы.

Формировалось партийное и комсомольское подполье, создавались партизанские отряды для борьбы с врагом на оккупированной территории. Особое внимание уделялось вопросам организации диверсионной работы в тылу оккупантов и переброски в районы партизанской деятельности боевых групп, сформированных из числа патриотов-добровольцев.

В областной, городской партийные комитеты поступали тысячи заявлений от коммунистов, комсомольцев, беспартийных патриотов, горевших желанием принять участие в борьбе против фашистских оккупантов.

Мне выпала честь командовать одним из партизанских отрядов, который действовал в Чугуевском, Печенежском, Старосалтовском, Волчанском и Белгородском районах.

За несколько дней до того, как в Харьков вошли гитлеровские войска, наш отряд прибыл на главную базу, в лес юго-восточнее села Печенеги. Там заблаговременно были заготовлены боеприпасы, продовольствие и медикаменты.

К этому времени советские войска завязали упорные бои, чтобы остановить наступление гитлеровцев на рубеже реки Северский Донец. Узкая полоса леса вдоль берега превратилась в арену ожесточенных схваток. Она вся насквозь простреливалась огнем орудий и минометов. Отряд перебазировался в район Волчанска. Совершить такой переход глубокой осенью, под непрерывным дождем, по размытым дорогам было, конечно, не-

легко. Нам удалось это сделать лишь благодаря героическим усилиям бойцов и умелой разведке, которой в отряде руководил начальник штаба А. С. Деряга.

Боевая жизнь отряда началась во второй половине ноября. Партизаны предприняли ряд активных вылазок против небольших гарнизонов врага в селах Рубежное, Старица, Бугроватка и Избицкое, Волчанского района. Смелые боевые действия партизан вынуждали гитлеровское командование держать свои гарнизоны на линии фронта и в ближайших тылах под ружьем, в напряжении. В то же время вылазки партизан воодушевляли население района, вселяли в него уверенность в том, что советский народ никогда не покорится врагу.

Перед тем как начались зимние холода, отряд стал готовиться к большому рейду в тыл гитлеровских войск по районам Харьковской области. Этот рейд был связан со значительными трудностями. Они состояли в том, что у нас в области нет больших лесных массивов, которые могли бы облегчить продвижение отряда и скрытно от врага готовиться к боевым операциям. Кроме того, отряду предстояло действовать в районах, где были расквартированы отведенные на отдых полевые части гитлеровских войск, находились довольно крупные жандармские силы и специально созданные карательные отряды эсэсовцев. Карателям помогали их проводники, хорошо знавшие местность — предатели, изменники Родины.

Все это серьезно осложняло задачи, стоявшие перед отрядом.

Тем не менее партизаны смело переправились через Северский Донец. Под огнем немецких минометов форсировали реку и 24 декабря вошли в лес северо-восточнее села Пролетарское. Природа была на этот раз немилостива к партизанам. Вся ночь шел холодный дождь со снегом. Усталые и промокшие бойцы смогли только под утро расположиться на короткий отдых в районе хутора Середа. Отдых был действительно очень коротким. Дело в том, что фашистское командование узнало о появлении в районе партизанского отряда и решило его уничтожить. Только это ему не удалось.

Одну из крупных неудач фашисты потерпели 26 декабря. В два часа дня у хутора Середа появился отряд эсэсовцев. Разбившись на группы, каратели охватили полукольцом лесок, где залегли партизаны, открыли беспорядочную стрельбу и повели наступление.

Партизаны молчали. Подпустив врага на близкое расстояние, пулеметчики Смолоковский и Коробка открыли огонь. Гитлеровцы откатились, оставив на поле боя несколько убитых и

раненых. В воздух взвилась красная ракета. Появилась новая группа фашистов со станковым пулеметом. Тяжелый, упорный бой длился около четырех часов. К вечеру немцы отступили, понеся большие потери, в то время как у партизан не было ни убитых, ни раненых. Отрадно было, что в том первом бою все партизаны нашего отряда держались стойко и отважно.

Гитлеровцы встревожились. Они приняли маленькую группу за крупное партизанское соединение и решили обрушить на нас все имевшиеся в их распоряжении силы. Предварительно попытались забросить в наше расположение разведку. Создававшаяся обстановка вынудила нас перейти в хутор Бедный, Липецкого района. Жители окрестных сел в то время выходили группами и по одиночке в поле, разгребали снег, собирали остатки небранного хлеба, колосья. Отделение гестапо в Липцах решило воспользоваться этим, снабдив двух своих агентов мешками и граблями и направило в поле. У предателей была одна задача: во что бы то ни стало проникнуть в расположение партизанского отряда.

Однако откормленные физиономии гестаповцев отнюдь не свидетельствовали о том, что они голодают и потому вынуждены собирать колосья. Да и вообще они не походили на местных жителей. Это вызвало подозрение у находившегося в засаде партизана-коммуниста Родионова. Он задержал их и доставил в штаб.

На допросе предатели признались, что они привезены немцами из западных областей Украины и являются агентами гестапо, что им поручили разведать силы «крупного десанта большевиков», под видом отставших бойцов влиться в отряд и выдать местонахождение и планы партизан.

Гитлеровских агентов расстреляли.

С каждым днем наш отряд расширял свои боевые действия. Он разрушал вражеские коммуникации и продвигался все дальше в направлении шоссе Белгород—Харьков. 29 декабря мы заняли хутор Ленный, а на следующий день выбили гитлеровцев из хутора Долгополова.

В бою, который длился около двух часов, фашисты потеряли пятнадцать человек. Подобрав убитых и раненых, они отошли. В этом бою погиб смертью храбрых комсомолец пулеметчик Кобзарь, поддерживавший огнем наступление бойцов отряда.

Мы продвигались все глубже и глубже в тыл врага, 9 января 1942 года заняли село Крючен, Богодуховского района. На другой день провели удачную операцию — уничтожили крупную продовольственную базу гитлеровцев, расположенную в Первухинском совхозе. В этой операции отличился партизан Собенко,

коммунист, бывший председатель одного из колхозов Печенежского района. Под его руководством группа партизан истребила всю охрану, состоявшую из солдат гитлеровской полевой части.

Узнав о налете партизан и уничтожении первухинской продовольственной базы, фашисты послали из Богодухова крупный карательный отряд, усиленный полицейскими из Краснокутского района и солдатами полевой воинской части. Каратели получили задание преследовать партизан, а заодно расправиться с населением окрестных сел.

17 января наш отряд паходился в гутянском лесу. Разведка донесла, что карательный отряд движется по направлению к Гутам. За день до этого мы встретились с группой партизан под командованием Героя Советского Союза И. И. Копенкина (впоследствии погиб в бою), перешедшей на территорию Харьковщины из Сумской области. Договорились с Копенкиным, в отряде которого насчитывалось до шестидесяти бойцов, о совместных действиях и решили дать фашистам бой. С этой целью организовали засаду вблизи Первухинского совхоза.

Как мы и рассчитывали, фашисты были уверены, что, совершив диверсию, партизанский отряд ушел далеко из этого района. Поэтому двигались без особых предосторожностей. Ехали на открытых грузовых машинах.

Когда две головные машины приблизились к совхозу, их встретил огонь двух станковых и пяти ручных пулеметов. Все находившиеся в этих автомашинах гитлеровцы были перебиты, а те, что подъехали на других грузовиках, повернули назад, не подобрав даже убитых и раненых.

Бой продолжался всего несколько минут. Успех решили внезапность, слаженность действий партизан, их выдержка и отвага. Мы потеряли в этой операции двух человек: был убит пулеметчик отряда Копенкина и тяжело ранен боец нашего отряда Майгур. В бою особенно отличился учитель, коммунист, партизан Сердюк, впоследствии погибший смертью храбрых в селе Печенеги.

Дерзкий рейд совершили партизаны по Валковскому району. В ряде операций здесь принимал участие и отряд Копенкина.

В одной из стычек с фашистами, вблизи опытной станции между селами Черемушное и Литвиновка, например, партизаны захватили в плен начальника лагеря военнопленных — гитлеровца и его заместителя — полицейского из местных жителей. Оба они зверски расправлялись с военнопленными. Решение о расстреле двух палачей было одобрено всем отрядом. Приговор привели в исполнение на месте.

19 января в районе хутора Войтенково мы выдержали бой с крупным подразделением гитлеровцев. Партизаны, сражавшиеся плечом к плечу с бойцами Копецкина, дрались с исключительной отвагой. Противник численно значительно превосходил наши силы, но положение было выгодным для нас: партизаны залегли на околице под прикрытием хат, а фашистам пришлось наступать по открытому заснеженному полю. Озлобленные пьяные гитлеровцы несколько раз поднимались в атаку и каждый раз, неся потери, откатывались. Наконец, оставив на поле боя до пятидесяти убитых и раненых, они отошли к хутору Нарыжный. В бою пал смертью храбрых один партизан, два наших товарища были ранены.

Тяжелые бои развернулись и в последующие дни. При столкновении 22 января с полевой частью гитлеровцев вблизи Ракицкого лесничества меткий огонь партизанских пулеметчиков уничтожил около 60 фашистов. У нас один человек был убит, четыре ранено.

Спустя несколько дней в лесу у хутора Миргороды, Харьковского района, нас пытался внезапно окружить сильный отряд карателей, присланный из Харькова. В этом бою фашисты потеряли до тридцати солдат и офицеров. Однако они упорно пытались сомкнуть кольцо окружения и отступили лишь после того, как метким выстрелом одного из партизан был убит майор — командир карательного отряда.

Двое партизан были тяжело ранены, здесь же погиб отважный юноша — пулеметчик, комсомолец Коробка. В этом бою отличился и партизан-комсомолец Стешенко.

Наряду с боевыми действиями во время рейда по тылам врага мы стремились развернуть диверсионную работу при помощи патриотов — местных жителей. В районе Гутянского лесничества мне удалось организовать небольшую диверсионную группу из работников лесхоза. Эта группа совершила ряд диверсий и провела большую работу в период наступления наших войск в районе Богодухова в 1943 году.

В многочисленных боях с превосходящими силами противника наш отряд прошел тяжелый путь по территории Харьковской области, потеряв многих отважных бойцов. Значительные потери, наличие раненых, больных и обмороженных чрезвычайно затрудняли дальнейший рейд, лишали отряд основного преимущества партизан — подвижности. Все это заставило меня по согласованию с руководящими организациями отдать приказ о переходе линии фронта, и в районе сел Береки — Верхний Бишкин отряд соединился с советскими войсками.

Партизанский рейд по временно захваченным районам области был завершен. Перед нами встали новые задачи...

Прошли годы. Много не сохранилось в памяти. Но никогда не потускнеют воспоминания о днях, когда в глубоком тылу фашистских захватчиков маленький отряд советских патриотов вел неравную борьбу с врагом и выходил победителем, наводил ужас на фашистских головорезов, воодушевлял население оккупированных районов, вселял уверенность в победе над фашизмом. Десятки партизан проявили подлинный героизм в этой борьбе. Многие из них отдали жизнь за наше святое дело. Имен их никогда не забудет советский народ.

НАШ КОМАНДИР

МНОГО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ДЕЛ во славу Родины совершили бойцы партизанского отряда № 2 Изюмского района.

Боевое крещение мы получили 26 октября 1941 года. Через свою разведку узнали, что на хуторе Довжик Петровского лесничества группируются оккупанты. Внезапным налетом мы уничтожили фашистов. Это произошло всего через несколько дней после организации нашего партизанского отряда.

Командиром у нас был Александр Маркович Сало. Лихой командир. Идет, бывало, по лесу, залюбуешься: твердый шаг, на груди автомат, на поясе гранаты. Через плечо планшет, бинокль, из-за борта шинели выглядывает рукоятка пистолета. Ну, точно Щорс, только ростом пониже. Серые глаза отливают сталью. Во взгляде чувствуется решительность, строгость.

Когда Александр Маркович разговаривал с друзьями, от его взгляда веяло теплом, с ним приятно было вести беседу. Но если перед ним находился враг, взгляд становился холодным, пронзительным, ненавидящим.

Таким я помню Александра Марковича.

В то время, когда развернулись события, о которых хочу рассказать, мы жили в землянках возле озера Фалионово. Стоял февраль 1943 года. Я вышел из землянки. В лесу слышалась приглушенная песня. Хорошо пели наши хлопцы! Я остановился, закурил, стал слушать.

«Ой, у лузі та ще й при березі».

Любил эту песню и Александр Маркович. Сам, бывало, подтягивал своим приятным баском.

Было темно. Я не видел лиц партизан, но по голосам угадывал их. Вот густым басом тянет Семен Васильевич Черненко — наш продовольственный начальник. Вот залился соловьем Андрей Иосифович Попов. Это мы с ним да еще с командиром нашей разведки Василием Акимовичем Черкасом ходили в первую разведку в хутор Довжик. А вот звенит девичий голос. Единственная в нашем отряде девушка, любимая всеми, смелая, боевая Аня Пурич, которая никогда не расставалась со своей

сумкой с медикаментами и выполняла обязанности начальника штаба отряда. Аня спасла от смерти десятки раненых.

Помню, как Вася Черкас принес советскую листовку в отряд, сброшенную нашим самолетом. Это было как раз перед Октябрьскими праздниками 1942 года. Фашисты вели усиленную агитацию среди населения: дескать, Сталинград они уже взяли, остатки советской армии сбросили в Волгу. Никто из наших бойцов, конечно, не верил в это. А тут вдруг — листовка. В ней рассказывалось, как защитники Сталинграда успешно борются с врагом, что Москва здравствует!..

Сколько радости было! Мы тогда плясали, пели. Александр Маркович кричал «ура». Бойцы подбрасывали вверх ушанки, потрясали автоматами. Митинг возник стихийно. Многие выступали на нем с горячими речами. Трибуной была поваленная ветром сосна.

...Ко мне подошел Александр Маркович, сказал в раздумье:

— Задерживается разведка, комиссар. Время бы прийти обратно...

— Вася-то? Придет.

Мы помолчали.

— Хорошо поют! — вздохнул Александр Маркович. — Знаешь, Александр Ефимович, когда в бою, думаю только о том, как бы больше уничтожить врагов и не потерять своих. А вот как тишина да песня — семью вспоминаю. Как они там, в Саратове?

— Думаю, хорошо живут. По нынешним временам, хорошо...

— Ну, пойдем, комиссар, подтянем и мы.

Из-за сосен появился Василий Черкас. Мы его сразу узнали по высокому росту. Он тяжело дышал, спешил, и я сразу почувал недоброе.

— Разрешите, товарищ командир.

— Докладывай.

— В Красном Шахтере гестаповцы готовятся расстрелять триста селян.

Василий стянул шапку, вытер вспотевшее лицо.

— Что? Ах, сволочи! — вскипел Александр Маркович.

Не теряя времени, мы спустились в землянку на совещание.

Следующей ночью Александр Маркович, Черкас и я отправились к связному в село Красный Шахтер. По условному сигналу к нам вышел Василий Иванович Гниевский. Он жил на самой окраине, было ему тогда под шестьдесят. Крепкий старик, высокий, с громадной рыжей бородой. Он провел нас в сарай, на посту остались его дочь Зоя, которая была членом подпольной комсомольской организации, жена и паш Черкас.

Гниевский подробно рассказал о готовящихся убийствах. Командир задумался. Я смотрел на едва различимое в темноте лицо и скорее чувствовал, чем видел, как пылали гневом его глаза.

— Когда? — спросил командир.

— Андрей сказывал — на днях. Торопятся фашисты. Наши-то уже недалеко...

Я взглянул на Василия Ивановича и подумал, как тяжело приходится этому честному человеку! Односельчане считают его предателем, а он не чает, когда уже придут наши войска, и он, наконец, скажет, выпрямившись во весь богатырский рост: «Дорогие товарищи, я тоже честно воевал!»

— Душа изболелась! — уже шепотом сказал Василий Иванович, стуча кулачищем в свою костлявую грудь. — Ведь это что же получается!.. Какими только словами они меня не обзывают. Одна вчера сказала фашистской подметкой.

— Ну, как они «трудятся» под твоим руководством, полевод, я уже знаю, — засмеялся Александр Маркович, — сена вон сколько умудрился сгноить.

— А жалко, ведь жалко, Александр Маркович, — вздохнул старик, — ведь наше добро-то!

— Так ты, Иваныч, говоришь, много полицаев в селе?

— Набежали из Боровского района и других сел... Андрюха Попов сказывал, что вместе с гитлеровцами человек около трехсот.

После небольшого раздумья Александр Маркович спросил меня:

— Думаю к утру подтянуть сюда отряд, как ты на это смотришь?

Я согласился.

— Передавай привет писарю фашистской управы, — улыбнулся Александр Маркович, обнимая Гниевского.

— Андрею-то? Обязательно! Ведь он — это наши глаза и уши.

2 февраля, еще задолго до рассвета, партизаны расположились на окраине села Красный Шахтер. Командир отряда объяснил бойцам задачу и обстановку.

— Мы не должны допустить расстрела наших советских граждан фашистскими варварами! Советские войска на подходе. Десятки километров отделяют их от села. Скоро освобождение! Надо уничтожить продажную свору фашистских наймитов. Мы это сделаем, товарищи партизаны, хотя противник во много раз превосходит нас численностью. Вперед, за свободу нашей Родины!

Партизаны пошли в атаку. Я повел часть бойцов к центру села. Сало со своей группой заходил с левого фланга. При первых же выстрелах полицей и фашисты заметались в панике. Какой-то офицер пытался организовать оборону. Он подскакивал к солдатам, хватал их за воротники, пытаясь остановить, бил в лицо. Но паника продолжалась. Я со своей группой ворвался в сельскую управу. Хлопцы сорвали портрет Гитлера, искромсали книжками и выкинули в окно. Однако возле медучастка и школы враг оказал упорное сопротивление. Решительным броском нам удалось овладеть селом и медпунктом. Оккупанты вели бешеный огонь из клуба. Мы залегли. На нашей стороне было то преимущество, что мы напали внезапно. Враг не знал, много ли нас, и потому его действия были скованы. Оккупанты еще отбивались, но уже через час остатки фашистов в панике отступили.

Враг был в сущности разбит, но сдаваться не хотел. Фашисты и полицей сгруппировались на сельском кладбище и оттуда вели пулеметный огонь. По совету Александра Марковича я с группой бойцов продвинулся ближе. Наш пулеметчик Петр Андриенко, сильный паренек, стрелял из ручного пулемета на ходу, как из винтовки. Он по ярам подобрался вплотную к кладбищу и ударил с фланга.

Александр Маркович тем временем со своей группой остался добивать врага, засевшего в школе. Фашисты из домика рядом со школой вели особенно меткий огонь. Александр Маркович первый ринулся вперед и... вражеская пуля сразила командира. Оборвалась боевая жизнь нашего любимого товарища. А партизаны, мстя за гибель своего командира, забросали врага гранатами. Противник не выдержал натиска и в беспорядке, бросая оружие, бежал.

Мы попрощались с командиром отряда, так как бой продолжался, и, оставив гроб с телом у Гниевского, устремились на Изюм. На окраине города, в районе Гончаровки, мы преградили путь бежавшим под натиском наших войск оккупантам. 5 февраля 1943 г. советские войска вступили в Изюм. Гроб с телом командира мы на руках перенесли в районный центр и похоронили в парке.

Три года спустя по просьбе населения села Красный Шахтер, где А. М. Сало был председателем колхоза «Шлях до соціалізму», гроб с останками командира был перевезен в село и похоронен там на площади.

ВОСПИТАННЫЕ СОВЕТСКОЙ ШКОЛОЙ

ВМЕСТЕ со всем советским народом поднялись на защиту своей Родины советские учителя и учащиеся школ. Многие педагоги и старшеклассники шли добровольцами в ряды Красной Армии, в народное ополчение, партизанские отряды, санитарные и противопожарные дружины, дружины по охране общественного порядка, строили оборонительные рубежи.

Учителя и учащиеся Харькова и области привели в боевую готовность бомбо- и газоубежища, часть школьных помещений оборудовали под военные госпитали, оказали помощь в уборке богатого урожая на колхозных и совхозных полях Харьковщины.

По призыву комсомолок и пионерок 33-й средней школы Харькова учащиеся многих школ поступили в ремесленные училища, с тем чтобы приобрести рабочие специальности. Став токарями и слесарями, они заменяли на заводах и фабриках своих отцов и братьев, ушедших на фронт. Юные патриоты не только выполняли, но и перевыполняли нормы выработки. Например, ученица 9 класса 113-й средней школы комсомолка В. Зеленская, работая токарем на тракторном заводе, обслуживала два станка, выполняла по две нормы.

Коммунисты и комсомольцы становились инициаторами многих патриотических начинаний. Десятки тысяч школьников принимали участие во всесоюзных воскресниках. Особенно массовым был всесоюзный комсомольский воскресник, проведенный 7 сентября 1941 года. Заработанные деньги перечисляли в фонд обороны страны.

В сложных условиях войны 1 сентября начались занятия в школах. В учебных планах значительное место было отведено военным дисциплинам, изучению правил поведения учащихся во время воздушной и химической тревоги. Педагогические коллективы сосредоточили основное внимание на воспитании детей в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, на воспитании ненависти к фашистским извергам и их пособникам — презренным украинским буржуазным националистам.

Когда усилились воздушные налеты вражеской авиации и нависла угроза оккупации врагом территории области, десятки тысяч учащихся вместе с родителями эвакуировались на восток страны, ученические и учительские коллективы средних специальных школ, детских домов и других учебных заведений организовано выехали в Сталинградскую, Саратовскую области, Казахстан, Узбекистан, Туркмению. Встретили их там как родных, обеспечили жильем, дали учебные помещения, обогрели и приласкали.

Воспитанники Дергачевского детского дома № 1 и испанские дети, для которых Харьков стал второй родиной, были эвакуированы в Сталинградскую область.

Шла жестокая война, враг рвался к Волге. Но и в этих трудных условиях областная партийная организация, советские органы, трудящиеся Сталинграда проявляли сердечную заботу о детях.

Заслуженная учительница Украинской ССР Владлена Григорьевна Блохина вспоминала: «Тяжелое было время, но нам в сентябре 1942 года колхозы предоставили 50 подвод и 20 автомашин и вывезли детей до станции Камышино, чтобы посадить их на пароход «Александр Невский». Но фашистские стервятники потопили пароход. Тогда испанских детей разместили на пароходе «Суворов», и под прикрытием советских самолетов он вышел в далекий путь. Детей потом сердечно встречали трудящиеся Башкирской АССР и вместе с ними Долорес Ибаррури».

Но многие учителя и дети по разным причинам не могли выехать в советский тыл и остались на оккупированной врагом территории. Фронт стабилизировался по Северскому Донцу. Это дало возможность областному отделу народного образования после незначительного перерыва, в ноябре, возобновить занятия в 18 средних, 156 семилетних и 235 начальных школах Купянского, Двуречанского, Великобурлукского, Боровского и других не оккупированных врагом районов. Здесь самоотверженно работали более 1700 учителей, среди них 93 коммуниста и 416 комсомольцев. Учителя всегда были желанными гостями в домах колхозников и рабочих. Они приходили сюда со свежими газетами и журналами, рассказывали о положении на фронтах.

Учителя и учащиеся стремились оказывать всяческую помощь воинским частям, которые держали фронт на территории области, а наши воины, в свою очередь, проявляли трогательную заботу о школе, учителях и учащихся. Советские бойцы и командиры отцовской лаской и заботой согревали наших детей.

В марте 1942 года все школы торжественно отметили 128-ю годовщину со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко. На

школьных утренниках звучали пламенные строки великого Кобзаря. Дети выступали со стихами, посвященными поэту.

В это же время в оккупированном Харькове фашистские власти издали распоряжение, в котором говорилось, что для празднования годовщины со дня рождения Т. Г. Шевченко «необходимо получить разрешение военного командования». В этом же распоряжении содержалось категорическое требование «построить весь доклад в антикоммунистическом направлении». Фашистские изверги и их презренные прихлебатели — украинские буржуазные националисты пытались использовать дорогое всем трудящимся нашей страны имя великого поэта в антинародных целях.

Учебный год в школах заканчивался под грохот артиллерийской канонады, советские войска отходили за Дон. Вскоре все районы Харьковщины были захвачены врагом.

На временно оккупированной территории фашисты установили режим кровавого террора и неограниченного произвола. Они уничтожали и грабили народные богатства, созданные самоотверженным трудом советских людей. Из 1578 школьных помещений области были полностью уничтожены 888, остальные частично разрушены, школьная мебель сожжена, оборудование кабинетов, лабораторий, наглядные пособия, библиотеки разграблены. Общий ущерб, нанесенный школам Харьковщины, составил более чем 215 миллионов рублей.

Основой «просветительской» политики фашистских оккупантов было уничтожение советских школ, культуры народа, физическое истребление его интеллигенции. Фашисты разрешали открывать (и то в ограниченном количестве) только так называемые «народные» школы, которые должны были готовить покорных рабов третьего рейха. В школах запрещалось изучать русский язык, но требовалось изучение немецкого языка и закона божьего.

Гитлеровцы старались внедрить фашистские методы воспитания. В методических указаниях утверждалось, например, что учитель на учащихся «влияет морально и физически». Затея фашистов с «народными» школами провалилась. Родители и дети бойкотировали их. Большинство педагогов предпочитало остаться безработными или выполнять самую черную работу, но в школы не шло.

В «народных» школах работала незначительная часть учителей, но и они оставались верными принципам советской педагогики, преданными патриотами своей Отчизны. Только жалкая кучка предателей перешла в лагерь врага. Сами фашисты признавали, что большинство учителей предпочитает не вмешивать-

ся в перевоспитание молодежи, свои обязанности выполняет только формально.

А как относились к оккупантам дети? Вот что писал об этом один из гитлеровских культуртрегеров своему командованию: «Я знаю, что каждый взрослый здесь — это наш явный, открытый, а чаще — скрытый враг. Но больше всего меня поражают здешние дети: они, как чертенята, лезут туда, где не пролезет взрослый, их так много, и они своими маленькими руками причиняют нам так много забот и вреда».

Пионеры создавали подпольные организации, а часто и в одиночку вели героическую борьбу против фашистских поработителей.

Пионерское звено «Товарищи», организованное учащимися Харьковской 116-й средней школы, в черные дни оккупации издавало газету «Пионер-партизан», в которой призывало население не падать духом, оказывать содействие партизанам. Члены звена, рискуя жизнью, помогали раненым воинам Красной Армии. В Лозовском районе тимуровцы во главе с Васей Леоновым портили вражескую телефонную и телеграфную связь, забивали гвозди в скаты автомашин. Они вывели из строя немецкое оружие, облили автомашины и гараж бензином и подожгли его. Павлик Поддубный в селе Мартовом спас жизнь советским разведчикам и сам погиб от рук фашистских убийц.

Юный связной Близнюковского подполья Юра Старостин и группа пионеров приводили в негодность железнодорожные стрелки и организовывали аварии на транспорте. Гитлеровцы арестовали Юрия, долго пытали. Изуродованное тело мальчика было найдено неподалеку от хутора Саксаганского. Юрий Старостин посмертно награжден медалью «За боевые заслуги».

Пионер Пархомовской средней школы Павлик Муковоз через краснокутские леса вывел из окружения воинское подразделение. Гитлеровцы схватили мальчика и после нечеловеческих пыток расстреляли. В партизанском отряде М. К. Бородин разведчиком был четырнадцатилетний ученик села Никополь, Барвенковского района, Коля Зеленый. Он часто приносил ценные разведывательные данные.

Казахский поэт Таир Жароков, принимавший участие в боях за освобождение Харьковщины, писал своему сыну о смелом, умном, ловком, находчивом, настоящем джигите мальчике Грише, который очень любит свою Отчизну-мать. Он обманул немцев, пробрался в штаб одной части и вынес оттуда ценные бумаги, из которых стали известны преступные замыслы фашистов. Поэт оканчивал письмо словами: «Любимый сыночек! Твой отец хочет, чтобы и ты был таким смелым, как Гриша».

Фашистских извергов на каждом шагу преследовал страх. Они не верили в свои силы и обращались через Харьковский информационный бюллетень к учителям за помощью, призывая их «всеми возможными способами содействовать победе немецких войск». Но учителя оставались верными народу, не шли на предательство.

Воспитанник Харьковского педагогического института, учитель 88-й средней школы Харькова, коммунист Александр Гордеевич Зубарев возглавил подпольный областной комитет комсомола. Обком ЛКСМУ поднимал молодежь на борьбу против фашистских поработителей, разоблачал лживую геббельсовскую пропаганду, разнузданную агитацию украинских буржуазных националистов. Александр Гордеевич погиб в гестаповском застенке, ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Учитель истории и географии Новоивановской семилетней школы, Лозовского района, коммунист Василий Максимович Яремчук возглавил группу подрывников Харьковского партизанского отряда имени Котовского. За полтора года войны в тылу врага его группа пустила под откос 12 вражеских эшелонов, подорвала 7 мостов, сахарный завод с продукцией, уничтожила 2 танка, 7 автомашин с эсэсовцами. 8 марта 1943 года Советское правительство присвоило В. М. Яремчуку звание Героя Советского Союза. После окончания войны Василий Максимович возглавил коллектив средней школы в Киеве, но и теперь поддерживает он тесную связь с учителями и учащимися Новоивановской школы.

Молодой коммунист Федор Тихонович Андрус, учитель Печенежской средней школы, по состоянию здоровья был снят с воинского учета, но отказался эвакуироваться на восток и добровольно остался с товарищами в партизанском отряде. В феврале 1942 года Федор Тихонович, делегат антифашистского митинга в Луганске, выступил с пламенной речью, в которой поклялся не щадить жизни во имя победы над врагом. И клятву свою он сдержал. Часто ходил в разведку по заданию военного командования и партизанского отряда, поджег склад с военным имуществом, подорвал автомашину с фашистами, разгромил штаб немецкой воинской части, в боях с врагом уничтожил 20 гитлеровцев. Бесстрашный, храбрый и находчивый командир разведывательного партизанского подразделения Ф. Т. Андрус погиб смертью героя в июне 1942 года.

Заместитель директора Харьковского Дворца пионеров имени П. П. Постышева коммунист А. И. Брауде в начале войны добровольцем ушел в партизанский отряд, сформированный в Харькове и направленный для боевых действий на Правобережную

Украину. Он стал комиссаром отряда, принимал участие в боях под Киевом и погиб смертью героя. А. И. Брауде посмертно награжден медалью «За отвагу». Комиссаром партизанской группы в селе Залинейном, а позже в Кегичевском партизанском отряде был участник гражданской войны, учитель Зачепиловской средней школы Макар Викторович Амелин. Пламенное слово коммуниста зажигало сердца народных мстителей. Он показывал людям пример мужества, стойкости, непреклонной веры в победу. Эти качества снискали ему любовь и уважение бойцов. В апреле 1942 года Макар Викторович погиб смертью храбрых. Он посмертно награжден медалью «За отвагу».

Беспартийный учитель села Тишеньки, Красноградского района, Павел Кириллович Семеренко организовал партизанскую группу в составе 12 человек. Подпольщики вели боевую, наступательную пропаганду и агитацию среди населения города и села, писали и распространяли сотни листовок в городе Краснограде и селах района. Большим успехом пользовалась в народе листовка со стихотворением «Гитлер-визволитель», которая заканчивалась так:

Та досить. В бій вставай, народ,
Наш богатир, наш грізний мститель,
Щоб більш не ліз в наш огорог
Кривавий Гітлер-«визволитель».

Партизаны устраивали диверсии на железнодорожном транспорте, срывали уборку и обмолот хлебов, портили электрическую сеть и телефонную связь, организовывали побеги советских военнопленных из вражеских лагерей, снабжали их одеждой и пищей.

Группа сумела установить связь со штабами партизанского движения и передавала сведения для командования Красной Армии. Фашистам удалось арестовать Павла Кирилловича Семеренко. В сентябре 1943 года он был расстрелян.

Во время войны Галина Макаровна Пархоменко получила подготовку в специальной партизанской школе и возвратилась в родное село. Здесь она организовала подпольную группу, которая успешно действовала в условиях жесточайшего фашистского террора.

Учительница комсомолка Г. А. Сулима вела подпольную работу в Близнюковском районе. Гитлеровцы схватили мужественную патриотку, подвергли ее страшным пыткам, пытаясь получить сведения о советском подполье. Галина Антоновна не выдала своих товарищей и была расстреляна фашистами. Она посмертно награждена медалью «За боевые заслуги».

Многие учителя погибли смертью героев в застенках гестапо.

На теле Д. Р. Дорошенко, учительницы Артемовской средней школы, фашисты вырезали пятиконечную звезду, а потом выкололи ей глаза. По-зверски расправились фашистские палачи с Ольгой Крисантиевной Бугар, скромной учительницей Чепильской семилетней школы Балаклейского района. Эта болезненная женщина мужественно перенесла все пытки, но не выдала местонахождения партизанского отряда. Умирая в страшных мучениях, она не просила пощады у врага и погибла с верой в победу советского народа.

В селе Пасики, Змиевского района, фашисты сожгли школу и квартиру заслуженного учителя Республики Семена Андреевича Синявина, который более пятидесяти лет своей жизни отдал народному просвещению. В 1939 году в Кремле Михаил Иванович Калинин вручил ему орден Трудового Красного Знамени. Старого учителя бросили в сырой погреб; обессиленный, больной, лишенный медицинской помощи, он умер. Его жену учительницу оккупанты вывезли в Германию. Красная Армия освободила Евдокию Алексеевну. Она возвратилась в село Пасики и еще много лет работала директором школы до ухода на заслуженный отдых.

Наше государство и в годы войны выделяло значительные денежные средства на народное просвещение. Благодаря этому уже в феврале и марте 1943 года в городах и селах за Северским Донцом, которые входили в прифронтовую зону, возобновили работу 252 школы: 4 средних, 79 семилетних и 169 начальных. Всего в них обучалось более 21 тысячи учащихся. В школах работали 1067 учителей.

23 августа 1943 года харьковчане восторженно встречали своих освободителей. Среди тех, кто приветствовал воинов, был и учитель физики Кравченко. Выйдя из толпы, старый педагог, переживший двухлетний кошмар фашистской оккупации, крепко обнял советского офицера.

Трудящиеся Харькова в своем письме советским воинам, которые освободили город, писали: «Вечно будет жить в нашем сердце 23 августа 1943 года, день, когда вы пришли, долгожданные. Дети наши, внуки, все поколения харьковчан вечно будут носить в сердце память об этой дате, о первой встрече с вами в освобожденном городе, о Харьковских дивизиях, их войнах — боях, офицерах и генералах — освободителях наших».

С огромным подъемом приступили харьковчане к восстановлению народного хозяйства. Только в первые месяцы после освобождения в городах и селах области трудящиеся приняли участие в 1800 воскресниках по восстановлению и ремонту

школьных зданий, изготовлению мебели, паглядных пособий, заготовке топлива для школ и учителей.

Нам помогала вся страна. Трудящиеся Узбекистана, Казахстана, Грузии, Москвы, Куйбышева и других республик и городов Советского Союза перечисляли средства на восстановление народного хозяйства области, оборудование школ, детских домов, посылали строительные материалы, детскую одежду и обувь, белье, фрукты, книги, тетради.

Уже в 1943/44 учебном году возобновили работу 1334 школы области. За парты село более 180 тысяч мальчиков и девочек. В большинстве школ занятия проходили в две-три смены в не-приспособленных помещениях. Но, несмотря на тяжелые условия военного времени, когда в освобожденных районах не хватало учебников, тетрадей, одежды, обуви, дети регулярно посещали занятия в школе и старательно учились.

Мужественно преодолевая трудности военного времени, учителя направляли все свои усилия на выполнение всеобща, на борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью, которые были порождены войной, на повышение качества обучения и воспитание подрастающего поколения в духе коммунизма.

НЕ ЗНАЯ СТРАХА

В ЖИЗНИ каждого человека есть события, которые невозможно забыть. Для меня — это участие в партизанском отряде Изюмского района. Припоминаю те годы, и перед глазами снова встает все пережитое, увиденное в грозные годы войны, будто снова встречаюсь с друзьями-партизанами.

Лето 41 года. Война! Это страшное слово молниеносно облетело село. Почти все мужчины были призваны в ряды Красной Армии или добровольцами ушли на фронт.

После окончания Изюмской фельдшерской школы и курсов повышения квалификации фельдшеров меня направили работать заведующей Бражковским фельдшерско-акушерским пунктом.

В июле 1941 года, как член партии и член пленума райкома ЛКСМУ, была зачислена в истребительный батальон района, в котором прошла общевоинскую подготовку. После почти месячного обучения меня пригласили в райком партии. Предполагала, что получу задание по работе в истребительном батальоне, но уже с первых вопросов секретаря райкома партии поняла, что речь идет о новом серьезном задании. Секретарь райкома спрашивал, не испугаюсь ли я врага, если встречу с ним, не соглашусь ли я остаться в тылу противника, если он оккупирует район? Я согласилась. Приблизительно через неделю меня снова пригласили в райком партии, поинтересовались, не изменила ли я своего решения. Я твердо обещала выполнить задание партии, если для этого придется отдать даже свою жизнь. Не буду скрывать: я волновалась. Мне поручили быть медицинской сестрой партизанского отряда. Множество вопросов возникало передо мной. Кто командир отряда? Большой ли отряд? Кого туда зачислили? И главное — как все это будет?

Вскоре меня познакомили с командиром отряда — Александром Марковичем Сало — председателем колхоза «Путь социализма» и комиссаром отряда Василием Артемьевичем Рогозой — директором совхоза имени Петровского. Беседа с ними убедила меня, что старшие товарищи помогут, поддержат в тяжелую минуту.

Развернулась незаметная на первый взгляд, но кропотливая подготовка к борьбе с врагом. Мне поручили создать аптеку

и обеспечить отряд медикаментами. В сентябре 1941 года началась полная боевых тревог, трудностей и смертельной опасности партизанская жизнь. Сначала в отряде было 42 человека. В течение трех месяцев партизаны действовали на передовой линии фронта совместно с регулярными частями Красной Армии.

В конце октября 1941 года отряд получил боевое крещение. Было это так. Разведка доложила, что в селе Довжик расположились оккупанты. Внезапным ударом отряд выбил их из населенного пункта. В этом бою было уничтожено много гитлеровцев.

Партийная организация отряда решила достойно встретить 24-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В ночь с 6 на 7 ноября 1941 года в районе села Красный Шахтер отряд занял участок на передовой линии фронта. В жестоком бою противник недосчитал нескольких десятков солдат. Врагу не удалось занять село.

По решению бюро Изюмского райкома КП(б)У с января по июнь 1942 года я была первым секретарем райкома комсомола. К тому времени фашисты оккупировали почти половину территории района. Фронт проходил по речке Северский Донец. Вся работа комсомольской организации района в прифронтовой зоне была теснейшим образом связана с боевыми действиями партизанского отряда и регулярных частей Красной Армии.

Комсомол многое сделал по мобилизации населения для оказания помощи фронту, в частности по сбору средств для строительства танков и самолетов, по ремонту дорог и очистке их от снежных заносов. Юноши и девушки были активными участниками культбригад, которые выступали с концертами в госпиталях, организовывали сбор подарков воинам Красной Армии, становились донорами. Анна Белоус, Зоя Гниевская, Анна Смага, Клавдия Бондарь, Вера Живолуп, Любовь Любченко, Анастасия Бабакова без колебаний выполняли самые сложные задания райкома комсомола. Мне приходилось поддерживать связь с руководством партизанского отряда.

Летом 1942 года, когда враг перешел в наступление, бойцы нашего отряда получили задание собраться в лесу, вблизи села Красный Шахтер. Вскоре командир отряда откомандировал меня «менять продукты» — послал на разведку в Изюм и близлежащие села. Я должна была установить, какие войска расположены в городе, их количество. На выполнение этого задания ушло более трех суток. За это время мне удалось выявить дислокацию немецких войск. После возвращения в отряд я доложила о результатах разведки. Командир объявил мне благодарность. Я очень обрадовалась. Позже мне часто приходилось ходить на разведку в Славянск, Изюм, Боровую и села Красный Шахтер,

Снежковку и другие. Устанавливала связи с подпольными комсомольскими организациями, проводила беседы с людьми, рассказывала им правду о положении на фронтах, потому что фашисты фабриковали и распространяли разного рода ложные сообщения, провокационные слухи. Необходимо было давать людям правдивую информацию, постоянно разоблачать ложность фашистской пропаганды. И это делал наш отряд, подпольные партийная и комсомольская организации. Мы распространяли листовки среди населения. Часто по утрам жители близлежащих сел Красный Шахтер, Заводы, Федоровка, Глинское и других читали на заборах и стенах домов патриотические призывы: «Победа будет за СССР!», «Смерть фашистским оккупантам!». Их писали коммунисты И. М. Гордиенко, А. А. Венжега и комсомольцы Анастасия Бабакова, сестры Таисия, Клавдия и Любовь Слепцовы, Лидия Венжега, Татьяна Ярызина и другие.

Одну из этих надписей и теперь можно увидеть в Изюме на стене сарая по улице Хлебозаводской.

Много жителей сел Красный Шахтер, Заводы, Глинское, и прежде всего девушки-комсомолки оказывали нам постоянную помощь: они стирали белье, снабжали продуктами. Отец комсомолки Зои Гниевской по заданию отряда стал заместителем старосты села Красный Шахтер. Хотя Василий Иванович был неграмотным, он понимал, на чьей стороне правда. Вся его семья во многом помогала партизанам. С Зоей я не была знакома лично, когда, выполняя одно из порученных мне заданий, пришла к Гниевским и назвала пароль. Я сразу почувствовала, что попала в хорошую советскую семью, которая поможет в тяжелую минуту. И я не ошиблась. Зоя много раз, рискуя своей жизнью, прятала меня от преследователей. Она спасла нескольких наших товарищей-комсомольцев, за которыми охотились фашисты.

Однажды, это было в октябре 1942 года, в мою землянку прибежал связной и передал приказ командира немедленно прибыть к нему. Когда я переступила порог штабной землянки, то сразу почувствовала, что Маркович вызвал меня не для обычного поручения. Командир усадил меня на пенек и спросил о настроении. Он мог бы и не задавать этого вопроса, потому что хорошо знал настроение всех бойцов отряда. После этого командир сказал, что есть мнение назначить меня начальником штаба отряда. Я растерялась: меня, единственную женщину в отряде, выдвигают на такую ответственную должность. Сало будто бы прочел мои мысли и спросил:

— Что, испугалась?

— Очень ответственная работа, к тому же в отряде одни мужчины.

На это Александр Маркович ответил:

— Мы видели тебя при выполнении боевых заданий, я много раз посылал тебя на разведку, и ты хорошо справлялась с работой. Помогу. Будем работать сообща.

Так я стала начальником штаба партизанского отряда. У меня появились новые заботы, приходилось совмещать работу врача и начальника штаба.

Вместе с командиром и комиссаром мы написали клятву партизана. Она у меня сохранилась. Вот ее текст:

«Я, сын трудового народа, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, принимаю звание бойца партизанского отряда и даю клятвенное обещание бороться, не жалея жизни, с немецко-фашистскими оккупантами; даю клятву уничтожать немецкую администрацию, старост, полицейских и их агентов; обязуюсь сохранять партизанскую тайну. И если я увилю от выполнения моего клятвенного обещания, то пусть меня постигнет суровая партизанская казнь».

В нашем отряде царил атмосфера дружбы, товарищества, взаимопомощи: горе и невзгоды делили пополам. В тяжелую минуту помогала шутка, острое словцо. Самая прекрасная дружба рождалась в смертельной опасности. Такая дружба духовно обогащает человека, помогает ему выдержать самые суровые испытания. Много скромных товарищей, которые в мирное время ничем не отличились, в партизанском отряде становились героями. На боевом счету Василия Черкаса 22 убитых фашиста. Образцы мужества и отваги показывали партизаны А. Попов и М. Ветров. Однажды, например, Михаил Ветров привел из разведки двух пленных, которые дали нам ценные сведения.

Конечно, командиру, комиссару и мне не приходилось отсиживаться в «кабинетах». Вместе с бойцами мы ходили и на разведку, и на операции. Припоминаю, это было под селом Гаражовка Петровского района. Я с группой бойцов пошла на разведку. Во время попытки захватить «языка» нам пришлось вступить в неравный бой с врагом. Мне удалось незаметно подползти к блиндажу и забросать его гранатами.

За время боевых действий отряд уничтожил около 200 солдат и офицеров противника, много военной техники, пустил под откос вражеский эшелон вблизи Изюма, систематически нарушал телефонную и телеграфную связь, взял значительные трофеи.

5 февраля 1943 года Красная Армия навсегда освободила Изюм от фашистских захватчиков. Большинство бойцов отряда влилось в действующую армию. Меня избрали секретарем Изюмского райкома ЛКСМУ.

ДОЛГ ВРАЧА

МНЕ НЕ УДАЛОСЬ эвакуироваться. Два раза получал по телефону приказ оставаться на месте до особого распоряжения, а третий раз обещали прислать машину, но не успели: Холодногорский мост был взорван и связь с городом потеряна. Больница была переполнена ранеными. Продуктов нет. За местных жителей я не боялся, их накормят родные. А как быть с красноармейцами?

Выход один: обратиться к домохозяйкам. Заходил в дома, объяснял положение. Собирались соседки, отрывали продукты от своей семьи, сообща варили и приносили пищу.

Персонал больницы работал не покладая рук. Операционная действовала круглые сутки. В коридорах — очереди. Раненые лежали, сидели, стояли. Особенно трудно было во время налетов.

Не раз приходили гитлеровцы, спрашивали, кто лежит. Я отвечал, что это гражданская больница. К счастью, никто из персонала не выдал, не нашлось предателя, который захотел бы выступить перед фашистами.

Вскоре стали прибывать и пленные. Холодногорская тюрьма превратилась в концентрационный лагерь. Она не отапливалась. Окна были выбиты. Наступили сильные морозы. Среди пленных смертность стала ужасающей. Ежедневно из тюрьмы вывозили фуры, наполненные трупами, а тех, кто еще был жив, выгоняли на работу, обессиленных, голодных. Они падали, их били, а то и пристреливали.

Совость требовала как-то помочь им. Но как? Решил пойти к коменданту лагеря. Пошел я вместе с дочерью Елизаветой (она говорила по-немецки). Комендант удивился, когда я попросил у него разрешения кормить пленных.

— Как это вы сможете? — спросил он.

По правде говоря, я и сам не знал, как смогу, но комендант разрешил. Тогда я опять обратился к населению, пошел на рынок. Просил передать по селам о положении пленных.

И снова откликнулись наши героические женщины. Они приносили ко мне на квартиру то что мог: картофель, бураки, раз-

ные крупы, махорку, иногда хлеб и сахар. Крупу мололи на кофейных мельницах. Сотрудница больницы М. И. Залесская пекла из этой крупы с примесью отрубей маленькие хлебцы. Варили бураки, картофель, вечером делали пакеты, и к выходу пленных на работу учительница Л. П. Маркова и Е. А. Мещанинова с повязками Красного Креста несли большие корзины к воротам лагеря. Часовые выстраивали пленных, раздавали еду.

Надо было видеть радость голодных продрогших людей, когда в их руки попадало что-то теплое, домашнее!

Но это было только начало. Откликнулась и деревня. Помощь стала солиднее. Привозили полные повозки продуктов, складывали в кладовой больницы. Заведовала ею М. Д. Корхова, помогали санитарка Л. Я. Полунина и другие. Мужественные пожилые женщины перебирали мерзлые овощи и продукты. Пальцы отекали, кожа трескалась. Целыми днями работали они в холодном помещении.

Мне удалось получить разрешение немецкого командования посылать желающих граждан по селам и там собирать продукты для пленных. Образовался филиал Красного Креста, который был вскоре закрыт. Эта организация стала работать под названием «Допомога». Появились добровольцы-ходоки, которые добирались до Богодухова и Ахтырки. Продуктов стало поступать еще больше. Это были главным образом картофель, бурак, морковь. Смертность среди пленных намного сократилась.

Фронтовая полоса отодвинулась дальше. Власти разрешили отпускать раненых, если за ними приходят родственники. Сотрудники «Допомоги» использовали это. Л. П. Маркова и Т. В. Ровенская ходили по камерам и с разрешения начальника тюрьмы опрашивали пленных, составляли списки, принимали от пленных письма, так как почта не работала. Стали приходить женщины даже из отдаленных районов. В бюро справок узнавали фамилии пленных. Моя жена Н. А. Мещанинова и племянница Е. К. Дунчевская писали справки на украинском и немецком языках — по две справки на человека. Я подписывал, ставил печать. Одна справка оставалась в концлагере, другую ходоки несли в село, где удостоверяли, что действительно такой-то из данного села.

Это была большая работа. Ходокам не успевали писать справки. Эти мужественные женщины редко находили своих близких, но они уводили к себе других. Нередко украинцы брали пленных русских. Наши женщины проявили настоящий героизм: шли пешком зимой за десятки километров, чтобы выручить незнакомого, но дорогого для них человека — воина Красной Армии.

Как-то собралась большая партия пленных «инвалидов», которых комендант лагеря отпустил домой, но поставил условие непременно их сопровождать. Л. П. Маркова и Е. А. Мещанинова согласились на это. С трудом достали наряд на подводы, погрузили пленных и на подводах, а многие пешком в зимнюю стужу двинулись за 150 километров от Харькова. Еле брели ослабевшие люди. В каждом селе их с радостью встречали, поили, кормили, оставляя у себя под видом родных.

В лагере среди пленных было много больных и раненых. Не хватало магратцев, люди валялись на цементном полу. В числе пленных были и врачи, а среди них — мужественный, энергичный врач-терапевт К. Р. Седов. Комендант лагеря поручил ему заведовать тюремным лазаретом. Огромную смертность среди пленных фашисты объясняли особой «русской болезнью». Седов не соглашался, доказывая, что смертность связана с дистрофией, которая является следствием голода. Настоял, чтобы выдали матрацы, а больных и раненых направили в больницу. Гитлеровцы вынуждены были выполнить это требование. Больных и главным образом раненых начали присылать в нашу 9-ю больницу. Быстро все койки были заполнены, мест не хватало. Тогда по моему и Седова настоянию разрешили открыть специальный госпиталь для раненых и пленных. После получения разрешения госпиталь на 150 коек был открыт в здании 7-й поликлиники на верхнем этаже. Начальником госпиталя назначили хирурга П. С. Делевского. Ординаторами работали два пленных врача. Хозяйством заведовала М. Д. Корхова, помогала ей Л. Я. Полунина. Оборудование было жалкое, но все же пленные лежали на койках и за ними ухаживали свои люди. С апреля 1942 года до ноября через госпиталь прошло 550 человек. Ни один из них не вернулся в лагерь.

Под предлогом обслуживания госпиталя мы потребовали команду пленных. Они пилили дрова, косили сено, обрабатывали землю, полученную нами около Куряжа, завели огород. Эта команда жила в устроенных общежитиях. Работа на свежем воздухе и относительная свобода укрепляли здоровье пленных. Начались побегі. Благодаря К. Р. Седову, который приводил эту команду, побегі проходили незаметно. Когда же они приняли массовый характер, я получил предупреждение, что буду отвечать за это по закону военного времени. Немцы поняли, наконец, что 9-ю больницу превратить в концлагерь невозможно, поэтому перевели госпиталь в 1-ю больницу и в школу на улице К. Маркса. Доктор К. Р. Седов организовал в тюрьме подпольную организацию. Ее члены собирали разрозненные части пулеметов, прятали их в автоклавах. При отступлении гитлеровцы прислали отряд, чтобы угнать пленных. Его встретили пулеметным огнем.

Так работал персонал 9-й больницы в годы оккупации. Между прочим, наши врачи спасали не только раненых и пленных. Если приходили и здоровые люди, которым необходимо было перейти зону оккупации, им давали паспорта, которыми снабжала нас архитектор Т. Г. Новицкая, продукты на дорогу.

В 9-й больнице был радиоприемник, который раздобыла инженер Е. А. Родионова, дочь нашей фельдшерицы. Она перенесла его к себе на квартиру и по утрам принимала сводки Советского информбюро. Надо отметить, что о ходе боев на Волге мы узнавали раньше, чем немецкие солдаты. Это придавало нам бодрость и вселяло веру в победу.

Удалось нашему коллективу избавить от принудительной отправки в Германию много молодежи, особенно девушек. Обычно мы их принимали в больницу, якобы для операции аппендицита, а как только опасность проходила — выписывали.

ТАК ПОСТУПАЛИ СОВЕТСКИЕ МЕДИКИ

В ОККУПИРОВАННОМ Харькове гитлеровцы создали несколько концентрационных лагерей. Там, за колючей проволокой, каждый день умирали сотни военнопленных. Большинство из них были раненые и больные. Они не получали необходимой врачебной помощи, лекарств, их морили голодом.

Я в то время работала в 9-й городской больнице, которой руководил профессор А. И. Мещанинов. Медицинские работники решили оказать помощь раненым и больным военнопленным.

Перед приходом фашистов в больнице находилось много раненых красноармейцев. Все они были прооперированы и одеты в больничную одежду. Многим пришлось забинтовать головы, чтобы короткая солдатская стрижка не бросалась в глаза. Гитлеровцам, которые явились к нам, мы сказали, что это местные жители, пострадавшие от бомбежек и обстрелов.

С первых же дней оккупации лечебница перестала получать продукты для больных, и А. И. Мещанинов обратился с призывом к населению помочь продуктами. Харьковчане откликнулись на этот призыв. Люди приносили овощи, зерно, крупу, иногда последний кусок хлеба...

Раненые, поступившие в больницу до прихода фашистов, не попали в концлагерь. Мы всех выписали как гражданских лиц. Местные жители взяли их к себе под видом родственников или переправили в ближайшие села, а оттуда многие из них ушли в партизанские отряды.

На Холодной Горе в бывшем здании тюрьмы фашисты создали концентрационный лагерь. Здесь находилось несколько десятков тысяч человек. Заключенные сотнями умирали от голода и эпидемий. Истощенных, едва живых людей фашисты гоняли на различные работы. Их заставляли, например, впрягаться в повозки и тащить на себе бочки с водой. Сердце обливалось кровью при виде истощенных, похожих на скелеты людей, которые шли, держась друг за друга, едва передвигая ноги, по обледелой дороге. Огромная бочка с водой тянула их назад, и они падали, не имея сил не только тащить тяжесть, но и просто держаться на

ногах. Тех, которые не могли самостоятельно подняться, фашисты пристреливали тут же на дороге.

Гитлеровцы с автоматами не позволяли никому близко подходить к военнопленным и передать им хотя бы кусок хлеба. И вот, несмотря на грозившую ему опасность, А. И. Мещанинов под знаком Красного Креста отправился к коменданту лагеря с просьбой направить к нему в клинику больных и раненых заключенных. Тот сначала не соглашался, но когда ему было обещано после лечения возвращать обратно в лагерь здоровых людей, то это предложение коменданту очень понравилось и он согласился.

Через некоторое время в 9-ю больницу начали поступать раненые и больные военнопленные. Люди были крайне истощены, но, попав в более или менее человеческие условия, стали оживать и быстро поправляться. Население все время помогало нам продуктами.

Теперь перед нами встала новая задача — не только выводить наших воинов, но и спасти их от плена. В 9-й больнице это было не трудно делать, так как она не охранялась, и под видом гражданских больных мы выписывали военнопленных. Их брали к себе многие холодногорцы, а чаще всего увозили сельские жители, которые доставляли нам продукты.

Через несколько месяцев комендант Гембек узнал, что в лагерь возвращается очень мало военнопленных. Это привело его в бешенство, и он решил перевести всех военнопленных в 1-ю городскую больницу и поставить там усиленную охрану.

Здесь распоряжался фашист военный врач Ганс Штапперт. Главным врачом и своим помощником он назначил русского врача Голованова, который так старательно выполнял все приказания немцев, что заслужил ненависть больных и персонала.

А. И. Мещанинов предложил мне перейти работать в эту больницу, с тем чтобы продолжить там начатое нами дело освобождения военнопленных. Мне очень не хотелось переходить туда, но мысль о том, что я смогу помогать советским людям, заставила меня согласиться. Я взяла с собой несколько сестер, с которыми уже сработалась и которым полностью доверяла. Это были моя родная сестра А. Ф. Никитинская, Е. М. Зизина и А. И. Шевченко.

Теперь нам приходилось действовать особенно предусмотрительно, обдумывать каждый свой шаг, прежде чем помочь бежать кому-либо из военнопленных.

В 1-й больнице также нашлось немало людей, которые с радостью начали нам помогать. Итак, постепенно у нас организовалась небольшая патриотическая группа, в которую входили

кроме бывших работников 9-й больницы старшая сестра В. М. Морева, операционная сестра Ю. Ф. Випниченко, перевязочная сестра Л. Стрижак, палатная сестра З. Кацеруба, фельдшер Ю. Е. Корсак (позже мы узнали, что он был советским разведчиком), санитарка М. И. Гурина, повар Е. С. Мишасова и другие. Несколько раз А. Ф. Никитинской и В. М. Моревой удалось, пользуясь пропуском одного из членов группы, провести военнопленных, переодетых в гражданскую одежду, мимо охранника. Мы пользовались тем, что фотографии на пропуске не было. Однажды двух человек перенесли в морг и там их оставили на ночь, снабдив пропусками. Утром они переоделись в специально приготовленную для них гражданскую одежду и вышли на улицу: морг не охранялся.

Но все это было очень рискованно, поэтому вскоре мы решили действовать иначе. Из бывшего гинекологического корпуса (во время оккупации здесь размещалось хирургическое отделение) был ход через подвальную дверь на улицу. В подвале лежали старые койки и всякие ненужные вещи, которыми медицинские работники замаскировали дверь, оставив к ней незаметный проход. Тех, кто должен был бежать, ночью провожали в подвал и показывали им дверь. Рано утром они выходили через эту дверь и шли по заранее указанному адресу, где их укрывали надежные люди. А потом А. Ф. Никитинская шла в подвал под тем предлогом, что надо было принести оттуда какую-нибудь подстилку для кровати, и закрывала дверь. Так мы помогли бежать из госпиталя 10—15 человекам.

В терапевтическом отделении, которым заведовал И. Н. Рахманинов, мы часто прятали своих военнопленных. После отбора людей в концлагерь их забирали обратно. Иван Николаевич никогда не отказывал нам в помощи.

Однажды во время такого отбора Штапперт обнаружил, что из терапевтического отделения исчезло много больных. Фашист раскричался, вызвал всех заведующих отделениями к себе в кабинет и начал на всех кричать, а потом спросил у доктора Рахманинова: «Почему у вас из отделения убежали военнопленные? Вы плохо смотрите за ними». Рахманинов ответил: «Я врач, а не палач, мое дело лечить больных, а ваше дело сторожить их». Тогда Штапперт взбесился и крикнул: «Выйдите все из кабинета! А вы (он указал на Рахманинова) оставайтесь».

Все вышли. Оттуда еще несколько минут доносились крики Штапперта и тихий голос Рахманинова, затем раздался выстрел. Дверь распахнулась и фашист выскочил из кабинета, крикнув нам, что так же он расправится со всеми, если будут продолжаться побег. Когда мы вошли в комнату, то увидели лежав-

шего на полу И. Н. Рахманинова. По его лицу бежала тоненькая струйка крови. Он был убит.

Штапперт хотел запугать нас и заставить выполнять все приказания, как это делал его помощник Голованов. Но расправа над доктором Рахманиновым вызвала у нас еще большую ненависть к врагу и желание отомстить фашистам. Лучшей мстью была организация побегов военнопленных. А они продолжали все время исчезать из госпиталя, несмотря на усиление караула и другие принятые фашистами меры.

Хорошая связь наладилась у меня с доктором К. Р. Седовым, который возглавлял подпольную группу в концлагере. Он привозил из концентрационного лагеря часто совсем здоровых, правда, сильно истощенных людей и говорил, что их надо подкормить и затем помочь уйти из госпиталя.

Таких военнопленных (это были чаще всего командиры и комиссары), чтобы они не бросались в глаза Штапперту и его прихвостням, мы с Юлей Винниченко «оперировали» по ночам. Делали, например, разрез кожи на животе и накладывали швы. Это должно было означать, что больной страдал острым аппендицитом или прободной язвой желудка. Укладывали «больного» в постель, а потом в ближайшее время старались вывести его из госпиталя. А когда он бесследно исчезал, то немцам и даже некоторым медработникам говорили, что этот больной умер.

Как-то две недели не появлялся у нас доктор Седов. Немцы сами привозили раненых. Я начала беспокоиться и решила пойти в концлагерь. Фронт приближался и чувствовалось, что гитлеровцы что-то замышляют. Надо было попытаться спасти всех, кого возможно.

В концлагерь я отправилась под предлогом получения лекарств (немцы иногда давали нам ничтожное количество медикаментов). Там, получая лекарства, я попросила вызвать Седова. Его вызвали. Он успел мне шепнуть, что за последнее время немцы отправили из лагеря несколько машин с тяжелоранеными — будто бы в госпиталь, а когда он попытался поехать сопровождать их, то его посадили в карцер. Я ответила, что к нам никого не привозили, а наоборот, приказали всех ходячих готовить для перевода в лагерь. Он сказал: «Если их не привезли к вам, значит расстреляли».

С приближением фронта над ранеными нависла новая угроза. Штапперт все чаще отбирал еще не совсем окрепших людей для отправки в Германию. Возможно, многие из них попали в Майданек, Освенцим и другие лагеря смерти.

В феврале 1943 года, когда Красная Армия приближалась к Харькову, больничные палаты облетела страшная весть: фаши-

сты собираются взорвать госпиталь. Узнав, что немецкие солдаты привезли взрывчатку и поставили ее в ящиках у всех углов здания, мы немедленно решили вывести оставшихся раненых и больных из госпиталя. Кто мог передвигаться, тот уходил подальше во двор, люди прятались за низеньким зданием морга и лаборатории. На носилках и просто на руках работники госпиталя выносили из палат тех, кто не в состоянии был ходить. Среди раненых началась паника. Многие из них в гипсовых повязках и на костылях ползли вниз по лестнице со второго и третьего этажей. Спускаться по ступенькам они не могли, ложились на спину и скатывались вниз. Охраны уже не было, и очень многих забирали к себе женщины. Не боясь немецких солдат, проезжавших по улице, рискуя собственной жизнью, они вели и несли на носилках раненых в свои дома.

Когда в госпитале остались только те, кого из-за тяжелых гипсовых повязок невозможно было вынести из палаты, ко мне подбежала Е. М. Зизина: «Валентина Федоровна, уходите скорее, сейчас взрывать будут». Она бросилась вниз. Раненые, услышав ее слова, начали надрывно кричать: «Доктор, не оставляйте нас, не уходите!» Конечно, я не могла спасти их своим присутствием, но им казалось: если кто-нибудь из персонала останется с ними, то ничего не случится, а если все уйдут, тогда — конец... Я не могла оставить их, а сама каждую минуту ожидала взрыва. Ходила по палатам, успокаивала больных, говорила, что это только паника, никакого взрыва не будет...

Вдруг кто-то из сотрудников убежал на третий этаж и закричал: «Взрывчатку спрятали, немцы ушли!» Я бросилась в коридор, чтобы раненые не видели, как слезы бегут у меня по лицу.

В первый момент после пережитого нервного потрясения я не могла сообразить, что же надо делать? Но тут выручили наши сестры-хозяйки. Они первые начали собирать всех санитарок, чтобы привести в порядок палаты на случай, если для раненых бойцов Красной Армии, которая уже входила в город, понадобятся места в госпитале. Тогда и я пришла в себя и собрала сестер, врачей и технический персонал. За несколько часов мы привели в порядок палаты и операционную. И когда наши войска шли по харьковским улицам, мы были полностью готовы к приему раненых. А их было много, и мы по трое суток не выходили из больницы, но никто не жаловался на усталость.

Через месяц в город снова вступили гитлеровцы, но еще до прихода фашистов всех раненых, которых не успели эвакуировать, население спрятали у себя. Те, которые в состоянии были передвигаться, уходили из города, и только тяжелораненых оставляли на месте. Одного из них я взяла к себе. У него после ране-

пия в живот начался гнойный перитонит, а так как не было необходимых антибиотиков, то, несмотря на все наши усилия, мы не смогли его спасти. Раненый все время бредил и громко кричал: «Будь проклят, Гитлер!» Мы очень боялись, чтобы кто-нибудь из соседей нас не выдал. Повсюду в городе снова были расклеены объявления, в которых гитлеровцы грозили расстрелом всем, кто укрывает у себя красноармейцев и партизан, и тем, кто знает, где они укрываются, и не доносит об этом властям.

После вторичной оккупации Харькова 1-ю больницу немцы заняли под свой военный госпиталь, а военнопленных перевели в помещение 13-й школы по ул. Карла Маркса. Все здесь было сделано по образцу концлагеря: вокруг колючая проволока в несколько рядов и усиленная охрана. Снова немцы создали концлагерь на Холодной Горе, откуда к нам доставляли несчастных людей, но сейчас привозили только тяжелораненых. Не было уже нашего товарища К. Р. Седова, с которым как-то увереннее я себя чувствовала. Он успел уйти с нашими войсками. Теперь раненых привозил немецкий фельдшер. Снова явился «шефарцт» Ганс Штапперт.

В этот период гитлеровцы особенно свирепствовали. Чуть ли не каждый день устраивались облавы. На улицах и площадях оставалась грузовая машина, выскакивали немецкие солдаты, хватали всех, кто попадался под руку, загоняли в машину и увозили на «сборный пункт» для отправки в Германию. Каждый из нас, кто должен был выйти на улицу, не знал, вернется ли он домой. Людей расстреливали тысячами.

Несмотря на все зверства фашистов, мы чувствовали, что приходит конец их власти. Не помню уже, кто принес советскую листовку в госпиталь. Военнопленные вырывали ее друг у друга из рук. Все это поднимало дух и вселяло надежду в наши сердца.

Обидно было тем нашим офицерам и солдатам, которые в эти последние месяцы перед освобождением Харькова попали в плен. В одной из палат у нас лежали почти все летчики: К. Шаркович, Н. А. Соболев, В. П. Зайцев, капитан Семиренко, полковник Стафеев и другие.

В июле в госпиталь доставили в тяжелейшем состоянии летчика А. В. Устинова. У него было 16 ранений, он потерял очень много крови. Сейчас же мы с Юлей Винниченко взяли его на операционный стол, обработали раны, удалили осколки разбитых костей и пули, сделали переливание жидкостей (крови не было). Но у него имелось еще два тяжелых ранения в грудную клетку. Немедленное оперативное вмешательство исключалось. Нужно было сначала дать раненому немного окрепнуть. Прошло несколь-

ко дней. К сожалению, антибиотиков мы по-прежнему не имели, а другие препараты, как, например, сульфидин, стрептоцид, не оказывали необходимого действия, и у летчика поднялась высокая температура. Пуля, застрявшая в легком, дала нагноение. Надо было срочно оперировать, но перед этим следовало сделать рентгеноисследование легких и установить, где же находится пуля, можно ли ее удалить. Для этого я попросила врача в немецком госпитале разрешить мне воспользоваться рентгенкабинетом. Я не стала обращаться с этой просьбой к извергу Штапперту, так как знала, что он мне ответит: если нет надежды на скорое выздоровление больного, его надо пристрелить.

Когда Штапперт уехал из госпиталя, я организовала эту «экспедицию». Посоветовавшись, мы решили воспользоваться удобным случаем и не только отнести Устинова на рентген, но и освободить другого летчика Н. А. Соболева. А. Ф. Никитинская предложила взять с собой гражданскую одежду для Соболева и в рентгенкабинете его переодеть.

Предварительно я договорилась с медсестрой 6-й поликлиники Н. П. Протопоповой. Она должна была ожидать нас на улице, чтобы увести Соболева и положить временно в гражданскую больницу, так как он еще нуждался в специальном лечении (у него был удален глаз после ранения). Мы решили осуществить намеченный план между тремя и четырьмя часами дня. Как раз в это время менялась охрана у ворот, и мы рассчитывали при одних охранниках выйти, а при других войти. Тогда не заметят, что не все вернулись.

Вышли мы целой процессией: четыре санитары из выздоравливающих несли Устинова на носилках, за ними А. Ф. Никитинская вела под руку Соболева, я и Юля замыкали шествие. Юля несла бикс (металлическая коробка для стерильного материала), в котором находились пиджак, брюки и ботинки, прикрытые сверху простыней и ватой. Мы бодро прошли мимо охранников, объяснив им, что идем на рентген в немецкий госпиталь. Там же никакой охраны не было, поэтому мы совершенно свободно прошли в рентгенкабинет, где работал наш советский врач К. А. Резцова. Мы посмотрели летчика, наместили, как его оперировать и, оставив А. Ф. Никитинскую укладывать и нести в обратный путь Устинова, вышли во двор. Так как в рентгенкабинете переодеть Соболева не удалось, то я все время искала место, где бы он мог переодеться. Наконец увидела будку, в которой прежде стоял охранник, когда здесь находились военнопленные. Я сказала Соболеву: «Быстро заходите в будку и переодевайтесь». Юля зашла за ним. Повернувшись к Соболеву спиной и заслонив собой вход, мы начали оживленно разговаривать. Он быстро переоделся,

отдал Юле свою больничную одежду, которую она положила в бикс, и пошла в госпиталь, а я с Соболевым вышла на улицу. Н. П. Протопопова уже поджидала нас. Передав ей Соболева, я вернулась в госпиталь. Там уже стояли другие охранники, и все сошло благополучно.

Александра Федоровна сразу же положила на освободившуюся койку раненого из коридора, а больным мы сказали, что Соболева перевели в другое отделение. Возможно, в палате догадывались об истинной причине исчезновения летчика, но никто ничего не спрашивал.

Контакт с женщинами, которые приносили одежду и продукты, поддерживала в основном А. Ф. Никитинская. Она у себя в бельевой устроила настоящий склад гражданской одежды. Если бы Штапперт заглянул туда, то немедленно отправил бы ее в гестапо. Кроме одежды у нее хранились и документы некоторых раненых, ордена, справки, удостоверения. Все это она прятала в разных, только ей известных закоулках.

8 августа был совершен групповой побег из госпиталя. Раненые сделали подкоп под забором. Ушло около 30 человек, в том числе летчик В. П. Зайцев, Н. О. Бокуи, Голубев, Школьный. Это было как раз накануне того дня, когда Штапперт отбирал выздоравливающих для отправки в концлагерь. Утром побег был обнаружен, и Штапперт бегал разъяренный по зданию госпиталя и угрожал всем расправой. Кончилось тем, что несколько еще не совсем поправившихся раненых он отправил в концлагерь. Те, которые сопротивлялись, были расстреляны во дворе госпиталя.

В госпитале работало много врачей и сестер. Санитарок же было мало, их работу выполняли выздоравливающие, которых мы всячески задерживали в госпитале, чтобы их не отправили обратно в концлагерь.

С нами работала одна военнопленная медсестра. Нам очень хотелось помочь ей скрыться из госпиталя. Но сделать это было очень трудно: среди военнопленных она была единственной женщиной, поэтому ее отсутствие было бы сразу обнаружено. И все же мы решили вывести ее из госпиталя по пропуску одной из сестер. Александра Федоровна достала для нее гражданскую одежду и медицинский халат, посадила ее дежурить у тяжелобольного до того времени, пока уйдут немцы из госпиталя и останется одна охрана.

К несчастью, Штапперт снова зачем-то пошел по палатам и вдруг увидел девушку. Он ее знал в лицо и сразу заподозрил что-то неладное. Немец заставил ее снять халат и увидел, что она одета в обыкновенное платье. «Кто ей дал одежду? — орал Штапперт. — Где сестра-хозяйка?» Александра Федоровна, услы-

шав эти крики, быстро сняла халат и вышла из госпиталя, а я сказала, что хозяйки нет, она заболела. Тогда Штапперт приказал своему фельдшеру немедленно отправить девушку на Холодную Гору. Дальнейшая судьба ее нам неизвестна.

Наша армия приближалась к Харькову. Все об этом знали и с замиранием сердца прислушивались к отдаленной орудийной канонаде. Фашисты, занятые спасением собственных шкур, почти перестали к нам приезжать. Потом вдруг сменили охрану, вместо немцев поставили полицаев. Эти тоже видели, что приходит конец «немецкому порядку», и когда женщины начинали на них особенно наседать и просить пропустить их для того, чтобы взять из госпиталя «сына» или «мужа», то некоторые полицаи соглашались сделать вид, что они не видят, как мы выводим, а женщины забирают раненых. Таким образом удалось вынести на носилках и летчика Устинова. Взяла его к себе на квартиру Е. И. Шидковская, проживавшая по улице Кацарской, № 34.

В результате «транспортировки» у него еще выше поднялась температура. Вместе с Женей Зизиной или Юлей Винниченко мы ежедневно навещали его, перевязывали, но я видела, что у больного начинается гнойное воспаление легкого и срочно нужна операция, иначе он погибнет. Решила оперировать его тут же, на квартире у Шидковской. Мы принесли с Юлей все необходимое для операции, и я сделала ему резекцию двух ребер,插入了 резиновую трубку, через которую должен стекать в банку гной из легкого. Женя Зизина сделала ему инъекции камфары и кофеина. Потом мы забинтовали раненого и оставили его на попечение Ефросиньи Иосифовны, проинструктировав ее, как ухаживать за ним.

В последние дни перед приходом наших войск полицаи уже не стояли постоянно у госпиталя, иногда они уходили куда-то и по несколько часов не появлялись. В эти часы мы не только вывели и роздали населению всех ходячих больных и раненых, но и отнесли многих носилочных больных с гипсовыми повязками, не требовавших постоянного наблюдения. И только самые тяжелые больные, которых нельзя было даже переложить с койки на носилки, остались в госпитале.

Всех тяжелораненых санитарки вместе с койками перетаскивали в одну палату и всю ночь оставались в госпитале. Когда я на следующий день пришла, то увидела на двух этажах пустые палаты, всюду в беспорядке валялись шины, повязки, матрацы были свалены на одну из коек. В коридоре меня встретила Александра Федоровна: «Ну как, хорошо мы сделали? Это на всякий случай. Если заскочит кто-нибудь из немцев, скажем, что всех увезли. А вот посмотри, как мы забаррикадировали раненых».

Действительно, перед дверью в палату были нагромождены пустые койки, скамейки, стулья. Казалось, в этих опустошенных комнатах никого нет. На самом же деле был оставлен узкий проход в палату к раненым, и там постоянно дежурила одна из сестер. Я, как всегда, провела обход, успокоила больных, сделала необходимые перевязки, а потом с Женей Зизиной пошла по квартирам, где лежали наши раненые.

В последний день перед приходом наших войск я пошла в гинекологическое отделение, которое находилось в здании 1-й поликлиники на улице Свердлова, и договорилась там с дежурным врачом и сестрой, что мы к ним принесем на носилках одного раненого, которого до прихода наших войск надо спрятать в женской больнице. Они согласились, и мы, боясь, чтобы у Шидковской не обнаружили Устинова и не пристрелили его в последний момент, перенесли раненого в гинекологическую больницу. Там на него надели женскую рубашку, голова у него была забинтована, виднелись одни глаза на худом изможденном лице. Чисто выбрился он сам и вполне сошел за больную женщину. Положили его в отдельную палату.

На следующий день пришла Красная Армия и освободила многострадальный город от фашистских захватчиков.

Алексей Устинов потом рассказывал: когда он узнал, что по улице Свердлова идут наши войска, то не выдержал, сполз с кровати и вышел во двор. С трудом добрался до решетчатых ворот, держа в руках трубку, которая была вложена ему в грудную полость, стоял, смотрел на проходивших советских солдат и слезы неудержимо лились у него из глаз. Потом он остановил одного из них: «Подожди, браток, дай на тебя посмотреть поближе». Тот остановился, с удивлением посмотрел на Устинова, на его женскую рубашку, на ежик волос и прорастающую бороду на лице и сказал: «Что-то я не пойму — ты мужик или баба?» А у меня, рассказывал Устинов, спазмой перехватило горло и я не мог ничего сказать, только слезы радости, что, наконец, дождался своих, продолжали литься из глаз.

...Прошло много лет с того памятного августовского дня 1943 года, но никогда не забудем мы страшных месяцев оккупации Харькова. Велико было желание советских людей быстрее изгнать с нашей земли фашистских бандитов. И каждый стремился сделать все возможное, чтобы приблизить освобождение родного города. Так поступали и мы — советские медики.

ПОД СТРАХОМ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

ХАРЬКОВ захватили гитлеровцы. Тысячи советских патриотов погибли от рук палачей. Оккупированная территория покрылась густой сетью концентрационных лагерей. Голод и инфекционные болезни косили людей. За малейшее сочувствие партизанам фашисты беспощадно вешали, расстреливали. Особенно тяжелым было положение раненых и больных солдат и офицеров, оставшихся в тылу врага. Оккупанты запрещали оказывать им медицинскую помощь, они должны были сдать в плен, явиться на сборные пункты.

Но велика любовь советских людей к защитникам Родины. Мужественные и отважные патриоты спасали их жизнь даже под страхом смертной казни.

Таковыми патриотами были и медицинские работники 9-й больницы, которой руководил А. И. Мещанинов. Она была переполнена ранеными бойцами и офицерами Красной Армии. Всем им грозила смерть. Но врачи и профессор Мещанинов продолжали лечить их под видом гражданского населения. Ни один человек не попал в лагерь. Все впоследствии были выписаны и снабжены нужными документами.

Деятельность больницы и коллектива не ограничивалась пределами своего учреждения.

В первые дни оккупации улицы города покрылись виселицами. Когда на Холодной Горе появился большой концентрационный лагерь, врачи подумали и о тех, кто томился в этом лагере. Там находилось до двадцати тысяч узников; их заставляли выполнять тяжелые физические работы. Единственной пищей была гнилая конина, привезенная с поля боя, и небольшое количество испорченной крупы. Ночевали узники под открытым небом и в неотопливаемых камерах на каменном полу. Свищевствовали сыпной и брюшной тиф, дизентерия и другие болезни. Ежедневно вывозили оттуда до 400 трупов.

Не мог спокойно мириться с таким варварством случайно оставшийся на оккупированной территории профессор А. И. Мещанинов. Он заявил немецкому командованию решительный про-

тест, сообщил, что если гитлеровцы не в силах снабжать заключенных, то население города соберет продовольствие и сумеет облегчить их горькую участь. Такой же протест заявили и врачи, находившиеся в лагере.

Томительно длинными были дни ожидания ответа гитлеровского командования. Обычно у них был один ответ — расстрел. Однако немцы не решились уничтожить профессора Мещанинова и других медицинских работников. Тут были две причины: решительный протест советского правительства, высказанный в печати против массового уничтожения советского народа на оккупированной территории, и, кроме всего, фашисты опасались убить ученого, пользовавшегося большой любовью, чтобы не вызвать всеобщего возмущения. Они разрешили в конце концов посылать из лагеря часть больных и раненых в больницы Харькова, а заключенным врачам — организовать внутрилагерный «лазарет».

В 9-ю больницу сразу же была направлена большая группа раненых. Недоставало мест. А. И. Мещанинов организовал дополнительный госпиталь на базе 7-й поликлиники. Не хватало продуктов, простынь, одеял. Тут на помощь пришло население города и окрестных сел. Было собрано все необходимое.

Профессор А. И. Мещанинов организовал свое подсобное хозяйство, которое тоже во многом помогало решать проблему питания больных.

Для спасения попавших в беду воинов были использованы все доступные нам методы лечения. Врачи и медицинские сестры, несмотря на полуголодное существование, отдавали для больных свою кровь. И если в лагере надежд на спасение почти не было, если там раненые содержались за каменными стенами с многорядными проволочными заграждениями, а усиленная немецкая охрана расстреливала при малейшем подозрении в попытке к бегству, то в 9-й больнице у бойцов появлялась надежда не только вылечиться, но и вырваться из фашистского плена. И эта надежда довольно часто осуществлялась. За годы фашистской оккупации в стенах 9-й больницы излечилось более двух тысяч раненых и больных из лагеря и более двухсот человек спаслись бегством при помощи коллектива больницы.

Осенью 1942 года, например, когда гитлеровцы обнаружили групповой побег выздоравливающих раненых из 9-й больницы, только случайность — неожиданно быстрая замена немецкой охраны лагеря австрийцами — спасла коллектив больницы от гибели.

Однажды, чтобы замести следы массового уничтожения советских людей в концентрационных лагерях, гитлеровцы пустили слух, будто бы на оккупированной территории высокая смерт-

ность объясняется тяжелой «русской болезнью», которую они никак не могут разгадать.

В ответ врачи-патриоты доказали, что так называемая «русская болезнь» есть не что иное как голод, который в условиях физического перенапряжения и зверских истязаний давал огромную смертность. Это вынудило гитлеровцев несколько улучшить питание заключенных. Им стали выдавать небольшое количество хлеба и других продуктов.

Кто же эти самоотверженные люди, которые в страшных условиях фашистского террора помогали раненым советским воинам, всемерно старались облегчить их участь, спасли многих от фашистской неволи или уничтожения?

Это были советские патриоты, медицинские работники — профессор А. И. Мещанинов, врачи П. С. Делевский, В. Ф. Никитинская, В. Ф. Центилович, М. А. Мещанинова, В. С. Воротинцев, заведующая лабораторией Е. А. Мещанинова, заведующая аптекой Е. М. Зизина, операционная сестра Т. В. Родионова, медсестры Е. А. Махмут, Н. Я. Семеренко, С. Б. Карпова, Л. В. Бонда, санитарки В. Г. Ревенко, С. П. Кушнарера, рентгентехник В. В. Шкателова и другие.

Советское правительство высоко оценило заслуги патриотов, удостоило их наград.

Следует в заключение отметить, что многие из спасенных советскими врачами воинов впоследствии стойко сражались против фашистских захватчиков, немало их было в рядах регулярной Красной Армии и в партизанских отрядах, а теперь они трудятся на заводах и фабриках, активно участвуют в построении коммунистического общества в нашей стране.

ПОДВИГ

ПРИ 6-Й ПОЛИКЛИНИКЕ Харькова в небольшом одноэтажном домике во время гитлеровской оккупации размещалось отделение госпиталя. В нем остались тяжелораненые воины Красной Армии, которых нельзя было увезти. Над ними нависла угроза смерти. Фашисты, конечно, их расстреляли бы. Надо было немедленно спасти людей. Мы посоветовались и спрятали всех в подвал поликлиники, а затем достали для них гражданскую одежду и разместили на частных квартирах. И вот тут проявился героизм наших людей.

Рискуя собственной жизнью, они укрывали у себя раненых воинов, делились с ними последним куском хлеба.

Вот они, эти патриоты: Ардемиса Кишишьян (мы ее называли Нюся), адрес: Грековская ул., 12; У. П. Тимошенко — Холодногорский въезд, 13; М. П. Летучая — Грековская ул., 10; М. П. Лаптева — Цигаревский пер., 40; И. Н. Журнаджан — Рыбасовская ул., 30, и другие. Они совершили подлинный подвиг.

Вспоминаю такой эпизод. Мы перенесли последнего тяжело раненного в голову лейтенанта-артиллериста Николая Фоменко на Цигаревский пер., 40, на квартиру М. П. Лаптевой. Только уложили его в кровать, как во дворе появились семеро эсэсовцев, вооруженных автоматами. Они вошли в квартиру, спросили: «Русиш зольдат есть?»

Я поняла — смерть. Откровенно говоря, сильно испугалась. Упала на кровать, заслонила собой раненого воина, закричала: «Это мой сын! Бомба разбила наш дом!» (Моя квартира действительно была накануне разрушена). Тут же в комнате была Е. И. Шершавицкая, которая хорошо знала немецкий язык, она оказалась очень находчивой, спокойно объяснила эсэсовцам: «Видите ли, ее квартиру бомбой разбило, сына ранило в голову, а сама она сошла с ума». Фашисты поверили, заглянули в ванну и пошли искать «русский зольдат» по сараям. Николай Фоменко был спасен. А сколько еще таких тревожных дней пришлось пережить М. П. Лаптевой и другим патриотам!

Раненых лечили на дому. Время от времени врач П. К. Давиденко делала «обход», осматривая больных, назначала дальнейшее лечение. У постели тяжелораненых дежурили по очереди, доставали для них питание и обеспечивали гражданскими документами.

Много воинов было освобождено также из концлагеря для военнопленных. 27 апреля 1943 года рано утром был налет нашей авиации на Харьков. В воздушном бою в районе Русские Тишки (возле леса) был сбит советский самолет, а летчик тяжело ранен в ногу. Немцы захватили его в плен.

О сбитом самолете заговорил весь Харьков. Надо было попытаться узнать о судьбе летчика. В госпитале удалось встретиться с фельдшерницей Марией Яковлевной (фамилии не помню). До войны она работала в 6-й поликлинике. Я спросила, не привезли ли летчика. Она ответила, что есть такой. Назвала фамилию Булахов.

— А кто из врачей работает в этом госпитале?

— Никитинская.

Валентину Федоровну Никитинскую я хорошо знала. Мне дали халат, косынку, и я прошла как сотрудница госпиталя.

Поинтересовалась у Петра Булахова:

— Ну, как вы себя чувствуете?

— Как может советский человек чувствовать себя в немецком плену? — с горькой усмешкой ответил он.

Я как бы не поняла его и снова спросила:

— Как ваше здоровье?

— Пусть бы нога в сто раз сильнее болела, лишь бы быть среди своих.

— Ну, вот что, не надо киснуть, вам могут помочь освободиться из плена.

Булахов с удивлением посмотрел на меня:

— А разве это возможно? — и попросил пойти в лес, туда, где лежал самолет. — Там остался мой товарищ, стрелок. Его надо разыскать и спрятать.

При этом он дал пароль. Утром мы с Шурой Поддубной отправились на поиски. Нашли разбитый самолет. Осмотрели его. Пошли искать, исколесили весь лес, но безрезультатно. Видимо, воин уже далеко ушел, пробираясь к фронту.

На второй день я встретила врача В. Ф. Никитинскую, рассказала о разговоре с Булаховым и попросила ее помочь ему бежать. Та пообещала, но раненый летчик еще не мог передвигаться без костылей. Надо было его везти. Мы с Поддубной несколько раз подходили туда с тачкой, чтобы подхватить летчика, когда его выведут. А когда его вывели, мы как назло были без тачки. И тут

нам повезло. Удалось нанять подводу. Вместе с Поддубной и 12-летним мальчиком Володей Кишищьяном, сыном Ардемысы Кишищьян, привезли Булахова к Моте Летучей на Грековскую, 10. Теперь он уже был вне опасности. Мы проводывали его, носили продукты, лечили до выздоровления. Но мы-то привезли и оставили, а М. Летучей пришлось немало поволноваться за жизнь летчика и за свою жизнь. Ведь могли и донести, предать и тогда — виселица. Все же советская патриотка не дрогнула ни разу, даже тогда, когда эсэсовцы шпыряли рядом. Это ли не подвиг?

Однажды врач Никитинская подготовила побег двух военнопленных советских офицеров: капитана-летчика Василия Зайцева, раненного в грудную клетку, и капитана-артиллериста Анатолия Семиренко. Побег должен был совершиться ночью, между двумя и тремя часами. Им предстояло пробраться через шесть рядов колючей проволоки и укрыться в подвале соседнего дома, а я к этому времени должна была принести им гражданскую одежду.

Я их не знала, и они меня не знали.

Подошла к подвалу, а окликнуть боюсь. Кто знает, может быть, засада. Все же негромко окликнула по имени. Они, как и было условлено, называли меня. С плеч словно семь пудов свалилось. Переоделись капитаны. Когда наступило утро, мы двинулись в путь, я пошла впереди, они сзади по обеим сторонам улицы. Устроила я их на частной квартире у М. П. Лаптевой.

Оба были спасены, оба вылечились.

С того времени прошло тридцать лет. И иногда посмотришь на медаль «Партизану Отечественной войны», которой меня и моих подруг П. К. Давиденко, А. В. Поддубную наградило Советское правительство, и опять все всплывает в памяти. До сих пор не могу забыть, с какой огромной волей стремился советский человек вырваться из плена, чтобы снова бить врага. Израненные, больные, они рисковали своей жизнью, и все же бежали, вновь брали в руки оружие и громили озверелых гитлеровских захватчиков всюду — на фронтах войны, в партизанских отрядах. Громили, пока не пришел час окончательной победы. С большим волнением вспоминаю и о мужестве простых советских людей, которые укрывали у себя раненых воинов. Какой несгибаемой волей и отвагой надо было обладать, чтобы под угрозой смерти спасти воинов!

СПАСИБО, ДЕВУШКА НАТАША!

ВО ВРЕМЯ Великой Отечественной войны первый мой боевой вылет на самолете «Ильюшин-2» был 5 июля 1943 года. Совместно с товарищами я штурмовал вражеский аэродром на окраине Харькова. Вылет был очень тяжелым. На подходе к цели нашу группу самолетов атаковало большое количество истребителей противника. В воздушном бою я был тяжело ранен, а стрелок Клековин убит.

Поврежденный самолет я вынужден был посадить на оккупированной территории, вблизи ХТЗ. При посадке потерял сознание, и меня подобрал гитлеровцы.

После короткого пребывания в немецком госпитале меня перевезли в больницу для военнопленных на улице Карла Маркса в помещении 13-й школы. Хочется тут сказать большое спасибо девушке по имени Наташа (фамилии ее не знаю). Она уделяла мне много внимания. Украдкой кормила меня, оказывала медицинскую помощь, в чем я тогда после тяжелого ранения очень нуждался. Меня держали в изолированной комнате, куда Наташа пробиралась, рискуя жизнью.

Я лежал на жесткой койке и думал о том, какие же хорошие наши люди. Оккупация, угрозы, издевательства не сломили их любовь к советским воинам. Однажды, когда гитлеровцы кончили меня допрашивать и ушли в другую комнату, я услышал приятный голос женщины. Она обратилась ко мне по имени. Ну, думаю, не все еще потеряно. А она со слезами сообщила, что немцы не оставляют меня в больнице, а куда-то увозят.

Помню, везли на повозке, а вслед шли люди и плакали. Я часто терял сознание и в таком состоянии снова попал в немецкий госпиталь. При операции мне хотели отнять нос. А ведь можно было его «пришить», что потом и сделали.

Примерно 11 июля привезли меня в госпиталь для военнопленных. Стало легче — появилась надежда бежать из плена. Кормили и лечили очень плохо. Фашистам не было смысла лечить советских воинов, особенно тяжело раненных. А легко раненных кое-как подлечивали и отправляли в Германию.

Обслуживающий персонал госпиталя в основном состоял из советских людей — медицинских работников, оставшихся в оккупации. Они оказывали всяческую помощь раненым. Врачи, сестры принимали все меры к тому, чтобы поскорее нас вылечить. Не было медикаментов, но патриоты доставали их и тайком приносили в госпиталь.

Харьковчане приносили нам и продукты. Около госпиталя часто собирались люди, оказавшиеся на временно оккупированной врагом территории.

Ко мне особенно чутко относилась Людмила Козлова — жена погибшего воина. Отрывая от своей семьи продукты, она приносила их мне.

6 августа из госпиталя мне удалось бежать, как и многим другим военнопленным. Помогла нам врач Валентина Федоровна Никитинская. Оказался я в гражданской больнице на площади Фейербаха. Сюда, рискуя жизнью, провожала меня Наталья Пименовна Протопопова. Она помогла спастись многим советским воинам. Наталья Пименовна вместе с Полиной Кузьминичной Давиденко приходили ко мне и в больницу. Друзья всячески старались выручить попавших в беду советских воинов.

В больнице особое внимание уделял мне профессор Землянский. Он делал это незаметно, и никто, кроме него, не знал, кто я такой. Когда стало опасно держать меня в больнице, добрые люди приютили на частной квартире. Здесь я и дождался прихода наших войск 23 августа 1943 года.

После освобождения Харькова вернулся в свою часть, продолжал службу в Красной Армии. Во многих боях участвовал, бил фашистов и в воздухе и на земле. За боевые заслуги присвоили мне звание Героя Советского Союза, вручили орден Ленина и Золотую Звезду. Награжден я также двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Александра Невского.

Тридцать лет минуло с тех пор, как шли жаркие бои за Харьков. Давно из руин и пепла поднялся город. Вырос он, похорошел. Новое поколение харьковчан знает о гитлеровцах и черных днях оккупации лишь по книгам да по рассказам старших.

Советские люди борются за мир, строят коммунизм. Но не могут исчезнуть бесследно раны на сердце. Мы хорошо помним те грозные годы. И мы их не забудем, борясь за то, чтобы наши поколения не знали ужасов войны. Вот почему и мне вспомнились оккупированный фашистами Харьков и девушка Наташа, и все наши замечательные советские люди, не ставшие на колени перед врагом, боровшиеся с ним всеми способами.

БОИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ
ХАРЬКОВЩИНЫ

МЫ СТОЯЛИ НА СМЕРТЬ!

В КОНЦЕ ФЕВРАЛЯ 1943 года немецкое командование, накопив резервы, двинуло на Харьков крупные танковые и мотомеханизированные части. Наши войска оказывали противнику решительное сопротивление, но вынуждены были отходить, неся большие потери в живой силе и технике. Возникла угроза обхода советских войск с флангов и их окружения. Командование принимало меры к тому, чтобы занять новые оборонительные рубежи и не пропустить фашистов через Северский Донец.

В этой обстановке взводу, которым я командовал, было приказано оборонять железнодорожный переезд южнее Тарановки. Воины поклялись умереть, но не пропустить врага.

Из донесений разведки стало известно, что в направлении Тарановки движется большая группа немецких танков, бронемашин, самоходных пушек, за которыми идет пехота. Изучив местность, я поставил задачу командирам отделений. Особые надежды мы возлагали на противотанковую пушку гвардии старшины С. В. Нечипуренко, на отделение гранатометчиков старшего сержанта И. Г. Вернигоренко и автоматчиков старшего сержанта А. П. Болтушкина. Заняв оборону, донесли командиру о своей боевой готовности.

Враг не заставил себя ждать. Пасмурным утром 2 марта 1943 года немецкие бомбардировщики несколькими волнами сбросили свой смертоносный груз на станцию Беспаловка, обстреляли ее из пулеметов. Станция и окраины села горели. Около 7 часов утра послышался гул моторов. Наш наблюдатель доложил, что движутся танки, бронемашины, самоходные пушки и тысячи солдат.

Не ожидая серьезного сопротивления, немцы шли походной колонной с открытыми люками танков. Время от времени раздавалась пулеметная и автоматная стрельба. Притаившийся взвод молчал. Но вот противник подошел к нашим позициям. Я приказал подбить ведущий и замыкающий танки. Запылали немецкие машины. Во вражеской колонне поднялась паника. Наша пушка своим огнем выводила из строя один за другим танки гитлеровцев. Фашисты вышли из боя, оставив перед позициями взвода

семь подбитых машин. В этом бою был тяжело ранен старшина С. Г. Зимин, прострелили и мне правую руку.

Первая победа воодушевила бойцов. Немцы сосредоточили свой огонь на нашей позиции. Вторую танковую атаку они повели развернутым фронтом. Мы начали нести потери. Обойдя нашу единственную пушку, немцы перебили ее боевой расчет, а пушку раздавили гусеницами танка. Старший сержант И. Г. Вернигоренко со своими гранатометчиками приготовился к бою. Когда танки подошли вплотную, он бросился к одному из них и подбил его гранатой. Взрывная волна отбросила мужественного воина. Мы думали, что он погиб. Солдаты, следуя примеру Вернигоренко, подбили еще несколько танков. Противник вынужден был отступить.

Артиллерийский наблюдатель, находившийся на колокольне в центре села Тарановки, указал полковой артиллерии расположение танков, и через наши головы на противника полетели снаряды.

Взвод наш поредел, осталось человек 10—11. Под прикрытием самоходной пушки двинулась на нас немецкая пехота. Силы иссякали. Смертью храбрых погиб старший сержант А. П. Болтушкин. Почти все солдаты были ранены. Мой связной рядовой Петр Шкодин взял у меня последнюю противотанковую гранату и пополз к самоходной пушке врага. Метким броском он подбил ее. Встреченные залповым огнем и гранатами гитлеровцы отошли от позиций, оставив более ста солдат и офицеров убитыми.

Наша артиллерия усилила огонь. Вскоре бой прекратился. На позициях взвода наступила тишина. Закованный в броню враг не прошел. Горсточка советских солдат выстояла. Более десятка вражеских танков, бронемашин и самоходных орудий остались на поле боя.

В этом неравном бою смертью героев погибло восемнадцать наших боевых товарищей. Пусть же их имена служат для советских людей символом нерушимой дружбы, товарищеской взаимопомощи и примером беззаветной преданности нашей великой Родине. Оставшиеся в живых были тяжело ранены и попали в разные госпитали. Родина высоко оценила наш ратный труд. 25 гвардейцам было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

КРОВЬ НЕДАРОМ ПРОЛИТА

В БОЯХ У СЕЛА Тарановки я командовал третьим отделением. Мне поручили занять переезд у станции Беспаловки, который был включен в район обороны Тарановки. Задачу разъяснили каждому бойцу, и солдаты начали готовиться к бою. Всю ночь копали окопы, все глубже уходили в землю, получше маскировали свои позиции.

Стало светать. Было тихо-тихо. Но это была тишина перед бурей. Сначала над нами пролетел самолет-разведчик. А через полчаса появились бомбардировщики. В районе Тарановка — Змиев они подняли вверх столбы дыма и скрылись. Вскоре с бугра стала спускаться колонна бронированных машин, а за нею пехота.

Наш взвод вступил в неравный бой. Расчет противотанковой пушки прямой наводкой поджег вражеский танк. Под другой я бросил гранату. Но вот движется третий танк, он стремится перескочить через переезд. Встав во весь рост и подняв над головой гранаты, гвардии сержант Грудинин бросил их в сторону вражеской машины, а когда увидел, что танк продолжает двигаться, то сам с гранатой в руке бросился под машину. Так смертью храбрых одним из первых в этом жестоком бою погиб Василий Грудинин.

Вражеские танки все напирали. Вышел из строя расчет нашего орудия. К нему стал старшина Сергей Нечипуренко. Орудие снова заработало. Был подбит еще один танк. Так мы выдержали первую атаку. Потеряв в этом бою несколько машин, враг отступил. Но и наши ряды поредели. От вражеской пули пал коммунист Андрей Скворцов. Ранен в руку был командир взвода Широин. Лишились гвардейцы и единственного орудия.

Вскоре фашисты ринулись снова к переезду. Он был им нужен, чтобы овладеть селом Тарановкой. И опять завязался неравный бой. Совсем близко от наших окопов стоял подбитый танк. Его пулемет непрерывно строчил. Я не удержался, выскочил из своего окопа, в один миг оказался у танка и, схватив кусок раз-

битой гусеницы, сильно ударил им по стволу пулемета. Огонь прекратился. Вторая атака фашистов также была отбита.

Гитлеровцы пошли в третью атаку. Теперь они двинули в бой около двух десятков танков. Машины вели огонь с ходу. Один из снарядов угодил в наблюдательный пункт командира взвода. Лейтенант Широнин потерял сознание. Контузило и меня от сильного взрыва гранаты, которую я бросил под вражеский танк.

Уже позже я узнал, что два наших смелых товарища Александр Болтушкин и Василий Павлов во время третьей атаки поползли к фашистским танкам, подбили два из них, но сами пали смертью героев.

Несколько суток гитлеровцы вели бой за переезд, но пройти его не смогли и отступили. Дорого обошлась фашистским захватчикам попытка прорваться в Тарановку. Взвод с честью выполнил боевую задачу. Долгое время меня считали погибшим в боях под Тарановкой. Вот почему звание Героя Советского Союза мне было присвоено посмертно. Но через некоторое время я поехал в Москву и там мне вручили орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

После выздоровления я трудился на восстановлении шахт, был председателем колхоза в родном селе, а сейчас работаю мастером на шахте № 1 в г. Новошахтинске.

В 1961 году в день Победы я посетил село Тарановку, принял участие в многолюдном митинге на братской могиле, осмотрел хозяйство колхоза, расцветающего на обновленной земле. Радостно было сознавать, что кровь наша не даром пролита, что советские люди не забывают подвиг героев-широнинцев, совершенный в боях за Советскую Родину.

В марте 1963 года меня как одного из гвардейцев-широнинцев пригласили в Чехословакию на празднование 20-летия первого боя чехословацких воинов у села Соколово. Наша делегация посетила ряд предприятий Праги, побывала в воинских частях, встретилась с генералом армии Л. Свободой, который в своей книге «От Бузулука до Праги» дал высокую оценку подвигу защитников Тарановки. Традиции боевого содружества советских и чехословацких воинов, рожденные в сражениях у Тарановки и Соколово, бережно хранят братские армии. Кровь, пролитая гвардейцами К. В. Билютина и воинами Л. Свободы в боях за Харьков, навечно скрепила советско-чехословацкую дружбу.

ПОБЕДА БЫЛА НЕЛЕГКОЙ

ВЗВОД готовился к обороне.

— Задача стоит перед нами трудная и ответственная,—говорил нам лейтенант П. Н. Широшин.— По данным разведки, против нас брошены крупные силы немцев. Но командование верит нам, оно знает, что мы умрем, но не сдадим своих рубежей.

Я внимательно слушал лейтенанта. За время службы в первом взводе я хорошо узнал этого смелого отважного командира, своих товарищей-бойцов, горячо любящих Родину и глубоко ненавидящих фашистов. Суровыми были лица солдат, когда они проходили по разрушенным городам и селам.

— Ну, гады,—гневно говорили солдаты,— доберемся мы еще и до вашего змеиного логова.

Каждый верил, что дойдет до Берлина, а затем вернется домой и начнет строить новую жизнь еще прекраснее, еще красивее прежней. И столько было грозной силы в каждом солдате, столько ненависти к врагу, что, казалось, один боец готов сражаться против батальона гитлеровцев. Я вспоминал беспримерный подвиг защитников города на Волге, раненых бойцов, которые не желали эвакуироваться, а оставались в боевых рядах. И вот сейчас, когда я после ранения прибыл в первый стрелковый взвод к лейтенанту Широшину, то и здесь встретил таких же смелых и отважных воинов. Поэтому я не сомневался, что мы выстоим, задержим противника.

Считая шоссе танкоопасным местом, лейтенант отдал приказ установить пушку у стены разбитого дома, а у обочины отрыть стрелковые ячейки.

— Поторапливайтесь, товарищи,—говорил Широшин, указывая места и ориентиры отделениям.— Противника лучше ждать в земле, чем за кочкой. От подготовки зависит успех обороны.

Все с напряжением всматривались в хмурое небо. И вот среди беспорядочно громоздившихся туч мелькнул силуэт самолета-разведчика. Спизившись и покружив над нами, он ушел вдоль линии железной дороги. Через несколько минут послышался гул бомбардировщиков, самолеты летели двумя эшелонами — по

восемнадцать в каждом. Впереди желтый «юнкерс» с черными крестами на плоскостях и свастикой на фюзеляже. Пройдя на бреющем полете над окопами, он круто взмыл вверх и ушел в сторону. Первый эшелон заходил на бомбежку. Бомбы пролетели окопы и разорвались далеко в стороне, не причинив нам никакого вреда. Заход первого эшелона был неудачен.

— Нагнали на вас страху, так вы и бомбить разучились, руки дрожат,— пошутил мой сосед из окопа слева.— А нет ли у тебя, браток, на добрую сигарочку табаку? — вдруг обратился он ко мне.— Скучно слушать эту симфонию. С сигарочкой как-то веселее, да и некогда потом будет покурить...

Близкий взрыв целой серии крупных бомб заставил нас прижаться к самому дну окопов. Рев моторов, вой сирен и близкие разрывы слились в единый сплошной гул. Земля вздрагивала. Осыпались стенки наших убежищ. Погиб боец из орудийного расчета, другой был контужен. Но этим массовым налетом фашисты не добились своей цели. Сделав несколько заходов, самолеты ушли.

Не успел затихнуть гул авиационных моторов, как до нашего слуха донесся новый, поднимающийся от земли рскот. Из-за пригорка показались две самоходки, за ними шли танки. Двигаясь, не снижая скорости, они надеялись, видимо, ошеломить наших бойцов и посеять панику.

— Нечипуренко! — раздался спокойный голос Широнина.— Помогайте Тюрину, бейте их прямой наводкой!

— Есть бить прямой наводкой! — ответил гвардии старшина и, пригибаясь, побежал к замаскированной пушке.

— Приготовить гранаты! — приказал командир.

Я начал готовить связку. Сбоку вела огонь наша пушка. Стальные чудовища, изрыгая на ходу огонь и металл, упорно шли на окопы, поливали их свинцом из своих пулеметов. Вслед за ними, пригибаясь и стреляя на ходу из автоматов, бежала вражеская пехота. Но вдруг у гусениц первой самоходки вырос столб земли и огня. Стальная громадина дрогнула и, пройдя по инерции еще несколько метров, застыла на месте. «Молодец, Тюрин,— подумал я.— Бей их, гадов!» Бойцы стреляли по смотровым щелям, мешая противнику вести прицельный огонь.

Гибель первой самоходки внесла замешательство в ряды противника. Немцы остановились, как бы раздумывая, после чего второе самоходное орудие круто повернуло назад. Не пошли дальше и танки. Они, рассыпавшись по степи, вели обстрел наших позиций. Разгоряченные боем и окрыленные первой победой, мы не заметили, как под прикрытием железнодорожной насыпи вторая самоходка зашла к нам в тыл.

— Смотри, сзади самоходка! — прокричал охрипшим голосом Широкин. — Не подпускай ее к окопам!

Я оглянулся. Перевалив через железнодорожную насыпь, плавно покачиваясь на неровностях почвы, к нашим окопам неслась на полной скорости смертоносная машина. Рядовой Скворцов, выпрыгнув из окопа со связкой гранат в руке, бросился ей наперерез. Пробежав несколько десятков метров, он упал, по-видимому, раненый. Но лежал Скворцов лишь какое-то мгновение. Неуклюже повернувшись на бок и сжимая в правой руке связку гранат, он пополз вперед. Вражеские танки, усилив огонь, вновь двинулись в лобовую атаку. За ними поднялась залегшая пехота. Я не видел, как погиб под гусеницами вражеской машины наш боевой товарищ. Я мог только догадываться об этом. Вражеские танки и пехота повернули поспешно назад. Возле наших окопов остались две подбитые вражеские самоходки и несколько десятков трупов немецких солдат.

Несмотря на ранение, лейтенант Широкин продолжал так же спокойно и умело руководить боем. Во время короткого затишья он обошел окопы, говорил с бойцами, подбадривал их. Спокойствие и уверенность нашего командира подняли дух солдат. Послышался оживленный разговор, шутки.

— Главное — берегите себя, — говорил Широкин. — На каждого из нас приходится десятки врагов. Погибнуть в бою — небольшая мудрость, а выжить и победить — вот наша задача.

Вскоре началась вторая атака. Послышалась команда:

— Отсекай пехоту от танков! Бей по смотровым щелям!

Ружейно-пулеметный огонь наших бойцов заставил залечь вражеских солдат, но танки продолжали упорно двигаться. Пошли в ход гранаты. Наше третье отделение находилось несколько в стороне от направления движения танков и вело отсекающий огонь по вражеской пехоте, лишая ее возможности под прикрытием танков ворваться в окопы. Но и отделение несло большие потери. Танки подходили все ближе. Дрожала земля, осыпались стенки окопов. Сквозь рев моторов, лязг гусениц и сухую трескотню винтовочных выстрелов до меня донесся крик:

— Болтушкин побежал к танку!

Я оглянулся, услышал взрыв и увидел накрепившийся танк. Слава тебе, герой!

Дальше все шло, как в тяжелом сне. Еще кто-то бросился под танк, кто-то со злобой кричал:

— Сволочи, не возьмете! Это вам, гады, за Болтушкина, а это за Скворцова! — каждое проклятие сопровождалось взрывом гранат.

Прислонившись к передней стенке окопа и уронив голову на бруствер, замер С. Г. Зимин, сраженный вражеской пулей.

Вражеские танкисты, видно, не решились отрываться от легкой пехоты и отошли назад, оставив несколько подбитых машин. Но не успели мы вытереть потные лица, как танки пошли в третью атаку.

— Держитесь, товарищи! — снова прокричал Широкин. — Скоро придет подкрепление! Бейте только наверняка.

И мы били! Каждый из нас делал все, чтобы не пропустить противника, не дать ему прорваться через наши рубежи, не открыть дорогу на Харьков.

Сколько часов длился бой, не помню. Знаю, что во время третьей атаки наша пушка молчала. Разорвавшийся неподалеку снаряд контузил и отбросил Тюрина в сторону. Оглушенный С. В. Нечипуренко сам начал разворачивать пушку на приближающийся танк. Но не успел: его тяжело ранило. Был завален обрушившейся стеной окопа и лейтенант Широкин. В разгар третьей атаки я почувствовал, как мне обожгло левую руку немного выше кисти. Но не сразу обратил на это внимание. И только когда танки повернули назад, а вслед за ними поспешно начала отступать пехота, я заметил, что ранен.

Оглянулся. Сзади развернутой цепью, короткими перебежками шла наша пехота. «Подкрепление!» — обрадовался я. Выкарабкался из наполовину обвалившегося окопа, осмотрелся. Вокруг только трупы да обгоревшие остовы фашистских танков. «Неужели я остался один из всего взвода?» — пронзила меня страшная мысль. Да, никого наших не было видно. Я пошел навстречу наступающим частям. Мне сделали перевязку и отправили в тыл. Значительно позже я узнал, что лейтенант Широкин, наш боевой друг и командир, остался жив.

Я был направлен в гвардейский кавалерийский корпус. Принимал участие в Курской битве, участвовал в освобождении Полесья, прошел до Берлина.

Тридцать лет минуло со времени тяжелого боя у села Тарановки. Многое позабылось с тех пор, забылись некоторые детали боя. Но никогда не померкнет память о тех, кто не может сейчас разделить с нами радость мирной счастливой жизни.

ВЕРНЫЕ РОДИНЕ

К БОЮ В СЕЛЕ Тарановка, Змиевского района, наш взвод, которым командовал лейтенант Петр Николаевич Широппин, пришел закаленным во многих боях, накопив опыт, мастерство.

В Тарановке мы всю ночь находились в разведке. Нашей основной задачей было обнаружение огневых позиций противника. Для этого обычно командир взвода лейтенант Широппин приказывал обстрелять позиции врага из 82-миллиметрового миномета, установленного в первой траншее. Немцы, обнаружив миномет, открывали по нему огонь из орудий, а разведчики в это время засекали огневые точки и наносили их на карту. Меняя огневую позицию вдоль линии фронта, командир вызывал огонь все новых и новых батарей противника, а когда они открывали стрельбу, Широппин с бойцами был уже в другом месте.

Разведав огневые точки гитлеровцев, после мощного артиллерийского обстрела наша часть начинала наступление. Немцы цеплялись здесь за каждый рубеж, переходили в контратаки.

По шуму моторов разведчики установили, что противник накапливает танки. Для борьбы с танками мы использовали противотанковую пушку, которую тщательно замаскировали. Утром вражеская пехота при поддержке танков и самоходных орудий перешла в атаку. Букаев, я и другие бойцы огнем из автоматов и пулеметов заставили пехоту противника залечь. Были подбиты два танка и одна самоходка. Атака захлебнулась.

Порой удивляешься, что горстка бойцов могла устоять против многочисленных бронированных машин. На нас шли танки, около нас вздымались столбы земли и дыма, яростно свистели пули. Но каждый, у кого еще билось сердце, продолжал выполнять воинскую присягу. Там, где наступали танки, завязывались жестокие поединки. И враг не прошел. У меня в этом бою были перебиты ноги, прострелена грудь. Помню, нас оставалось уже несколько человек. С каждой минутой было все труднее оказывать сопротивление фашистским танкам. Но в критическую минуту на помощь нам подошли наши части. После этого боя я три месяца пролежал в госпитале. Поправившись, снова ушел на фронт.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ государство одно из первых в Европе подверглось нападению фашистской Германии. Наш народ еще в те тяжелые дни сентября 1938 года был готов дать отпор гитлеровским оккупантам. Мы имели все необходимые условия для защиты своей республики. Тем более что Советский Союз изъявил готовность помочь нам в борьбе с врагом.

Измена западных союзников была причиной того, что мы потеряли свободу и независимость. Наше буржуазное правительство вместо того, чтобы принять предлагаемую Советским Союзом военную помощь и опереться на мужественный чехословацкий народ и его армию, позорно капитулировало перед Гитлером; без согласия парламента, а следовательно, противозаконно и антиконституционно оно отдало большую часть территории Чехословакии вместе с населением в жертву фашистской Германии. После мюнхенского сговора Чехословакия утратила все пограничные районы, а в марте 1939 года была полностью оккупирована. Пришли черные дни шестилетнего рабства, шесть лет грабежей и унижения Чехословакии, шесть долгих лет тюрем, мучений и убийств лучших сынов и дочерей нашего народа. Около 360 000 чехов и словаков гитлеровцы замучили и уничтожили в тюрьмах и концлагерях.

Главными виновниками этой катастрофы были империалистические государства. Бывшие правительства Англии и Франции с благословения правительства США разорвали с Чехословакией свои союзнические соглашения и тем самым расчистили Гитлеру путь к захватнической войне и нападению на Советский Союз.

Сложившаяся обстановка заставила тысячи чехов и словаков покинуть свои дома и уйти за границу, чтобы там опять взять в руки оружие и бороться против фашизма за свободу и независимость своего народа. Некоторым удалось выехать в Советский Союз. Они отправлялись туда с полной уверенностью, что будут иметь возможность вести более активную борьбу с фашистской чумой. Многие солдаты, не пожелавшие сложить свое оружие во время Мюнхена, переходили в Польшу. Однако чехосло-

вацкое эмигрантское правительство не хотело, чтобы в Польше была создана большая воинская часть. Ведь она могла бы перейти из Польши в СССР!

После поражения Польши значительной группе чехословацких воинов удалось перейти на территорию Советского Союза, где она была сердечно и дружески принята советским народом и представителями Советской власти.

Советское правительство оказало нам большую помощь, создав для нашего пребывания в СССР все необходимые условия. Однако чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне не желало создания сильного, боеспособного воинского подразделения в Советском Союзе. По неоднократным настояниям эмигрантского лондонского правительства значительная часть нашей группы была перебросена из СССР во Францию и на Средний Восток. Из 900 добровольцев, которые прибыли из Польши в СССР, к весне 1941 года осталось всего 93 солдата, сержанта и офицера. Эта группа впоследствии и стала ядром командных кадров чехословацкой воинской части в СССР.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз привело не только к усилению освободительной борьбы поработанных народов Европы, но, в частности, и к созданию чехословацкой воинской части на территории наших лучших и самых верных друзей.

18 июля 1941 года произошло исключительно важное событие, имевшее большое политическое значение для национально-освободительной борьбы чехословацкого народа. В этот день между СССР и Чехословакией было подписано Соглашение о совместной борьбе против фашистской Германии.

Этот акт показал всему миру, что Чехословакия вступила в антигитлеровскую коалицию и развернула решительную борьбу с фашистской Германией.

На основе этого Соглашения Советское правительство разрешило организовать и подготовить чехословацкую воинскую часть на своей территории. Была предоставлена возможность чехам, словакам и украинцам из Закарпатья вступить в эту часть на добровольных началах. В нее могли также добровольно вступить чехи и словаки, имеющие советское подданство.

Колыбелью рождения новой Чехословацкой Народной армии на территории СССР стал город Бузулук. Сюда в начале 1942 года и прибыли чехословацкие добровольцы, чтобы впоследствии создать первую воинскую часть на советской территории — 1-й Отдельный чехословацкий пехотный батальон. Чехословацкие бойцы — мужчины и женщины — были окружены любовью и заботой советских людей. При помощи и поддержке Коммунисти-

ческой партии и Советского правительства наши воины, находившиеся в Бузулуке, с полной ответственностью готовились к боям. Подготовка была упорной, она проходила по уставам Советской Армии, в условиях, близких к фронтовым.

Боевое мастерство бойцов чехословацкого батальона быстро возрастало, и они стремились идти на фронт, чтобы помочь советским воинам бить врага, помочь своему народу стереть позор Мюнхена и освободить страну от фашистского ига.

Росту боеспособности нашей части способствовали опытные советские инструкторы. Советские офицеры, имевшие большой боевой опыт, охотно передавали его нашим офицерам и бойцам.

Чехословацкие воины, находясь в Бузулуке, охотно помогали жителям города и его окрестностей в их труде для фронта, для победы над врагом. Они также выезжали во многие колхозы и совхозы Оренбургской области и принимали участие в уборке урожая. Бойцы чехословацкой части завязали крепкую и сердечную дружбу с жителями города Бузулука и окрестных сел.

За короткий срок благодаря помощи советских друзей, благодаря стараниям наших бойцов чехословацкая часть достигла высокой боеготовности. Во время проверки комиссией Генерального штаба Красной Армии боевой готовности части она получила высокую оценку.

Бойцы 1-го Отдельного чехословацкого батальона, сформированного в СССР, горели желанием быстрее попасть на фронт и совместно с Красной Армией вступить в бой против ненавистного врага, отомстить фашистам за зверства и злодеяния, которые они совершили в оккупированной Чехословакии, а также на территории СССР. Но мы, к сожалению, не находили в этом поддержки со стороны чехословацкого эмигрантского правительства. Чехословацкое правительство, находившееся в Лондоне, считало, что наша часть должна стать символической и, так как она небольшая, ее нужно сохранять для вступления в бой, когда советские войска приблизятся к чехословацкой границе.

Не найдя поддержки со стороны эмигрантского правительства, мы, руководствуясь советско-чехословацким Соглашением от 18 июля 1941 года, где было записано, что часть после подготовки будет находиться в подчинении Советского Главного Командования, обратились с просьбой к Советскому правительству о посылке чехословацких бойцов на фронт. Мы верили в победу советского народа и его армии над фашизмом и хотели внести свой вклад в достижение этой победы. Советское правительство предоставило нам возможность выполнить свой долг.

После первого года интенсивной подготовки, в течение которого мы получали неопределимую политическую и моральную под-

держку от руководства Коммунистической партии Чехословакии, 1-й чехословацкий батальон в СССР покинул гостеприимный Бузулук и 30 января 1943 года отправился на фронт. Бойцы батальона шли навстречу первым боям с радостью, с чувством великого патриотического долга. Это выразилось даже в такой важной детали — по пути на фронт наши бойцы собрали сто тысяч рублей и послали их Советскому правительству с просьбой построить на эти деньги танки и передать их в часть.

После прибытия в город Острогжск нас сердечно, по-братски приветствовал командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Ф. И. Голиков. Произведя проверку боеготовности нашего батальона, он решил ввести батальон в состав 3-й танковой армии, которой командовал генерал-лейтенант П. С. Рыбалко.

На фронт к Харькову батальон прибыл в то время, когда фашистские войска получили подкрепление — тринадцать танковых и механизированных дивизий. Гитлер, воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, перебросил их с запада. Враг стремился захватить Харьков и тем самым отомстить за поражение, нанесенное немецко-фашистской армии в битве на Волге. Командующий 3-й танковой армией генерал-лейтенант П. С. Рыбалко поставил перед нашим батальоном ответственную задачу — на участке в 10 км не допустить форсирования гитлеровцами реки Мжи, которая в это время замерзла и не представляла особого препятствия для танков врага.

Для успешного выполнения задания командующий 3-й танковой армией на первый период боев включил наш батальон в состав 179-й танковой бригады. Бригадой командовал полковник Ф. Н. Рудкин, которому впоследствии присвоили звание Героя Советского Союза. Чехословацкой части были приданы «катюши», две артиллерийские батареи и саперная рота. В ходе дальнейших боев наша часть получила еще две артиллерийские батареи и три батареи «катюш». Отдельный чехословацкий батальон поддерживался также артиллерийским противотанковым полком.

Оборону десятикилометрового участка фронта мы закрепили на северном берегу реки Мжи на хуторах Артюховка и Миргороды. В район обороны батальона с согласия командира 25-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора П. М. Шафаренко мы включили и село Соколово, находящееся на южном берегу реки. Здесь необходимо было создать сильный узел противотанковой обороны. Задача предстояла ответственная — преградить фашистским танкам путь к Харькову. Кроме этого, надо было не дать врагу зайти в тыл советским войскам, которым вменялось в обязанность выстоять до подхода свежих дивизий, а затем

обеспечить совместное наступление. При помощи местных жителей нам удалось создать неплохой оборонительный рубеж и подготовиться к первому боевому крещению.

Враг начал наступление на нашем участке 8 марта 1943 года во второй половине дня. Первую атаку фашистских танков мы успешно отразили. Последующие атаки фашистов повторялись еще с большей силой. Десятки танков, оборудованных огнеметами, в сопровождении двух батальонов автоматчиков на сорока транспортерах начали наступление на село Соколово. Гитлеровцы стремились уничтожить Соколовский узел противотанковой обороны, прорваться на северный берег Мжи и продолжать наступление на Харьков. Начался ожесточенный бой. Наши и советские противотанковые орудия открыли заранее подготовленный и хорошо организованный огонь. Были уничтожены десятки танков и много фашистских солдат и офицеров.

К 6 часам вечера значительная часть села была охвачена огнем. Фашистские танки и бронетранспортеры пробились к центру села и приближались к церкви, где находился командный пункт командира Соколовского гарнизона надпоручика Отакара Яроша. Я связался с Ярошем по телефону и предупредил, что на его участок наступает десять танков. Надпоручик Ярош хорошо знал, что это значит. Никогда не забуду его ответа: «Понимаю, десять танков наступает. Не отступлю!»

План был хорошо продуман. Десять танков советской 179-й танковой бригады и наша 3-я рота под командованием надпоручика В. Янко должны были сосредоточенным огнем всех противотанковых орудий из хутора Миргороды ударить по тылам противника, проникшего в Соколово, и уничтожить его. Только таким образом можно было улучшить позицию соколовского гарнизона. Один из танков, продвигавшийся в голове колонны, провалился на льду и остался в реке. Так река Мжа стала теперь противотанковым препятствием. Тем временем Соколово потеряло значение как пункт противотанковой обороны. Поэтому мы решили перевести соколовский гарнизон со всеми огневыми средствами на ранее подготовленную оборону по северному берегу реки Мжи. Но приказ по телефону передать не смогли — связь была прервана. В Соколово послали связных. Но, они не дошли.

Ожесточенный бой продолжался и ночью. 19 танков, 6 бронетранспортеров и более 300 трупов оставили гитлеровцы на поле боя. Наши потери составили 86 убитых и 56 раненых.

Бои у Соколово продолжались с 8 до 13 марта. В течение этих дней советские войска, в составе которых сражался и наш ба-

таलों, нанесли тяжелые потери двум отборным танковым дивизиям: «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова».

В этих боях отличились два чехословацких радиста — Курт Маркович и Карел Вейвода, которые в невероятно трудных условиях приняли по радио очень важные сведения о сосредоточении фашистских войск. После расшифровки этих сведений чехословацкие и советские части подготовили мощный огневой налет. Открыт он был за две минуты до начала наступления противника. В результате 60 процентов средств и сил врага было уничтожено еще до начала боя.

Под Соколово 1-й Отдельный чехословацкий батальон с честью выполнил задачу советского командования — через реку Мжу не прошла ни одна вражеская машина.

Вскоре после окончания боев комиссия Генерального штаба Советской Армии отмечала, что чехословацкие воины вместе с советскими артиллеристами и танковыми частями задержали наступление противника на 8—9 дней. Это дало возможность войскам генералов Рокоссовского и Черняховского, которые в это время продвигались от Волги, занять вовремя оборону.

Первые успешные действия чехословацких воинов под Харьковом имели не только военное, но и большое политическое значение. Клемент Готвальд говорил тогда, что наша первая фронтовая часть — это символ государственной независимости Чехословакии и доказательство того факта, что Чехословакия находилась в состоянии войны с гитлеровской Германией. К. Готвальд называл нас символом верного союза независимой Чехословацкой Республики с Советским Союзом и указал на то, что в бою под Соколово было создано крепкое ядро будущей Чехословацкой Народной армии.

Высокую оценку чехословацким воинам дал Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин. Вручая мне в Кремле орден Ленина, Михаил Иванович сказал: «Не важно то, сколько вас было, а важно то, что вы, чехи и словаки, остались верны нам в тяжелое для нас время. Вы верили нашему народу, нашей армии и государству, вы верили вместе с нами в конечную победу нашей общей справедливой борьбы и даже без согласия своего правительства, против его воли, вы настойчиво требовали отправки на фронт. А борьбе вы отдали все, что имели. Это особенно ценит наше государство и весь наш народ».

Плечом к плечу воевали чехословацкие солдаты и советские воины и совместно пролитой кровью навсегда скрепили боевое содружество Чехословацкой Народной армии с Советскими Вооруженными Силами, значительно углубили и закалили братскую дружбу между нашими народами. Своими боевыми подвигами

гами чехословацкие бойцы доказали своему народу, что его новая армия живет и борется вместе с самым верным союзником Чехословакии — советским народом.

Бои под Соколово означали первое открытое выступление против фашизма народных вооруженных сил чехов и словаков на советско-германском фронте. Они были закономерным явлением, ответом народа Чехословакии на славную победу Красной Армии на Волге.

Боевые действия чехословацкой части в СССР под Соколово в марте 1943 года мы считаем важной вехой в национально-освободительной борьбе чехословацкого народа.

Советское правительство высоко оценило первые боевые действия чехословацкой части на советско-германском фронте под Харьковом. Надпоручику Отакару Ярошу, командиру Соколовской обороны, за храбрость и героизм было присвоено звание Героя Советского Союза. 84 бойца 1-го чехословацкого батальона удостоены высоких советских наград.

Кто же были те, которые под Соколово открыли первую страницу истории новой Чехословацкой народной армии?

Это были люди негибкой воли, готовые для победы над врагом отдать свою жизнь. Несмотря на различие их политических взглядов, на различие национальной принадлежности, социального положения, их объединяло единое желание — рука об руку с советским народом победить гитлеровский фашизм, освободить свою родину.

Одним из таких смелых и отважных воинов являлся надпоручик Отакар Ярош, которому посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза. В бою он дважды был тяжело ранен, но остался со своими солдатами в строю. Надпоручик продолжал руководить боем до тех пор, пока под гусеницей вражеского танка не оборвалась его жизнь.

Словно о нашем отважном Отакаре написаны замечательные слова Максима Горького: «О смелый сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Пускай ты умер... Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!»

Таким был и заместитель Яроша — надпоручик Ярослав Лом. Это он в ожесточенном бою взял противотанковое ружье и занял место убитого стрелка. Это надпоручик Лом уничтожил танк, который рвался в наше расположение, и под гусеницей следующего танка погиб смертью героя.

А как не вспомнить о коммунисте Игнаце Шпигле, бывшем бойце интернациональной бригады в Испании. Храбрый патриот своей родины, он принимал участие в боях, душой и сердцем не-

навидел фашизм, до последнего дыхания бил гитлеровцев под Соколово. Игнац Шпигл вместе с Германом Шварцем и Петером Дьери подбили фашистский танк.

Отдал свою жизнь для победы над врагом и двадцатичетырехлетний ротмистр Гипек Ворач. Гипек смело подымал свой взвод в атаку. Смертью героя погиб ротмистр Франтишек Ружичка. В неравном бою его взвод помог окруженным солдатам соседнего подразделения, которым угрожала смерть. В этом бою погибли коммунист Гуго Редиш, подпоручик Йоржи Франк, пулеметчик Карел Команик и другие воины-патриоты. Список бесстрашных воинов батальона, отдавших жизнь в борьбе с фашистскими извергами, можно продолжить. Все они живут и будут жить в наших сердцах и памяти.

Как не сказать теплое слово и о тех, кто дождался славной победы в первом бою и прославился своим героизмом. Их десятки. Вот некоторые из них. Антонин Сохор. Это ему Советское правительство за подвиги в боях под Киевом присвоило звание Героя Советского Союза. Он же под Соколово несколько раз водил своих автоматчиков в контратаку. Помню, как мы все восхищались героизмом командира автоматчиков Йозефа Черного, уничтожившего в разведке перед боем под Соколово 12 эсэсовцев. Во время боя под Соколово Йозеф подбил связками гранат танк, бронетранспортер и послал на «тот свет» 30 гитлеровцев. Тогда же отважный разведчик комсомолец Сергей Петрас был несколько раз ранен, но не покинул поля боя, а героически сражался под Соколово, участвовал в освобождении Киева и вернулся в Прагу с орденом Ленина на груди.

Вместе с мужчинами успешно сражались наши славные женщины — снайперы, санитарки. Десятки раненых бойцов получили первую медицинскую помощь и были вынесены санитарками с поля боя под сильным вражеским огнем. Многим чехословацким и советским бойцам эти скромные женщины спасли жизнь. Несмотря на огонь врага, они бросались туда, где слышались стоны и где необходимы были заботливые руки. Среди многих бесстрашных женщин хочется прежде всего назвать Анну Птачкову. За отвагу и помощь, которую она оказала раненому советскому танкисту и другим раненым, Анна была награждена медалью «За отвагу» и Чехословацким военным крестом.

Бои под Соколово навсегда останутся в нашей памяти. В борьбе за победу нам помогали не только советские противотанковые средства, но также героизм и отвага местного населения.

Вспоминается, как к нам под Соколово пришли четыре комсомольца из Артюховки. Их привел Алексей Маковецкий, кото-

рому было 18 лет, а его товарищам еще меньше. Этим отважным парням мы дали винтовки и впоследствии они стали хорошими разведчиками, смело били врага. Героизм проявил и Михаил Ильченко. Он воевал вместе с нами и в рукопашном бою был тяжело ранен в голову.

Большими нашими друзьями оказались украинские женщины. Анастасия Тихоновна Карелова, например, помогала чешским врачам и санитаркам делать перевязки раненым. Несмотря на то что у нее был маленький сын, она не ушла из Соколова и, будучи опытной санитаркой, помогала раненым нашим и советским бойцам.

Высокую отвагу проявила и Татьяна Глухова. Она вместе с другими советскими девушками помогала бойцам рыть окопы, кипятила им чай и во время боев посылала на наблюдательный пункт и в окопы пищу. Но вот в Соколово прорвались вражеские танки. На дороге, где прошли машины, Татьяна увидела несколько раненых чехословацких бойцов. Пренебрегая опасностью, советская патриотка бросилась к раненым, чтобы оттащить их в безопасное место. Когда Таня уносила последнего раненого, гусеница вражеского танка повредила ей ногу. Один из эсэсовцев схватил ее за волосы, вывернул руку и стал избивать. Долго пролежала тогда Татьяна без сознания.

Мы называли только несколько примеров того, как местные жители помогали 1-й чехословацкой части в боях с ненавистным врагом. Так было не только под Соколово, но и во всех боях на Украине. В Киеве, например, к нам пришла молодая комсомолка Лидия Уваренко. В ответственный момент боев за город Лидия провела наших танкистов по неизвестным местам, помогая им и автоматчикам обнаруживать и уничтожать замаскированные вражеские огневые точки.

В тяжелых боях под Соколово была восстановлена честь чехословацкого солдата, лишенного возможности защищать свое Отечество осенью 1938 года.

В боях у Соколово был заложен фундамент Чехословацкой народной армии, которая с помощью Советского Союза родилась и закалилась в сражениях Великой Отечественной войны. Там, под Соколово, и позже в других боях на советской и чехословацкой территории, где плечом к плечу сражались чехословацкие и советские бойцы против фашизма, совместно пролитой кровью они увековечили чехословацко-советскую дружбу, которую всегда укрепляли и будут укреплять Коммунистическая партия Советского Союза и Коммунистическая партия Чехословакии.

ПОЛКОВНИК БИЛЮТИН

МАРТ 1943 года. Соколово. Тарановка. Фронтовые дороги. Жаркие бои. Навсегда остались они в памяти.

...На берегу реки Мжи, южнее села Соколово, чехословацкие и советские солдаты строят противотанковый узел обороны. Узкая дорога ведет в Тарановку. Смотрим на карту. Вот позиции противника, его силы и средства. Длинное село с церковью посередине лежит на главном направлении удара фашистов. Многочисленные вражеские дивизии стремятся прорваться и окружить Харьков, уничтожить в этом районе группировку советских войск. Гитлеровцы хотят нанести ответный удар за разгром на Волге, восстановить легенду о непобедимости вермахта. Нацисты стягивают войска с западного фронта.

— Тарановку держит гвардейский полк, — докладывает полковнику Свободе командир советской разведки капитан Чекунов.

— Удержат они ее? И как долго удержат? — спрашивает Свобода.

Высокий донской казак в белом маскировочном халате минуту молчит.

— Как долго? — повторяет он вопрос. — День, два, трудно сказать. Но пока живы, не отступят, — и со спокойной улыбкой добавляет: — Это же гвардейцы. Понимаете, на них можно положиться...

Над передним краем мелькают светящиеся пулн. Стучат пулеметные очереди. Потом гул недалекого артиллерийского огня. Слышится «ура». Первый раз так близко.

Мы приехали в штаб полка. Домик с облупленной штукатуркой северо-западнее церкви. Это, вероятно, центр тарановской обороны. Село наполовину сгорело. К югу от церкви догорают остатки нескольких хат. В воздухе воеют вражеские мины.

Перед нами гвардейский полковник. Первое впечатление — непоколебимый человек. Небольшого роста, широкоплечий. Стоим перед командиром по стойке смирно. Большая твердая

ладонь. Крепкое рукопожатие. Улыбается. Мелкие морщины покрывают широкое русское лицо. На груди скромный гвардейский значок и больше ничего. Чувствуем себя хорошо перед этим простым гвардии полковником. Знаем: гвардейская часть — это такая, которая при всех условиях выполнит задачу. Здесь она в обороне. Если не получит приказа — не отступит.

Докладываем звание, фамилию, задание...

— Ну хорошо, пока достаточно. Куда вы так торопитесь? Я командир полка, гвардии полковник Билютин...

За окном утихает огонь. По улице на санях везут раненых. Мы беседуем. Полковник расспрашивает о составе и силах Первого чехословацкого батальона, о его задании и подробно о полковнике Свободе. Известие о создании небольшой чехословацкой части уже облетело весь фронт.

— Против нас, — говорит Билютин, — стоят две танковые дивизии. Хотят у нас вырвать шоссе... Если они задумали прорваться к Харькову с юга, то им надо взять Тарановку. А мы с вами встали им поперек дороги. У меня есть сведения, что ваши строят хорошую оборону... Вопрос решится в течение нескольких дней...

То же самое говорил полковник Свобода, когда вернулся из штаба обороны Харькова. Там генерал-лейтенант Д. Т. Козлов дал первое боевое задание чехословацкой части. Восемь—десять дней мы должны удержаться, пока другие соединения войск укрепятся на Северском Донце для того, чтобы оттуда начать контрнаступление на запад.

Стриженная голова полковника К. В. Билютина склонилась над картой. Ему еще нет пятидесяти, но добрую половину жизни он носит военную шинель. Командир-гвардеец знает, что такое не отступать. За его плечами многочисленные упорные бои между Волгой и Доном. Со своими гвардейцами днем и ночью он преследовал отчаянно оборонявшегося противника. Наступление шло слишком быстро. Тылы отстали, снабжение даже самолетами не поспевало. Надо было остановиться.

Сейчас полковник рассчитывает: «Силы полка — 230 солдат. Но задачу выполним, в Тарановку врага не пустим».

Гвардии полковник Билютин располагал тремя стрелковыми батальонами. Два — впереди, один — в тылу на северной окраине Тарановки, в резерве. У него была батарея 76-миллиметровых противотанковых орудий и несколько танков. В каменной церкви расположились автоматчики.

Фашисты пробивались к перекрестку перед церковью. Отрезали автоматчиков, били по церкви, хотели ворваться в нее. Но меткий огонь гвардейцев разил гитлеровцев.

Билютин выходил к батальонам на окраине села. Солдаты называли полковника «батькой». Он следил за атаками. Треск, гул усиливался и заканчивался знакомым русским «ура». Батько шел к церкви, из которой выносили раненых и мертвых. На их место приходили бойцы из запасного батальона.

В церкви погиб командир автоматчиков, молодой лейтенант. Все сняли шапки и каски, когда его выносили.

Батько сказал:

— Церковь, как крепость, каменная, выдержит. Попятно, молодой человек?

Светловолосый паренек, новый командир подразделения, оборонявшегося в церкви, все понял по спокойному взгляду улыбающихся глаз гвардии полковника.

Чехословацкие разведчики впервые перешли передний край обороны. Они сопровождали советских разведчиков и вернулись без потерь. Они увидели, как это делается.

... Билютин отложил в сторону карту.

— Вот так,— сказал он как будто про себя.— Ну что ж, ребята. Против нас две дивизии. И не обыкновенные. Это эсэсовцы, которые приехали к нам откуда-то с запада... Ничего, выдержим!

— Есть держаться! — загудели люди.

— Ладно, ребята. Выпьем за здоровье тех, которые выдержат. И за здоровье чехословацкой армии, за здоровье полковника Свободы!

Гвардии полковник Билютин был не первым советским человеком, который с уважением говорил о Жижке, Коменском, Готвальде, о чехословацком народе. Крепка, нерушима дружба народов СССР и Чехословакии. Но тогда в штабном домике с облупленной штукатуркой в нескольких километрах на юг от села Соколово такой разговор имел особое значение.

Подошел решающий день, когда фашисты бросили в бой все силы, чтобы разрубить тарановский узел. Бомбардировщики и истребители летали несколько часов подряд. Их оглушающий вой сопровождался взрывами десятков бомб и снарядов. Последнее стекло в окне штаба разбито воздушной волной.

— Сволочь! — коротко комментировал сержант-связист. И продолжал разговор по телефону с командным пунктом 2-го батальона, находившимся на правом фланге обороны.

В этот момент осколок мины просверлил дверь. Билютин посмотрел на отверстие в двери, молча закурил папиросу и вышел. Он направился к батальону на правом фланге. Было еще светло, когда полковник вернулся. Он сообщил, что маневр охвата у эсэсовцев не вышел.

Своими действиями советские гвардейцы отрезали фашистам дорогу и тем самым дали нам время укрепить оборону у села Соколово. Чтобы ни один вражеский танк не прошел к Харькову с юга. Таков был приказ.

Задание мы выполнили.

...Через полтора года снова встретились с Билютиным в Черповцах. На его груди, кроме гвардейского значка, была Золотая Звезда и орден Ленина. Незабываемый друг чехословацкого народа и его армии, Герой Советского Союза гвардии полковник К. В. Билютин.

ЖЕНЩИНЫ ВЗЯЛИСЬ ЗА ОРУЖИЕ

Я БЫЛА ОДНОЙ ИЗ ЖЕНЩИН, которые в 1942 году вступили в чехословацкий батальон, чтобы помочь своей Родине в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Мы прошли военную подготовку наравне со всеми солдатами части. В бою у села Соколово впервые со времени Жижки* чешские женщины взялись за оружие.

По пути к Харькову, а оттуда к Соколову мы страшно устали. Но этот трудный поход укрепил веру в наши силы. Женщины-солдаты доказали, что они являются полноправными бойцами части, что они умеют переносить все трудности. Поход явился первым испытанием нашей выдержки. Испытание же боевой стойкости еще предстояло.

У села Соколово я была санитаркой второй стрелковой роты. Она только частью своих сил подкрепляла роту Отакара Яроша, когда это славное подразделение ослабело в бою с превосходящим противником. Несколько позже наша рота вместе с остальными частями пошла в контратаку на Соколово. Это произошло уже тогда, когда населенным пунктом овладели гитлеровцы.

Девушки-санитарки действовали отважно и умело. Рота несла большие потери. Раненых надо было не только перевязывать, но и обеспечить их эвакуацию. В селе целью было оставить ни одного солдата. Мы знали, как зверски фашисты убивали наших раненых, оставшихся в Соколово после боев 8 марта 1943 года.

После неудавшейся контратаки все мы выбились из сил. Гитлеровцы обстреливали из минометов и орудий населенный пункт Артюховка, куда мы возвратились с остатком роты. Во время перехода в это село я была ранена осколком гранаты в ногу. Меня эвакуировали в Харьков. Везли по дороге, которая постоянно находилась под огнем артиллерии. Фашистская авиация также не давала прохода ни одному автомобилю, ни одной

* В XV столетии чешские женщины наравне с мужчинами воевали в гуситских войсках, руководимых Яном Жижкой.

повозке, хотя они были ясно обозначены красными крестами. Много наших раненых, среди них и командир второй роты подпоручик Ян Кудлич, погибли именно при эвакуации в Харьков.

А что творилось тогда в городе! Его непрерывно бомбили, дома горели, и пройти по улицам было нелегко. Фашисты сосредоточили под Харьковом крупные силы. Советские войска и наш Первый чехословацкий батальон вынуждены были временно отступить. Задержавшиеся в городе части с боями пробивались из окружения. Каждый метр советской земли дорого обошелся противнику.

Часть раненых чехословацкого батальона эвакуировали в тыл, когда не была еще отрезана последняя дорога из Харькова. Но некоторых наших бойцов не успели эвакуировать, и они остались в окруженном городе. Советские люди бескорыстно помогали раненым, спасали их от гибели.

Мне тоже помогла тогда одна советская женщина. Как жаль, что я не знаю ее фамилии. После ранения мне трудно было ходить, рана нарывала. Добрая незнакомая женщина уходила из города, чтобы не попасть на фашистскую каторгу. Она вместе с подругами взяла и меня с собой. Обходя немецкие патрули, укрываясь в траншеях и воронках, под артиллерийским огнем и палетами авиации, медленно брели мы по проселочным дорогам. Так выбрались из опасной зоны, пришли в советскую часть, где нам оказали помощь. Меня отправили в госпиталь, подлечили. И снова я вернулась в свою роту.

Советская женщина, спасая меня от фашистского плена, рисковала своей жизнью и жизнью своего ребенка. Я никогда не забуду ее доброе лицо, ее заботу и любовь, которые проявила она ко мне в самые тяжелые дни моей жизни.

Несколько наших раненых, которых не удалось эвакуировать из Харькова, было убито оккупантами. А я осталась жить благодаря заботе незнакомой советской женщины. Мне очень хотелось бы разыскать ее. Может, прочтет она эти строки и откликнется.

Чехословацкие воины плечом к плечу с советскими прошли славный боевой путь. Мы разбили фашистов, одержали победу. С тех пор прошло много лет. Но никогда не забыть мне ту советскую женщину. Она осталась у меня в памяти как символ нерушимой нашей дружбы и веры в победу нового, светлого, радостного будущего, которое мы строим.

А. Д. МАРЧЕНКО

Кандидат исторических наук

В. И. КОТЛЯРОВ

*Инструктор Харьковского обкома
КП Украины*

ГЕРОИ ДВУХ НАРОДОВ ОТАКАР ЯРОШ

ДОМ НА НЕРУДОВОЙ УЛИЦЕ в г. Мельнике, расположенном чуть севернее Праги, известен далеко за пределами Чехословакии. Здесь живет мать национального героя ЧССР и Героя Советского Союза Отакара Яроша. В декабре 1972 года Анне Ярошевой исполнилось 85 лет. Но с тех пор, как летом 1939 года ее сын покинул Чехословакию, она все ждет его возвращения. И хотя боевые друзья, с которыми Отакар сражался в своем первом и последнем бою, побывали у матери героя, рассказали подробности его подвига и гибели, она по-прежнему верит, что однажды ее сын войдет в дом.

Стены дома увешаны снимками Отакара. Вот он еще юноша, когда за спортивные успехи его направили на соревнования в Югославию, а вот — студент электротехнической школы в Праге, в военной форме солдата-связиста, а затем и офицера. Вот и последнее фото: Отакар прощается с приуральским городком Бузулуком, где проходило формирование чехословацкой части. Здесь и фотографии из Соколово, где похоронен Ярош. У его могилы растет куст роз, присланный в 1968 году из Лидице.

Есть в доме и снимок диорамы боя, которую создали харьковские художники Вилли Мокрожицкий, Всеволод Парчевский и Илья Эфроимсон. На полотне диорамы, установленной в Соколовском музее советско-чехословацкой дружбы в канун 20-летия боя, изображен Отакар Ярош рядом со своим боевым другом Антонином Сохором, удостоенным звания Героя Советского Союза за освобождение Киева.

Анна Ярошева получает много писем. Из Бузулука и Тарановки, из Соколово и Харькова, из школ Советского Союза и ЧССР, носящих имя ее сына, из польских и чехословацких воинских частей, которым присвоено имя Отакара Яроша. Одна из красивейших улиц Харькова носит имя отважного офицера, который первым среди иностранных граждан был удостоен звания Героя Советского Союза. Улица капитана Яроша есть в Праге и в других городах Чехословакии. А в г. Мельнике перед зданием Дома культуры его имени высится на пьедестале брон-

зовая фигура Отакара Яроша в ушанке и полушубке. Таким видели его в марте 1943 года в бою за Соколово.

Отакар Ярош родился 1 августа 1912 года. Сейчас ему было бы немногим более 60 лет... Герои, уходя в бессмертие, навсегда остаются молодыми.

...В июле 1939 года Отакар Ярош оказался среди воинов Людвика Свободы в Польше, а когда в сентябре гитлеровцы напали на польское государство, чехословацкие бойцы встретились у Тернополя с войсками Красной Армии. В Ярмолинцах, у Каменец-Подольска, провели свою первую зиму в Советском Союзе Отакар Ярош и его товарищи. В то время Ярош начинает задумываться над причинами трагедии чехословацкого народа, преданного буржуазными правителями во главе с Бенешем. Офицер Ярош осенью 1938 года был свидетелем того, как добровольцы-солдаты стремились защищать свою родину, но буржуазные политики побоялись вооружить свой народ и отвергли вооруженную помощь Советского Союза, предпочтя капитулировать перед врагом, хотя тот тогда еще не имел превосходства в силе.

В середине октября 1938 года, накануне демобилизации, Ярош нашел у себя под подушкой номер газеты «Руде право» с текстом выступления Клемента Готвальда в Национальном собрании, где вождь чехословацких коммунистов осудил мюнхенских капитулянтов. Часто потом задумывался Ярош над этой речью. Позже ему довелось слушать Клемента Готвальда в Бузулуке.

С весны 1940 года Ярош и его друзья пребывали в Суздале. Когда началась война, группа чехословацких бойцов и офицеров находилась в Оранках Горьковской области. 5 февраля 1942 года они отправились в Бузулук, где их встретили Людвик Свобода и Богуслав Врбенский. Имя Врбенского было известно многим, так как до войны он являлся членом Политбюро ЦК КПЧ, председателем Союза друзей СССР, заместителем приматора Праги.

9 марта 1942 года началось военное обучение. В Бузулук съезжались чехи и словаки, эмигрировавшие из буржуазной Чехословакии, или из протектората Богемии и Моравии, как гитлеровцы называли оккупированную часть республики. Сюда стремились закарпатские украинцы, бывшие тогда чехословацкими гражданами. В Бузулуке собрались люди различных возрастов и самых разнообразных взглядов и политических убеждений, которые хотели сражаться за освобождение Чехословакии.

У колыбели рождавшейся Чехословацкой Народной армии с самого начала стояли члены руководства КПЧ. Если эмигрантское правительство чехословацкой буржуазии в Лондоне не желало иметь в СССР боеспособные воинские части из чехословац-

ких граждан и предпринимало всяческие меры, чтобы сорвать формирование даже отдельного батальона, то заграничное руководство КПЧ во главе с Клементом Готвальдом уже 5 марта 1942 года приняло «Директивы о работе коммунистов в чехословацкой бригаде». Само название этого документа свидетельствует о том, что с самого начала Коммунистическая партия Чехословакии стремилась создать боеспособные воинские части, которые бы бок о бок с Красной Армией сражались против общего врага — гитлеровских захватчиков.

Клемент Готвальд, Ян Шверма, Марек Чулен, Богуслав Врбенский, вице-председатель Всеславянского комитета профессор Зденек Неедлы и другие видные деятели КПЧ постоянно интересовались делами чехословацких воинов. Созданием в СССР чехословацкой и других национальных воинских частей руководил Генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров.

В мае 1942 года Клемент Готвальд выступил в бузулукском кинотеатре. Его речь произвела огромное впечатление на Отакара Яроша. Нет, он не стал коммунистом по своим убеждениям, но он страстно ненавидел гитлеровцев, германский фашизм и сам являлся примером добросовестной боевой подготовки, к которой призывал Готвальд. Еще 12 февраля 1942 года приказом по части Отакара Яроша назначили командиром первой роты. По традициям чехословацкой армии командиром первой роты обычно становился лучший офицер. Можно понять то доверие, которое оказал Ярошу Людвик Свобода, назначив надпоручика (старшего лейтенанта) связи командиром пехотной роты!

Отакар Ярош был требовательным, строгим, но справедливым командиром. Его редко видели улыбающимся. Улыбка исчезла с лица Отакара, когда он узнал о том, что 10 июня 1942 года гитлеровцы стерли с лица земли деревню Лидице, у Кладно, и расстреляли всех мужчин старше 15 лет. А когда в «Комсомольской правде» он прочел очерк «Девочка в беседке», в котором партизанка Нина Ярош рассказывала о том, как фашисты надругались над девочкой и глумились над ее трупом, Отакар стал считать Нину своей сестрой и поклялся отомстить за эту девочку, как и за многих других невинных людей, замученных фашистами в Белоруссии и на Украине, в Молдавии и Польше, в его родной Чехословакии...

Летом 1942 года Отакар Ярош был одновременно и руководителем курсов младших командиров. Обычно с полевых учений курсанты шли с песней «Священная война», которую очень любил петь и Отакар. В тот июльский день, когда жара достигала 40 градусов в тени, усталые курсанты решили, что можно не петь. Но Ярош был неумолим и повернул подразделение на-

зад, пока не услышал песню. А потом, в свободное вечернее время, собрав своих курсантов, разъяснял им, что идет война не на жизнь, а на смерть, и в такой войне не победить без железной дисциплины, что они, будущие четаржи и ротмистры, сами должны уметь выполнять приказ, прежде чем требовать этого от подчиненных. Сам Ярош показывал пример своей неутомимостью, выносливостью, выдержкой и самоотверженностью. Так, когда в феврале 1943 года рота шла пешком из Валуек через Белгород в Харьков, Ярош не только без признаков усталости преодолел тяжелейший зимний путь, но и нес оружие своих ослабевших в дороге бойцов.

15 июля 1942 года Людвик Свобода подписал приказ, в котором поздравил бойцов и офицеров с завершением формирования чехословацкого батальона. Накануне он в специальном письме послал сообщение Клементу Готвальду о готовности батальона к боям и его стремлении участвовать в борьбе с гитлеровцами вместе с воинами Красной Армии. Не лишнее отметить, что в начале июля министр эмигрантского правительства С. Ингр, посетив Бузулук, потребовал от Л. Свободы вывести батальон на Средний Восток, за пределы Советского Союза. Однако Людвик Свобода и не подумал выполнить этот приказ. Наоборот, во второй половине июля он предложил секретарю Бузулукского горкома партии А. П. Юлину послать воинов на уборочные работы в колхозы и совхозы района. Помощь чехословацкого батальона была принята, и Ярош со своими бойцами больше двух недель помогал убирать трудный урожай 1942 года.

Радостью наполнились сердца чехословацких добровольцев, когда они узнали, что 28 августа Л. Свобода обратился к И. В. Сталину и К. Готвальду с просьбой отправить батальон на фронт. В эти дни разгоралась гигантская битва под Сталинградом, и чехословацкие воины-интернационалисты стремились быть бок о бок с советскими людьми в самый трудный час войны. А когда в октябре 1942 года бойцы Яроша получили оружие, изготовленное руками уральских рабочих, они знали, что скоро пойдут в бой.

Трескучий мороз не помешал торжествам 27 января 1943 года, когда после многодневных учений, которые принимала комиссия Генерального штаба Красной Армии, чехословацкому батальону вручалось боевое знамя. На его древке русская женщина секретарь Бузулукского горкома партии Павла Алексеевна Лапина повязала красную ленту с надписью: «Смерть немецким оккупантам!».

По пути на фронт воины батальона узнали о том, что под Сталинградом завершено окружение вражеской группировки.

Эта весть была встречена с ликованием. И когда разведчики Антошина Сохора стали собирать средства на строительство танков «Лидице» и «Лежаки», то за несколько часов сумма достигла ста тысяч рублей. Деньги были сданы в Мичуринское отделение Госбанка. С лозунгом «За Лидице!» шли в бой воины Отакара Яроша.

В ночь на 3 марта 1943 года батальон «Свобода», как он именовался во фронтовых документах, был поднят в Харькове по тревоге. Отакар Ярош, как и другие офицеры, услышал от полковника Свободы боевой приказ: немедленно выступить в направлении села Соколово и быть готовыми к встречному бою с танками противника.

Но встречного боя необстрелянной воинской части с танками противника не произошло: фашистские машины были остановлены в Тарановке гвардейцами полковника К. В. Билиутина. Гвардейцы-широнинцы стали славными боевыми соратниками чехословацких воинов.

8 марта 1943 года усиленная пехотная рота Отакара Яроша, воодушевленная подвигом гвардейцев лейтенанта П. Н. Широина, стояла на смерть в неравном бою против фашистов. Узнав, что на этот участок фронта прибыла чехословацкая воинская часть, гитлеровцы бросили против защитников Соколово 60 танков, полтора десятка бронетранспортеров с автоматчиками, до двух батальонов пехоты. Но фашисты не прошли через позиции роты Яроша. Каждый третий вражеский танк в бою за Соколово был уничтожен.

Защищая участок фронта на стыке Воронежского и Юго-Западного фронтов, который проходил через Соколово, в совместном бою чехословацких и советских воинов, отличились артиллеристы из батареи лейтенанта Н. А. Мутле и старшего лейтенанта П. П. Филатова. Из-за реки Мжа защитников села Соколово метким огнем поддерживали артиллеристы гвардии лейтенанта В. Л. Дроздова, старшего лейтенанта В. С. Петрова (ныне дважды Герой Советского Союза), батарейцы гвардии капитана М. Д. Новикова и Д. Д. Громова.

Воины роты Яроша ценой собственной жизни не пропустили к Харькову танки врага. Ходатайствуя о присвоении Отакару Ярошу звания Героя Советского Союза, Военный совет Воронежского фронта отмечал: «Надпоручик Ярош проявил в бою необычайную энергию, стойкость и героизм. Решительный и отважный, он личным примером воодушевлял на бой своих подчиненных. Под сильным огнем противника он продолжал руководить боем, несмотря на двукратное ранение. На поле боя осталось подбитыми и подожженными 19 танков, 6 бронетранспортеров

и до 400 автоматчиков противника»¹. Когда гитлеровцы вплотную приблизились к командному пункту, Отакар Ярош сам лег за противотанковое ружье и сражался до последнего вдоха...

В статье, посвященной героизму чехословацких воинов на советско-германском фронте, Зденек Неедлы писал 20 апреля 1943 года: «Подобно тому, как Лидице и Лежаки стали известным всему миру символом страдания европейских народов, поработанных Гитлером, — так имя Героя Советского Союза надпоручика Яроша станет не менее известным символом победы над проклятым врагом чехословацкого и других свободолюбивых народов мира».

Осенью 1943 года, когда в бой за освобождение Киева и Белой Церкви вступила 1-я чехословацкая бригада, в ее составе шли рядом танки «Лидице», «Лежаки», «Соколово», «Капитан Ярош». Отакар Ярош, которому посмертно было присвоено почетное воинское звание, продолжал сражаться против врага...

После войны Отакар Ярош был посмертно награжден орденом Белого Льва «За победу». Маршал Тито наградил Яроша югославским орденом. В дни 27-й годовщины освобождения Чехословакии Отакар Ярош значился в списке награжденных советской юбилейной медалью «XX лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Отакар Ярош по-прежнему в боевом строю! Герои не умирают! В мае 1970 года на параде в Праге прошел и танк Т-34 «Капитан Ярош» — живое воплощение нерушимых боевых традиций, рожденных в совместном бою против общего врага.

Выступая на открытии мемориальной доски Герою Советского Союза капитану Ярошу в г. Находе 28 апреля 1946 года, Людвик Свобода подчеркнул: «Имя Яроша навсегда останется образцом героизма и самоотверженности».

Подвиг Отакара Яроша стал символом нерушимой советско-чехословацкой дружбы, скрепленной кровью в битве против фашизма и закаленной в борьбе за социалистическую Чехословакию, за единство и сотрудничество стран социализма.

¹ Архив МО СССР, ф. 33, оп. 42437, д. 165, л. 9.

РАЗВЕДЧИКИ

ЭТО БЫЛО на Харьковщине, в Змиевском районе. Я командовал отделением. Получил боевое задание: разведать укрепления и силы противника. Недалеко от совхоза «Третий решающий» мы увидели впереди себя людей в белых маскировочных халатах. Кто они — враги или друзья? Сразу определить это было очень трудно. Я дал приказ одному из моих солдат — Михаилу Чонке продвинуться вперед и все разузнать. Боец подполз примерно метров на двадцать и услышал русскую речь. Сомнений быть не могло: это оказались русские. Мы бросились навстречу друг другу и начали обниматься. Это — разведчики, и командовал ими младший лейтенант сибиряк Володя, не помню сейчас его фамилии. Волнующая, радостная была встреча.

После этой разведки я через связного Владимира Птаченко получил от командования приказ: занять оборону возле откормочного совхоза у хутора Репяховка. А часа через два — новое задание: занять оборону северо-восточнее Соколово. Расположились в камышах от моста к лесу. Двух снайперов я поставил в колхозном сарае, других — тоже в выгодных местах. Пулеметчики расположились на перекрестке двух дорог — центральной на Мерефу и той, что ведет в лес. Около церкви находилась 1-я рота во главе с надпоручиком Отакаром Ярошем.

Начался ожесточенный неравный бой. Гитлеровцы имели большое превосходство в силе. Наши солдаты сражались героически, держались стойко до получения приказа об отходе. В неравном бою взвод потерял 12 человек.

В жарком сражении за Соколово пали смертью героев многие чехословацкие воины. В этом бою погиб и Отакар Ярош.

10 марта снова произошел жестокий бой с фашистами. Я был ранен в челюсть и отправлен в Харьков. А когда нас эвакуировали из города, поезд разбомбили фашисты. На одной из станций я попал в санлечучку, потом в один из госпиталей Тамбова. Через месяц встал на ноги и был направлен в Бузулук.

Там в штабе я узнал, что за боевые действия под селом Соколово мне присвоено звание ротмистра и я награжден орденом Чехословацкой республики «Военный крест 1939 г.».

2 мая 1943 года наш батальон отправился на формирование. А через четыре месяца мы вступили в бой, позже участвовали в освобождении Киева от фашистских захватчиков. За форсирование Днепра меня наградили вторым орденом «Военный крест 1939 г.» и медалью «За боевые заслуги».

После взятия Киева в наступательных боях под Фастовом и Белой Церковью я снова был тяжело ранен и контужен. Лечился в Киеве. Не мог дожидаться, когда вновь смогу стать в строй, чтобы громить фашистов. Ведь советские воины вместе с чехами и словаками шли вперед на запад, приближалось освобождение моей родины.

И вот, наконец, я получаю назначение в действующую армию.

После тактических учений мы снова пошли в бой. Мне посчастливилось быть участником незабываемого сражения за Дуклинский перевал. Мы вошли в Чехословакию. В боях за освобождение своей Родины закончился путь наших воинов под командованием генерала Свободы.

Много пройдено, много пережито, много осталось в памяти боевых эпизодов. Навсегда связала меня судьба с Харьковщиной, со Змиевским районом, где получил я первое боевое крещение, где наши лучшие товарищи отдали жизнь за счастье народа.

После войны я приехал в Змиев и здесь остался. Принял советское подданство, женился, имею двух детей. Работаю, живу счастливо.

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

МНЕ НЕ ПРИШЛОСЬ участвовать в боях за окончательное освобождение Харькова от фашистских захватчиков. В битве на Курской дуге я был ранен и в тяжелом состоянии вывезен самолетом в Москву. Но освобождение Харькова для меня было особенно дорого и близко. Ведь я сражался за Харьков в феврале 1943 года при первом его взятии. Все мы тогда с глубокой болью в сердце пережили горечь вынужденного отступления.

О боях за Харьков зимнего периода я и хочу рассказать.

16-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, в которой я командовал полком, действовала в составе войск 40-й армии. В конце января мы совместно с другими частями были срочно переброшены на Харьковское направление. Наш путь лежал на Корочу.

Противник, терпя поражение, нес большие потери в живой силе и технике. Наши войска истребили тогда немало фашистов.

В условиях непрерывных боев, упорного сопротивления противника и суровой зимы нелегко было и наступавшим. В глубоком снегу застревали машины, отставали тылы. Но советские воины не знали усталости. Зачастую без сна и отдыха они шли вперед и вперед.

У артиллеристов была своя забота — не отставать с орудиями от пехоты. Противотанковые пушки приходилось иногда устанавливать на деревенские сани-розвальни и двигаться целиком на лошадях.

Выйдя на Харьковское направление, части 40-й армии, преодолевая сопротивление противника, в начале февраля овладели населенным пунктом Короча.

Бои были напряженные. Из эпизодов этого периода сражений за Харьков мне особенно запомнился один.

Гитлеровцы крепко держались за населенный пункт. Батальон противотанковых ружей нашей бригады и рота автомат-

* А. В. Чапаев, сын легендарного героя гражданской войны В. И. Чапаева.

чиков вели бой. Мне было приказано поддержать их артиллерией. Сначала я отправил одну высвободившуюся батарею, затем вторую, а вслед выехал и сам. Не доезжая километра полтора до батальона, увидел картину только что миновавшего столкновения батарей с противником. У дороги лежало несколько убитых наших бойцов, а слева от дороги метрах в двухстах — до полсотни уничтоженных гитлеровцев.

Что же произошло здесь? Об этом я узнал, когда прибыл в батальон.

Фашисты, выбитые из населенного пункта, пытались захватить его вновь. Для этого предприняли контратаку с фронта и одновременно послали ложиной в обход до 200 лыжников. Выйдя в тыл нашему батальону, они и столкнулись с подходившей на помощь батареей. Первым изготовилось и открыло огонь орудие сержанта Коваленко. Затем ударили по врагу и остальные орудия. Гитлеровцы, попытавшиеся расстрелять батарею, пока она изготовится к бою, встретили достойный отпор. Одни лыжники были уничтожены, другие рассеяны. Контратака не принесла противнику успеха.

Тесня фашистов на фланге, обходя их очаги сопротивления, наши части стали продвигаться вперед. Перед селом Пятихатки артиллеристы столкнулись с вражескими танками и автоматчиками. Обходить село целиной по глубокому снегу на машинах нельзя. Мы могли отстать, потерять время. Решили с ходу атаковать противника. Пушки били прямой наводкой по танкам в Пятихатках, а все не занятые у орудий люди с противотанковыми ружьями и автоматами атаковали село с двух сторон. Пятихатки были освобождены. Продолжая наступательные бои, воины нашей бригады к утру 16 февраля вошли в Харьков. Несмотря на ранний час, население высыпало на улицы. Бойцов обнимали, целовали. Люди плакали и смеялись от радости, не давая нам двигаться дальше. Встреча была исключительно трогательной.

А город выглядел мрачно. На площади Дзержинского стояли коробки обгоревших зданий. Некоторые дома дымились. Улицы завалены не убиравшимся грязным снегом. Харьков был без света и воды.

Несмотря на большие трудности, связанные с отсутствием необходимых резервов, боеприпасов, несмотря на сильную усталость, построение у наших солдат и офицеров было боевое. Все твердо решили выполнить свой долг до конца.

ПО ТЫЛАМ ВРАГА

В ЯНВАРЕ 1943 года Воронежский фронт вел наступательные бои от реки Дон до Оскола. Сбивая вражеские заслоны, паша 201-я танковая бригада во взаимодействии с 7-м кавалерийским корпусом уничтожала гарнизоны противника и его резервы, подходившие к фронту. В тяжелых зимних условиях бригада в течение пяти суток прошла с боями по тылам врага более 200 километров, обеспечивая левый фланг южной ударной группировки Воронежского фронта. На рассвете 19 января мы овладели железнодорожным узлом и городом Валуйки и тем самым образовали по реке Оскол от Волоконовки до Уразово внешний фронт окружения росошанской и алексеевской группировок гитлеровских войск. К концу января было закончено их уничтожение.

Шла усиленная подготовка к наступлению на Харьков. В то время я исполнял обязанности заместителя командира 201-й танковой бригады. Командовал ею уроженец Дона полковник Иван Афиногенович Таранов. В конце января его вызвали к командиру кавалерийского соединения. Мы понимали, что это не было случайным, и поэтому я распорядился собрать всех командиров частей в штаб. Через час возвратился Таранов и поставил задачу — готовить бригаду к маршу в направлении Двуречной.

Все разошлись, а у комбрига остались я и начальник политотдела подполковник Александр Акимович Черкасов.

— Мы идем с кавалерийским корпусом в новый рейд, — сказал Таранов. Развернув карту, он провел по ней карандашом от Валук до Мерефы. — Размах большой, нелегко будет. Нужно довести задачу до сознания каждого бойца и командира и мобилизовать их на выполнение боевого приказа.

Днем мы провели в частях партсобрания, а вечером перед выходом на марш — митинг. Выступления бойцов и командиров свидетельствовали о высоком наступательном порыве воинов. Танкисты, воодушевленные удачным январским рейдом до Валук, были уверены в успешном наступлении на Харьков.

Уже вечером 31 января бригада шла в передовом отряде 6-го гвардейского кавалерийского корпуса в направлении Двуречной.

Сгущались сумерки, быстро наступила ночь. Алмазная россыпь звезд покрывала все небо. Крепчал мороз. Поскрипывал снег под ногами бойцов. По обочинам дороги поэскадронно проходила конница.

Пройдя более 40 километров в глубь вражеской обороны, уничтожая на своем пути мелкие гарнизоны и отходящие немецкие части, наша бригада на рассвете 3 февраля сосредоточилась в районе Ленинки (25 километров северо-западнее Купянска), ведя разведку и подготовку к форсированию реки Бурлук.

Днем командир 6-го гвардейского корпуса генерал-майор С. В. Соколов вызвал к себе полковника Таранова и сказал:

— Нам приказано совершить большой марш-рейд по тылам противника, этим парализовать его сопротивление и обеспечить продвижение главных сил 3-й танковой армии к реке Северский Донец.

Бригаде предстояло в условиях бездорожья, по глубокому снегу, при 25-градусном морозе пройти 50 километров по тылам противника и сосредоточиться на юго-западной окраине Андреевки. Сплошного фронта в то время не было. В основном шла борьба за дороги и крупные населенные пункты. Стремясь снизить темп продвижения наших войск, враг сильными арьергардами организовывал оборону опорных пунктов, расположенных в направлениях вероятного наступления бригады и кавалерийского корпуса.

5 февраля бригада овладела Волчьим Яром (севернее Балаклеи) и ст. Шебелинка, а на второй день завязала тяжелый ожесточенный бой за Андреевку и переправу через Северский Донец. Предстояло разгромить крупный гарнизон противника, усиленный танками и артиллерией. Командир бригады понимал, что с ходу и в лоб Андреевку нельзя взять. Тогда он применил свой излюбленный прием. Частью сил сковал врага с фронта, а главными силами во взаимодействии со спешенной конницей обошел Андреевку с запада, отрезал пути отхода противника на Змиев, а затем стал наносить удары одновременно с севера и запада. Боясь окружения, враг начал отходить по льду реки. Танки настигали его и в упор расстреливали.

В этих боях смело и решительно действовали танкисты. Рота капитана Новикова первой ворвалась в район противотанковой обороны противника и разрезала ее на две части, уничтожив при этом 6 танков, 4 броневики, 3 пушки и около сотни гитлеровцев. Рота лейтенанта Кожара обошла Андреевку с юго-востока, первой вышла к переправам реки, сожгла три немецких танка, создав пробку перед переправами. Лейтенант Сапорог со своими танкистами занял на высоком берегу реки выгодные позиции,

огнем с места расстреливали танки и отходившую пехоту. Лейтенант Осипов обошел Андреевку с запада и создал видимость окружения, ведя огонь по отступающим немцам.

После захвата Андреевки и форсирования Северского Донца 201-я танковая бригада и 61-й гвардейский кавалерийский корпус вышли на оперативный простор и приступили к осуществлению обходного маневра в направлении Алексеевское—Охочее—Новая Водолага—Люботин.

Всю ночь бригада продвигалась на юго-запад, а утром 8 февраля овладела Верхним Бишкином. Воспользовавшись успехом бригады, генерал С. В. Соколов двинул на юг главные силы кавалерийского корпуса и к исходу дня перерезал шоссейную дорогу и железнодорожную магистраль Лозовая—Харьков. Сбивая заслоны противника и уничтожая на своем пути мелкие гарнизоны, танкисты во взаимодействии с кавалеристами развивали достигнутый успех, обеспечивали выход передовых частей кавалерийского корпуса к Мерефе, а главным силам корпуса — в район Рябухино — Тарановка. Наш выход в этот район завершал обход Харькова с юга и создавал угрозу путям отхода харьковской группировки гитлеровцев на юго-запад. Мы знали, что части 40-й армии успешно продвигались со стороны Белгорода в обход Харькова с запада. С ними и нужно было соединиться в районе Люботина.

Немецкое командование, видимо, поняло, в чем заключается смысл выхода кавалерийского корпуса и танковой бригады в этот район, и перебросило навстречу нам с рубежа реки Северский Донец главные силы танковой дивизии СС «Адольф Гитлер» в район западнее Мерефы, начало спешно перехватывать танками и мотопехотой переправы через реку Мжу. Обойдя мерефянский узел сопротивления с юга, наша бригада к 7.00 12 февраля сосредоточилась на северной окраине Новой Водолаги, прикрыв главные силы кавалерийского корпуса, которые выходили на рубеж реки Мжи, западнее Мерефы.

Противник пытался воспрепятствовать выходу корпуса в район Люботина. Несмотря на ненастную погоду, вражеская авиация подвергала ударам с воздуха наши боевые порядки. Танкисты и артиллеристы в течение дня отбили шесть вражеских контратак. И после каждой противник оставлял на поле боя 7—10 танков и сотни убитых.

Немецко-фашистское командование подтягивало свежие силы, парализовало новые удары, стремясь не только сохранить пути отхода из Харькова в юго-западном направлении, но окружить и уничтожить части кавалерийского корпуса. Наши кавалеристы вынуждены были втянуться в тяжелые оборонительные бои с не-

мецким танковым корпусом, принимая на себя удар и стараясь не допустить контрударов по левому флангу 3-й танковой армии, которая к этому времени форсировала реку Северский Донец и вела бои на ближних подступах к Харькову. Положение танковой бригады и кавалерийского корпуса осложнялось еще и тем, что противник после интенсивной бомбардировки подавил огневые средства прикрытия тылов в районе Рябухино — Тарановка, овладел ими, выйдя при этом передовыми частями на северную окраину В. Береки, отрезал тылы и пути подвоза танковой бригады и кавалерийскому корпусу.

Учитывая создавшуюся обстановку, наше командование приняло решение отвести соединения кавалерийского корпуса в южном направлении для перегруппировки, нанести удар противнику во фланг и через его тылы прорваться в районе Люботина на соединение с подвижными частями 40-й армии. Танковой бригаде приказывалось прикрыть отход кавалерии, а к утру 13 февраля выйти в район Охочего и организовать круговую оборону.

Противник обнаружил наш отход только утром 13 февраля. Поняв, что мы нависаем над его тылами, он отказался от преследования и приступил к перегруппировке своих сил, а днем начал подтягивать танковые части к Охочему и с ходу бросать их в бой. Своими атаками с севера и юга, а впоследствии с севера и востока враг рассчитывал разрезать нашу оборону на две части, после чего уничтожить бригаду по частям. Наше положение было критическим, однако все вражеские атаки были отбиты мужественными танкистами и артиллеристами. В эту трудную минуту с особой силой сказалась большая сплоченность личного состава бригады. Коммунисты и комсомольцы были на самых трудных и опасных участках боя и своим примером увлекали весь личный состав на подвиги во имя Родины. Парторганизации в этих, казалось, невероятных условиях напряженных боев принимали лучших бойцов и командиров в партию.

Ввиду того что враг отрезал тылы от боевых порядков бригады и кавалерийского корпуса, наше положение усложнялось. В результате бездорожья и сильных метелей с морозами повысился расход горючего, а доставка его по воздуху на самолетах У-2 не обеспечивала потребностей танковой бригады. Поэтому мы не могли предпринимать глубоких маневров, а оставаться в обороне было опасно, так как подходили к концу боеприпасы.

Весь день 14 февраля бригада отражала вражеские танковые атаки. Полковник Таранов принял решение идти на соединение с кавалерийским корпусом, выслал в передовой отряд танковый батальон под командованием капитана Погребняка, перед которым поставил задачу — во что бы то ни стало пробиться в район

Тарановки. Батальон Погребняка сбил вражеский заслон и вышел в район х. Первомайского, но попал на танковые засады противника. Завязался ожесточенный бой. В танк Погребняка попало три снаряда. Машина загорелась. Погребняк попытался под огнем врага пересест в другой танк, но был срезан пулеметной очередью. Командование принял его заместитель майор Мовчан, проявивший большое мужество и героизм. Батальон с ходу атаковал врага, подавил артиллерийские точки, сжег шесть танков и фактически пробил брешь в обороне противника. Полковник Таранов использовал удачный удар батальона, отбил фланговые атаки врага и вывел бригаду из окружения на соединение с кавалерийским корпусом.

ВОИНЫ СТЕПНОГО ФРОНТА В БОЯХ ЗА ХАРЬКОВ

23 АВГУСТА 1943 года двадцать артиллерийских залпов из двухсот двадцати четырех орудий возвестили всему миру о новой победе Красной Армии. В этот день доблестные советские воины освободили от гитлеровских захватчиков вторую столицу Украины — Харьков — крупный промышленный центр нашей Родины.

Долго и труден был путь к победному салюту. Бои за Харьков носили исключительно упорный характер. В силу сложившихся в ходе войны условий Харьков дважды переходил из рук в руки. Впервые он был захвачен противником в октябре 1941 года. Но уже в феврале 1943 года был освобожден Красной Армией. В марте 1943 года немецко-фашистские войска, перейдя в контрнаступление, снова захватили город и удерживали его до конца августа 1943 года.

Мне, как начальнику штаба Степного фронта, хотелось бы поделиться воспоминаниями о боях за Харьков летом 1943 года.

Освобождение Харькова в 1943 году связано с одним из крупнейших событий, завершивших коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, — битвой под Курском. О том событии в истории нашей армии и народа уже много написано и нет необходимости подробно говорить еще раз. Хочется лишь отметить, что победа советских войск под Курском замечательна прежде всего тем, что на полях сражений, развернувшихся к северу и к югу от Курска, а затем в районах Орла, Белгорода и Харькова, потерпела полный крах последняя попытка гитлеровцев вернуть стратегическую инициативу и взять реванш за поражение на Волге.

Как известно, для ослабления политических последствий военных неудач гитлеровское командование приняло решение провести летом 1943 года на советско-германском фронте наступательные операции крупного масштаба, надеясь тем самым приостановить распад блока фашистских государств и изменить ход войны в свою пользу. Цель предстоящего наступления отчетливо была высказана начальником штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии генерал-фельдмаршалом Кейтелем,

который на одном из совещаний в рейхсканцелярии в мае 1943 года заявил: «Мы должны наступать из политических соображений».

Для разворачивания крупного наступления на советско-германском фронте гитлеровское командование избрало район Курского выступа, где немецко-фашистские войска держали в полукольце соединения советских войск, находившихся в этом выступе.

Согласно оперативному приказу Гитлера от 15 апреля 1943 года предполагалось нанести два удара по сходящимся направлениям: один из района южнее Орла основными силами группы армий «Центр» и второй — из района севернее Харькова главными силами группы армий «Юг».

«Этому наступлению,— говорилось в приказе,— придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года. На направлении главного удара должны использоваться лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов... Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира».

Для проведения операции под Курском планировалось достигнуть внезапности наступления, чтобы одним ударом «пробить оборону противника... и таким образом замкнуть кольцо окружения».

К наступлению в районе Курского выступа противник привлек крупные силы. Всего против Центрального и Воронежского фронтов, оборонявших Курский выступ, немецко-фашистское командование сосредоточило до 50 дивизий (в том числе 16 танковых и моторизованных), около 10 тыс. орудий и минометов, до 2700 танков и около 2000 самолетов. Общая численность вражеской группировки составляла 900 тыс. человек.

Советское командование своевременно разгадало планы врага и установило не только общий замысел противника, но и направления его главных ударов, а также силы и средства, привлекаемые для операции.

В связи с тем, что противник готовился к наступлению, Советское командование приняло решение противопоставить врагу заранее подготовленную глубокоэшелонированную, непреодолимую оборону. Учитывая предложения Военных советов фронтов и мнение Генерального штаба, Ставка Верховного Главнокомандования решила в оборонительных боях измотать наступающего противника, а затем контрнаступлением завершить его разгром и развернуть мощное наступление войск на всем советско-германском фронте.

Осуществление оборонительной операции под Курском возлагалось в основном на войска Центрального и Воронежского фронтов. Однако, принимая во внимание, что противник готовится к решительному наступлению и на большую глубину, Ставка в тылу этих фронтов сосредоточила крупные стратегические резервы. Последние состояли из общевойсковых и танковых соединений, входивших в Резервный фронт (впоследствии получивший наименование Степного фронта). Им командовал генерал-полковник И. С. Конев, членом Военного совета был генерал-лейтенант танковых войск И. З. Сусайков.

Еще в мае 1943 года перед войсками фронта была поставлена задача парировать всякие возможные прорывы крупных группировок противника в восточном направлении как со стороны Орла, так и со стороны Белгорода. Фронт должен был построить оборонительный рубеж по линии Измалково — Ливны — река Кшень и далее до Белого Колодца, прикрыть железнодорожные узлы Елец, Касторное, Старый Оскол и подготовить контрудары в направлениях Малоархангельск, Щигры, Курск, Обоянь, Белгород. Перед ним также стояла задача быть готовым к активным действиям по приказу Ставки. По своему боевому и численному составу этот фронт представлял собой один из наиболее мощных стратегических резервов Ставки Верховного Главнокомандования, когда-либо создававшихся в годы Великой Отечественной войны.

Оборонительные сражения на южном и северном фасах Курского выступа измотали и обескровили противника. Уже 10 июля враг был лишен наступательных возможностей на северном фасе Курского выступа, в полосе Центрального фронта. За 5 дней наступления, с 5 по 10 июля, он смог вклиниться в оборону советских войск лишь на 10—12 км. На южном фасе Курского выступа гитлеровцы еще продолжали наступать, стремясь выйти к Курску ударом через Прохоровку. В наиболее напряженный период боев на этом направлении часть оперативных объединений Степного фронта была передана Воронежскому фронту (5-я гвардейская танковая армия, 10-й и 2-й танковые корпуса, 5-я гвардейская армия). Мощный контрудар, нанесенный этими силами совместно с войсками Воронежского фронта, позволил не только остановить врага, но и отбросить его в исходное положение и создать условия для дальнейшего наступления.

Полное крушение наступательных планов и отсутствие необходимых сил для удержания захваченных рубежей вынудили немецко-фашистское командование начать отвод своих соединений на ранее занимаемые позиции. Войска Воронежского фронта стали преследовать противника. 18 июля в наступление включи-

лись и остальные армии Степного фронта. К исходу 23 июля войска обоих фронтов вышли на рубеж, который занимали соединения Воронежского фронта до перехода противника в наступление.

Перед Степным и Воронежским фронтами встала задача — провести операцию на Белгородско-Харьковском направлении. Наши войска вынуждены были переходить в контрнаступление в чрезвычайно сложных условиях. В ходе оборонительного сражения потери понесли не только войска противника, но и советские соединения и части. К тому же противник неоднократно переходил в контратаки, обрушивал массу артиллерийского огня на наши войска. Его авиация бомбила боевые порядки и тылы.

Между тем, обстановка требовала подготовки операции в исключительно сжатые сроки. Каждый упущенный день давал возможность вражескому командованию еще больше укрепить и без того довольно сильную оборону. Я сейчас вспоминаю, какую титаническую работу в этих условиях пришлось выполнить командованию и штабам. Хочется отметить четкие действия работников фронтового, армейского и войскового тыла. Разумным использованием всех видов транспорта, умелой маскировкой проводимых мероприятий органы тыла обеспечили войска всем необходимым для перехода в решительное наступление.

Усиленно готовился к отражению удара советских войск враг. Правда, после упорных оборонительных боев силы немецко-фашистских войск ослабели. Официальные документы, захваченные у немцев, а также показания пленных говорили о колоссальных потерях противника. Так, например, взятый в плен фельдфебель 315-го пехотного полка 167-й пехотной дивизии показал, что его рота до 3 августа имела в своем составе лишь 42 человека, и то вместе с тылами. Но, как докладывала наша разведка, гитлеровцы быстро пополняли свои потрепанные в боях части маршевыми командами.

К началу августа 1943 года на Белгородско-Харьковском направлении действовали 4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф», имевшие 18 дивизий, из них 4 танковых. Общая численность сил противника доходила до 300 тыс. человек; враг имел свыше 3,5 тыс. орудий и минометов и до 600 танков. С воздуха группировка немецких войск поддерживалась 4-м воздушным флотом, насчитывавшим до 900 самолетов.

Немецко-фашистские войска опирались на хорошо развитую в инженерном отношении оборону. Тактическая зона обороны складывалась из главной и второй полосы общей глубиной до 15—18 км. Главная полоса обороны глубиной 6—8 км состояла из двух позиций, на каждой из них были оборудованы опорные

пункты и узлы сопротивления, соединенные между собой траншеями полного профиля. В опорных пунктах противник имел значительное количество дзотов. Вторая полоса обороны состояла из одной позиции глубиной в 2—3 км. Между главной и второй полосами проходила промежуточная позиция.

Следует отметить, что местность в полосе действия наших войск была сильно изрезана речками и ручьями, с большим количеством балок и промоин. Реки имеют высокие и крутые западные берега и текут в основном с севера на юг. Много лесных участков расположено как по балкам, так и на высоких местах. Местность густо заселена, но слабо развита сеть удобных дорог. При оценке местности мы убеждались, что географические условия давали возможность противнику выбирать выгодные для обороны рубежи.

Хочется особо подчеркнуть, что гитлеровцы, ведя оборонительные бои, широко использовали населенные пункты как опорные узлы сопротивления. Особое значение немецко-фашистское командование уделяло удержанию Харькова. Харьков имел исключительное значение как промышленный центр и узел железных, шоссейных и улучшенных грунтовых дорог. В нем сходятся 6 магистральных железных дорог и 4 шоссейные. В северной и южной частях города расположены крупные сортировочные станции — Северный пост и Основа. Вокруг Харькова противник оборудовал два кольцевых обвода и использовал вблизи города несколько посадочных площадок.

Планируя разгром немецко-фашистских войск в районе Белгорода и Харькова, Советское командование стремилось максимально сократить время на подготовку операции. Приняли решение: не производя сложных перегруппировок, нанести мощный удар смежными флангами Воронежского и Степного фронтов из района северо-западнее Белгорода в общем направлении на Богодухов, Валки, Новую Водолагу для рассеяния группировки противника на две части и последующего охвата и разгрома основных ее сил. Войска Воронежского фронта должны были наступать на запад в направлении Ахтырки, а войска Степного фронта поворачивать на юг — на Харьков, одновременно свертывая оборону врага по правому берегу Северского Донца. Предусматривалось, что при подходе соединений Степного фронта к Харькову войска Юго-Западного фронта, которым в то время командовал генерал армии Р. Я. Малиновский, нанесут удар силами 57-й армии в западном направлении и обойдут Харьков с юга. Для поддержки боевых действий советских войск с воздуха привлекались 2-я и 5-я воздушные армии и авиация дальнего действия.

В соответствии с этим решением Воронежский фронт (командующий генерал армии Н. Ф. Ватутин) главный удар наносил силами 6-й и 5-й гвардейских, 1-й танковой, 5-й гвардейской танковой армии с целью разгрома противостоящих сил 4-й танковой армии противника и развития удара подвижными соединениями в общем направлении на Золочев — Валки, обходя Харьков с запада.

Степной фронт главный удар наносил своим правым крылом — силами 53-й армии под командованием генерал-майора И. М. Манагарова и одним корпусом 69-й армии, которой командовал генерал-лейтенант В. Д. Крюченкин, при поддержке их 5-й воздушной армией генерал-майора авиации С. К. Горюнова.

Ближайшая задача армий правого крыла Степного фронта заключалась в том, чтобы прорвать укрепленную полосу противника на всю тактическую глубину и, развивая успех вводом в прорыв 1-го механизированного корпуса на участке 53-й армии, окружить и уничтожить Белгородскую группировку врага и овладеть Белгородом. Последующая задача была такова: развивая наступление в быстром темпе и неотступно преследуя противника вдоль западного берега реки Северский Донец, овладеть Харьковом. 1-й механизированный корпус предусматривалось ввести после прорыва стрелковыми войсками обороны противника на тактическую глубину 7—8 км и по возможности в первый день операции.

Оперативное построение фронта планировалось в один эшелон, а оперативное построение армий — в два эшелона. Это вызывалось необходимостью прорыва глубокоэшелонированной вражеской обороны. Как уже отмечалось, командование Степного фронта учитывало упорство предстоящих боев. Поэтому подразделения и части непосредственно перед наступлением обучались безостановочной атаке на глубину второй позиции главной полосы обороны противника. Для практической отработки вопросов взаимодействия пехоты со средствами усиления на учения привлекались танки, самоходно-артиллерийские установки, батальонная и полковая артиллерия.

Наступление советских войск на Белгородско-Харьковском направлении началось утром 3 августа после мощной трехчасовой артиллерийской подготовки и массированных ударов авиации 2-й и 5-й воздушных армий. В 13 часов после вклинения стрелковых войск 5-й гвардейской армии в главную полосу обороны гитлеровцев были введены в сражение 1-я и 5-я гвардейская танковые армии с задачей: передовыми бригадами завершить прорыв тактической зоны обороны противника и основными силами развивать успех в оперативной глубине.

В первый же день наступления войск Воронежского и Степного фронтов оборона противника на направлении главного удара была прорвана на всю тактическую глубину. Танковые армии Воронежского фронта, развивая успех, прорвались вперед на 26 км, а войска 53-й армии и правого фланга 69-й армии Степного фронта — на 7—8 км.

4 августа бои продолжались на всем фронте. Однако на второй день наступления темп продвижения стрелковых войск снизился на 3—5 км, так как противник усилил сопротивление. Развивая наступление, наши войска 5 августа овладели сильно укрепленным узлом обороны врага Томаровкой и в тот же день штурмом овладели Белгородом.

Вечером 5 августа в ознаменование освобождения Орла и Белгорода в Москве был произведен первый в истории Великой Отечественной войны артиллерийский салют. С тех пор салюты в Москве в ознаменование побед Красной Армии стали славной традицией.

В последующие дни советские войска развивали наступление в оперативной глубине: вскоре войска Воронежского фронта своим правым крылом овладели Боромлей и выдвинулись к опорным пунктам противника — Ахтырке, Котельве, а войска Степного фронта подошли вплотную к внешнему харьковскому оборонительному обводу.

Выход советских войск к Харькову с севера, запада и юго-востока создавал угрозу окружения войск противника. Немецко-фашистское командование прилагало отчаянные усилия к тому, чтобы остановить дальнейшее наступление наших войск и удержать город. К 11 августа оно перебросило из Донбасса на Харьковское направление три танковых дивизии и сосредоточило их для нанесения контрудара по войскам Воронежского фронта, прорвавшимся в район южнее Богодухова. Но этот контрудар, как и последовавший затем контрудар в районе Ахтырки, не дал положительных результатов. Войска фронта развивали наступление в юго-западном направлении.

В то время, когда войска Воронежского фронта отражали контрудары немецких танковых дивизий в районе Богодухова и Ахтырки, войска Степного фронта завязали бои на подступах к Харькову.

Остановлюсь несколько подробнее на боях непосредственно за город. Уже после овладения Белгородом командованию Степного фронта было ясно, что противник сделает все от него зависящее, чтобы удержать Харьков в своих руках. Это подтверждалось и всеми данными нашей разведки. На харьковское направление вскоре прибыли, в частности, танковые дивизии СС «Райх»,

«Мертвая голова», «Викинг» и 3-я танковая дивизия, которые раньше находились на Изюм-Барвенковском направлении против войск Юго-Западного и Южного фронтов. Вскоре стало известно также, что немецко-фашистское командование начало переброску в район Харькова моторизованной дивизии «Великая Германия», которая до этого была переброшена из-под Харькова в район Орла.

В целях быстрее разгрома всей группировки в районе Харькова и освобождения города войска Степного фронта были усилены двумя армиями: 57-й армией под командованием генерал-лейтенанта Н. А. Гагена из состава Юго-Западного фронта и 5-й гвардейской танковой армией под командованием генерал-лейтенанта танковых войск П. А. Ротмистрова из состава Воронежского фронта. Правда, эта армия ко времени вхождения в состав фронта была уже ослабленной, так как в течение длительного времени вела ожесточенные бои с противником. В ее составе насчитывалось около 160 танков и самоходных орудий. Однако включение в состав фронта двух армий значительно облегчало овладение Харьковом.

Учитывая сложившуюся обстановку, Военный совет фронта решил уточнить задачи объединения фронта. Ночью 10 августа нами была подписана директива войскам. В директиве указывалось, что противник пытается на тактически выгодных рубежах задержать наше наступление на подступах к Харькову. Войскам фронта было приказано 11 августа в 9.00 перейти в решительное наступление.

5-й гвардейской танковой армии предстояло нанести главный удар в направлении Пересечная — Люботин, к исходу дня выйти в район Буды, Коротич, Огульцы и отрезать пути отхода гитлеровцам на запад.

53-й армии ставилась задача в течение дня выйти на фронт Пересечная — западная окраина Харькова и перерезать шоссе и железную дорогу, идущую из Харькова на запад, 1-му механизированному корпусу под командованием генерал-майора М. Д. Соломатина — выйти в район Гавриловки.

69-я армия должна была нанести удар правым флангом в обход лесного массива и к исходу дня выйти на северную окраину Харькова.

7-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта М. С. Шумилова имела задание нанести удар левым флангом в направлении Ново-Александровки и к исходу дня выйти на восточную и юго-восточную окраины Харькова.

57-й армии вменялось в обязанность нанести главный удар в направлении Основы и к исходу дня выйти на южную окраину

Харькова, Основу и Безлюдовку, на левом фланге развивать энергичное наступление в направлении Рогани и обеспечить себе позиции по реке Уды. Было дано указание все танковые бригады этой армии объединить под одним командованием и с посаженным на танки десантом пехоты ввести в прорыв с целью выйти на южную окраину Харькова и перерезать дороги, идущие из города на юг.

Большое внимание уделялось управлению войсками. Поэтому в директиве особо подчеркивалось требование размещать наблюдательные пункты командующих армиями непосредственно на направлении главного удара. Вместе с командующим армией должен был находиться и командующий артиллерией армии со своим штабом.

В решительном наступлении на Харьков ответственная задача возлагалась на авиацию фронта; 5-й воздушной армии было приказано прикрыть главную группировку 5-й гвардейской танковой и 53-й армий, штурмовыми и бомбардировочными ударами оказать им содействие в наступлении, а также не допустить подхода резервов противника на рубеж Пересечная — Харьков. Таким образом, основные усилия авиации фронта сосредоточивались в полосах действия этих двух армий. Объяснялось это тем, что соединения 5-й гвардейской танковой и 53-й армий наносили удар непосредственно юго-западнее и южнее Харькова, где противник, боясь окружения своей группировки, мог оказать особенно сильное сопротивление.

Таким образом, операцию по овладению Харьковом намечалось осуществить нанесением нескольких сильных ударов с дальнейшим охватом Харькова с северо-запада и юго-востока.

На рассвете 11 августа войска фронта продолжали наступление и весь день вели ожесточенные бои с врагом, упорно оборонявшим опорные пункты и узлы сопротивления, расположенные севернее оборонительного обвода и прикрывавшие к нему подступы. Особенно упорные бои развернулись за Русскую Лозовую, совхоз имени 13 лет РККА, Русские Тишки и Черкасские Тишки, где наступала 69-я армия. Мне хорошо запомнились героические бои 305-й и 375-й дивизий севернее Харькова. 305-я дивизия, которой командовал полковник И. А. Данилович, после сильных упорных боев подошла к северной окраине Русской Лозовой. Попытки наших частей захватить село атакой с ходу не увенчались успехом. Противник считал, что этот укрепленный пункт являлся своего рода ключом к Харькову, и поэтому ожесточенно сопротивлялся. В это время части 375-й стрелковой дивизии под командованием полковника П. Д. Говоруненко, наступавшие восточнее 305-й стрелковой дивизии, прошли через большой лес и ликвидир-

ровали засевшие в нем группы автоматчиков. Сопротивление врага несколько ослабело. К исходу дня 305-я и 375-я стрелковые дивизии совместными атаками с севера и северо-востока освободили Русскую Лозовую.

12 августа начался штурм внешнего обвода. После мощной артиллерийской подготовки и ударов авиации соединения фронта атаковали вражеские позиции.

К исходу дня части 53-й армии захватили Шептушин в 18 км северо-западнее Харькова и северную часть Дергачей. Противник оказывал ожесточенное сопротивление. Достаточно, например, сказать, что только в районе Шептушина было уничтожено более 1100 гитлеровских солдат.

69-я армия в результате ожесточенных схваток вышла на южную окраину села Циркуны в 10 км северо-восточнее города.

7-я гвардейская армия, встречая упорное сопротивление, успеха не имела.

57-я армия, ликвидировав узел сопротивления в Каменной Яруге, продолжала вести успешное наступление и к исходу дня подошла к промежуточному оборонительному рубежу, проходившему по западному берегу реки Роганка, в 10 км восточнее Харькова.

На другой день, 13 августа, наши войска, развивая успех, достигнутый в предыдущих боях, развернули бои на всем фронте. Противник оказывал упорное сопротивление. В своих контратаках он широко использовал танки. Немецко-фашистская авиация группами по 20—60 самолетов то и дело бомбила боевые порядки наших войск. Только 12 августа вражеская авиация совершила около 600 самолето-пролетов.

В результате боев 12 и 13 августа войска фронта, прорвав внешний оборонительный обвод, на ряде участков подошли вплотную к городскому обводу и завязали бои на окраинах Харькова. Эти бои продолжались вплоть до 17 августа.

Немецко-фашистское командование принимало меры по централизации управления войсками. Оперативная группа «Кемпф», действовавшая против Степного фронта, в связи со значительным ее усилением 16 августа была реорганизована в 3-ю армию под командованием генерала танковых войск Вернера Кемпфа. Назначение этого генерала командующим 3-й армией было не случайным. Выходец из старого пруссачества, Вернер Кемпф еще в 1905 году поступил на службу в пехотный полк. В 1912 году в чине лейтенанта он был переведен в морскую пехоту, где в течение первых двух лет мировой войны занимал разные должности, а затем служил в морском корпусе в качестве офицера генерального штаба. Позднее Кемпф снова перешел в сухопутную армию

и после окончания войны занимал ответственные должности в военном министерстве рейхсвера. В период германо-польской войны он в чине генерал-майора командовал 4-й танковой бригадой. Во время французской кампании 1940 года он уже командовал 6-й танковой дивизией. За верность Гитлеру в августе 1940 года получил чин генерал-лейтенанта, а за особые заслуги во время операций на западе был награжден «Рыцарским крестом». Находясь на советско-германском фронте, он занимал командные должности, и в частности командовал оперативной группой «Кемпф», названной по его имени. Верный служака фюрера, Вернер Кемпф яростно проводил в жизнь приказ Гитлера об «удержании Харькова любой ценой», не останавливаясь перед жестокими репрессиями против солдат и офицеров, проявивших нежелание драться на русском фронте.

В течение 18 и 19 августа бои продолжались с еще большим ожесточением. Особенно упорными они были в полосе 53-й армии, в районе лесного массива северо-западнее Харькова. Обойдя этот массив основными силами, части армии овладели им и к исходу 20 августа захватили цепь узлов сопротивления противника, созданных на реке Уды — Пересечная, Гавриловка, Куряж. Эти узлы как бы запирали пути для дальнейшего наступления наших войск западнее Харькова.

69-я армия, используя успех 53-й армии, сосредоточила свои главные усилия на правом фланге и начала быстро обходить Харьков вдоль северо-западного и западного фасов городского обвода.

Чтобы воспрепятствовать отходу противника из Харькова и ускорить овладение городом, командующий фронтом принял решение силами 5-й гвардейской армии нанести удар на Коротич в 8 км западнее города и перерезать пути отхода вражеским соединениям. 21 августа развернулись особенно упорные бои на переправах реки Уды в районе Гавриловки, Надточий, непосредственно в западных пригородах Харькова.

Большую помощь наступающим войскам оказывали славные летчики фронта. Только 21 августа соединения 5-й воздушной армии произвели 561 самолето-вылет и уничтожили 16 танков, 100 автомашин и 4 склада боеприпасов противника.

С наступлением темноты сопротивление гитлеровцев было сломлено, и наши части захватили плацдармы на южном берегу реки Уды. Мы придавали особое значение форсированию этой реки. Вскоре наши инженеры построили переправы для 5-й гвардейской танковой армии, которая 22 августа перешла в наступление и к вечеру этого же дня захватила Коротич. Для врага создалась угроза полного окружения его войск в районе Харькова.

18 августа возобновили наступление и соединения 57-й армии. Им была поставлена задача наступать в общем направлении на Мерефу, а одной дивизией — по южному берегу реки Уды с целью обеспечения левого фланга основной группировки армии.

Противник прекрасно понимал, каковы будут результаты этого наступления. Ведь в случае выхода армии в район Мерефы, вся его группировка была бы окружена плотным кольцом наших войск. Враг решил любой ценой остановить войска 57-й армии. Как потом стало известно, противник бросил против частей армии 355-ю пехотную дивизию из своего резерва. Ломая сопротивление врага, соединения 57-й армии к исходу 22 августа подошли вплотную к восточной окраине Безлюдовки, в 8 км южнее Харькова.

Таким образом, к исходу 22 августа вражеская группировка оказалась в полуокружении. В распоряжении гитлеровцев осталась лишь одна железная и одна шоссейная дорога, идущие из Харькова на Мерефу и Красноград. Но и эти дороги находились под ударами нашей авиации.

Для нас, участников боев за Харьков, на всю жизнь останется памятной ночь с 22 на 23 августа 1943 года. Перед нами открылась панорама ночного города, освещаемого вспышками, взрывами, пожарами и сотрясаемого страшным орудийным гулом.

Огромные массы войск были сосредоточены на сравнительно небольшой территории, прилегающей к Харькову. Воины нашего фронта прекрасно понимали, что начинается решающий этап победоносного наступления на Харьковском направлении — штурм города. Мы знали, что в городе томятся наши братья — советские люди, перенесшие все страдания гитлеровской оккупации.

Харьковчане уже слышали грозную поступь дивизий Красной Армии, их сердца переполнялись радостью: близок час освобождения! Советские братья — воины Красной Армии у стен города!

Гитлеровские войска, несмотря на безнадежное положение, упорно сопротивлялись. Во все дни нашего наступления ни на одном из участков фронта не было, пожалуй, столь ожесточенных контратак противника. В результате отхода войск врага к Харькову его боевые порядки еще больше уплотнились. Непосредственно в черте города оказалось большое количество гитлеровских войск. Здесь оборонялись 320-я, 168-я, 106-я, 282-я и 39-я пехотные и 6-я танковая дивизии.

Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн приказал генералу Кемпфу удерживать город любой ценой. Отбор-

ные гитлеровские войска упорно дрались, чтобы выиграть время для подхода резервов и в дальнейшем добиться перелома в ходе сражения в свою пользу. Из показаний пленных стало известно, что войскам противника был зачитан приказ Гитлера, в котором говорилось, что ни один немец не имеет права уйти из Харькова. Солдатам были обещаны награды.

Оценивая сложившуюся обстановку, командование фронта понимало, что враг еще силен. Для его полного окружения потребуются большие усилия. Между тем противник мог еще маневрировать своими войсками, используя открытый коридор, не занятый нашими войсками, непосредственно юго-западнее города. Поэтому все наши мысли были направлены на то, чтобы лишить врага этой возможности и воспрепятствовать отводу его живой силы и техники из города.

По указанию командующего фронтом генерала И. С. Конева в 19 час. 45 мин. 22 августа я отдал приказание командующему 69-й армией. Вот его содержание:

«Командующему 69-й армией. Манагаров вышел на фронт: Старый Люботин — Подворки. Из Харькова отмечено движение на юг до 500 автомашин, Харьков горит. Слышны сильные взрывы.

Командующий фронтом приказал: 94 гв. сд. по боевой тревоге и танковую бригаду форсированным маршем сосредоточить восточнее Куряжа и, не медля ни одной минуты, силами 94 гв. сд., 305 сд. и танковой бригады через Савченки... перейти в наступление в направлении Залютино, отрезая пути отхода противнику из Харькова. С фронта не медля приказать войскам перейти на штурм города Харькова.

Действия должны быть решительными и энергичными».

К вечеру 22 августа у немецкого командования исчезли все надежды на длительное удержание города. Дело в том, что врагу не принесли успеха контрудары его танковых дивизий против Воронежского фронта в районе Богодухова и Ахтырки. Еще 19 августа враг вынужден был в этом районе перейти к обороне. А это давало возможность войскам Воронежского фронта успешно наступать западнее Харькова. Крайне тяжелая обстановка сложилась для гитлеровских войск и на других участках советско-германского фронта. Как известно, к 18 августа войска Западного, Брянского и Центрального фронтов успешно завершили Орловскую наступательную операцию и вышли на подступы к Брянску. К этому же времени противник отходил на западном направлении в районе Смоленска. Южнее нас на Донбасс успешно наступали войска Юго-Западного и Южного фронтов.

Все это вынудило немецко-фашистское командование принять решение о выводе из Харькова остатков своей группировки, чтобы спасти ее от полного уничтожения.

Заключительные бои за Харьков развернулись в ночь с 22 на 23 августа. Чтобы не дать возможности противнику вывести свои войска, оборонявшие Харьков, вечером 22 августа всем армиям был отдан приказ о ночном штурме города. Выполнение задачи по непосредственному овладению городом возлагалось на войска 69-й и 7-й гвардейской армий.

Всю ночь с 22 на 23 августа в городе шли ожесточенные уличные бои. Противник превратил все каменные постройки в своего рода доты. Нижние этажи домов использовались в качестве огневых позиций артиллерии средних калибров; верхние этажи занимались автоматчиками, пулеметчиками. Все подступы к городу, въезды и улицы на окраинах были сплошь заминированы и перекрыты баррикадами.

Вспоминая теперь бои за город и в его предместьях, хочется еще раз сказать о героизме советских воинов всех родов войск, который они проявили в борьбе с врагом. Ночью, при свете зари, стоявшего над Харьковом, советские воины умело обходили укрепленные позиции противника, просачивались в его оборону и смело атаковали вражеские гарнизоны с тыла.

Утром 23 августа истерзанный врагом город был в наших руках. К 12. 00 Харьков окончательно был очищен от гитлеровских войск.

В результате ночного штурма противник понес огромные потери. Только в районе Харькова и его пригородах на поле боя осталось свыше 7 тыс. немецких солдат и офицеров. Противник потерял массу боевой техники, разбитые и деморализованные остатки гитлеровских войск, преследуемые нашими танками и авиацией, в панике бежали на юго-запад, за реки Мерефу и Мжу.

23 августа 1943 года во всех частях и соединениях был объявлен приказ Военного совета Степного фронта. В приказе говорилось:

«В результате решительного штурма и прорыва сильно укрепленных оборонительных полос противника... доблестные воины Степного фронта 23 августа 1943 года овладели Харьковом.

В боях за Харьков все бойцы, офицеры отличились в мужестве и умении бить ненавистного врага.

Объявляю всему рядовому, сержантскому и офицерскому составу благодарность.

Вечная память погибшим в боях за Родину!
Слава героям!

Доблестные воины, вперед на запад, за полный разгром немецких оккупантов!»

За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, десять дивизий Степного фронта — 89-я гвардейская Белгородская стрелковая дивизия, 252-я, 84-я, 299-я, 116-я, 375-я, 183-я стрелковые, 15-я, 28-я и 93-я гвардейские стрелковые дивизии удостоились высокого воинского отличия; им было присвоено наименование «Харьковских». Ряд частей, много генералов, офицеров, сержантов и красноармейцев получили правительственные награды.

Так была дописана одна из героических страниц борьбы Советской Армии за освобождение Украины от фашистских захватчиков.

Около пятидесяти дней длились ожесточенные бои к югу от Курска. В ходе оборонительного сражения, а затем контрнаступления наши войска разгромили крупную группировку врага.

Армии Воронежского и Степного фронтов, разгромив вражеские войска в районе Белгорода и Харькова, нависли над всем южным крылом германского фронта. Теперь они занимали выгодное положение для дальнейшего развития наступления, целью которого было освобождение всей Левобережной Украины с последующим форсированием Днепра.

У меня, как участника боев за Харьков, на всю жизнь останется в памяти митинг трудящихся в освобожденном городе. Это было 30 августа у памятника Т. Г. Шевченко. Город ликовал. Он был украшен яркими транспарантами и флагами. Везде гремела музыка. Это был настоящий праздник жителей Харькова и воинов-освободителей.

Уже 23 августа в город прибыли советские и партийные органы Украинской ССР. Под руководством Коммунистической партии харьковчане приступили к возрождению своего любимого города.

ОБХОДНЫЙ МАНЕВР

В ОСВОБОЖДЕНИИ Харькова от немецко-фашистских захватчиков, осуществленном войсками Воронежского и Степного фронтов, каждой армии, каждому соединению принадлежит свое место.

В третьем томе «Истории Великой Отечественной войны», там, где речь идет о прорыве немецкой обороны Степным фронтом, говорится: «Особенно успешно проходило наступление войск 53-й армии... Обходя Харьков, они отрезали пути отхода харьковской группировки врага на юго-запад...»

Части и соединения армии, солдаты, сержанты, офицеры и генералы проявили высокий наступательный дух, самоотверженность и героизм в боях за освобождение второй столицы Украины.

Чем больше время отдаляет от нас события лета 1943 года, тем глубже мысль уходит в пережитое и давнее. Но не на прихотливую память надеемся мы, вспоминая сражения за Харьков. Нам посчастливилось заново прочесть документы, хранящиеся ныне в Центральном архиве Министерства обороны СССР.

Вот они, немые свидетели боевых будней. Подписанные тобою же боевые приказы и распоряжения соединениям, отчеты, доклады, ведомости, карты-схемы, донесения. В них отражена многогранная деятельность войск: техническое обеспечение боевых действий танков; расход боеприпасов; боевая работа ВВС, инженерное обеспечение операций, служба тыла и т. д. В донесениях политического отдела армии Политуправлению фронта запечатлены деятельность политаппарата, партийных и комсомольских организаций частей и подразделений, подвиги воинов на поле боя.

Лето 1943 года. Разгром немецко-фашистских войск на Курской дуге создал благоприятные условия для наступления Красной Армии на Белгородско-Харьковском направлении. Войска Воронежского и Степного фронтов, прорвав оборону врага севернее Белгорода, продвинулись в юго-западном и южном направлениях. Пленные немецкие офицеры и солдаты рассказывали, что Гитлер требует от своих войск удержать Харьков любой ценой.

Фашистское командование спешно вернуло под Харьков танковые дивизии, направленные в Донбасс для отражения начавшегося наступления войск Юго-Западного и Южного фронтов. На выгодных рубежах противник подготовил ряд оборонительных полос с мощными противотанковыми мишными полями перед рубежами.

Свой отход враг прикрывал арьергардами моторизованной пехоты, усиленной тяжелыми танками, самоходными орудиями и артиллерией. Большие группы штурмовой и бомбардировочной авиации поддерживали действия этих арьергардов. Такова была обстановка в момент, когда 53-я армия приступила к выполнению поставленной перед ней задачи. Суть задачи состояла в осуществлении обходного маневра. Войска армии должны были ударом в южном направлении обойти Харьков с запада, выйти на пути, связывающие Харьков с Полтавой, и в дальнейшем, совместно с другими армиями фронта, окружить и уничтожить харьковскую группировку противника.

Армии предстояло, таким образом, прорвать укрепленные полосы врага, преодолеть лесной массив и выйти на железнодорожную линию Харьков — Полтава. Затем необходимо было овладеть районом Люботин, с тем чтобы отрезать отход частей противника по шоссе Харьков — Полтава.

Выполнение этой задачи (при успешном наступлении правого крыла Юго-Западного фронта в направлении железной дороги Харьков—Лозовая) ставило харьковскую группировку противника в чрезвычайно тяжелое положение. Именно этим объясняется то ожесточенное сопротивление, которое оказывал враг нашим наступающим частям. Немецко-фашистское командование, подготавливая главную оборонительную полосу, наимыгоднейшим образом использовало местность, резко пересеченную, закрытую лесным массивом, а местами — перерезанную балками и широкой долиной реки Уды. Командование армии решило главный удар по противнику нанести правым крылом на участке Полевое — Семеновка тремя дивизиями: 288-й, 252-й и 84-й и первым механизированным корпусом.

Всю операцию намечалось осуществить в три этапа:

первый — прорыв оборонительной полосы и выход на южную опушку лесного массива западнее Харькова;

второй — овладение участком железной дороги Харьков — Золочев, форсирование реки Уды и выход на ее южный берег;

третий — овладение районом Старый Люботин и выход на шоссе Харьков — Полтава.

13 августа в 7 часов утра после 30-минутной артиллерийской подготовки соединения первого эшелона армии перешли в наступ-

ление. Но заметного успеха они не добились. Враг ожесточенно сопротивлялся: в течение этого дня пехота противника при поддержке артиллерии и танков трижды — в 8.00, в 15.00 и в 16.00 — контратаковала боевые порядки 299-й стрелковой дивизии. Личный состав частей, закаленный в оборонительных боях на Курской дуге, стойко и мужественно отражал вражеские атаки. Хорошо налаженная система взаимодействия пехоты с орудиями ПТО, быстрое маневрирование огнем артиллерии и минометов делали свое дело: вражеские атаки были отбиты. Только за один день 13 августа наши пехотинцы, артиллеристы, танкисты уничтожили больше 400 немецких солдат и офицеров, захватили пленных.

На другой день наши части, ведя наступление, лишь незначительно улучшили свои позиции. Огневое сопротивление противника возросло. Части 116-й стрелковой дивизии в районе поселка Лозовецки отбили девять яростных контратак.

Становилось ясно, что мы не до конца вскрыли систему вражеской обороны, построенной в глубине лесного массива. Надо было прежде всего, прорвавшись за передний край, вклиниться в лес. С этой целью в ночь на 15 августа были выброшены передовые отряды — в составе усиленного батальона от каждого соединения первого эшелона. Приказ батальонам гласил: «Вклинившись в лесной массив и действуя на тылы основных опорных пунктов врага, создать у него видимость окружения и отрезать ему выходы из лесного массива». Для обеспечения успеха к переднему краю противника было подтянуто до 400 орудий.

Замысел удался: батальоны прорвались в глубь обороны противника, перерезав дороги Полевое — Харьков, Семеновка — Куряжаника, Караван — Пересечная. Отражая контратаки, наши подразделения уничтожили до батальона вражеской пехоты, подожгли танки и 10 автомашин.

Создалась реальная возможность овладеть опорным пунктом Полевое. Однако понадобилось еще три дня, чтобы выбить противника оттуда. Чем объяснить замедленный темп нашего наступления? Анализируя сложившуюся обстановку в те дни, мы должны были признать, что некоторые наши части, хорошо зарекомендовавшие себя в оборонительных боях и в решительных наступательных действиях на равнинной местности, не проявляли должной маневренности в условиях ведения лесного боя. Зачастую подразделения действовали изолированно друг от друга, теряли связь с соседями.

Существенную помощь войскам первого оперативного эшелона оказал 1-й механизированный корпус. Овладение сильно укрепленным узлом сопротивления Полевое, а затем и населен-

ным пунктом Семеновка стало возможным благодаря тесному взаимодействию частей 299-й стрелковой дивизии с танкистами 219-й танковой бригады и 19-й механизированной бригады 1-го механизированного корпуса. Исключительно важную роль в этой операции сыграла артиллерия, действовавшая в боевых порядках пехоты.

Отличились и танкисты. Огнем и гусеницами своих машин они уничтожали врага, расчищая путь стрелковым подразделениям.

Второй этап операции — выход на железную дорогу Харьков — Полтава — осуществлялся более быстрыми темпами. В течение 19 августа соединения армии продолжали наступление с целью овладеть пунктами Пересечная — Гавриловка и выйти на южный берег реки Уды. Противник своим огнем закрывал нам выходы с южной опушки лесного массива, и поэтому вся мощь огня наступающих и поддерживающих частей была сосредоточена по артиллерии немцев. К концу дня обозначился успех на правом фланге армии — 252-я стрелковая дивизия (928-й и 932-й стрелковые полки) стремительным ударом опрокинула части противника в своей полосе и овладела господствующей высотой 188,8. Используя успех 252-й, действующая справа 299-я стрелковая дивизия выдвинулась вперед и вышла на выгодный рубеж.

Успешный, благодаря своей стремительности, прорыв вражеской обороны частями 252-й стрелковой дивизии был ярким свидетельством возросшего мастерства офицеров и всего личного состава. Командиры рот, батальонов, выполняя свою ограниченную задачу, видели также и перспективы развития наступательной операции в целом. Это было очень важно для осуществления общего замысла. Когда в густом лесу подразделениям трудно было развернуть артиллерийские средства для поддержки наступающей пехоты, командиры батальонов капитан Попков и старший лейтенант Мигов предприняли обходной маневр с целью зайти противнику во фланг, а мелкими группами и в тыл. Наши воины сумели нарушить работу связи в тылу у немцев, создать на возможных путях отхода врага минные заграждения и засады.

Командиры батальонов, изучив тактику противника и зная, что немецкая пехота боеспособна, когда она дерется под прикрытием танков, а когда танков нет — она отходит, сумели при отражении контратак вывести из строя максимальное количество танков. И сделано это было наиболее эффективными в условиях леса способами, путем установки противотанковых мин на дорогах и просеках.

В боях за Пересечную полки дивизии разгромили до двух батальонов вражеской пехоты, захватили 3 самоходных орудия, 3 подбитых танка, автомашину, рацию, более 20 пулеметов и дру-

гое вооружение. Действия 252-й стрелковой дивизии получили высокую оценку командующего Степным фронтом генерала И. С. Конева.

Напряжение боев нарастало. Не давая врагу передышки, соединения первого эшелона продолжали наступление и ночью. Снова была применена тактика прорыва усиленными батальонами. В ночь на 20 августа они ворвались в населенные пункты Пересечную и Гавриловку, а батальон 28-й стрелковой дивизии достиг леса севернее Коротича. Используя успех передовых отрядов, главные силы первого эшелона с рассветом 20 августа возобновили атаку и к 9 часам вышли на северный берег реки Уды, полностью очистили от противника Пересечную, Гавриловку и заняли важную в тактическом отношении высоту 172,6.

К исходу дня 20 августа соединения армии, преодолевая сопротивление противника, вышли на железную дорогу Харьков — Полтава. Таким образом, была создана возможность контролировать огнем и шоссе Харьков — Полтава.

День 20 августа ознаменовался новыми успехами наших частей. Этому способствовал и приказ командующего фронтом, которым в мое подчинение передавались две стрелковые дивизии — 107-я и 89-я гвардейская, входившие до того в 48-й стрелковый корпус 69-й армии. Именно этот корпус и овладел населенным пунктом Куряжанка и вел бой с противником, оборонявшим западные предместья Харькова.

21 августа наши войска во взаимодействии с 5-й танковой армией, сосредоточенной в полосе 53-й армии, на участке фронта Пересечная — Гавриловка перешли в наступление в направлении на Коротич — Бабаи с целью окружения Харьковского гарнизона противника. Бои достигли наивысшего ожесточения. Враг не уступал без сопротивления ни одного метра земли, бросая против наступавших пехоту, танки, подвергая их частым воздушным налетам. Но контратаки отбивались нашими войсками.

К исходу дня 22 августа соединения армии занимали следующие позиции.

293-я стрелковая дивизия закрепились на участке урочище Левадки — северо-восточная окраина поселка Старый Люботин (контратакой противника части были выбиты с этих позиций, но к 14.00 они снова заняли урочище Левадки). 252-я стрелковая дивизия достигла восточных скатов высоты. 84-я стрелковая дивизия вышла на рубеж урочище Шамраньга — совхоз «Коммунар». 28-я гвардейская стрелковая дивизия перерезала шоссе Харьков — Полтава на всем участке своего наступления. 116-я стрелковая дивизия овладела курганами севернее шоссе Харьков — Полтава и железнодорожным полотном в 1 км южнее Подворок.

48-й стрелковый корпус, отражая контратаки на западном фланге укреплений Харькова, повернул фронт на восток и вел бои на участке северная окраина Надточий — северная окраина Подворок.

Таким образом, в конце дня 22 августа войска 53-й армии с честью выполнили задачу второго этапа операции: закрыли противнику пути отхода на запад. Это в известной мере и вынудило фашистские войска оставить Харьков. На исходе дня 22 августа немцы начали уничтожать предприятия города, а в ночь на 23-е фашистское командование приступило к выводу гарнизона из Харькова в юго-западном направлении.

23 августа в 4.00 89-я гвардейская и 107-я стрелковая дивизии ворвались в Харьков с запада, уничтожая оборонявшиеся части врага. Одновременно с севера в город вошли части 69-й армии и с востока — 7-й гвардейской армии. Совместными усилиями войск этих армий к полудню 23 августа Харьков был полностью очищен от фашистских оккупантов.

Так обходным маневром, глубоким охватом Харькова с юго-запада в сочетании с прямым ударом по противнику в городе войска 53-й армии способствовали освобождению второй столицы Украины. В боях за освобождение города отличились многие части и соединения. В числе дивизий, удостоенных наименования «Харьковских», были также и пять стрелковых дивизий 53-й армии: 252-я генерал-майора Анисимова, 84-я полковника Буняшина, 299-я генерал-майора Травникова, 28-я гвардейская генерал-майора Чурмаева, 116-я генерал-майора Макарова.

Победу надо было закрепить. Пятьдесят третья продолжала выполнять поставленную задачу. Днем 23 августа основные силы армии приступили к выполнению третьего этапа операции — овладению районом Старый Люботин, с тем чтобы, закрепившись здесь, полностью устранить угрозу повторного наступления противника на Харьков.

В последующие дни войска армии, ломая сопротивление врага, овладели 24 населенными пунктами, в том числе освободили Люботин, Коротич, Песочин и перерезали железную дорогу на участке Мерефа—Богодухов.

Успешно завершив обходный маневр, армия продолжала с боями двигаться на запад.

ВПЕРЕДИ — ХАРЬКОВ!

ВО ВРЕМЯ Белгородско-Курской операции 1943 года мне довелось командовать 69-й армией, входившей в состав войск Степного фронта.

5 августа после ожесточенных и кровопролитных боев 89-я гвардейская и 305-я стрелковые дивизии полностью овладели Белгородом. Было уничтожено свыше 3200 гитлеровских солдат и офицеров, захвачено большое количество пленных, взято несколько складов боеприпасов и десятки вагонов с военным имуществом и продовольствием. Оборонительные линии, которые немцы считали неприступными, были прорваны, опорные пункты на западной окраине Белгорода сокрушены огнем нашей артиллерии.

За успешные боевые операции по овладению Белгородом Верховное Главнокомандование Красной Армии присвоило 89-й гвардейской и 305-й стрелковой дивизиям почетное наименование «Белгородских». В честь освобождения Орла и Белгорода столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам двадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати орудий. Это был первый салют в честь победителей в истории Великой Отечественной войны.

Пленные, захваченные в те дни, показывали, что немцы понесли большие потери, что моральное состояние гитлеровских войск весьма низкое.

После освобождения Белгорода соединения 69-й армии продолжали наступательные операции. Отступая в южном и юго-западном направлении, противник организованным огнем пытался оказывать сопротивление советским войскам.

В эти дни на одной из окраинных улиц Белгорода я случайно увидел немецкий дорожный знак, на котором было написано: «До Харькова — 80, до Курска — 150, до Томаровки — 30 километров». Этот знак, по-видимому, служил ориентиром для немецких войск, но вопреки желанию противника, он нам теперь указывал путь к цели. Впереди был Харьков, многострадальный город, в котором около двух лет хозяйничали фашистские окку-

панты. Гитлеровцы, сосредоточив крупные мотомеханизированные, артиллерийские и авиационные соединения решили любой ценой, не считаясь ни с какими потерями, удержать в своих руках этот важный промышленный центр и железнодорожный узел. Гитлер обещал солдатам и офицерам высокие награды, если они не сдадут город.

До войны мне неоднократно приходилось бывать в Харькове. Одна из местных организаций шефствовала над кавалерийской частью, которой я командовал. Я видел, как из года в год росло индустриальное могущество города, как он хорошел. А вот теперь, в начале августа сорок третьего года, сердца наши содрогались, когда мы слушали рассказы харьковчан, которым удалось бежать из города. Виселицы, тюрьмы, голод, угон в Германию десятков тысяч девушек и юношей, кровавый террор, массовое уничтожение мирных жителей — такими были будни оккупированного фашистами Харькова. Волну гнева и возмущения вызвали у наших воинов рассказы харьковчан о злодеяниях гитлеровцев. Люди рвались в бой.

К исходу дня 10 августа 69-я армия освободила Большие Проходы, Липцы, Ворошиловку и другие населенные пункты. Правее успешно действовала 53-я армия, которой командовал генерал Манагаров, а левее — 7-я гвардейская армия генерала Шумилова.

11 августа командующий Степным фронтом генерал-полковник И. С. Конев поставил перед войсками задачу: окружить и уничтожить харьковскую группировку противника и овладеть городом. 69-я армия получила приказ перейти в решительное наступление и выйти на его северную окраину. Впереди была сильно укрепленная оборона противника, которая, по данным наблюдения воздушной разведки и показаниям пленных, представляла собой систему дзотов с перекрытием в два-три паката и запасными площадками для стрельбы. Широко применялся фланкирующий и косопрямельный огонь. Все узлы сопротивления поддерживали друг с другом огневую связь. Огневые точки были связаны между собой разветвленной сетью ходов сообщения. Свой передний край противник усилил инженерными сооружениями, проволочными заграждениями в два-три кола, противотанковыми минными полями и лесными завалами. Каждое каменное здание фашисты превратили в опорный пункт сопротивления.

Ожесточенные бои шли за каждый населенный пункт, за каждый лесной массив, переправу, мост, улицу, за каждое здание. Противник пытался всеми силами остановить победоносное наступление Красной Армии и удержать в своих руках Харьков.

Он пытался контратаковать наши части и бросил в бой не только основные силы, но и резервы. В отдельных контратаках участвовало по 50—100 танков, за которыми шла мотопехота, поддерживаемая авиацией и дальнебойными орудиями.

Но ничто уже не могло остановить могучий наступательный порыв советских армий. Воодушевление в частях было поистине огромное. Люди дрались, не жалея жизни. В те дни очень популярны были стихи украинского поэта Мыколы Бажана:

В нас клятва єдина і воля єдна,
Єдиний в нас клич і порив:
Ніколи, ніколи не буде Вкраїна
Рабою німецьких катів.

Много славных подвигов вписали воины Красной Армии в летопись боев за Харьков. Приведу только несколько фактов. Старший сержант Герасимов и красноармеец Истомин во время инженерной разведки обнаружили заминированный и подготовленный к взрыву мост на главной магистрали в населенном пункте Циркуны. С минуты на минуту он должен был взлететь в воздух. Советские воины, рискуя жизнью, под ураганным огнем противника пробрались к мосту, перерезали провода и вынули электродетонатор. Мост не был взорван, и наши подоспевшие части взяли его под охрану.

...В течение нескольких дней саперы подразделения майора Сивкова вели наблюдение за рекой Лопань в районе Северного поста, выжидая удобного момента для наведения переправы. Противник прочно удерживал противоположный берег, открывая огонь по каждому, кто пытался подойти к реке. Разведчики из взвода старшего лейтенанта Клушина наметили удобные подходы к реке, обследовали подъезды, определили расположение минных полей. Тщательно маскируясь, саперы постепенно подтягивали на плечах все ближе и ближе к реке заготовленные детали моста. Когда немцев выбили с занятых позиций, саперы сразу же навели два пешеходных мостика, нашли брод для танков и приступили к постройке моста. За несколько дней под огнем противника был построен мост длиной 55 метров.

11 августа части армии овладели населенными пунктами Русская Лозовая, Русские Тишки, Черкасские Тишки, Болцеево, совхозом «13 лет РККА». В последующие дни были освобождены Циркуны, Алексеевка, Лозовеньки, Чайковка, Олешки, Чуйки, Тищенко и другие села.

19 августа мы закреплялись на достигнутых рубежах, создавали сильную противотанковую и противопехотную систему артиллерийского огня. Для маневрирования и отражения воз-

можных танковых атак были организованы мощные артиллерийские группы. А уже на следующий день наши войска возобновили наступление, чтобы не дать возможности гитлеровцам закрепиться на реке Уды.

Примерно в 17 часов 22 августа со стороны противника слышались сильные взрывы, на улицах Харькова наблюдалось усиленное движение автомашин и пехоты. Одновременно резко усилился огонь дальнобойной артиллерии.

Приблизительно в 20 часов 22 августа 1943 года я получил приказ, подписанный начальником штаба Степного фронта генералом М. В. Захаровым:

«Командующему 69-й армией.

Манагаров вышел на фронт: Старый Люботин — Подворки. Из Харькова отмечено движение на юг до 500 автомашин, Харьков горит. Слышны сильные взрывы.

Командующий фронтом приказал:

«94-ю гв. сд. по боевой тревоге и танковую бригаду форсированным маршем сосредоточить восточнее Куряжа и, не медля ни одной минуты, силами 94 гв. сд., 305 сд. и танковой бригады через Савченки, восточнее Подворок, перейти в наступление в направлении Залютино, отрезая пути отхода противнику из Харькова.

С фронта немедленно приказать войскам перейти на штурм города Харькова.

Действия должны быть решительными и энергичными.

Об отданных приказах и исполнении донести».

Руководствуясь этим приказом, 69-я армия во взаимодействии с соседними армиями начала решительный штурм Харькова со стороны Померок в направлении Красной Баварии. В первой половине дня 23 августа после ожесточенных уличных боев Харьков был освобожден от фашистских оккупантов. Над городом вновь взвилось победоносное, овеянное славой красное знамя.

В Харькове мы взяли в плен много солдат и офицеров противника, захватили большое количество различных трофеев. По данным армейской трофейной комиссии, в наши руки попало свыше 30 складов с боеприпасами, продовольствием, обмундированием, фуражом, горючим и военным снаряжением; около 40 эшелонов с разным имуществом, которые гитлеровцы пытались отправить в Германию; более 200 паровозов, танки, орудия, тракторы, автомашины, самолеты.

В боях за Харьков особо отличились соединения, входившие в состав 35-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал-лейтенант Горячев. Первыми в Харьков ворва-

Командующий Юго-Западным фрон-
том генерал армии Р. Я. Малиновский,
с 1945 года Маршал Советского Союза.

Командующий Степным фронтом ге-
нерал-полковник И. С. Конеv, с 1945
года Маршал Советского Союза.

Командующий Воронежским фрон-
том генерал армии Н. Ф. Ватутин.

Командующий 7-й гвардейской армией генерал-лейтенант, ныне генерал-полковник М. С. Шумилов

Командующий 53-й армией генерал-майор, ныне генерал-полковник И. М. Манагаров.

Командующий 5-й гвардейской танковой армией генерал-лейтенант, ныне Главный маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров.

Командующий 5-й воздушной армией генерал-полковник авиации С. К. Горюнов.

Танки и пехота на подступах к Харькову. Август 1943 г.

Советские части форсируют Северский Донец в районе Волчанск.

А. В. Чапаев, командир полка 16-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады.

Дивизионная парткомиссия принимает в партию прославленного пулеметчика Мухаметчина. 1943 г.

Командующий 69-й армией генерал-лейтенант В. Д. Крюченкин.

Командующий 57-й армией генерал-лейтенант Н. А. Гаген.

Командир 33-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор М. И. Козлов.

Командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант Б. К. Колчигин.

Накануне решающей битвы за освобождение Харькова. Первый справа — командующий армией генерал-лейтенант М. С. Шумилов.

Бойцы 15-й гвардейской дивизии штурмуют вражескую оборону на подступах к городу.

Командир 15-й гвардейской Харьковской стрелковой дивизии Е. И. Василенко; начальник политотдела дивизии К. А. Страхов.

Командир 252-й Харьковской стрелковой дивизии Г. И. Анисимов; начальник политотдела дивизии М. Д. Колодяжный.

Командир 93-й гвардейской Харьковской стрелковой дивизии В. В. Тихомиров; начальник политотдела дивизии М. П. Поляков.

Бой в районе с. Большая Даниловка под Харьковом. Август 1943 г.

Командир 299-й Харьковской стрелковой дивизии Н. Г. Травников; начальник политотдела дивизии В. Ф. Ключко.

Командир 28-й гвардейской Харьковской стрелковой дивизии Г. И. Чурмаев; начальник политотдела дивизии В. Д. Курилев.

Командир 116-й Харьковской стрелковой дивизии И. М. Макаров; начальник политотдела дивизии А. И. Шишлянников.

Герой Советского Союза старший лейтенант В. П. Петришев.

На площади Дзержинского в день освобождения Харькова от немецко-фашистских захватчиков. 23 августа 1943 г.

Командир 84-й Харьковской стрелковой дивизии П. И. Буняшин; начальник политотдела дивизии Н. И. Манохин.

Командир 183-й Харьковской стрелковой дивизии Л. Д. Василевский; начальник политотдела дивизии С. И. Аршинский.

Герой Советского Союза, командир 375-й Харьковской стрелковой дивизии П. Д. Говоруненко; начальник политотдела дивизии С. Х. Айнутдинов.

Командир 89-й гвардейской Белгородско-Харьковской стрелковой дивизии М. П. Серюгин; начальник политотдела дивизии П. Х. Гордиенко.

Водружение Красного знамени на площади Дзержинского.

Харьківчане радісно зустрічають своїх визволителів — воїнів Червоної Армії. Август 1943 г.

Н. А. Вишневский, А. В. Щелаковский, Н. И. Труфанов, В. Д. Крючкин — командиры и политработники соединений Красной Армии, принимавших участие в освобождении Харькова от фашистских оккупантов.

Советские воины проходят по улицам освобожденного Харькова.

Группа солдат и офицеров 5-го танкового корпуса, отличившегося в боях за освобождение Харькова. В центре — генерал-майор А. Г. Кравченко.

лись воины 93-й и 94-й гвардейских стрелковых дивизий. Замечательно дрались с врагом также воины 183-й гвардейской Белгородской дивизии, 107-й стрелковой и 305-й Белгородской стрелковой дивизии.

То, что мы увидели в Харькове, превзошло наши самые мрачные ожидания. Город-красавец оккупанты превратили в груды руин. Все основные заводы, крупные здания, школы, вузы, клубы, Дворцы культуры были взорваны, культурные ценности вывезены. Фашистские изверги уничтожили десятки тысяч мирных жителей — женщин, стариков, детей...

Со слезами радости на глазах встречало население свою армию-освободительницу. А мы не могли задерживаться. Мы шли вперед, преследуя и уничтожая противника.

Буквально через несколько часов после освобождения Харькова можно было прочитывать следующую листовку, написанную синими чернилами крупными буквами:

«Привет бойцам Красной Армии, освободившим Харьков от немецких оккупантов!

Освобожденное население всемерно поможет частям Красной Армии и органам Советской власти по скорейшему восстановлению разрушенного города, по налаживанию нормальной жизни в нем и в окончательной победе над врагом!

Да здравствует победоносная Красная Армия!»

Кто писал эти листовки, проникнутые горячей любовью к Красной Армии и отражающие непреклонную уверенность харьковчан в окончательной победе над фашистской Германией? Ведь партийные и советские органы еще не приступили к работе. По-видимому, их подготовили подпольщики и партизаны, героически сражавшиеся с гитлеровцами и проводившие огромную работу в тылу.

Уже на второй день после освобождения города начали разворачивать свою деятельность харьковские партийные, советские, профсоюзные и комсомольские органы. Успешно действовала харьковская военная комендатура, которую возглавил заместитель командующего 69-й армией генерал-майор Н. И. Труфанов.

Комендатура, опираясь на помощь воинских частей и населения, взяла под охрану все основные военные, промышленные и коммунальные объекты, почту, телеграф, банки, вокзалы, установила строгий порядок в городе, взяла на учет трофейное имущество, продовольствие, помогала организовывать снабжение харьковчан продовольствием и налаживать в городе нормальную жизнь. По мере укрепления местных организаций многие функции комендатуры начали переходить в руки органов Советской власти.

Через некоторое время штабу 69-й армии удалось из числа захваченных трофеев направить несколько эшелонов продовольствия ленинградцам, долгое время находившимся в кольце блокады.

Вскоре из Ленинграда пришла телеграмма следующего содержания:

«Генерал-лейтенанту Крюченкину.

От имени трудящихся Ленинграда и воинов Ленинградского фронта шлем свой сердечный привет и искреннюю благодарность бойцам, сержантам, офицерам и генералам 69-й армии за присланный подарок — 4 эшелона украинского хлеба. С огромной радостью следят трудящиеся города Ленина за продвижением армии, освобождающей родную советскую землю от ненавистного врага. От всей души желаем дальнейших успехов в нашей героической борьбе за свободу и счастье Родины. Жданов. Попков».

Эту телеграмму я храню как дорогую реликвию великой дружбы русского и украинского народов.

М. С. ШУМИЛОВ
*Герой Советского Союза
генерал-полковник,
бывший командующий
7-й гвардейской армией*

НАСТУПАЕТ 7-я ГВАРДЕЙСКАЯ

ВОЙСКА 7-й гвардейской армии в ходе Курской оборонительной операции наносили мощные удары по наступающему противнику и к исходу 12 июля 1943 года остановили его продвижение. 27 июля войска армии вышли к Северскому Донцу и закрепились на позициях, которые они занимали до начала немецкого наступления. Незадолго перед этим 7-я армия вошла в состав Степного фронта.

А уже 2 августа командующий Степным фронтом генерал-полковник И. С. Конев поставил перед нами задачу прорвать оборону противника, используя плацдармы на западном берегу реки Северский Донец, на участке Соломино — Карнауховка, нанося главный удар тремя стрелковыми дивизиями в направлении Таврово. «Разворачивая удар в сторону флангов — двумя-тремя дивизиями, — говорилось далее в полученной директиве, — прикрыть главный удар с юга на рубеже Новая Нелидовка — Топлинка».

Во исполнение директивы командующего Степным фронтом нами было принято решение: «Ударом шести усиленных стрелковых дивизий с фронта Соломино — Топлинка прорвать оборону противника и, нанося главный удар в общем направлении Таврово — выс. 221,3, выйти на рубеж: Колония — Дубовое — Таврово, не допуская отхода на юг Белгородской группировки противника.

Для предотвращения контратак противника со стороны Недоступовка, Зиборовка и обеспечения успеха на Таврово прикрыть с юга главный удар захватом рубежа: Нов. Нелидовка — Бродок — Пуляевка».

И вот 3 августа в 7 часов 55 минут армия перешла в наступление. В первые дни наступления наши войска не смогли достичь сколько-нибудь значительных успехов: закрепившись на сильно укрепленном оборонительном рубеже по реке Северский Донец, гитлеровцы оказывали упорное сопротивление. Но несмотря на это 5 августа был полностью освобожден Белгород. До 8 августа

войскам армии пришлось прорывать хорошо оборудованные полосы обороны противника. Не выдержав нашего натиска, враг начал отход на заранее подготовленные рубежи в направлении Харькова.

При прорыве фашистской обороны бойцы и командиры проявили массовый героизм, мужество и находчивость. Когда отступавший под ударами 15-й гвардейской дивизии противник отошел на новый рубеж и начал окапываться, командир роты лейтенант Долгушин обнаружил разрыв между немецкими подразделениями. Мгновенно оценив обстановку, он повел свою роту вперед и вышел в тыл врага. Немцы, видя, что перед ними небольшая группа бойцов, атаковали ее. Но было уже поздно, вслед за бойцами лейтенанта Долгушина ринулись все роты батальона гвардии старшего лейтенанта Вирского. Враг отступил. В этом бою было взято в плен 87 солдат противника, захвачено 30 пулеметов, 8 орудий.

В районе Соломино рота танков под командованием коммуниста старшего лейтенанта Голованова прорвала передний край обороны гитлеровцев, ворвалась на вторую линию окопов, но была отрезана от своей пехоты. Командир не растерялся. Рота продолжала углубляться в тыл немцев, подавляя на полном ходу огневые точки противника. Уничтожив батарею и разогнав штаб полка на восточной окраине Таврово, рота прорвалась к своим войскам, после чего совместно с пехотой продолжала выполнять поставленную задачу. Орудийный расчет гвардии старшего сержанта Смородина в одном из ожесточенных боев сжег 4 немецких танка и 3 подбил.

Орудийный расчет, которым командовал старший сержант Лоза, во время боев за Харьков уничтожил до 300 гитлеровцев, подбил 6 танков, разрушил 7 блиндажей противника. Он первым ворвался на Харьковский тракторный завод и на одном из корпусов водрузил красное знамя. О мужестве и отваге старшего сержанта Лозы рассказало Московское радио. После этого он начал получать письма из разных уголков нашей Родины.

Командиры частей и соединений сообщали о героических подвигах советских воинов их родным. Вот строки из одного письма: «Геройски сражается Ваш сын Чередов. Он уже уничтожил 200 фашистов. Гордитесь им». Это письмо было зачитано личному составу роты, в которой служил храбрый воин. О подвигах героев рассказывали листовки «передай по цепи». «80 немцев уничтожил Ширяев! — писалось в одной из них. — Вот как нужно отстаивать нашу священную землю. Товарищи бойцы и офицеры, бейте врага, как бьет его наш славный герой пулеметчик комсомолец Ширяев».

Преследуя отходящего к Харькову противника, войска армии освободили на своем пути много населенных пунктов. С волнением смотрели мы на сожженные села и слушали страшные рассказы советских людей о кровавых злодеяниях фашистских варваров.

На митинге в Муроме гражданка Мария Кобеленко рассказывала:

«У меня были последние месяцы беременности, а немцы гнали меня на тяжелые работы. От зари до зари обливалась потом, думала: не выдержу, протяну ноги. Гитлеровцы надругались над моей невесткой Ириной, а затем ее вместе с четырехлетним сыном Николаем убили. Перед самым отступлением фашисты спешили побольше наших людей угнать в Германию, в неволю, на верную смерть. 13 пожилых женщин, не желавших попасть в фашистское рабство, спрятались в погреб. Тогда гитлеровцы забросали их гранатами, и все они погибли».

В освобожденном селе Большая Даниловка гвардии красноармеец Марковкин встретил своих родных, которые рассказали, что немцы расстреляли его отца, жену, а двоих маленьких детей сожгли. На митинге гвардии красноармеец Алябьев заявил: «Я тоже встретил свою жену. Много она рассказала мне о чудовищных злодеяниях фашистских мерзавцев. Слушать было тяжело. Немцы угнали в рабство брата, его жену расстреляли. Что пужно после этого сделать с фашистами?! Беспощадно громить их».

Тут же выступила гвардии красноармеец Мария Чечина из освобожденного села Циркуны.

«Тяжело мне рассказывать о том,— говорила она,— что я увидела в родном селе. Смотрела я на него и сердце обливалось кровью. Кругом разрушенные дома, одиноко стоит сожженная родная хата. Здесь хозяйничали фашистские подлецы, звери с винтовкой и веревкой для виселицы. Я прошла в конец села и встретила свою соседку, которая спряталась, чтобы немцы не угнали на каторгу. Со слезами радости на глазах бросилась она ко мне. Страшен был ее рассказ о хозяйничании фашистов на селе. С первых дней прихода гитлеровцы начали поголовный грабеж. Забирали все: коров, птицу, хлеб, одежду, посуду — все, что попадалось под руку. Забрали у моей мамы корову, все вещи, а хату сожгли. Сестру, жену моего брата фашистские палачи расстреляли. Ни в чем не повинную младшую сестренку избили до полусмерти. 32 жителей деревни, среди них несколько детей и 82-летнего старика, повесили. Отступающие немцы угнали с собой все население деревни. Увезли и мою старенькую больную

мать. Тяжело говорить об этих неслыханных зверствах. Я не в силах перечислить их.

Но тем сильнее ненависть к врагу, тем сильнее жажда мести. Шесть моих братьев сражаются на фронте против немецких оккупантов. Мы вместе будем беспощадно истреблять гитлеровскую нечисть».

Все увиденное и услышанное нашими воинами на освобожденной земле умножало их силы. Свидетельством большого патриотического подъема, царившего в войсках, может служить рост рядов партийных организаций частей. За август было принято в кандидаты партии 1316 человек, 559 бойцам и офицерам вручили партийные билеты.

Преследуя разбитые в предыдущих боях 198-ю, 320-ю, 282-ю пехотные дивизии противника, наши части 13 августа вышли к внешнему обводу обороны Харькова. Попытка с ходу прорвать сложную систему оборонительных сооружений, насыщенную большим количеством огневых средств, не увенчалась успехом. Поэтому было принято решение закрепиться на достигнутых рубежах и провести перегруппировку сил и средств в корпусах.

В эти дни, предшествовавшие последнему решительному штурму вражеских позиций, во всех частях и соединениях прошли партийные собрания, а во вторых эшелонах, кроме того, состоялись красноармейские собрания, на повестке дня которых стоял один вопрос: «Задачи личного состава в штурме Харькова». С докладами выступали командиры полков и батальонов.

В 8 часов утра 23 августа наши войска совместно с соседними армиями прорвали сильно укрепленный городской оборонительный обвод и овладели северо-восточным и юго-восточным районами Харькова, 20 населенными пунктами и железнодорожными станциями Основа, Лосево, Безлюдовка. К полудню истерзанный фашистскими оккупантами Харьков был окончательно возвращен Родине.

Мы никогда не забудем, с какой радостью встречали харьковчане советских воинов-освободителей. Город быстро оживал после почти двухлетнего кошмара фашистской оккупации. А войска нашей армии продолжали преследование отступающего противника. Упорные бои завязались на реке Уды, где немцы прочно укрепились и пытались остановить нас мощной системой огня.

29 августа сопротивление противника было сломлено и наши части начали стремительное продвижение к реке Мерефа. Здесь снова разгорелись тяжелые бои, особенно за западную часть города Мерефы, которая расположена на высоком западном берегу реки. В результате обходного маневра стрелковых дивизий —

111-й и 15-й гвардейской — Мерефа была освобождена от фашистских захватчиков.

В период с 5 по 31 августа войска армии уничтожили до 15 000 солдат и офицеров противника, вывели из строя 225 орудий, 201 миномет, 950 пулеметов, 855 автомашин. Были захвачены трофеи: 165 пулеметов, 89 минометов, 14 самоходных орудий, 95 орудий. Взято в плен более 1600 солдат и офицеров.

Войска 7-й гвардейской армии, действуя в составе Воронежского, а затем Степного фронтов, от начала Курской оборонительной операции до конца наступательной Белгородско-Харьковской операции вели на протяжении почти двух месяцев непрерывные упорные бои. Наши воины, преданные любимой Родине, с честью выполнили поставленную перед ними задачу.

НАМ ПОМОГАЛИ ХАРЬКОВЧАНЕ

3 АВГУСТА 1943 года войска Воронежского и Степного фронтов завязали бои за Харьков.

Для обеспечения боевых действий войск Степного фронта был заранее разработан подробный план танко-технического обеспечения боевых операций бронетанковых и механизированных соединений.

Руководство инженерно-танковой службой в период боевых действий осуществлялось следующим образом. При командующем бронетанковыми и механизированными войсками фронта была создана постоянная оперативная группа из офицеров штаба и танко-технической службы. В задачу этой группы входило, в частности, поддержание непосредственной связи с наступающими бронетанковыми и механизированными частями фронта, организация ремонта и эвакуация бронетанковой техники в полосу действия своих войск. Все фронтовые ремонтные и эвакуационные части были подтянуты ближе к фронту.

Такая организация танко-технического обеспечения позволила значительно повысить боеготовность войск, так как все эвакуированные и отремонтированные танки сразу же возвращались в свои части.

Наши войска успешно продвигались вперед. Настроение у всех нас было радостное: каждый понимал, что скоро мы освободим Харьков.

По решению Военного совета фронта для быстрейшего восстановления выходящей из строя бронетанковой техники нам разрешалось, кроме штатного личного состава ремонтных частей, широко привлекать к ремонтным работам специалистов из гражданского населения. Мы всегда поддерживали тесную связь с партийными и советскими организациями, с населением. Пожилые рабочие, специалисты МТС, даже инвалиды с большой охотой помогали ремонтировать боевую технику. Вспоминается эпизод, рассказанный командиром 92-го отдельного ремонтно-восстановительного батальона подполковником Р. Ф. Николаенко.

Однажды поздно ночью во время горячих боев за Харьков

с командного пункта фронта приехал в нашу часть генерал-полковник Куркин. На сборном пункте аварийных машин скопилось много подбитых и отставших танков. Генерал-полковник Куркин внимательно ознакомился с ходом работ и потребовал ускорить ремонт техники. Танкисты-ремонтники плотным кольцом окружили любимого генерала, всем хотелось узнать, как идут дела на передовой. Генерал-полковник Куркин, умевший всегда быстро найти контакт с рядовыми, был в приподнятом настроении. Делясь своими впечатлениями о боевых действиях танкистов Степного фронта, он сказал, в частности:

— Наши части успешно продвигаются вперед, гитлеровцы не ожидали, что мы так быстро освободим Белгород. Немцы упорно сопротивляются, но дела их плохи, скоро будем в Харькове. Быстрее ремонтируйте танки. Танки нужны сейчас как никогда.

92-й отдельный ремонтно-восстановительный батальон был укомплектован в основном рабочими харьковских заводов. Трудились здесь также люди из тех районов области, где шли ожесточенные бои.

После посещения ремонтной части командующим бронетанковыми и механизированными войсками фронта многие просились на передовую. С удвоенной энергией взялись за работу. Каждому радостно было сознавать, что, ремонтируя танки, он также принимает участие в могучем наступлении советских войск.

По дорогам и полям боев от сборных пунктов поврежденных машин непрерывным потоком шли отремонтированные танки, они двигались к фронту в свои части, чтобы вступить в бой за родной Харьков. В связи с успешным продвижением войск Степного фронта гитлеровские войска предприняли отчаянные попытки удержать город. Фашисты заставляли население Харькова и окрестных сел строить инженерные укрепления вокруг города. Гитлеровцы развернули кампанию оголтелой клеветы на советский народ и его армию. Они утверждали, в частности, что советским войскам не удастся освободить Харьков. Однако враг не мог устоять перед мощным натиском наших воинов.

В последние дни пребывания в городе гитлеровцы насильно отправляли в Германию молодежь, взрывали и жгли заводы, жилые дома, запасы продовольствия. Днем и ночью гремели взрывы и бушевали пожары. Харьков был погружен во тьму — электростанция не работала, подача воды прекратилась. Оставшееся население — старики, дети, женщины — укрывалось в подвалах домов; немало харьковчан бежало из города.

В эти дни неподалеку от южной окраины Харькова, в районе совхоза «Коммунар», разыгрался большой танковый бой, в котором советские танкисты наголову разбили врага.

В моей памяти запечатлелось много примеров героизма и отваги наших славных танкистов. Не могу не рассказать о таком эпизоде. Танковая бригада трое суток не выходила из боя, отражая бешеные атаки противника. Местность вокруг Харькова была пристреляна гитлеровцами. Свои танки и артиллерийские батареи на окраине города они зарыли в землю и вели прицельный огонь с места. Танкисты бригады получили приказ сломить сопротивление врага, энергично развивать наступление и прорвать укрепления обводного рубежа вокруг Харькова. Завязался ожесточенный бой. Наши танки ворвались в расположение немецких войск.

Помню, как вырвавшемуся вперед советскому танку преградили путь три машины противника. Но отважный экипаж не дрогнул и меткими выстрелами поджег фашистские танки. Затем экипаж направил свою машину на укрепление врага и стал расстреливать из пулеметов разбежавшихся гитлеровцев. Но все же немцам удалось поджечь наш танк. Пламя охватило машину. Отважный экипаж бросал свой танк с одного места на другое, стремясь сбить огонь. Потом мы потеряли эту машину из виду. Танки бригады возвращались после атаки, но одного среди них не было. С тяжелым чувством танкисты поглядывали на место боя. «Погиб экипаж», — решили все. И вдруг показался танк. Как радовались друзья! Открыли люки. Покрытые копотью, в ожогах выходили один за другим из танка члены экипажа... Жаль, я не запомнил имен героев и не имею сведений о дальнейшей судьбе этих людей.

Я привел лишь один из многих примеров мужества и отваги танкистов, проявленных в боях за Харьков.

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками приказал мне срочно выехать в Харьков с тем, чтобы на месте определить возможности организации ремонта танков на харьковских заводах и заняться размещением ремонтных частей фронта. В этот же день с группой офицеров я выехал в город.

Вот, наконец, и Харьков!..

Нелегко досталась нам эта победа. Немало лучших сынов нашей Родины отдали свою жизнь на поле боя, сражаясь за освобождение города.

На южной окраине Харькова еще шла перестрелка, с Холодной Горы по центру города фашисты вели редкий артиллерийский огонь, снаряды рвались неподалеку от гостиницы «Спартак». Под грохот взрывов и не стихавшую на окраине стрельбу мы въезжали на Сумскую улицу. Я был свидетелем волнующих встреч харьковчан с советскими воинами-освободителями.

В одном из уцелевших зданий на Сумской улице мы встретились с секретарем городского комитета партии В. М. Чураевым. Я познакомил его с поставленной передо мной задачей.

— Дорогие товарищи, — сказал В. М. Чураев, — вы видите, какая обстановка в городе: все парализовано, заводы взорваны, много еще имеется мест, заминированных фашистами.

Секретарь выглядел очень усталым, видимо, в последние дни боев за Харьков спать приходилось мало, к нему непрерывно шли люди, надо было налаживать жизнь города и срочно оказать населению медицинскую помощь, организовать водоснабжение, решить много других неотложных дел.

На прощание В. М. Чураев порекомендовал нам осмотреть заводы и внести свои предложения по организации ремонта техники. «Вечером приезжайте ко мне, — сказал он, — соберем бюро, мобилизуем рабочих, коммунистов. Мы со своей стороны сделаем все».

Мы побывали на нескольких заводах. Уходя из города, фашисты стремились нанести как можно больший ущерб харьковским предприятиям: они взрывали и минировали цеха, уничтожали оборудование.

Поздно вечером мы собрались у В. М. Чураева. Он внимательно выслушал наши соображения. Было принято решение срочно организовать ремонт танков в цехах трех заводов. В эту же ночь по указанию командующего бронетанковыми и механизированными войсками Степного фронта часть фронтовых средств разместили в Харькове. Работы было много. Фронту требовались танки. На подступах к Харькову, на окраинах города скопился большой ремонтный фонд. Фронтовые эвакуаторы приступили к эвакуации техники.

Самое активное участие в организации ремонта принимали коммунисты Харькова, рабочие, инженеры. Они, в частности, откапывали оборудование, приносили даже с квартир свой инструмент. Войска Степного фронта все время поддерживали связь с заводами. Рабочие вместе с войсковыми ремонтниками-танкистами оказывали бронетанковым войскам фронта большую помощь в ремонте машин.

Нельзя не вспомнить такой интересный эпизод. Когда наши войска были уже далеко от Харькова, однажды поздней ночью в штаб фронта прибыли представители харьковских заводов. Они рассказали, что на заводах развернулись большие работы. Много танков уже отремонтировано, но на предприятиях имеются серьезные трудности с выплатой заработной платы рабочим. Я доложил об этом командующему бронетанковыми и механизированными войсками Степного фронта генерал-лейтенанту

Фекленко, назначенному вместо генерала Куркина. Заводам были немедленно перечислены деньги, я получил приказ выехать в Харьков, на месте ознакомиться с состоянием дел и все отремонтированные машины направить своим ходом (железная дорога в то время не работала) на передовую, в танковую бригаду.

Побывав на харьковских заводах, я был поражен большим размахом ремонтных работ. Совместно с представителями обкома партии, с рабочими и инженерами мы собрали большую колонну танков для отправки на передовую.

Танкисты генерала Ротмистрова форсировали Днепр, ликвидировав внезапно крупные группировки противника, освободили Пятихатки и Кировоград, много других населенных пунктов и успешно развивали наступление.

Решением Ставки Верховного Главнокомандования Степной фронт был переименован во 2-й Украинский. Быстрый темп продвижения танков требовал большого количества боеприпасов и горюче-смазочных материалов.

...Смуглый, худощавый, с густыми усами, среднего роста, в больших очках, генерал Ротмистров, досадливо качая головой, говорил генералу Фекленко:

— Дайте мне скорее горючего, дайте снаряды — и вы посмотрите, что войска сделают.

Когда мы ехали в штаб фронта, генерал Фекленко спросил:

— Сколько у нас во фронтовых ремонтных и эвакуационных частях автомашин?

Я назвал ему количество.

— Так вот что, — продолжал генерал, — ты слышал, что делается у Ротмистрова? Ему нужно быстро оказать помощь. Пусть это немного и не по-инженерному, зато по-боевому. Собирай все летучки, снимай все оборудование, разгрузи запасные части и организуй сегодня ночью подвоз в первую очередь горючего и боеприпасов. Другого выхода нет.

Задание было срочное и необычное. Собрав большую колонну автомашин, две ночи подряд мы возили для частей генерала Ротмистрова боеприпасы и горюче-смазочные материалы. Дороги были все разбиты. Трудно приходилось, но задание выполнили. Когда я доложил генерал-лейтенанту Фекленко о выполнении его приказа и о том, что все оборудование на машины поставлено и ремонт танков организован в соответствии с утвержденным планом, генерал улыбнулся и сказал: «Вот это прекрасно!» — и пожал мне руку.

Войска 2-го Украинского фронта продолжали наступление.

МУЖЕСТВО, ОТВАГА, СТОЙКОСТЬ

БОРЬБА ЗА ХАРЬКОВ началась задолго до выхода частей Красной Армии на ближние подступы к городу. Началом первого этапа сражения следует считать тот момент, когда советские войска остановили бронированные немецко-фашистские орды в районе Белгорода. Измотав и обескровив их в оборонительных боях, наши части вырвали инициативу из рук обанкротившегося немецкого командования и сами перешли в решительное наступление.

84-я стрелковая дивизия входила в состав 53-й армии Степного фронта. Она вступила в бой за Харьков 5 августа 1943 года в районе села Стрелецкого. Цель развернувшегося наступления — захватить Белгородский укрепленный район. Его немцы называли «северным неприступным бастионом Украины» и пытались во что бы то ни стало удержать Белгород в своих руках. Гитлеровцы прекрасно понимали, что от судьбы этого района во многом зависит и судьба Харькова.

Необычное волнение испытывало наше командование накануне вступления в бой. Ведь большая часть дивизии, особенно ее рядового и сержантского состава, в боях ранее не участвовала и была слабо подготовлена. Беспокойство усилилось, когда стала известна обстановка, в условиях которой предстояло вступление дивизии в сражение. В ходе ожесточенного боя, разгоревшегося за командную высоту 212,8, нужно было пройти «перекатом» через боевые порядки 252-й стрелковой дивизии и овладеть высотой.

Я принял решение ввести в бой вначале только два батальона — по одному от 201-го и 382-го стрелковых полков под командованием опытных, инициативных командиров — старшего лейтенанта Тузова и капитана Пащенко. После короткой, но мощной артиллерийско-минометной подготовки батальоны перешли в наступление. Старший лейтенант Тузов первый поднялся в атаку. С возгласом: «За Родину! Вперед!» он бросился на врага. Примеру мужественного лейтенанта последовали все офицеры обоих батальонов. Воодушевленные храбростью и бесстрашием

своих командиров, бойцы смело атаковали высоту и после непродолжительной рукопашной схватки овладели ею.

Отразив несколько контратак противника, части дивизии к исходу дня продвинулись еще на 8 километров и вышли на рубеж у хутора Водяного.

В этом первом бою на Белгородско-Харьковском направлении было уничтожено много военной техники, солдат и офицеров противника, захвачены большие трофеи. Только один второй батальон 201-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Тувова истребил до 170 гитлеровцев и 9 взял в плен.

Наши солдаты и офицеры вели себя мужественно. Боец узбек Кара Усаров в рукопашной схватке уничтожил трех гитлеровцев, а Султан Хамраев двух взял в плен. Старший сержант пулеметчик Дворецкий, отражая контратаку, огнем своего пулемета сразил 20 фашистских солдат и одного офицера. Командир отделения 201-го полка Абдурахман Мустафаев заменил раненого командира взвода. С возгласом: «Взвод, слушай мою команду! За Родину, вперед!» повел он солдат в наступление. Вскоре Мустафаев сам получил ранение, но продолжал командовать до тех пор, пока взвод не выполнил поставленной задачи. При этом истреблено было свыше 20 гитлеровцев и двое взяты в плен. Бойцы Прокопенко и Иманов, будучи ранеными, отказались покинуть поле боя и продолжали сражаться.

Примеров смелости, храбрости, выдержки, высокого наступательного порыва в этом первом бою имелось немало.

Итоги дня показали, что боевая учеба, воспитательная работа, проводившаяся три месяца, дали отличные результаты. Несмотря на многонациональный состав дивизии, она представляла собой единую дружную, братскую семью. Для нее характерны были непоколебимая преданность своей матери-Родине, высокое сознание воинского долга, товарищеская взаимопомощь.

Немецко-фашистские войска, основательно потрепанные в боях в районе Белгорода, предпринимали отчаянные попытки остановить победоносное наступление Красной Армии. Они использовали заблаговременно подготовленные оборонительные рубежи, яростно цеплялись за каждый населенный пункт, за каждую высоту, минировали дороги.

Задача частей Красной Армии состояла в том, чтобы, преодолевая один вражеский рубеж за другим, не снижать темпа наступления, не давать противнику передышки. Части 84-й стрелковой дивизии в этих боях широко применяли тактику маневрирования и почных действий небольшими подразделениями. С наступлением темноты подразделение скрытно выдвигалось как можно ближе к противнику, а затем в назначенный час при силь-

ной огневой поддержке всех частей дивизии стремительно атаковало гитлеровцев.

Углубившись в расположение врага на 3—4 километра, наши бойцы, маневрируя, открывали огонь из автоматов, бросали гранаты, пускали в разных направлениях разноцветные ракеты, кричали «ура». Все это вызвало беспорядочную стрельбу и панику среди оборонявшихся гитлеровских частей. Атакованный после этого с фронта враг оставлял занимаемые позиции и в беспорядке начинал отходить. Благодаря такому методу прорыва обороны на узком участке фронта частям дивизии удавалось вести наступление высокими темпами. За сутки мы проходили в среднем по 12—15 километров.

Так, пядь за пядью отвоевывалась советская земля. Все время маневрируя, обходя вражеские опорные пункты, уничтожая их с тыла, широко применяя ночные действия, воины дивизии пробивали дорогу на Харьков.

Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, наши части 13 августа вышли на рубеж Семеновка — Лужок, что в 8—9 километрах северо-западнее Харькова. За восемь суток дивизия продвинулась вперед более чем на 90 километров, овладела сорока двумя населенными пунктами, в том числе железнодорожной станцией Казачья Лопань, районным центром Микояновка. Особой ожесточенностью отличались бои за населенные пункты Слатино, Микояновку и высоты 186,3; 201,7; 183,6.

За это время частями дивизии было уничтожено 15 танков, 6 самоходных орудий «фердинанд», 77 шестиствольных минометов и 52 миномета 81-миллиметровых, 148 пулеметов, 114 орудий разных калибров, 38 автомашин, 35 повозок; убито и ранено до 7000 фашистов; захвачены склад с боеприпасами, 2 склада с горючим, 38 танков, 6 самоходных орудий, 18 минометов, 201 пулемет, самолет и многое другое; взято в плен 98 солдат и офицеров.

Высокое тактическое мастерство продемонстрировали наши офицеры в боях на пути от села Стрелецкое до Семеновки. Высота 210,5 контролировала большой участок местности и являлась важным опорным пунктом в обороне противника. Обойти ее не представлялось возможным. Тогда командир 2-го батальона 201-го стрелкового полка старший лейтенант Тузов решил атаковать высоту двумя взводами с флангов и тем самым отвлечь внимание немцев. Когда задача была выполнена, основные силы батальона атаковали высоту в лоб. Важный опорный пункт противника был разгромлен с малыми потерями. Полк получил возможность продвигаться вперед.

Высота 201,7 преградила путь наступления 41-му стрелковому полку. Попытка овладеть ею с фронта не дала результатов. Тогда

командир полка направил группу разведчиков во главе с помощником начальника штаба старшим лейтенантом Миклашевским в обход опорного пункта. Отважные разведчики, маскируясь стеблями кукурузы и подсолнуха, незаметно просочились через боевые порядки противника и атаковали высоту стыла. Действия разведки немедленно поддержали другие подразделения полка. Опорный пункт гитлеровцев оказался в руках советских воинов. Это произошло настолько быстро и неожиданно для фашистов, что они не сумели оказать серьезного сопротивления. Услышав шум боя в районе высоты 201,7 и будучи уверенным в том, что ее русским не взять, командир оборонявшегося там немецкого пехотного батальона выехал туда на мотоцикле. Но вместо своих солдат он встретил наших разведчиков и был взят в плен вместе с ординарцем.

В районе этой же высоты бойцы 1-й минометной роты 41-го стрелкового полка во главе с лейтенантом Дубровиным захватили 6 минометов и свыше 300 мин. Повернув минометы в сторону противника, наши солдаты открыли огонь по врагу, уничтожив при этом много фашистов, в беспорядке отступавших на запад.

В жизни воина бывают такие минуты, когда он в азарте боя обретает незаметно для себя могучую силу и совершает поступок, о котором раньше не помышлял. Движимый беспредельной любовью к Родине и жгучей ненавистью к врагу, он не знает никаких преград. Так рождаются герои.

Александр Кривонос был в головном дозоре своей наступающей роты. Дозор двигался через поле, засеянное подсолнечником. Но вот поле кончилось. Бойцы очутились на краю балки.

— Черт возьми, вот это ловко! — прошептал Кривонос и отпрянул назад. Впереди стояли пять шестиствольных минометов и три тяжелых орудия противника. Около минометов возился один солдат. Еще четыре солдата грузили ящики с минами на автомашину. Возле орудий, беззаботно разговаривая, сидела группа немецких солдат. Окопов вблизи не было. По-видимому, орудия были подготовлены к отходу и расчет ожидал тягачей. Кривонос послал напарника с донесением в роту, а сам застрочил из автомата, забросал гитлеровцев гранатами. Фашисты не успели и опомниться, как большая часть их была уничтожена. Остальные немецкие солдаты, не подозревая, что имеют дело только с одним советским бойцом, бросились наутек.

Окрыленный успехом, подбадриваемый дружными криками «ура» спешивших на помощь товарищей сержант Кривонос бежал вперед. В метрах ста пятидесяти были дома. Александр заметил, как в самый крайний бросилось несколько фашистов.

Разгоряченный боец вслед за ними вскочил на крыльцо. В этот момент он не думал, что бежит один, а врагов много. В небольшом коридорчике было две двери — одна напротив другой. Сержант рванул левую. Комната оказалась узлом связи. Перед Кривоносом сидел солдат и что-то кричал в микрофон. Сержант схватил оказавшийся под руками телефонный аппарат и, прежде чем враг успел обернуться, раскроил ему череп. Затем Александр снова выскочил в коридор, распахнул другую дверь. Группа фашистов застыла в страхе. Какую-то долю секунды длилась зловещая тишина. Ее нарушила длинная очередь из автомата, а затем взрыв гранаты. Комната наполнилась дымом, криками, стонами. А Кривонос уже выскочил на улицу, расстреливая бегавших по двору гитлеровцев.

Все это произошло так быстро, что, когда подошла рота, ей здесь делать было нечего.

— Как же сумел ты один за несколько минут уничтожить полсотни гитлеровцев? — задали сержанту вопрос. А Александр Кривонос ответил:

— Уж очень я зол на них!

Высокое мужество, стойкость, беззаветную преданность Родине проявляли воины всех специальностей.

Группа воинов саперного батальона дивизии — младший сержант Воронов, ефрейторы Пухов, Кривошапка и Серегин — под сильным артиллерийским и минометным огнем в короткий срок восстановили разрушенный мост в селе Камышеваха. Благодаря этому части дивизии получили возможность продвигаться вперед, не снижая темпа наступления.

Санинструктор роты 201-го стрелкового полка Валя Быкова в самые жаркие моменты боя, под огнем оказывала помощь раненым. Когда не было раненых в своей роте, она отправлялась в соседние подразделения. За несколько дней Валя перевязала и вынесла с поля боя 22 раненых бойца с их оружием. В одном из боев Валя была сама ранена, но мужественно продолжала работать, пока не были эвакуированы все раненые.

Отважная разведчица комсомолка Нина Курицына во время одной сильной контратаки, видя, как дрогнули находящиеся впереди бойцы ее роты, первая поднялась и с возгласом: «Бейте гадов!» устремилась вперед. Воодушевленные примером храброй разведчицы, солдаты кинулись в атаку и отбросили врага. В этом бою Нина уничтожила восемь фашистов.

Отделение связи, возглавляемое сержантом Федором Кочетовым, вело телефонную связь в 41-й стрелковый полк. Неожиданно связисты встретили группу гитлеровцев, застрявшую в тылу наших войск. Сержант не растерялся. Отделение смело вступи-

ло в бой и в короткой схватке уничтожило 12 фашистов. Кочетов лично сразил пять гитлеровцев. Получив ранение, командир отделения не оставил своего поста до тех пор, пока не была установлена телефонная связь с полком.

Боец 382-го стрелкового полка Василий Корешков во время наступления на поселок Дергачи находился впереди своей роты. Сблизившись с противником, Корешков с возгласом: «Вперед на Харьков!» бросился в атаку, увлекая за собой остальных бойцов. В этом бою отважный солдат уничтожил пять фашистов и одного взял в плен.

Большой выдержкой и смелостью отличался наводчик противотанкового орудия ефрейтор Николай Шитов. Во время наступательных боев, двигаясь с оружием в боевых порядках пехоты, он метким огнем уничтожил много фашистов. Однако с танками врага ему еще не приходилось встречаться. Но вот наступило и это время. 10 августа 1943 года в районе села Безруковки противник контратаковал наши подразделения пехотой, поддержанной танками. Шитов и на этот раз проявил большую выдержку и самообладание. Подпустив танки на близкое расстояние, он открыл меткий огонь из своего орудия. С первого же выстрела поджег головную машину. Остальные танки стали разворачиваться, изменяя направление. Шитов воспользовался тем, что один из танков подставил левый борт, и выстрелил в него. Танк сначала вспыхнул, а затем взорвался. Умелые действия ефрейтора Шитова отмечены правительственной наградой — орденом Красной Звезды.

Желание принять активное участие в боях за освобождение Харькова было настолько велико, что многие бойцы и офицеры, будучи ранеными, отказывались эвакуироваться в тыл. Командир минометного расчета 2-го батальона 201-го стрелкового полка Паракшеев в ответ на предложение отправиться на медицинский пункт заявил:

— Перед нами Харьков. Мой миномет необходим для его освобождения, а вы говорите мне «уходите в санчасть»...

На рубеже Семеновка — Лужок части нашей дивизии были остановлены заблаговременно организованной обороной противника. Гитлеровцы, назвавшие Харьков «замком украинских пространств», не жалели ни людей, ни техники для того, чтобы удержать этот замок в своих руках. Противник в течение длительного времени создавал сильные укрепления на подступах к Харькову. На рубеже Полевое — Семеновка фашисты имели хорошо оборудованные позиции. Лесной массив, расположенный за первой линией обороны, не давал возможности просматривать

ее глубину и создавал благоприятные условия для скрытого маневра.

Два дня войска 53-й армии атаками с фронта безуспешно пытались прорвать оборону немцев. Тогда командующий армией генерал Манагаров решил использовать опыт ночных действий, накопленный в предыдущих боях 84-й стрелковой дивизией. 14 августа Манагаров приказал мне подготовить и осуществить прорыв.

Для выполнения этой задачи был назначен батальон 41-го стрелкового полка. Действия его под командованием старшего лейтенанта Еременко начались не с наступлением темноты, как это практиковалось раньше, а глубокой ночью, когда бдительность противника была ослаблена. Батальон незаметно ползком почти вплотную придвинулся к траншеям гитлеровцев и приготовился к атаке. По сигналу открыли сильный огонь из всех видов оружия. Прокатилось громкое «ура». Казалось, что началась атака на широком фронте. А бой повел лишь один батальон. Траншеи противника он забросал ручными гранатами, затем дружно и смело атаковал. После короткой рукопашной схватки оборона противника была прорвана. Батальон углубился в лес. Этот успех был немедленно использован остальными подразделениями 41-го стрелкового полка. И к утру 15 августа наши воины продвинулись более чем на три километра, захватили высоту 208,6. Так создана была благоприятная обстановка для прорыва обороны противника на этом важном направлении.

Действия 41-го стрелкового полка использовали другие части дивизии, а также соединения 53-й армии. В ночь с 15 на 16 августа в направлении действий 41-го стрелкового полка были введены 201-й стрелковый полк 84-й стрелковой дивизии и 252-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Анисимова. В прорыв ввели и механизированный корпус генерала Соломатина.

Так, используя успешные действия 41-го стрелкового полка в тылу врага, войска 53-й армии начали широкий обходный маневр, угрожая основным коммуникациям противника, связывавшим Харьков с тылом.

Двое суток сражался 41-й стрелковый полк в тылу врага. За это время им уничтожено было 20 автомашин с войсками и боеприпасами, 3 артиллерийские и 2 минометные батареи и до 300 гитлеровцев.

Вместе со стрелками громила гитлеровцев 3-я батарея отдельного истребительно-противотанкового дивизиона под командованием старшего лейтенанта Вялых. 15 августа в три часа ночи батарея совместно с подразделением 41-го полка наступала

в направлении высоты 208,6. На переправе через приток реки Лопань артиллеристы вынуждены были несколько задержаться и отстали от стрелков. Переправившись на противоположный берег, батарея неожиданно встретила с противником, засевшим на опушке леса. Фашисты открыли огонь.

Положение создалось критическое. В этот момент бойцы слышали спокойный и уверенный голос своего командира, старшего лейтенанта Вялых. Он приказал развернуть орудия к бою и открыть огонь, а сам с группой бойцов бросился в атаку на врага. Жаркая схватка длилась около 30 минут. Фашисты не выдержали натиска и обратились в бегство, оставив на поле боя 20 солдат и офицеров, 3 миномета, 2 ручных пулемета и 12 автоматов.

Бессмертной славой покрыл себя командир батареи 45-миллиметровых орудий старший лейтенант Полтаракин. За два дня в тылу врага огнем его батареи было уничтожено 7 автомашин с боеприпасами и другим военным имуществом и до 70 гитлеровцев. Во время одной из контратак враг пытался замкнуть кольцо окружения вокруг одного из батальонов 41-го стрелкового полка. Батарея старшего лейтенанта Полтаракина в упор расстреливала фашистов. У одного орудия вышли из строя командир и наводчик. Полтаракин сам встал к орудию и продолжал вести огонь. Контратака была отражена, но мужественный артиллерист старший лейтенант Полтаракин пал смертью героя.

Большую роль в успешном ночном прорыве сыграла разведгруппа 41-го стрелкового полка под командованием помощника начальника штаба полка старшего лейтенанта Завертяева. Для того чтобы разведать глубину обороны противника, установить наличие его резервов в лесу, северо-западнее Харькова, и была направлена в тыл фашистам эта группа. 28 автоматчиков в ночь с 11 на 12 августа вышли в район села Куряж. Они прошли свыше 15 километров, совершая неожиданные, дерзкие налеты на гитлеровцев.

14 августа от группы Завертяева поступило донесение. В нем говорилось, что противник усиленно обороняет опушку леса, а в глубине тыла не располагает подготовленной системой обороны и крупными резервами. Бойцы, доставившие это донесение, прошли днем через боевые порядки фашистов и привели с собой пленного солдата, захваченного при переходе линии фронта. Опрос пленного помог установить стык между двумя немецкими частями. В него и был направлен удар 41-го стрелкового полка в ночь с 14 на 15 августа.

А группа Завертяева действовала в тылу врага по 17 августа. За это время она уничтожила свыше 300 гитлеровских солдат

и офицеров, 3 мотоцикла, 6 пулеметов, 2 орудия, сожгла и подорвала 12 грузовых и 2 легковые автомашины. Отважный офицер Завертяев лично уничтожил огнем из автомата и гранатами 62 немецких солдата и 4 офицеров, поджег 4 автомашины.

В период с 16 по 19 августа части нашей дивизии с упорными ожесточенными боями продолжали наступление, отвоевывая у противника километр за километром, отражая неоднократные контратаки. 20 августа части дивизии совместно с подразделениями 28-й гвардейской стрелковой дивизии выбили немцев из села Гавриловки, а к исходу дня вышли к реке Уды и частью сил форсировали ее.

В нашем успешном продвижении большую роль сыграли почные действия группы автоматчиков 201-го стрелкового полка. 66 бойцов направились в тыл противника в ночь на 20 августа. Прошкнув в глубь обороны гитлеровцев на 1,5 километра, они нарушили их огневую систему и подорвали устойчивость обороняющихся частей.

Исключительной ожесточенностью отличались бои 21 и 22 августа. За эти дни дивизия овладела железнодорожной станцией Шпаковка, высотами 123,1 и 112,5, являвшимися важными опорными пунктами в системе обороны противника, а также перерезала дорогу Харьков—Люботин. Враг не мог примириться с потерей важной коммуникации. Он неоднократно пытался снова овладеть ею.

И здесь вновь отличился 41-й стрелковый полк. Действуя энергично и смело, он глубоко вклинился в оборону противника в районе урочища Шамрайка и совхоза «Коммунар» (в двух километрах северо-восточнее Люботина). Пытаясь вернуть потерянные позиции, немецко-фашистские войска в течение дня шесть раз контратаковали подразделения полка. Каждая контратака поддерживалась 12—20 танками, в последних двух контратаках противник применил огнеметные танки. Но ничто не могло сломить железной воли советских бойцов и офицеров.

Образцы храбрости, мужества и отваги показали коммунисты и комсомольцы полка. При отражении одной из контратак выбыл из строя командир 2-го батальона. Командование принял на себя парторг старший лейтенант Муленков. Под его командованием батальон продолжал мужественно сражаться.

В районе совхоза «Коммунар» отличился отважный истребитель вражеских танков командир противотанкового орудия старший сержант Иван Маширь. Ему не раз приходилось вступать в единоборство с немецкими танками, и каждый раз Маширь выходил победителем. На его счету было уже несколько подбитых танков и бронемашин. Свой счет отважный боец начал вести

еще на Волге. В боях за Харьков он проявил исключительную выдержку и хладнокровие. Танки противника Иван Маширь расстреливал с короткой дистанции.

— Самое главное,— говорил старший сержант,— это не тереяться, а спокойно наблюдать, подпускать танки ближе, а затем в удобный момент бить их. Чем меньше прицел, тем вернее выстрел...

Именно так и вел себя Маширь в районе совхоза «Коммунар».

В конце дня немцы пошли в шестую контратаку. Вышел из строя командир 41-го полка майор Каргин. Казалось, что бойцы не выдержат этой самой яростной контратаки. Но полк не дрогнул. В командование вступил находившийся в это время в полку начальник оперативного отдела штаба дивизии бесстрашный и инициативный майор Лепешкин.

Солдаты и офицеры полка дрались с исключительным мужеством и отвагой. При активном содействии и помощи других частей дивизии полк отбил все контратаки противника. В ночь с 22 на 23 августа передовые подразделения 41-го и 201-го стрелковых полков ворвались на окраину Люботина.

К этому времени судьба немецко-фашистских войск, оборонявших Харьков, была уже решена. Действиями войск Степного фронта город был зажат в железные клещи. Оставалось небольшое горлышко, на которое все сильнее давили части Красной Армии. Боясь окружения, фашисты поспешно эвакуировались из Харькова. 23 августа наши войска окончательно сломили сопротивление фашистов и вступили в город.

В тот же день на мой наблюдательный пункт прибыл генерал-полковник Иван Степанович Конев. Он высоко оценил боевые действия дивизии, заявив, что умелый маневр ее в лесном массиве под Харьковом сковал действия немецко-фашистских войск и в значительной мере предрешил успех битвы за Харьков. Поблагодарив меня за умелые действия, командующий фронтом приказал передать благодарность всем бойцам и офицерам дивизии, а лучших из них представить к правительственным наградам.

Вечером 23 августа в политотделе по радио был принят приказ Верховного Главнокомандующего. Наряду с другими соединениями 84-й стрелковой дивизии за отличные боевые действия присваивалось наименование «Харьковской», а всему личному составу объявлялась благодарность.

В частях дивизии начались митинги и беседы. Бойцы и офицеры праздновали одну из славных побед, одержанных над немецко-фашистскими захватчиками. Приказ Верховного Главнокомандующего они встретили с огромным воодушевлением.

Выступления воинов на митингах были проникнуты высоким чувством патриотизма, неизмеримой любовью к Родине. Настроения и чувства, переживаемые личным составом дивизии в эти часы, хорошо передал в своем выступлении отважный разведчик лейтенант Уридия. Он заявил:

— За успешные боевые наступательные действия нашей дивизии присвоено наименование «Харьковской». Это обязывает нас еще смелее и решительнее гнать и истреблять немецких захватчиков, еще беспощаднее громить гитлеровцев. Славное знамя Харьковской дивизии мы пронесем через огонь боев до полной победы над врагом.

Велика была победа, одержанная воинами-освободителями Харькова. Но пусть знают наши дети и внуки, что эта победа достигнута ценою большого напряжения воли, физических и моральных сил.

Многие лучшие сыны нашей Родины погибли в ожесточенных боях на подступах к Харькову. Так пусть же живет в веках славная и вечная память о тех, кто отдал свою жизнь за счастье советских людей, за их светлое будущее.

У СТЕН ГОРОДА

ПОСЛЕ ПЯТИДНЕВНЫХ БОЕВ южнее Белгорода наши гвардейцы преследовали врага. Гитлеровские войска отступали на Харьков, и украинская земля горела под ногами фашистских бандитов. Разведчики гвардии старшины Харуна Кулаева вместе с партизанами уничтожили один из штабов полка 168-й пехотной дивизии немцев. Это была та самая дивизия, которая вместе с 19-й танковой, возглавляемой генералом фон Шмидтом, хотела уничтожить гвардейскую Дальневосточную дивизию под Белгородом на берегу Северского Донца. Теперь хваленые гитлеровские вояки поспешно отступали.

Наши разведчики и партизаны действовали только ночью. Они не ввязывались в бои и незаметно для врага обходили населенные пункты. Задача стояла сложная — кратчайшим путями, любыми средствами разведать рубежи Веселое, Терновая, Циркуны, Пруд, Большая Дапиловка, Старый Салтов, Кулинич, Харьковский аэродром.

8 августа разведывательная группа гвардии лейтенанта Николая Ипатенко захватила немецкого офицера связи. От него узнали, что перед фронтом гвардейских полков гвардии майора Титаренко и Медведева появились новые немецкие части 282-й пехотной дивизии, усиленные танками и подразделениями шестиствольных минометов. Эта дивизия, введенная в бой из резерва, должна была любой ценой остановить продвижение гвардейцев Дальневосточной дивизии.

Выслушав мой доклад о переходе к обороне 282-й дивизии немцев у населенных пунктов Зеленое и Нескучное, командарм приказал 9 августа с рассветом, после артиллерийской подготовки и удара авиации, атаковать противника, прорвать его оборону и наступать на Харьков.

И вот артиллеристы 173-го гвардейского полка гвардии майора Поляковского, 97-го полка «катюш» гвардии полковника Чумака при свете луны вышли на огневые позиции.

Тишину ночи разорвал грохот артиллерийской подготовки. Позиции немцев штурмовала и авиация. Потом все затихло. Пехотинцы кричали танкистам:

— Давай, давай, братцы! За вашими коробочками веселее наступать!

Ждали сигнала атаки — залпа «катюш». И вот с шипением полетели через наши головы термитные мины, оставляя за собою длинные огненные хвосты. И сразу же взревели танковые моторы, раздалось русское суворовское «ура!» гвардейской пехоты. Вперед, в атаку!

Оборона 282-й пехотной дивизии немцев была прорвана. В упорных боях наша 81-я гвардейская дивизия разгромила фашистов и к исходу дня 9 августа овладела населенными пунктами Зеленое, Нескучное и северной окраиной Веселого.

В ночь с 10 на 11 августа командование 282-й немецкой пехотной дивизии хотело скрытно сосредоточить силы для внезапной контратаки. Разведчики гвардии лейтенанта Николая Ипатенко и гвардии старшины Харуна Кулаева помогли раскрыть замыслы гитлеровцев. Ипатенко радировал из Петровки, что южнее ее сосредоточено до полка пехоты и 60 танков. Харун Кулаев отбивал па ключе, что у населенного пункта Камашное находятся до двух батальонов пехоты и 20 танков врага.

11 августа в 8.00 по танкам и пехоте противника был нанесен удар нашими бомбардировщиками и штурмовиками. А затем последовал залп «катюш», и танки с десантами полков гвардии майора Ивана Медведева и гвардии подполковника Григория Скаруты устремились в образовавшийся прорыв к Циркунам.

Вслед за танками двигался отдельный истребительный дивизион. Его вел гвардии капитан Георгий Сушицкий. За храбрость, быстроту действий и точность огня батарей его звали ястребом. Танкисты знали артиллеристов Сушицкого и верили им. Они никогда не подведут. И гвардии лейтенант Ипатенко докладывал: «Нахожусь в лесу северо-западнее Циркунов. Наша авиация и «катюши» нанесли точный удар по танкам и пехоте противника. Большинство танков горит, остальные расползаются, как черепахи, к пруду, что восточнее Циркунов. А пехота спешно занимает траншеи юго-восточнее Петровки и вдоль дороги севернее Циркунов у пруда. До батальона пехоты на велосипедах и артиллерия продвигаются по дороге Харьков — Большая Даниловка...»

Данные разведки сразу же учитываются. Ускоряется движение частей, подразделений второго эшелона дивизии, меняют свои позиции артиллеристы и гвардейские минометчики подполковника Чумака — виртуозы точных залпов. Преодолевая огневое сопротивление и контратаки немцев, 238-й гвардейский полк гвардии майора Ивана Медведева батальонами гвардии майора Владимира Свечникова, гвардии капитанов Якова Завадского и Даниила Гарбузова охватил Циркуны с северо-запада.

Одновременно действовал 235-й гвардейский полк подполковника Григория Скаруты. Батальоны капитанов Николая Денисова, Афанасия Лутая и старшего лейтенанта Дмитрия Глуховцева обошли Циркуны и циркуновский пруд с северо-востока. Фашисты оказались зажатыми между прудом и поселком. К 21 часу стрелковые батальоны, поддержанные танкистами и огнем артиллерийских дивизионов, точными залпами «катюш» разгромили более двух батальонов немецкой пехоты, до батальона танков, подавили много огневых точек и освободили Циркуны.

У гитлеровцев оставался один выход — через пруд. Они решили форсировать его с севера на юг. Для этого из Большой Даниловки подбрасывали переправочные средства. Советское командование предложило немцам сдаться в плен. Но в ответ последовал яростный огонь артиллерии. Пришлось нам принять другие меры. В бой ввели 233-й гвардейский полк. Перед ним поставили задачу — закрыть немцам выход через циркуновский пруд.

Еще раз мы попытались образумить гитлеровцев. Вечером агитмашина остановилась у дороги Циркуны — Харьков. И немцы слышали четкие слова заместителя начальника политотдела дивизии гвардии майора Шмелева: «Солдаты германской армии, сложите оружие! Сопротивление напрасно. Вы окружены и, если не сдадитесь в плен, будете уничтожены на северном берегу пруда».

Гитлеровцы ответили огнем из шестиствольных минометов. Потом бросились к переправе. Но туда же направили огонь своих батарей наши гвардейцы. Два батальона немецкой пехоты, до трех дивизионов артиллерии и до двух рот танков были уничтожены.

После ночного разгрома у циркуновского пруда фашисты стали отходить, ожидая подкреплений из Харькова. К вечеру 13 августа противнику удалось подтянуть свежие силы. Организованным огнем и контратаками врага наше наступление было приостановлено. Но полки гвардейской дивизии стойко закрепились на достигнутых рубежах. Ночью они готовились штурмом освободить вторую столицу Украины.

В штаб 25-го гвардейского корпуса я прибыл по вызову. Меня встретили старый сослуживец по первой Тихоокеанской дивизии начпкор гвардии полковник Колесник и начальник штаба гвардии полковник Овсянников. Они объявили, что нашу дивизию решено перебросить в район совхоза имени Фрунзе. Мне необходимо срочно явиться к командарму генералу Шумилову.

Вместе с командующим артиллерией дивизии гвардии подполковником Евсеевым мы направились на ВПУ — вспомогатель-

ный пункт управления командующего. Он находился на восточных скатах высот, недалеко от одной из усадеб совхоза имени Фрунзе. Вскочив из лесу, мы в колонне по одному двигаясь в затылок за высоким адъютантом, подбежали к наспех оборудованному ВПУ. В это время из землянки вышел командарм. Идя нам навстречу, сказал громким басом:

— Ваша гвардейская Дальневосточная будет наступать на Кулинич — станция Основа. Через нее — атаки на центр города. Выйдете к памятнику Тарасу Шевченко.

К утру 14 августа части нашей дивизии заняли новые рубежи. Соседом слева была 15-я гвардейская дивизия. Разграничительная линия проходила по большому фруктовому саду, заросшему бурьяном. На деревьях уже не было фруктов, их убрали немцы. Тут же, на участках совхоза имени Фрунзе, лежали ящики с колосьями пшеницы. Гитлеровцы тоже подготовили их для отправки в Германию, но не успели вывезти.

После артиллерийско-минометной подготовки полки 81-й дивизии перешли в атаку. Они прорвали оборону противника и продолжали наступать в новых для них направлениях. По западному скату огромной балки в центре боевого порядка 233-го полка продвигалась гвардейская рота гвардии капитана Василия Кужеева. В ее составе был и прославленный взвод гвардии старшины Харуна Кудаяева. А левее, по восточному скату балки, наступал гвардейский батальон капитана Николая Яркова.

Еще 13 августа фашистское командование заметило нашу перегруппировку, а 14-го уже почувствовало успешное продвижение советских войск. Всеми средствами фашисты решили нас остановить. С этой целью они и бросили на нас более ста самолетов. Пираты Гитлера выстроились в необычный для авиации строй — в две колонны, самолет за самолетом на дистанциях от 50 до 100 метров. Интервал между воздушными колоннами был 600—800 метров.

Одна из колонн шла строго по центру балки и левее вдоль сада, тянувшегося с севера на юг. С высоты 1500—2000 метров самолеты один за другим сбросили смертоносный груз.

Немцы нанесли удар на глубину более двух километров на участке, где находились боевые порядки 233-го гвардейского полка гвардии майора Титаренко. Трудно пришлось батальону гвардии капитана Ивана Качанова, особенно роте гвардии капитана Василия Кужеева. Пали смертью храбрых многие герои прославленного взвода старшины Харуна Кудаяева. Сам он получил тяжелое ранение.

Харун Аскарлович Кудаяев — сын кабардинского народа, юрист по профессии — в тяжелую для Родины годину добился снятия

с него брони и поступил в Грозненское пехотное училище. Но положение на фронтах было тяжелое, и вскоре курсанты пошли в бой. Воевал Харун Кудаев у стен Сталинграда и на Дону, под Орлом и на Курской дуге, под Белгородом и Харьковом...

Большие потери понес гвардейский батальон гвардии капитана Николая Яркова. Мужественный командир погиб в этом бою.

Удар гитлеровской авиации не остановил нас.

Короткий мощный артиллерийский налет, ответный удар нашей авиации — и мы продолжаем наступление. При активной помощи рабочих наши воины полностью уничтожили подразделения гитлеровцев, оборонявшиеся в пригороде Харькова.

Громя подходившие резервы противника, части дивизии к исходу 15 августа вышли на рубежи: 283-й гвардейский полк гвардии майора Ивана Медведева северо-западнее села Кулинички оседлал левым флангом шоссе на Старый Салтов — Харьков; 235-й гвардейский полк гвардии полковника Григория Скаруты вышел южнее села Горяево; 233-й гвардейский полк гвардии майора Степана Титаренко на ходу пополнялся и наступал на правом фланге дивизии. Артиллерия гвардии майора Поляковского и гвардии капитана Сушицкого все время меняла огневые позиции. 97-й гвардейский минометный полк «катуш» гвардии подполковника Чумака готовился с утра следующего дня обрушить шквал смертоносного огня на скопление войск врага.

Ночью разведчики 235-го полка во главе с лейтенантом Николаем Ипатенко доложили о передвижении противника к нашему фронту и вдоль него. Вся ночь прошла в тревогах за левый фланг дивизии, за 235-й полк. Пришлось обращаться за помощью к левому соседу — командиру прославленной гвардейской дивизии генералу Василенко. Он по-дружески ответил:

— Знаю, почему звонишь. Беспокоишься за своего левого сына? Ложись отдохни. За правым флангом на стыке с тобой я введу своего третьего сына...

Сыновьями мы обычно называли своих командиров полков при личных разговорах по телефону. Генерал Василенко пожелал мне спокойной ночи, крепкого двухчасового сна и положил трубку.

На заре без единого выстрела немцы атаковали левофланговый батальон гвардии капитана Кирилла Слаева, а потом весь 235-й гвардейский полк. Дивизия, ломая сопротивление противника, вырвалась вперед. Но сосед справа отстал и оголил правый фланг. Враг не замедлил воспользоваться этим. После сильного огневого налета гитлеровцы перешли в контратаку. И тут при-

шел на выручку товарищам смелый, инициативный командир 233-го гвардейского полка гвардии майор Степан Титаренко. Двигаясь во втором эшелоне за правым флангом дивизии, он со своими подразделениями обрушился на противника, разгромил его, закрыл образовавшуюся брешь. Только когда подоспел полк соседней дивизии генерала Лосева, гвардии майор Титаренко прекратил преследование врага.

К концу дня части нашей дивизии завязали бои за Основу и железную дорогу, идущую из Рогани на Харьков.

Из Харькова доносились взрывы, видны были облака пыли и дыма. Группы разведчиков лейтенантов Николая Ипатенко и Владимира Кузнецова через Основу проникли в центр города, на площадь Дзержинского. Гвардии лейтенант Кузнецов пробрался в сожженное здание штаба Харьковского военного округа и из какого-то подземелья передавал о варварских разрушениях города, о расстрелах советских патриотов. Гвардии лейтенант Ипатенко охрипшим голосом докладывал, что находится у разрушенного моста через реку Уды, что в ночь с 14 на 15 августа противник начал вывозить из Харькова награбленные ценности. Эвакуируются госпитали, а за ними следуют какие-то подразделения, вероятно, раненые и охрана.

Сообщения разведчиков требовали ускорить наступление, как можно быстрее двигаться вперед, спасти харьковчан, спасти город.

Даю команду форсировать выдвижение второго эшелона. Затем с командиром танкового полка и адъютантом едем в правофланговый 238-й гвардейский полк. Здесь уже идет сеча. Командир полка гвардии майор Медведев со своим замполитом гвардии майором Смирновым, командирами батальонов гвардии майором Свечниковым, гвардии капитаном Завадским и старшим лейтенантом Гарбузовым решили создать штурмовые группы. В каждую такую группу предложили ввести стрелковое отделение, пару саперов, одного-двух огнеметчиков и один танк.

— А противотанковые пушки пойдут следом за танками, — добавил начальник артиллерии гвардии майор Макеев.

Тут же, на первый случай, мы создали десять штурмовых групп и назначили время общей атаки.

23 августа в 3 часа ночи стрелковые подразделения, усиленные артиллерией и минометами, танками и саперами, перешли в наступление. Политработники, секретари партийных и комсомольских организаций дивизии, полков, батальонов и дивизионов успели разъяснить задачи штурмовым группам. Отдельные политработники провели беседы среди пригородного населения.

Гвардейцы 238-го полка гвардии майора Медведева успешно продвигались через Основу. 233-й полк гвардии майора Титаренко уничтожил подразделение противника в районе южнее станции Основа и, с ходу форсировав реку Уды, оседлал шоссе Харьков — Мерефа и Харьков — Бабаи. 235-й гвардейский полк гвардии подполковника Скаруты с дивизионами гвардии капитанов Оглоблина и Гохокидзе овладел юго-западной окраиной села Гуты.

Резервы дивизии — учебный батальон на машинах отдельного гвардейского артиллерийского дивизиона нашей дивизии и гвардейского дивизиона «катюш» 97-го полка — успешно отразили контратаку пехоты противника, предпринятую на северо-восточной окраине села Жихарь.

Курсанты рот старших лейтенантов Полевина, Окулесского, Кирова и Поликарпова были остановлены огнем и контратаками противника северо-восточнее поселка Бабаи. Сильный артиллерийско-минометный огонь вели фашисты и по боевым порядкам 233-го и 236-го гвардейских полков из района Покотиловки, «Червоного шляха» и западного берега реки Уды.

Но ничто уже не могло спасти гитлеровцев от разгрома.

На станцию Основа подходило пополнение. Его принимал начальник отдела штаба дивизии гвардии капитан Николай Ситников. За подкреплением прибывали офицеры из полков и отдельных частей. Здесь заправлялись автомашины и танки, сосредотачивались раненые. Основа, которая еще совсем недавно была в центре нашего тяжелого наступления, стала нашим тылом. Сюда везли все необходимое для боя и жизни гвардейцев. И герои-солдаты в минуты относительного затишья вели друг с другом беседы, рассказывали о жарких схватках с врагом. С переднего края спешили на станцию и политработники, чтобы встретить прибывающее пополнение, поговорить с бойцами.

Вот с привокзальной площади раздается знакомый голос. Это выступает перед воинами заместитель начальника политотдела гвардии майор Шмелев:

— Дорогие товарищи гвардейцы! По поручению командования и политотдела дивизии поздравляю вас с отличными успехами в боевых действиях. А тех, кто прибыл к нам на пополнение, поздравляю со вступлением в гвардейские полки.

Речь политработника Шмелева была очень короткой. После него начальник дивизионного клуба гвардии капитан Еркалов объявил собравшимся бойцам:

— Перед вами выступит ансамбль песни и пляски нашей Дальневосточной гвардейской дивизии. Исполняется песня «До-

рогая Москва». Солисты — гвардии лейтенант Алиханов и писарь строевой части штаба дивизии гвардии рядовой Галина Стрижевская, аккомпанируют на аккордеоне гвардии рядовой Камыш и на баяне — гвардии рядовой Юрий Лапшин.

И в тихую украинскую почву ворвалась песня о столице нашей Родины.

Со станции Основа по незнакомой улице мы двинулись в путь за удаляющимися артиллерией и танками. Надо было побывать в подразделениях у гвардии майора Медведева, командира 238-го полка наступавшего на правом фланге дивизии.

Впереди — автоматчики под командованием гвардии сержанта Годуменко, отделение бывалых солдат — курсантов учебного батальона — и саперы во главе с прославленным разведчиком, минером и подрывником сержантом Красюковым. Ими командовал лихой и храбрый донской казак, адъютант комдива гвардии капитан Федор Казмин.

Немецко-фашистские оккупанты не хотели оставлять вторую столицу Украины. Но удары, знакомые им по битве на Волге и Курской дуге, заставляли отходить на Полтаву, Красныйград, Первомайск, Балаклею. Надо было срочно принимать дополнительные меры по уничтожению противника, отступавшего через поселок Южный на Мерефу и через Бабан, Безлюдовку на Змиев.

Наши танки, пехота, артиллеристы и огнеметчики все сметали на своем пути и успешно продвигались вперед.

Командир полка майор Медведев, когда мы, спотыкаясь о провода, спускались к нему в подвал, разговаривал с командиром разведывательной группы гвардии лейтенантом Кузнецовым. Тот докладывал, что гвардейцы дивизии полковника Серюгина скоро будут в центре Харькова.

Побывав у Медведева, мы снова через Основу помчались в 233-й полк гвардии майора Титаренко. Потом вместе с ним часов в шесть утра прибыли в расположение 1-го и 3-го батальонов. Ракеты одна за другой взлетали в воздух и, описывая разноцветные дуги, зависали на парашютах или, падая, разбивались о землю, осыпая ее множеством искр. Впереди нас в темноте ревели моторы.

Это отступают гитлеровцы. Солдаты и офицеры волнуются, что-то кричат, вероятно, помогают машинам. А шоферы не перепоят темноты: нет-нет да и включают то фары, то подфарники. Очевидно, фашисты до предела напряжены и трусят. Но почему же молчат наши гвардейцы? Гвардии майор Титаренко объясняет, что батальоны капитанов Андреева и Антонова выжидают. Они откроют огонь, как только враг подойдет ближе к боевым порядкам.

Вскоре мы услышали четкую артиллерийскую команду: «По колонне автомашин противника осколочным, батарея, огонь!» И еще не дошло до нас окончание этой фразы, как впереди послышалась другая команда чуть запоздавшего командира восьмой стрелковой роты гвардии старшего лейтенанта Павла Горбатенко. Титаренко похвалил этого храброго офицера. Но не успел сказать все, что хотел. Совсем рядом раздался надорванный, хриплый голос комбата гвардии капитана Андрея Антонова:

— А-а-а! Разбегаетесь, господа фашисты! Далеко ли вы убежите?

И тотчас же приказал командиру роты Павлу Горбатенко растянуть бойцов по фронту вдоль дороги и уничтожить всех, кто бежит на Мерефу.

На левый фланг дивизии мы приехали, когда уже светало. Командир полка Скарута доложил, что в четыре часа он вел бой с противником, контратаковавшим из поселка Бабаи. А соседи слева — полк генерала Скворцова всю ночь вел тяжелый бой у реки Уды, южнее поселка Бабаи.

Велика была радость встречи наших дивизий в освобожденном Харькове. Ведь совсем недавно они вместе громили под Белгородом группу «Кемпф», а теперь вместе доколачивали ее у стен второй столицы Украины.

СЛОВО О ГЕРОЯХ

23 АВГУСТА 1943 года после ожесточенных боев наша дивизия совместно с другими частями и соединениями Красной Армии освободила Харьков — вторую столицу Украины. Этот день стал знаменательной датой в истории дивизии — ей было присвоено наименование «Харьковской», личный состав получил благодарность Верховного Главнокомандования. Необходимо также напомнить и о том, что наша 183-я стрелковая дивизия принимала участие в освобождении Харькова первый раз в феврале 1943 года.

В жестоких боях с немецкими захватчиками за Харьков рождались сотни героев, чьи подвиги золотыми буквами вписаны в историю Великой Отечественной войны.

Никогда не забудется подвиг Героя Советского Союза майора Энвера Бимбулатовича Ахсарова, совершенный при освобождении Харькова в феврале 1943 года. Было это так. Несколько дней шли жестокие бои за город. Стремясь во что бы то ни стало удержать Харьков, немцы отчаянно защищались на близких подступах к нему. Они бросили в бой свои отборные дивизии «Райх» и «Великая Германия». В три раза превосходящими силами контратаковали гитлеровцы полк Э. Б. Ахсарова. Трижды советские воины отбивали эти контратаки, уверенно продвигаясь вперед, и наконец овладели последним населенным пунктом перед городом — Новой Баварией. Но враг продолжал контратаковать.

И вот в один из самых решающих моментов боя майор Ахсаров с кличем «За Родину! За наш славный город! За мной, орлы!» бросился вперед, увлекая за собой всех воинов. И перекрывая гул орудий, пулеметный треск и пьяный визг немцев, прокатилось наше могучее «ура». Ахсаров погиб, но бойцы внесли тело героя в освобожденный Харьков, как знамя.

Исключительную стойкость, преданность нашей партии, Родине в боях за освобождение Украины проявил сержант Ужвей. На участок, где стояло его орудие, немцы бросили большое количество танков и пехоты. Три танка подбил отважный артиллерист. А немцы все наседали. Ужвей остался один у орудия, но

продолжал сражаться. Четвертый танк с бешеной скоростью надвигался на него. Разбило пушку, но Ужвей не сошел со своего рубежа. Он схватил гранату и бросился на вражеский танк. Так сражались воспитанные нашей партией герои-воины, коммунисты Ахсаров, Ужвей и другие.

В борьбе с гитлеровскими полчищами в районе Харькова и на других участках фронта закалялась наша дивизия. В период тяжелых наступательных боев пали смертью храбрых многие воины-коммунисты и комсомольцы. Но в строй вставали новые бойцы, в партийные организации увеличивался поток заявлений с просьбами о приеме в партию. В каждом из них говорилось: «Хочу в бой идти коммунистом».

Несмотря на тяжелые бои, потери, партийные организации дивизии росли и крепли. В каждом подразделении, в каждой роте были созданы партийные организации. Дивизия имела крепко сплоченный партийно-политический аппарат.

Наша дивизия с честью выдержала испытания. 7 июля 1943 года немцы подошли к линии обороны дивизии в районе станции Прохоровка. До 150 танков атаковало 285-й стрелковый полк, которым командовал коммунист подполковник Александр Карпович Карпов. С исключительным мужеством сражались воины с врагом. В первый же момент боя было подбито 5 танков, что вызвало замешательство у противника.

Замечательные образцы стойкости в борьбе с гитлеровцами показала рота лейтенанта Кадурипа. Более 15 танков бросил противник на рубеж роты, но никто из бойцов не сделал ни шагу назад. В этом же бою командир взвода лейтенант Капралов с противотанковым ружьем вступил в единоборство с фашистскими бронированными чудовищами. Два танка подбил он из своего ружья и две машины вывел из строя сражавшийся с ним рядом старший сержант Шведов. Это заставило отступить остальные танки.

Особенно отличились в боях артиллеристы, которыми командовал коммунист майор Оржешко. Они уничтожили 14 танков. Таким образом, только на участке 285-го стрелкового полка было уничтожено 67 немецких танков и истреблено более 600 гитлеровцев.

А всего на прохоровском плацдарме наша 183-я дивизия уничтожила 100 танков и истребила более двух полков пехоты противника. Во всех решающих боях политработники-коммунисты всегда были впереди, их примеру следовали комсомольцы, все бойцы и офицеры.

Бои под Прохоровкой, на дальних подступах к Харькову, вошли в историю нашей дивизии как самые ожесточенные.

Несмотря на превосходство в силах, противник был остановлен и разгромлен.

Во время наступления в районе Дальней Игуменни погибли от прямого попадания тяжелого снаряда в блиндаж командир дивизии генерал-майор Костицын, начальник политотдела полковник Толкунов, заместитель командира дивизии по артиллерии подполковник Попов и другие. После гибели генерал-майора Костицына командование принял начальник штаба дивизии полковник Леонид Дмитриевич Василевский.

Прибыв в распоряжение политуправления Степного фронта, я получил срочное назначение в эту дивизию в качестве начальника политотдела.

С разгромом немцев в районе Прохоровки бои развернулись за освобождение Белгорода, а затем и Харькова. Это были трудные дни, так как части нашей дивизии, уставшие и несколько ослабленные большими потерями под Прохоровкой, получили задачу штурмом взять Харьков.

Противник упорно оборонялся. Он сильно укрепил районы Белгорода и Харькова, однако это не снизило наступательного порыва нашей дивизии.

В условиях непрерывных боев вся работа политического отдела дивизии сосредоточивалась непосредственно в полках, батальонах, дивизионах и ротах.

Партийная комиссия дивизии (секретарем был майор Федоров) свои заседания проводила на передовой, в основном в ночное время. Выдача партийных документов производилась почти ежедневно прямо в землянках. Это объяснялось тем, что каждый принятый в партию, идя в бой, хотел иметь партийный билет. Поэтому политический отдел дивизии всеми силами стремился удовлетворить желание молодых коммунистов.

Работники политотдела майор Ольховский, капитаны Ахов, Сорокин, старшие лейтенанты Василенко, Дорохов, Телегин, как правило, большую часть времени находились в боевых порядках частей, показывая пример мужества и отваги. Они систематически обобщали опыт боевых действий, направляли работу партийных организаций.

В процессе боев перед каждой сложной операцией проводились партийные собрания, на которых коммунистам ставились конкретные задачи.

Большим праздником было вручение правительственных наград. Командир дивизии и командиры полков вручали ордена и медали награжденным непосредственно на передовой. Примеры мужества, храбрости и отваги награжденных становились достоя-

нием всей дивизии. Это имело большое воспитательное значение.

Командование дивизии в тяжелые минуты боя всегда находилось в районе расположения полков, мы стремились быть непосредственно в боевых порядках.

В боях за Харьков особо отличились заместитель командира 227-го стрелкового полка майор В. М. Катанцев, заместитель по политчасти майор Русских, майор Куйда, командир 285-го стрелкового полка подполковник А. К. Карпов, заместитель по политчасти Ионов, командир 623-го арtpолка майор Садовников, заместитель по политчасти майор Бахурец и другие.

Бои за Харьков развернулись в начале августа 1943 года. Наша дивизия оказалась на главном направлении удара: Белгородское шоссе — пограншкола — Померки.

Противник оказывал упорное сопротивление, опираясь на мощный пояс кольцевой обороны вокруг Харькова.

В этих боях личный состав дивизии проявил замечательное мужество и отвагу, впереди шли коммунисты.

Так было и во время боя в районе Померок 13—14 августа. Высокое военное мастерство и храбрость проявил заместитель командира 227-го стрелкового полка по политчасти майор Русских; он повел бойцов в атаку, уничтожил из автомата четырех гитлеровцев. Его пример воодушевил бойцов, придал им новые силы. Враг был выбит с занимаемых им позиций.

В этом же бою отличился комсорг 227-го стрелкового полка старшина Тихончук, руководивший действиями воинов при отражении контратаки противника. Раненый, он отказался идти в лазарет. Когда же вопреки его желанию Тихончука доставили на излечение, он тут же покинул лазарет, вернулся на передовую и продолжал драться с врагом.

О высоком наступательном порыве нашей дивизии свидетельствуют бои 19 августа 1943 года на дальних окраинах города. На рубеже 227-го стрелкового полка немцы перешли в яростную контратаку. Командир роты, кандидат в члены партии Скугатов, комсорг батальона сержант Таратута, пулеметчик Хренов метким огнем и гранатами отразили контратаку.

В этом бою пулеметчик узбек Кушев был дважды ранен, но продолжал вести огонь до тех пор, пока противник не отступил. Так же отважно сражался вместе с ним азербайджанец Мамедов, подавший перед боем заявление о приеме в партию. В бою он захватил немецкий пулемет.

В боях в районе Померок отличились комсомольцы Бондаренко и Степанов. Они взяли в плен немецкого офицера, захватили станковый пулемет, выбили фашистов из дома и уничтожили их. В этом же бою отличились 50-летний старшина Мордовин

и пулеметчик рядовой Куранов, которые дважды отбили контратаки большой группы немцев.

В ходе боев за Харьков в нашей дивизии получило широкое развитие снайперское движение. Известный снайпер нашего фронта кандидат в члены партии Виталий Безголосов уничтожил только в боях за Харьков 32 гитлеровца.

23 августа советские войска овладели Харьковом. В этот день в 4 часа 30 минут части дивизии очистили от противника площадь имени Дзержинского.

Харьковчане встречали нас со слезами радости на глазах, забрасывали цветами, обнимали, целовали. И глядя на эти дорогие нам изможденные лица людей, на сожженный фашистскими варварами Харьков, мы поклялись беспощадно громить врага.

В день освобождения города политработники нашей дивизии провели 38 митингов, на которых присутствовало более 8 тысяч человек.

Наша попытка вместе с местными партийными работниками провести общегородской митинг в 11 часов утра была сорвана артиллерийским обстрелом из района Новой Баварии.

В мобилизации личного состава на быстрое освобождение Харьковщины большую роль сыграла дивизионная газета «За нашу победу». Она была первым боевым помощником политотдела и командования дивизии. На ее страницах обобщался боевой опыт лучших воинов и подразделений, рассказывалось о героических подвигах коммунистов, комсомольцев, всех бойцов и командиров.

За время боев за Харьков редакция газеты выпустила ряд листовок и специальных номеров, посвященных боевым традициям дивизии, бессмертным подвигам наших воинов.

Самоотверженно трудились работники редакции: гвардии майор Морозов, литературные сотрудники капитан Моргулис, старший лейтенант Савин. Они всегда находились в боевых порядках. Газета «За нашу победу» была любимым спутником наших доблестных воинов.

После освобождения Харькова наша дивизия доукомплектовывалась и 23 дня стояла в городе. За этот период мы установили тесные дружеские связи с трудящимися города. Политотдел дивизии провел большую массово-политическую работу на заводах — электромеханическом, тракторном и других.

Пополненная личным составом 183-я Харьковская дивизия продолжала героически сражаться на фронтах Великой Отечественной войны и покрыла свои боевые знамена немеркнущей славой.

В ДНИ РЕШИТЕЛЬНОГО ШТУРМА

23 АВГУСТА 1973 года исполняется 30 лет со дня освобождения второй столицы Украины — нашего любимого Харькова.

В числе соединений, дравшихся за город и удостоенных почетного наименования «Харьковских», находилась прославленная 15-я гвардейская ордена Ленина Краснознаменная стрелковая дивизия, которой командовал тогда гвардии генерал-майор Евгений Иванович Василенко, а начальником политотдела был гвардии подполковник Константин Александрович Страхов.

К этому времени соединение уже прошло славный боевой путь. Начался он в лесах Карелии в 1939 году, где только что сформированная на базе 50-го Краснознаменного стрелкового полка имени К. Е. Ворошилова, которым до 1932 года командовал И. С. Конев, 136-я стрелковая дивизия вступила в первый свой бой. Советское правительство высоко оценило боевые заслуги соединения. За доблесть и мужество, проявленные воинами в боях с белофиннами, Президиум Верховного Совета Союза ССР наградил 17 апреля 1940 года 136-ю стрелковую дивизию орденом Ленина, а 291-й артиллерийский полк — орденом боевого Красного Знамени. 815 красноармейцев, командиров и политработников были отмечены орденами и медалями, а 12 воинов удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Среди них командир дивизии полковник И. С. Черняк, командир полка майор С. И. Младенцев, командир роты младший лейтенант М. И. Бекетов, политруки рот И. Ф. Якушенко, В. Ф. Овчинников и другие.

10 августа командующий Степным фронтом генерал-полковник Иван Степанович Конев издал приказ, который подписали также член Военного совета генерал-лейтенант танковых войск Иван Захарович Сусайков и начальник штаба генерал-лейтенант Матвей Васильевич Захаров. В приказе говорилось:

1. «Противник пытается на отдельных неподготовленных, но тактически выгодных для него рубежах задержать наше наступление на подступах к Харькову.

2. Армиям фронта ставлю задачу: «Окружить и уничтожить харьковскую группировку противника и занять Харьков».

3. Во исполнение этой задачи приказываю:

В 9.00 11 августа 1943 г. армиям фронта перейти в решительное наступление. Создать массированные группы артиллерии на направлении главного удара в полосе каждой армии.

Артиллерийская подготовка — 30 минут.

...Командующему 7-й гвардейской армии (в ее состав входила и 15-я гвардейская ордена Ленина Краснознаменная стрелковая дивизия — А. Д.) ударить левым флангом в направлении Новая Александровка и к исходу дня выйти на восточную и юго-восточную окраины Харькова»¹.

Получив боевой приказ, гвардейцы приступили к его выполнению. Предстояли упорные кровопролитные бои. На пути к городу им предстояло преодолеть серьезные препятствия. В населенных пунктах Дубовое, Соломино, Пушкарский, Недоступовка, Никольское, Солнцево и других фашисты создавали свои мощные узлы сопротивления. Они сконцентрировали в них крупные силы пехоты, танков, артиллерии.

И вот развернулись решающие бои на подступах к Харькову. Сражения не прекращались ни днем, ни ночью. Захватчики контратаковали в сутки по 8-10 раз. Прикрываясь огнем «тигров», «пантер», вражеские автоматчики пытались прорвать боевые ряды гвардейцев, выйти им в тыл. Но все попытки гитлеровцев терпели крах. Они каждый раз отступали, оставляя на поле боя много убитых солдат и офицеров.

Преследуя противника, гвардейцы уверенно шли вперед. Успешно форсировав реку Северский Донец, 44-й гвардейский стрелковый полк захватил узкую полосу болотистого берега восточнее села Соломино. Позиции оказались явно невыгодными для наших бойцов. Каждый куст, холмик, окоп, траншею немцы легко просматривали, держали под мощным прицельным огнем. Единственный выход из этого положения — штурмом взломать оборону врага. Тщательно подготовившись, воины в едином порыве бросились в атаку, но она захлебнулась. Перегруппировав силы, полк повел наступление по западному берегу реки на хутор Веселый и занял его.

На рассвете следующего дня стремительным броском гвардейцы 50-го стрелкового полка прорвали передний край обороны немцев у хутора Пушкарский. Несмотря на сильное сопротивление гитлеровцев, бойцы с ходу заняли выгодную высоту, а к ве-

¹ Архив Министерства Обороны СССР (далее МО СССР), ф. 69А, оп. 9880, д. 19, приложение 5.

черу освободили колонию «Дубовое». Используя успех 50-го полка, личный состав 44-го полка штурмом занял Соломино.

Заместитель командира 1-го стрелкового батальона, 47-го гвардейского стрелкового полка капитан Т. И. Лаптев в критический момент боя возглавил группу бойцов и нанес удар по флангу противника. Преследуя отступавшего врага, гвардейцы продвинулись далеко вперед. Гитлеровцы воспользовались этим и окружили храбрецов. Вражеское кольцо сжималось. Воины заняли круговую оборону. Всю ночь противник пытался сломить сопротивление смельчаков. Окопавшись, бойцы подразделения беспощадно уничтожали фашистов. После нескольких неудачных попыток к окруженным проникла санинструктор З. И. Смирнова. Она немедленно оказала помощь раненым. Мужество и отвагу проявил командир медико-санитарного взвода 1-го стрелкового батальона старший лейтенант медицинской службы Никифор Лисюра. Под огнем противника он оказывал помощь раненым, эвакуировал их в тыл. За проявленные смелость и героизм доблестный военфельдшер удостоен высшей награды — ордена Ленина.

На рассвете капитан Т. И. Лаптев поднял бойцов в атаку. Пулей, штыком и гранатой они проложили себе дорогу к своим. 150 гитлеровцев остались на поле боя. В одной из ожесточенных схваток любимец батальона капитан Т. И. Лаптев погиб. Его похоронили в с. Таврово. Подразделение продолжало вести бой. Батальон возглавил майор А. Карвовский, он принимал все меры, чтобы отбросить врага. Временами казалось, что бойцы не сдержат бешеного натиска немцев. Но вот с фланга застрочил «максим», и среди фашистов возникло замешательство. Десятки вражеских солдат нашли себе могилу на подступах к рубежу гвардейцев. Как только отбили атаку немцев, из окопа в окоп, от бойца к бойцу стал переходить «боевой листок». Воины с волнением прочли в нем о мужественных пулеметчиках Леварева, Туймазове, Акулове, решивших исход этого тяжелого боя. Из выпуска «Передай по цепи» гвардейцы узнали о бойцах Алябушеве, Омельченко, подбивших немецкий танк, о славных делах снайпера Ашитова, о самоотверженности старшины медслужбы Зины Смирновой.

До 200 автоматчиков и 5 танков противника атаковали 2-й стрелковый батальон полка. По врагу открыли огонь стрелки, пулеметчики, минометчики, артиллеристы. Орудийный расчет младшего сержанта Турина подбил 2 танка. Когда вышел из строя заряжающий, Турин продолжал сражаться. В это время к винтовочным и орудийным выстрелам присоединились залпы минометчиков. Мины рвались в самой гуще фашистов. Это вел

огонь расчет гвардейца Петра Байкина. Гитлеровцы отступили с большими потерями.

Развивая наступление на Харьков, 15-я ордена Ленина Краснознаменная стрелковая дивизия очистила от фашистов Никольское, Недоступовку, Солнцево, Русские Тишки. Вечером радио сообщило радостную весть: Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин объявил гвардейцам третью благодарность.

Подлинным праздником для советских воинов явилось вступление на землю родной Украины. Население горячо встречало своих долгожданных освободителей.

Враг оказывал упорное сопротивление. В связи с этим командующий войсками Степного фронта генерал-полковник И. С. Ковев отдал приказ командующим армиями:

«Противник продолжает свои попытки удерживать подступы к г. Харькову, усиливая свои позиции отдельными наспех переброшенными частями. Войска задачу дня 12 августа не выполнили.

Приказываю: Командармам поставленную армиям задачу моим приказом № 00550/ОП выполнить 13 августа... Требую от командармов организации боя 13-го августа и проявления решительности в выполнении задачи. Командиры полков, дивизий и корпусов обязаны лично наблюдать поле боя и руководить войсками, непрерывным управлением в ходе боя маневрировать огнем артиллерии для обеспечения успешного выполнения задачи»¹.

В утренней дымке 13 августа взору гвардейцев предстали окраины истрадавшегося Харькова. Из рук в руки передавалась листовка политотдела соединений, в которой говорилось:

«Товарищ, друг!

Перед тобой истерзанный врагом, но гордый и непреклонный Харьков. Он ждет часа своей свободы. Он ждет, когда ты поднимешь над ним алое знамя Советов.

Напряги все силы! Не теряй ни минуты!
За наш любимый Харьков — вперед!»

Стремясь быстрее освободить один из самых больших городов страны, глубоко уверенные в победе над врагом, гвардейцы решительно двинулись вперед. Сломив ожесточенное сопротивление фашистов, они на плечах врага ворвались в Большую Даниловку, Пятихатки, подошли к высоте 182,9, превращенной фашистами в свой опорный пункт. Все подступы к ней гитлеровцы обнесли колючей проволокой в несколько рядов, сильно обстрели-

¹ Архив МО СССР, ф. 69А, оп. 9880, д. 19, приложение 6.

вали из батарей, минометов, танков, самоходных пушек. Неоднократные попытки с ходу занять высоту не принесли успеха. Командование и политотдел дивизии решили взять ее штурмом.

Группа бойцов во главе с гвардии младшим сержантом А. М. Фомкиным ночью пошла в разведку. В темноте, по вспышкам выстрелов, они легко определили местонахождение пулеметов противника, направление их огня. Смелчаки четыре раза проникали в расположение врага и приносили ценные сведения. Бойцы доложили, что высоту пересекает ход сообщения, используемый врагом как отсечная позиция. На ней обнаружили много дзотов. Для уничтожения огневых точек в батальонах создали штурмовые группы. Одну возглавил А. М. Фомкин. Бой за высоту начался ночью. Штурмовые группы двигались быстро. Когда в небо взлетали немецкие ракеты, наступающие припадали к земле. Группа Фомкина одной из первых приблизилась к дзоту. Младший сержант приказал бойцам обойти его, а сам пополз к амбразуре и бросил туда несколько гранат. Дзот взлетел на воздух, и высота была взята без потерь. Воины 47-го гвардейского стрелкового полка под руководством своего командира гвардии майора И. И. Батянова и его заместителя по строевой части харьковчанина гвардии капитана В. И. Медведева захватили противотанковый ров.

Как упорно ни сопротивлялись гитлеровцы, они вынуждены были отступить, оставив на поле боя много раненых и убитых солдат и офицеров.

Уничтожая разрозненные группы немецких автоматчиков, действовавших, как правило, в лесах, наши воины уверенно продвигались к городу. Но это был тяжелый путь. Отступая, немецкие изверги все взрывали, предавали огню, а советских людей угоняли в рабство. Город окутывали клубы черного, едкого дыма, из отдельных зданий вырывались языки пламени.

Весь день шли бои за село Циркуны. Горели дома, сарай, заборы, сады. Гитлеровцы несколько раз контратаковали, но вынуждены были оставить село.

Километр за километром батальоны продвигались к Харькову, вокруг которого гитлеровцы создали два оборонительных обвода укреплений.

Гвардейцы с нетерпением ждали той минуты, когда ворвутся в родной город и отомстят врагу за муки и горе жен, матерей, отцов, детей, братьев и сестер. Артиллерист рядовой Бердик писал накануне в дивизионной газете:

«Из своей огневой позиции я вижу родной дом, завод, где работал. Там сейчас немцы. Они осквернили мой очаг. Мои близкие, друзья, соседи зовут меня: «Приходи скорее, выручай!» На

ближних подступах к городу мой расчет беспощадно истребляет фашистских мерзавцев. Немцы несколько раз контратаковали наш 47-й полк, но мы не дали им продвинуться вперед ни на шаг».

Мужественно сражался артиллерист. Он уничтожил сотни фашистов, десятки их танков, автомашин, орудий, минометов, пулеметов. Были дни, когда его расчет без передышки по несколько часов бил по врагу, отражая его яростные контратаки.

Гитлеровское командование придавало Харькову огромное стратегическое значение, через него проходили железнодорожные и шоссейные магистрали на восток, юг, запад. Немцы называли его «восточными воротами на Украину, замком на дверях Украины, ключом к Украине»¹.

Добровольно сдавшийся в плен накануне освобождения города немецкий солдат заявил, что будто бы 12—14 августа в Харькове был Гитлер. Он посетил госпитали и приказал легкораненых вернуть в части, а тяжелораненых увезти в Киев. Фюрер отдал приказ, в котором говорилось: «Положение тяжелое, но не безнадежное. Уверен, что каждый из вас, мои солдаты, будет драться до последнего дыхания, потому что Харьков — основной опорный пункт на востоке Украины».

Приказ читали перед строем во всех частях, без всяких комментариев. Фашисты стянули на харьковском направлении отборные свои войска: крупные соединения пехоты, танков, артиллерии, авиации, построили мощные оборонительные сооружения. Наши воины встретили на своем пути яростное сопротивление. 44-й и 47-й гвардейские стрелковые полки заняли оборонительные позиции в первом эшелоне, а 50-й гвардейский стрелковый полк — во втором.

Начались тяжелые кровопролитные бои. От разрывов бомб, артиллерийских снарядов, мин разных калибров содрогалась земля. Казалось, все вокруг охвачено огнем. Ни на минуту не затихало сражение. Бойцы валились с ног от бессонных почей, усталости, но не теряли бодрости духа. В короткие минуты затишья то в одном, то в другом месте слышалась песня:

Родина нас воспитала,
Все наши помыслы с ней!
Гвардия — тверже металла,
Гвардия — смерти сильней.

Десять дней дрались гвардейцы в районе совхоза им. Буденного, поселков Шевченки, Глубокий Яр, Кулинич. Фашисты

¹ Юрий Жуков. «Укрощение тигров», М., «Молодая гвардия», 1961, с. 261.

организовали там круговую оборону, заминировали подступы к своему переднему краю, создали много крупных огневых точек, дотов и дзотов.

Плотность войск противника на этом участке была очень велика: пехотный батальон полного состава занимал расстояние в один километр по фронту.

Гвардейцы несколько раз пытались прорвать оборону гитлеровцев и развить наступление на район заводов и станцию Основа, но успеха не имели. Немцы отбивали все их атаки. Они ежедневно получали свежие подкрепления и восполняли ими огромные потери. Об ожесточенном характере боев говорит такой пример. Воины 44-го гвардейского стрелкового полка за один день продвинулись вперед всего на 300 метров, выбив захватчиков лишь из 16 стрелковых ячеек.

Гитлеровцы вводили в бой тяжелые танки, самоходные орудия, батальоны, полки пехоты. Их автоматчики просачивались в овраги, лощины, делали засады на полях кукурузы, подсолнуха, пытались выйти в тыл наступавшим. Но захватчики везде встречали достойный отпор. Только в одном бою батальон, которым командовал офицер Макаренко, уничтожил «тигра» и 50 гитлеровцев. В другом бою пулеметчики Уртминцев и Максимов истребили до двух взводов немцев. Неувядаемой славой покрыли себя у стен Харькова гвардии старший сержант Шостка, сержант Самойлов, рядовой Черников и сотни их боевых друзей.

В ожесточенных битвах за город погиб известный всей Красной Армии бесстрашный истребитель фашистов, снайпер Афанасий Емельянович Гордиенко. Произошло это так. Фашисты неистово били из пулеметов и автоматов по наступающим подразделениям 50-го гвардейского стрелкового полка. Огонь не давал воинам возможности поднять головы, и они залегли. В любую минуту гитлеровцы могли расстрелять лежавших на открытой местности наших бойцов. Это хорошо понимал А. Е. Гордиенко. Не раздумывая ни минуты, он быстро пополз по кювету к дому, откуда строчил вражеский пулемет. В 20 метрах от гитлеровцев Афанасий Емельянович приподнял свою снайперскую винтовку и дважды выстрелил. Оба фашиста были уничтожены. Поднявшись во весь рост, Гордиенко крикнул своим боевым друзьям — «Вперед!». В это мгновение вражеская пуля сразила его.

Весть о смерти бесстрашного снайпера мгновенно разнеслась по всему переднему краю дивизии, ее тылам. Однополчане в едином порыве бросились на гитлеровцев, жестоко отомстили им за своего боевого товарища. Клятву, которую дал А. Е. Гордиенко на могиле снайпера Героя Советского Союза Николая Яковлевича Ильина при вручении ему винтовки погибшего, — «Я ото-

мшу за тебя, мой учитель, мой боевой друг. Буду бить фашистов так, как ты — беспощадно, по-гвардейски», мужественный воин сдержал: он истребил 413 захватчиков.

Навеки обессмертил свое имя, освобождая родной город, младший лейтенант 47-го гвардейского стрелкового полка Алексей Акимович Деревянко. Нельзя без волнения читать строки письма, написанного им накануне сражения своей матери Евдокии Силовне. В нем говорилось:

«Мама! Скоро грянут бои. Они — близко, за рекой. Ты боишься потерять меня. А разве я собираюсь умирать? Нет. Жить хочется в 22 года. О, как хочется жить, мама! Но враг наш злой, война жестока, пуля не выбирает. Драться надо не на жизнь, а на смерть. Может, и придется сложить голову в борьбе, но знай, мама, погибну, так только героически. За зря крови немцам не отдам...»

Командир артиллерийского взвода гвардии младший лейтенант Алексей Акимович Деревянко остался верен клятве до последнего своего вздоха. Гитлеровцам дорого обошлась смерть славного сына нашей Родины. 15 танков и батальон вражеской пехоты бросились на позицию, которую занимал со своими бойцами отважный офицер. Алексей имел только одно орудие. Но герой вступил с врагом в смертельную неравную схватку.

Наводчик сержант Леонтьев первым же снарядом поджег головной танк. Разъяренные гитлеровцы обрушили на смельчаков одинокой пушки тонны металла. Осколок снаряда сразил гвардейца. Его место занял заряжающий Кирьянов. Вскоре и его тяжело ранило. А 14 стальных чудовищ с черными крестами по бокам неумолимо приближались. Вокруг, как пчелы, свистели пули автоматчиков. Увидев, что весь расчет вышел из строя, А. А. Деревянко подбежал к орудью и начал бить по фашистам.

«Мы, советские люди, никогда не отступали!» — воскликнул Алексей. Грянул выстрел. Остановилась вторая машина. Герой посылал по врагу один снаряд за другим. Он метко разил танки и пехоту. Уже горели, как факелы, четыре гитлеровских «тигра», но остальные упорно лезли на огневую позицию смельчака. Пятого младший лейтенант прошел насквозь, но шестой «тигр» с ходу подмял под себя пушку и героя. Родина высоко оценила смелость, отвагу, бесстрашие своего сына. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил гвардии младшему лейтенанту Алексею Акимовичу Деревянко звание Героя Советского Союза.

Бить врага, как А. А. Деревянко, стало не только девизом, но и делом чести всех воинов дивизии.

15 августа командующий фронтом поставил войскам новую боевую задачу:

1. «Противник в прежней группировке пытается упорно сдерживать наше наступление непосредственно на подступах к Харькову.

2. Армиям Степного фронта ставлю задачу 17 августа 1943 года прорвать оборону противника и ударом на флангах окружить и уничтожить харьковскую группировку и занять город Харьков».

Командующему 7-й гвардейской армией было приказано с утра 17 августа тремя стрелковыми дивизиями прорвать оборону врага на фронте: отметок 185,0; 184,1; тракторный завод и нанести удар по железнодорожной станции Основа. К вечеру выйти на фронт Филиппово — Карачевка, перерезать пути отхода противника на юг в районе Филиппово. Артиллерийскую плотность огня на один километр фронта создать не менее 140—150 стволов.

...В ночь с 15-го на 16-е августа и днем продолжать боевые действия отдельными отрядами, изматывая противника, вскрывая его оборону»¹.

Создав необходимую огневую мощь, непрерывно подвергая шквальным огневым палетам передний край и тылы немцев, 15-я гвардейская ордена Ленина Краснознаменная стрелковая дивизия успешно продолжала наступать. Немцы уже ничего не могли предпринять, чтобы задержать победоносное продвижение гвардейцев. Их силы иссякли. Войска Красной Армии с трех направлений охватили город. Кольцо окружения сжималось все сильнее. Оставался узкий проход по дороге на Мерефу — Красноград. Видя свою обреченность, захватчики пытались бежать по ней. Но и эта их попытка провалилась.

Разведчики и штурмовые группы, в состав которых входило по 10—15 воинов, просачивались в глубь обороны немцев, перерезали железные и шоссейные дороги, мосты на них, сообщали артиллеристам точные координаты укреплений, огневых батарей, минометов, скопления танков, пехоты.

21 августа гвардейцы овладели безымянной высотой, которая находилась в 2 километрах от Харькова. Смелым броском 1-й стрелковый батальон 47-го гвардейского стрелкового полка преодолел противотанковый ров. Начались тяжелые бои за город. День и ночь клубы дыма поднимались высоко над Харьковом.

В ночь на 22 августа на помощь войскам, штурмовавшим город, подошли боевые машины 5-й гвардейской танковой армии

¹ Архив МО СССР, ф. 69А, оп. 9880, д. 19, приложение 8.

генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова. Захватчики упорно сопротивлялись. За день подразделения 47-го гвардейского стрелкового полка отбили девять контратак врага. Полковые разведчики вели разведку противника днем и ночью. В середине дня в Харькове было видно 8 больших очагов пожара — это гитлеровцы подорвали свои склады боеприпасов. К исходу дня фашисты оказались в полукольце. В ночь на 23 августа враг начал отходить. В 3.30 полковые разведчики доложили об отходе противника. Гвардейцы начали его преследовать. К 5.00 они с боями вышли на восточную окраину Харькова. К вечеру огонь противника ослабел. Прикрываясь залпами дальнобойных орудий, немцы начали отступать. Воины, разгоряченные боем, не сразу это заметили. Вскоре разведка обнаружила, что враг отходит. Бойцы 44-го и 47-го гвардейских стрелковых полков бросились преследовать противника. Уничтожив его мелкие группы прикрытия, они заняли в 3.00 23 августа совхоз «Украинка» юго-восточнее поселка им. Кирова, а в 4.00 уже достигли восточной окраины города. Здесь оккупанты оказали яростное сопротивление. Сломив его, гвардейцы заняли кирпичный завод, в 8.00 — опытную сельскохозяйственную станцию, в 9.00 — железнодорожную станцию Основа, затем вошли в Харьков. Жители с восторгом встречали своих спасителей, дарили им букеты живых цветов, угощали свежими фруктами, овощами. Счастье победы не могли затмить даже развалины, пламя бушевавших пожаров.

На стенах домов жители города читали поздравление Военного Совета и Политуправления Степного фронта:

«Граждане города Харькова, товарищи, братья, сестры! Дорогие друзья! Наши харьковчане! Поздравляем Вас с величайшим праздником, с днем освобождения от проклятой фашистской нечисти».

Освободив юго-восточную часть города и станцию Основа, гвардейцы 15-й ордена Ленина Краснознаменной стрелковой дивизии заняли боевые позиции по реке Уды, готовясь к новым сражениям. Проходя через свой родной город, рядовой Бердик так и не сумел забежать домой. Он только и смог передать семье маленькую записку. Проехал мимо своего дома с батареей и лейтенант Дощенко. Родина звала своих сыновей еще быстрее гнать на запад немецких захватчиков. Только артиллеристу Барову удалось на некоторое время получить отпуск. Первым долгом он забежал в театр им. Шевченко, где до войны работал художественным руководителем. Его обступили сослуживцы, они расспрашивали о боевых делах, рассказывали сами о зверствах, чинимых гитлеровцами в городе.

Днем личный состав дивизии узнал о приказе Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина, в котором говорилось:

«Сегодня, 23 августа, войска Степного фронта при активном содействии с флангов войск Воронежского и Юго-Западного фронтов, в результате ожесточенных боев сломили сопротивление противника и штурмом взяли город Харьков.

Таким образом вторая столица Украины — наш родной Харьков освобожден от гнета немецко-фашистских мерзавцев»¹.

Этим приказом 15-й гвардейской ордена Ленина Краснознаменной стрелковой дивизии было присвоено наименование «Харьковская», а личному составу объявлена четвертая благодарность.

Столица нашей Родины — Москва салютовала доблестным воинам двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. В ответ на это командование дивизии от имени личного состава писало в Ставку Верховного Главнокомандования:

«Нам, гвардейцам, выпала большая честь освободить вторую столицу Украины — родной Харьков. Приказом от 23 августа 1943 года части присвоено наименование «Харьковская». Высокая оценка боевых действий вдохновляет гвардейцев на новые подвиги во славу Родины, на еще более беспощадное истребление заклятого врага.

Мы смотрим только вперед — на Запад. Заверяем, что наша часть, носящая отныне почетное имя освобожденного Харькова, впредь, преодолев любые препятствия, пронесет это звание с честью, по-гвардейски».

Слово воинов не разошлось с делом. Они успешно гнали остатки разгромленных фашистских войск на запад. Форсировав реку Уды, бойцы 50-го гвардейского стрелкового полка два дня вели ожесточенные бои на ее западном берегу за сильно укрепленное большое село Карачевку. Вместе с 44-м гвардейским стрелковым полком на третий день они выбили оттуда противника. Атака была настолько стремительной, что гитлеровцы не только не успели оказать сопротивления, но бежали, бросив технику и даже своих раненых. Потеряв Карачевку, фашисты отступали в направлении Мерефы. 25 и 26 августа гвардейцы 47-го стрелкового полка также готовились к форсированию реки Уды и дальнейшему наступлению. Вся полковая и приданная артиллерия стояла на огневых позициях для стрельбы прямой наводкой.

28 августа в 3.45 после получасовой артиллерийской подготовки по приказу командира 47-го гвардейского стрелкового полка подполковника И. И. Батянова 2-й и 3-й стрелковые батальоны перешли в наступление и закрепились на западном берегу реки.

¹ «Правда», 1943, 24 августа.

В 7.00 до батальона пехоты немцев при поддержке 6 танков контратаковали гвардейцев. За первой контратакой последовала вторая, третья... Но советские воины выстояли. Враг отступил с большими потерями.

Геройски сражались коммунисты и комсомольцы пулеметного взвода гвардии лейтенанта Федулова. Его подразделение заняло позиции на высоте на левом фланге 2-го стрелкового батальона. Высота укрывала пулеметчиков со стороны фронта. Когда противник переходил в контратаку, смельчаки вели косоприцельный и фланговый огонь, от которого враг нес большие потери. Но потом немцы обнаружили храбрецов и бросили на них два танка. По команде лейтенанта Федулова пулеметчики убрали «максимы» на дно окопов и готовились к борьбе со стальными громадинами. Когда машины подошли вплотную к гвардейцам, лейтенант Федулов метнул противотанковую гранату под гусеницы танка: машина завертелась на месте, однако продолжала стрелять из орудия и пулеметов. Вскоре артиллеристы подожгли танк. Сильный взрыв потряс воздух. Это взорвались боеприпасы. Взрывом сорвало с танка башню.

Видя, что наступил кульминационный момент боя, командир полка ввел в сражение свой резерв — роту автоматчиков старшего лейтенанта Е. А. Стрекалова. Под прикрытием домов и садов, используя складки местности, воины выдвинулись на рубеж для атаки. По сигналу автоматчики бросились вперед, поддерживаемые артиллерией и стрелковыми батальонами. Не выдержав их натиска, гитлеровцы начали отступать в сторону Мерефы. Гвардейцы преследовали их.

1-й стрелковый батальон двигался через небольшой лес. Здесь сделали короткую остановку для отдыха. В это время к лесу подъехал бронетранспортер. Все решили, что это наши танкисты. Но когда машина приблизилась, гвардейцы увидели на ней немецкие опознавательные знаки. Все приняли положение «к бою». Увидев советских бойцов, немцы решили развернуться в обратном направлении, но было уже поздно. Командир батареи старший лейтенант Г. Медведев первым снарядом подбил бронетранспортер. Из пяти солдат экипажа двое были убиты, а трое ранены.

Оккупанты сильно укрепили Мерефу. Ее обороняли крупные силы пехоты и танков. В начале боя полк успеха не имел. Но потом гвардейцы выбили немцев с восточной окраины населенного пункта. Для того чтобы облегчить батальонам продвижение вперед, было выдвинуто несколько взводов автоматчиков, которые мелкими группами проникали в тыл врага, дезорганизуя его оборону.

Центр города несколько раз переходил из рук в руки. Пять суток длилось сражение. Особенно тяжелые бои развернулись 1 сентября. Когда противник, обрушив массу огня, перешел в атаку, гвардейцы поднялись в своих окопах и в упор расстреливали гитлеровцев. Враг понес большие потери.

Мужество и отвагу проявили в этих боях артиллеристы истребительного дивизиона, наступавшие вместе с пехотинцами. Войны прямой наводкой громили захватчиков. В критическую минуту боя выдвинулся вперед со своей батареей командир дивизиона гвардии майор Мироничев. Оставив возле каждого орудия по два воина для охраны, он с остальными атаковал укрепленный немцами пункт и занял его. Фашисты несколько раз бросались в контратаку с целью вернуть его, но каждый раз терпели поражение, отступали, оставляя на поле боя десятки своих солдат и офицеров.

Громя врага, личный состав дивизии успешно продвигался вперед. Но ежеминутно приходилось уточнять маршруты, направления, разминировать улицы, дома. В этом деле гвардейцам помогали работники военной комендатуры, которую возглавлял в первые дни освобождения города генерал-майор Николай Иванович Труфанов, ныне генерал-полковник в отставке. Саперы дивизии наводили мосты, переправы.

Нелегким был путь гвардейцев Харьковской 15-й ордена Ленина Краснознаменной стрелковой дивизии к победе. В сентябре соединение форсировало Днепр северо-западнее Днепро-дзержинска. Гвардейцы освободили Кривой Рог, затем преодолели водные преграды Ингулец, Южный Буг, Днестр, сражались за город Бендеры, Бельцы, Жмеринку, форсировали реки Ниду, Пилицу, Варту, Одер. Тяжелые бои пришлось вести на Сапдомирском плацдарме, в Бреслау, Гроссенхайне. Закончила войну дивизия в столице Чехословакии — Праге.

Советское правительство высоко отметило боевые подвиги личного состава дивизии, наградив 9314 солдат, сержантов и офицеров орденами и медалями. 19 воинов было удостоено высокого звания Героя Советского Союза. Это гвардии сержанты 44-го гвардейского Силезского Краснознаменного ордена Александра Невского стрелкового полка Николай Филиппович Сердюков, Апповен Васильевич Ростомян, гвардии старшины Петр Алексеевич Гончаров, Михаил Степанович Сохин; гвардии старшина 47-го гвардейского Пражского Краснознаменного ордена Богдана Хмельницкого стрелкового полка Алексей Васильевич Митряков, гвардии младший лейтенант Алексей Акимович Деревянко; гвардии старшие сержанты 50-го гвардейского Ченстоховского Краснознаменного стрелкового полка Петр Филиппо-

вич Торгунаков, Василий Никитович Плесинов, гвардии старшины Иван Степанович Федорок, Николай Яковлевич Ильин, гвардии политрук Хусейн Бережевич Андрухасв, гвардии старший лейтенант Павел Александрович Самохин, майоры Анатолий Иванович Алексеев, Михаил Ефимович Колосов; гвардии младший сержант 43-го гвардейского Одерского Краснознаменного ордена Суворова артиллерийского полка Гайфутдин Гафниятович Аскин, гвардии старший сержант Михаил Поликарпович Хвастанцев, гвардии старшина Захар Григорьевич Лыщенко; гвардии старшины 11-го гвардейского Краснознаменного отдельного саперного батальона Андрей Хагикович Мелконьян и Григорий Васильевич Яровой.

Воспитанники дивизии Герои Советского Союза И. С. Федорок, П. А. Самохин, Г. В. Яровой, М. С. Сохин, А. В. Митряков, А. Х. Мелконян и другие после войны трудились на благо нашего социалистического Отечества в своих родных краях.

16 орденов украсили боевые знамена дивизии, полков, специальных подразделений, носящих имена многих городов, освобожденных ими, личный состав получил 15 благодарностей Верховного Главнокомандующего. В феврале 1944 года Президиум Верховного Совета СССР наградил дивизию орденом Суворова II степени, в апреле 1945 года — орденом Кутузова II степени, а 11 мая — вторым орденом Красного Знамени.

Многие воины пришли в дивизию в начале войны рядовыми, а закончили ее командирами подразделений, начальниками служб. А. Ф. Зайчик начинал войну оружейным мастером, а стал начальником артиллерийского снабжения полка, командир артиллерийского взвода Шведко и младший политрук Кацнельсон закончили войну заместителями командира артиллерийского полка, а командиры взводов Хлыстов и Гоникман — первый начальником штаба полка, а второй начальником штаба дивизии.

Некоторые ветераны соединения, освободители города сейчас живут в Харькове. Бывший командир 50-го гвардейского Ченстоховского Краснознаменного стрелкового полка гвардии майор запаса Владимир Иванович Медведев долгое время возглавлял городское управление Харьковской областной конторы Госбанка, бывший командир сапроты этого полка майор медицинской службы Александр Иванович Петров — госпиталь инвалидов Великой Отечественной войны, живет в Харькове также бывший секретарь партийной комиссии дивизии подполковник запаса Андрей Степанович Дементьев.

Харьковчане никогда не забудут подвига советских воинов, освободивших их родной город от фашистских захватчиков.

СВЯЗЬ РАБОТАЛА БЕСПЕРЕБОЙНО

В ГОДЫ Великой Отечественной войны связисты Красной Армии, как и воины других родов войск, покрыли себя неувядаемой славой. Более 260 связистов удостоены звания Героя Советского Союза, около 100 человек являются полными кавалерами ордена Славы. Петр Васильевич Костючек, Николай Дмитриевич Липатов, Дмитрий Семенович Молодцов, Анатолий Павлович Живов, Петр Иванович Ильичев и Михаил Романович Абросимов повторили бессмертный подвиг Александра Матросова. Приказом министра обороны СССР за совершенные подвиги в боях с фашистскими захватчиками Михаил Абросимов и Петр Костючек навечно зачислены в списки своих частей.

Немало героических дел на счету у связистов, принимавших участие в боях за освобождение Харьковщины. В апреле 1942 года у берегов Северского Донца на высоте 158,6 южнее Изюма радисты сержант М. И. Синельников и рядовой Е. В. Тягушев с переносной радиостанцией обеспечивали связь 1-го батальона с командованием 78-й стрелковой бригады. Фашисты атаковали высоту. До последнего патрона дрались с врагом мужественные связисты. А когда кончились патроны, они вызвали огонь нашей артиллерии на себя. В этом бою сержант М. И. Синельников погиб, а Е. В. Тягушев был тяжело ранен и в бессознательном состоянии захвачен в плен. И его тоже долгое время считали погибшим. Отважным связистам Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1942 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Позже стало известно, что Е. В. Тягушев бежал из плена и продолжал сражаться с врагом.

В августе 1943 года у поселка Полевое совершил подвиг радист ефрейтор И. М. Чехов. За проявленное мужество он удостоен звания Героя Советского Союза. Массовый подвиг совершил на подступах к селу Куряжанка взвод связистов под командованием лейтенанта Рацера.

Среди наших земляков — Героев Советского Союза, живущих ныне в Харькове, бывшие связисты Николай Андрейко и Геннадий Седов.

Десятки тысяч связистов, а также сотни частей за ратный труд награждены орденами и медалями Советского Союза.

Забота Коммунистической партии и военного командования о войсках связи помогла связистам в дни суровых испытаний решать труднейшие задачи управления войсками, особенно в сложных условиях начального периода войны.

Успеху многих боевых операций Красной Армии, в том числе в Курской битве и при освобождении Харькова, в значительной мере способствовала четкая работа средств связи и организация бесперебойного управления войсками в ходе боя. В боях за освобождение Харькова летом 1943 года связисты 53-й армии, как и воины всех родов войск, проявили мужество, отвагу и массовый героизм.

В условиях высокой подвижности войск, частого перемещения пунктов управления и запрещения пользоваться в целях маскировки радиосредствами при совершении марша от Касторной к Гостищеву связистам армии удавалось поддерживать непрерывную связь проводными и подвижными средствами и обеспечивать командованию армии и фронта своевременное получение донесений от войск и передачу им необходимых распоряжений.

Умелые инициативные действия армейской эскадрильи связи, ее командира майора Сырова, штурмана капитана Степанюка, командира звена капитана Бакланова, летчиков лейтенантов Жирнова, Горяинова и других, а также командиров линейных частей и подразделений связи майора Бушуева, капитана Попкова, старшего лейтенанта Графова и многих рядовых связистов обеспечивали своевременное установление связи и непрерывное управление в наиболее трудные и ответственные периоды маневра войск армии и выполнения ими поставленных боевых задач.

Особенно восхищала нас в те дни работа связистов под командованием капитана Захарова, лейтенантов Рыбакова, Бойко и Золотареви́ча. В ходе боев они оборудовали узлы и строили линии связи, чтобы, как и в ходе маневра, обеспечивать четкость и непрерывность управления и организацию взаимодействия войск в наступлении. Напряженный труд связистов в период маневра был высоко оценен Военным советом армии.

За две недели войска 53-й армии совершили трехсоткилометровый марш, в том числе около 30 километров прошли с боями.

К 23 июля 1943 года соединения 53-й армии, взаимодействуя с войсками 69-й армии, заняли Шахово, Гостищеву, Смородино и ряд других населенных пунктов севернее Белгорода, вышли к позициям фашистских войск, с которых они начали свое наступление.

53-я армия имела несколько сот радиостанций и кабеля общей протяженностью более двух тысяч километров, около тысячи телефонных аппаратов. Всю эту технику обслуживали несколько сот связистов. Отделу связи штаба армии и отделениям связи штабов соединений необходимо было спланировать, а с началом боя привести в действие и организовать четкую работу этой огромной массы людей и техники. Офицеры отдела связи подполковник В. П. Плющ, инженер-подполковник Н. И. Малин, майор С. Г. Баранов, командиры армейских частей связи майор И. Т. Бушуев, капитан В. Н. Дедковский, начальники связи соединений подполковник К. Г. Ковалев, майор Д. В. Скоблов и многие другие отдавали трудной работе по организации связи все свое умение, ум и сердце, а в бою, когда нужно было устранять повреждения средств связи и организовать взаимодействие войск на поле боя, не щадили своей жизни.

При прорыве вражеской обороны севернее Белгорода 3—5 августа и особенно в боях за населенные пункты Березов, Казацкое и Болховец вражеская авиация очень часто наносила удары по боевым порядкам наших войск и причиняла массовые повреждения средствам связи. Связисты своевременно восстанавливали разрушенные линии и поврежденные узлы связи. Военный техник В. Алексеев и сержант Е. Цветкова при бомбардировке передового узла связи в хуторе Гонки не оставили своих постов, не ушли в укрытие, а мужественно продолжали выполнять свои обязанности и обеспечивать управление войсками. Кабельные взводы под командованием старших лейтенантов В. Дурандина, И. Графова и лейтенанта В. Бойко вслед за танками и пехотой под огнем вражеской артиллерии через минные поля наводили линии связи и обеспечивали управление дивизиями первого эшелона. Связисты подполковник Плющ, майор Шмаков и капитан Вышинский находились в боевых порядках пехоты, обеспечивая взаимодействие войск. Капитан Вышинский был тяжело ранен в голову, а майор Шмаков контужен взрывной волной.

Особенно мужественно действовали связисты армейских частей в ходе боев у внешнего оборонительного обвода Харькова. Они наводили шестовые и кабельные линии к командным и наблюдательным пунктам командиров дивизий и оттуда тянули их к командным и наблюдательным пунктам командиров полков, действовавших на главном направлении. Командиры полков, как правило, находились в боевых порядках пехоты, и линии связи тянулись до передовых позиций пехоты. Связистам приходилось действовать под непрерывным огнем противника.

В период прорыва вражеской обороны на подступах к Харькову в районе поселка Полевое для организации четкого взаимодействия пехоты с артиллерией, в условиях ночного боя, установления надежной связи командования с усиленными батальонами связистам пришлось проявить много инициативы и находчивости. Радисты подполковник С. М. Ильин и капитан В. И. Черкасов, офицеры линейных подразделений связи капитан С. М. Филиппов, старший лейтенант А. П. Лиханов, многие сержанты и рядовые связисты показали высокое мастерство. В исключительно сложных ночных условиях, при большой насыщенности участка радиосредствами и линиями связи они обеспечивали четкое взаимодействие родов войск.

С 23 часов 14-го и до конца дня 15 августа я был на наблюдательном пункте командира 299-й стрелковой дивизии севернее села Полевого, где находился в то время командующий 53-й армией генерал Манагаров с группой офицеров. Хорошо сохранилась в памяти картина ночного боя. В час ночи 15 августа началась артиллерийская подготовка, а спустя десять минут раскатилось мощное «ура». Это поднялись в атаку батальоны 299-й, 84-й стрелковых и 28-й гвардейской дивизий.

Наиболее успешными оказались действия первой роты 960-го стрелкового полка 299-й дивизии под командованием старшего лейтенанта В. П. Петрищева. Она захватила тактически важную высоту 201,7 северо-западнее поселка Полевого и удержала ее.

На рассвете 15 августа гитлеровцы попытались выбить советских воинов с этой высоты. Четыре раза переходили они в контратаки в сопровождении танков. Но 16 отважных бойцов во главе с 20-летним комсомольцем Петрищевым мужественно отстаивали свои позиции и обеспечили ввод в прорыв дополнительных подкреплений.

В трудную минуту боя, когда в строю оставалось всего семь человек, старший лейтенант Петрищев сказал: «Мы будем стоять здесь, как стояли панфиловцы у Дубосекова. Умрем, но не отступим». Затем он приказал радисту Чехову вызвать огонь на себя. Но вот в строю остались лишь Петрищев, Поликанов, Чехов и раненые Бреусов и Женченко. В этот момент пришла помощь, в атаку перешли бойцы 958-го полка 299-й дивизии и 924-го полка 252-й дивизии. Прорыв вражеской обороны был завершен.

За мужество и героизм Петрищеву, Женченко, Бреусову, Поликанову и Чехову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Смелые действия частей и соединений в глубине вражеской обороны и устойчивая связь с ними помогли командованию

армии точнее определить систему обороны фашистских войск и принять дополнительные меры для ее прорыва. Радисты рядовой М. Н. Сидоров, сержант М. М. Бурлаков и рядовой И. И. Старков в самые ответственные моменты боя четко выполняли свои обязанности, обеспечивая связь командования с защитниками высоты 201,7, и этим содействовали успехам пехоты и артиллерии. За мужество, проявленное в бою, они были награждены орденами и медалями.

Решительные и инициативные ночные действия наших разведывательных подразделений значительно ослабили вражеское сопротивление и позволили частям 252-й стрелковой дивизии преодолеть оборону врага на значительном участке лесного массива, завязать бой за крупный населенный пункт Пересечное, находившийся глубоко в тылу фашистских войск.

Вместе с частями 252-й стрелковой дивизии по лесным тропинкам продвигались и наводили линии связи кабельный взвод армейских связистов под командованием лейтенанта Бойко и группа связистов, возглавляемая военным техником Сухоруковым, с радиостанцией и средствами для развертывания передового узла на наблюдательном пункте командующего армией.

16 августа и в последующие дни в лесном массиве северо-западнее Харькова происходили ожесточенные бои. Пытаясь восстановить свою оборону по северным опушкам лесного массива, фашистские войска непрерывно контратаковали, их авиация наносила бомбовые удары по боевым порядкам, артиллерийским позициям и пунктам управления наших войск. В ходе этих боев личный состав армейских частей связи и соединений армии проявлял большую инициативу, мастерство, неоднократно показывал образцы мужества и отваги.

К исходу 18 августа 1943 года лесной массив северо-западнее Харькова в основном был очищен от фашистских захватчиков, и упорные бои продолжались за населенные пункты Пересечное, Куряжанка и Гавриловка, южнее лесного массива и западнее Харькова. Наблюдательный пункт командующего 53-й армией и передовой армейский узел связи были оборудованы в районе высоты 197,3, севернее Пересечной.

В период боя с 12 по 22 августа 1943 года на ближних подступах к Харькову связисты армейских частей связи и частей связи соединений 53-й армии в сложнейших условиях боевой обстановки обеспечивали бесперебойное управление и организацию взаимодействия огромной массы войск, применявших большое количество боевой техники. Четко работали линии и узлы связи.

При прорыве вражеской обороны во время боев в лесном массиве особенно отличились связисты 299-й стрелковой дивизии: майор Д. В. Скоблов, старший лейтенант В. А. Цимбал, старший сержант Рустам Хандамов и младший сержант Гавар Саттаров. Они под огнем артиллерии поддерживали непрерывную связь и даже вступали в бой с фашистскими солдатами, как, например, младший сержант Саттаров, который вместе с воинами-пехотинцами 958-го стрелкового полка 299-й дивизии ворвался в траншею врага восточнее Полевого и забросал гитлеровцев ручными гранатами. Отважно действовали связисты 924-го стрелкового полка под командованием капитана З. К. Новикова, 932-го полка под командованием капитана С. Д. Седова. В сложных условиях боя в лесу они обеспечили четкое и бесперебойное управление частями 252-й дивизии и приданных ей подразделений при выходе их к Пересечной и форсировании реки Уды.

Умело действовали связисты 58-й кабельно-шестовой роты под командованием капитана С. Г. Захарова, команды полка связи под руководством техника-лейтенанта Сухорукова, Дмитриева и Кришталья.

Одновременно с продвижением войск 53-й армии через лесной массив к реке Уды связисты в трудных условиях, под огнем вражеской артиллерии строили линии и развертывали передовые узлы связи. Один из них, созданный на высоте 197,3, севернее Пересечной, в течение 21 и 22 августа обеспечивал бесперебойное управление и взаимодействие войск, которые вели бой за Люботин и Коротич. Узел связи и проводные линии обслуживали техник Сухоруков, телефонистки харьковчанка Клава Момот и ленинградка Женя Кузьмина, радистки Журикова и Миронова, механики Бочаров и Уланов, кабельные взводы под командованием старшего лейтенанта Графова, лейтенантов Бойко, Рыбакова и Толстоухова.

Особенно памятным остался для нас день 22 августа 1943 года. В этот день на передовом узле связи 53-й армии на высоте 197,3 непрерывно находился командующий войсками Степного фронта генерал-полковник Конев. Вместе с командующим 53-й армии генералом Манагаровым он руководил войсками, штурмовавшими вражеские позиции у Люботина и Коротича.

Четко работали и связисты узла штаба 53-й армии, находившегося в селе Дергачи. Они обеспечивали управление войсками нашей армии, обслуживали оперативную группу штаба Степного фронта, организацию взаимодействия войск фронта.

Во второй половине дня генерал Конев потребовал обеспечить ему прямые телефонные переговоры с начальником штаба

Степного фронта генералом Захаровым, командующим армиями и штабом Воронежского фронта. Он вел их через узел связи штаба 53-й армии, находящийся в деревне Дергачи в хате колхозницы Марины Васильевны Балаклицкой. Я не являлся свидетелем всех этих переговоров, но около 18 часов был вызван к генералу Коневу. В то время он разговаривал с генералом Захаровым. Перед командующим на столе лежала развернутая карта. В руке он держал телефонную трубку. Я услышал: «Надо поднять войска на штурм города». Вскоре переговоры были закончены, и генерал Конев приказал мне принять меры к безотказной работе узла связи, расположенного на высоте 197,3.

В течение ночи на 23 августа 1943 года мы с высоты 197,3 наблюдали ожесточенный бой в районе поселка Октябрь, Холодной Горы, в направлении Липовой Рощи и Покотиловки. Это воины 89-й гвардейской, 375-й и 107-й стрелковых дивизий 53-й армии и танкисты 5-й гвардейской танковой армии штурмовали юго-западные окраины Харькова. Узел связи работал с прежней нагрузкой и четкостью. Командиры частей и соединений армии докладывали о ходе боя и успешном продвижении вперед.

Примерно в 5 часов утра 23 августа 1943 года, когда уже совсем рассвело, через телефонистку Момот один из подполковников потребовал к телефону кого-нибудь из начальников. Чтобы выяснить, в чем дело, я первым взял трубку и услышал взволнованный голос: «Нахожусь на площади Дзержинского, сопротивления не встречаю, продолжаю движение к вокзалу». Я передал подполковнику, что сейчас попрошу к телефону командующего, и доложил о сообщении. Генерал Конев выслушал доклад, положил трубку и, подойдя к командующему 53-й армии, негромко сказал: «Ну, Манагаров, поворачивай все на Люботин».

Через несколько минут начали поступать радостные донесения из многих других районов города о вступлении наших частей в Харьков и боях на его улицах. Донесения поступали по телефону и радио, их принимали телефонистки Момот, Кузьмина и радистка Журикова. Четко работали техник Алексеев и механик Бочаров.

Связисты не щадя жизни выполняли свой воинский долг, участвуя в освобождении нашего родного города.

САЛЮТ РОДИНЫ

ЧЕМ ДАЛЬШЕ отодвигаются от нас по времени события Великой Отечественной войны, тем зримее становится их огромное значение, нагляднее и ярче раскрывается перед всем миром величие подвига, который совершил советский народ под руководством Коммунистической партии, разгромив злейшего врага человечества — германский фашизм.

Важное место в борьбе советского народа с немецко-фашистскими захватчиками занимает освобождение Харькова — крупнейшего индустриального центра страны, второй столицы Украины.

Мне довелось сражаться с фашистскими оккупантами на Белгородско-Харьковском направлении, принимать непосредственное участие в освобождении Харькова. Как очевидец, хочу рассказать о героических подвигах советских воинов, партийно-политической работе, проводившейся в ходе боевых действий в войсках 69-й армии, где я был начальником политотдела.

Соединения и части нашей армии, входившей в состав Степного фронта, в числе первых перешли в наступление на Белгородско-Харьковском направлении. Противник упорно сопротивлялся. Но час его пробил. Развивая стремительное наступление, наши соединения в тяжелых боях 3 и 4 августа овладели населенными пунктами на подступах к Белгороду, а 5 августа стрелковые дивизии во взаимодействии с частями соседней армии штурмом овладели Белгородом. В тот же день Москва салютовала доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, двадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий. Над страной прогремел первый салют Родины. Двум нашим дивизиям, которые первыми ворвались в город Белгород, было присвоено наименование «Белгородских».

Высокая оценка советским народом, партией и правительством боевой деятельности войск армии вызвала новый патриотический подъем и наступательный порыв всего личного состава, стремление как можно скорее освободить советскую землю от

гитлеровских оккупантов и оказать помощь народам Европы в освобождении от фашистского рабства.

Взятие Белгорода открывало путь на Харьков. Войска армии, нанося сокрушительные удары, преследовали яростно сопротивлявшегося противника. Гитлеровцы отводили свои основные силы в район города, ожесточенно оборонялись на промежуточных рубежах, одну за другой предпринимали безуспешные попытки сдержать наше наступление.

Вот и освобожденные земли Харьковщины. Редкие засеянные участки, посевы не обработаны. Сорняками и бурьянами поросли необозримые просторы когда-то плодородных полей. Некоторые деревни уничтожены дотла, в остальных — много домов сожжено или разрушено.

Трудно забыть те дни. По всем дорогам, в районы, освобожденные от оккупантов, возвращались местные жители, которые горячо благодарили воинов-освободителей. Многие из них на месте брошенных хат нашли пепелище или груды развалин и вынуждены были первое время жить в наскоро вырытых землянках.

С горячей любовью к Родине в сердце, с огромной ненавистью к фашистским захватчикам шли войска в бой за освобождение Харькова и всей советской земли от оккупантов. Наступательный порыв наших частей нарастал. Моральное состояние гитлеровцев после разгрома их мощных группировок в районе Орла и Белгорода резко понизилось.

Войска нашей армии приближались к Харькову. Бои становились все напряженнее и упорнее.

Всю ночь на 23 августа над городом стояло огромное зарево, раздавались сильные взрывы. Это фашистские головорезы жгли и взрывали красавец-город: заводы, фабрики, жилые дома, учебные заведения, культурные учреждения, мосты — все, что поддавалось разрушению.

Соединения армии наступали на северо-западную, северную и северо-восточную окраины Харькова. Прорвав оборону противника, первыми вошли в город 89-я и 93-я гвардейские и 375-я, 183-я стрелковые дивизии.

В 3 часа 30 минут 23 августа была взята железнодорожная станция Харькова. А к 10 часам — полностью очищена от противника юго-западная часть города. Первым завязал уличные бои стрелковый полк под командованием майора Нефедова. В этих боях воины 1-й роты кандидат в члены ВКП(б) Красников и комсомолец Бояркин захватили в плен немецких солдат.

В 4 часа 30 минут противник был выбит с площади Дзержинского. Воины майора Сажинова водрузили красный флаг на

здании городского Совета. Красные флаги гордо поднимались также над зданиями Госпрома и почтамта. В 10 часов части вышли на реку Уды.

Гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. В. Тихомирова наступала на северо-восточную окраину Харькова. Преодолевая минные поля и сильное огневое сопротивление противника, солдаты и офицеры очищали от врага квартал за кварталом. При штурме города погиб смертью храбрых командир полка гвардии майор Г. А. Рудик. К исходу дня части дивизии уже вели бои на правом берегу реки Уды.

В уличных боях отличились воины подразделения, которым командовал офицер Ибрагимов. Отважно действовали бойцы подразделения офицера Калинина, овладевшие Южным вокзалом, и многие другие. Храбро сражался автоматчик-харьковчанин Степан Супруненко. Очищая от врага Сумскую улицу, на которой он жил до войны, Супруненко уничтожил пулеметный расчет фашистов. Узнав о том, что его сестру угнали в фашистское рабство, он сильнее сжал автомат и поклялся бить врага еще крепче.

Нельзя не сказать о славном подвиге людей очень опасной даже на войне профессии — саперов. Инженерные части под руководством опытного и энергичного полковника Агроскина провели большую работу по обеспечению проходов в минных полях, разминированию отдельных зданий и сооружений.

Еще до сих пор на некоторых домах Харькова сохранились надписи: «Мин нет. 23.8.1943 г. Егоров» или «Мин не обнаружено. Иванов». Они дороги сердцу каждого харьковчанина как свидетельство мужества и бесстрашия скромных тружеников войны.

О большой работе саперов и минеров свидетельствует тот факт, что инженерные части нашей армии восстановили и построили в Харькове 15 мостов, разминировали площадь в 18 квадратных километров, 73 отдельных заводских корпуса, 816 зданий и жилых домов, сняли смертоносный груз — 4161 мину.

Преследуя сопротивлявшегося противника, части 69-й армии вместе с соседними соединениями в середине дня 23 августа полностью овладели Харьковом. С волнением писал об этом крупнейший советский поэт Демьян Бедный:

Над Харьковом взвилось родное наше знамя
И засверкала вновь советская звезда,
Он снова наш, он снова с нами,
Освобожденный — навсегда!

Победа наших войск под Харьковом явилась новым триумфом могущества советского оружия.

23 августа 1943 года Москва произвела свой второй по счету салют двадцатью залпами из 224 орудий в честь войск, освободивших Харьков. В числе 10 дивизий, получивших почетное наименование «Харьковских», было 4 соединения нашей армии: 89-я гвардейская «Белгородская», 93-я гвардейская, 183-я и 375-я стрелковые дивизии.

В памяти встают незабываемые картины тех дней. По улицам освобожденного города идет пехота, движется артиллерия, грохочут танки. У каждого дома стоят жители. Они горячо приветствуют своих освободителей, преподносят им цветы, восхищаются могучей техникой Красной Армии. Словно сейчас вижу взволнованного старого рабочего, заводского кочегара Никанора Павленко, который, обнимая бойца, сказал: «Сынки вы мои родные. Большое вам спасибо за освобождение нас от фашистского рабства».

Над полуразрушенными домами взвились красные знамена, сохраненные патриотами флаги. На одном из транспарантов слова: «Хай живе Червона Армія!» Стихийно возникают митинги. А у моста через реку Лопань вокруг агитатора 93-й гвардейской стрелковой дивизии офицера Брыскина собралась толпа. Люди внимательно слушают рассказ о жизни Советской страны, о победах на фронтах Отечественной войны, боевых подвигах гвардейцев, освободивших Харьков.

Навсегда запомнилось харьковчанам 30 августа. В этот день у памятника Т. Г. Шевченко состоялся большой митинг, на котором собралось более 25 тысяч жителей города. Среди его участников были поэты Павло Тычина, Максим Рыльский, Микола Бажан, академик Л. А. Булаховский, кинорежиссер А. П. Довженко, народные артисты СССР М. И. Литвиненко-Вольгемут, И. С. Паторжинский, И. С. Козловский, композитор Ф. Е. Козницкий и другие.

Бурными аплодисментами встретили участники митинга появление на трибуне руководителей КП(б)У и правительства Украины, генералов, офицеров Красной Армии. Митинг открыл секретарь Харьковского горкома КП(б)У В. М. Чураев. Генерал армии И. С. Конев передал харьковчанам боевой привет от войск Степного фронта и поздравил их с освобождением от фашистских захватчиков. С взволнованными речами выступили профессор А. В. Терещенко, инженер завода «Серп и молот» тов. Борзый. Они призвали собравшихся ответить на освобождение Харькова самоотверженным трудом по восстановлению любимого города. На митинге выступил также командир прославленной 89-й гвардейской Белгородско-Харьковской дивизии полковник М. П. Серюгин.

С большим подъемом участники митинга приняли приветственное письмо воинам-освободителям Харькова.

Митинг вылился в волнующую демонстрацию огромной любви народа к родной Коммунистической партии, твердой решимости армии и народа изгнать гитлеровцев из пределов любимой Родины, уничтожить фашистского зверя.

Победы нашей армии летом 1943 года в боях на Белгородско-Харьковском направлении и взятие Харькова неразрывно связаны с большой воспитательной работой среди воинов в частях и соединениях, которую проводили командиры-единоначальники, политорганы, политработники, партийные и комсомольские организации.

Главной задачей всей партийно-политической работы было воспитание у личного состава горячей любви к социалистической Родине, ненависти к ее врагам, решительности, настойчивости в достижении поставленной цели, обеспечении высокого наступательного порыва, героизма и отваги в бою.

Содержание, формы и методы партийно-политической работы определялись конкретной обстановкой, боевой задачей, которая стояла перед нами на том или ином этапе наступления.

На самых опасных участках боевых действий находились коммунисты и комсомольцы. Они поддерживали в частях и подразделениях высокий наступательный дух, железную воинскую дисциплину и бдительность, сплачивали воинов в дружную боевую семью. Силой личного примера, беззаветного героизма и мужества коммунисты и воспитанники славного Ленинского комсомола увлекали бойцов вперед.

Ярким показателем огромного авторитета партийных организаций явилась большая тяга бойцов и командиров в ряды партии. Только в июле 1943 года в частях и соединениях армии было подано 1143 заявления о приеме в члены партии и 2856 — кандидатами в члены ВКП(б). За это время мы приняли в члены партии 732, а в кандидаты — 1656 человек.

Успешные августовские бои вызвали новую волну политического подъема у личного состава, стремление многих воинов связать свою судьбу с партией. Например, в августе 1107 бойцов и командиров подали заявления о приеме в члены ВКП(б) и 3374 — кандидатами в члены партии. Из них было принято в члены партии 756, в кандидаты — 2310. Разница в цифрах подавших заявления и принятых в партию объясняется в основном тем, что многие были ранены и отправлены в госпитали.

В партию и комсомол шли лучшие люди разных национальностей. Так, в 31-й отдельной истребительной противотанковой

артиллерийской бригаде подал заявление о приеме в кандидаты партии командир орудия сержант П. И. Абашкин. Лучшей характеристикой отважного воина были его боевые дела: в жестоком бою он подбил 6 танков, в том числе три «тигра». В тот день, когда сержант Абашкин совершил этот подвиг, его приняли в партию и наградили орденом Отечественной войны I степени.

Только в одной из наших гвардейских стрелковых дивизий за 13 дней боев за Харьков было принято в партию 176 солдат, сержантов и офицеров. Бюро первичных партийных организаций и партийные комиссии при политотделах соединений, как правило, рассматривали дела о приеме в партию в день поступления заявлений, в короткие минуты перерыва между боями. Партийные и комсомольские документы выдавались непосредственно на поле боя.

В жестоких сражениях немало коммунистов пало смертью храбрых. Их место занимали лучшие из лучших, ряды коммунистов росли. Если в июле 1943 года партийные организации армии насчитывали 10 116 членов ВКП(б), то на 1 сентября их было уже — 11 098.

Значительно оживилась партийно-политическая работа в войсках после реорганизации, в соответствии с решением ЦК партии, структуры партийных и комсомольских организаций армии, созданием батальонных и дивизионных партийных и комсомольских организаций. Укрепление единоначалия, повышение роли командиров, изменения в структуре политического аппарата, партийных и комсомольских организаций сыграли большую роль в улучшении всей работы по воспитанию личного состава.

В тяжелых боях за Харьков первичные партийные организации батальонов и дивизионов держали первый серьезный экзамен. И нужно сказать, что суровую проверку боем политорганы и молодые первичные парторганизации с честью выдержали. Они оказали большую помощь командованию в решении боевых задач: сумели поддержать в войсках высокий наступательный порыв и боевой дух, большую политическую активность.

Парторги, комсорги, члены бюро принимали непосредственное участие в боях, сплачивали личный состав в единую боевую семью, вселяли в воинов веру в победу. Можно привести много примеров, которые подтверждают это. В партийной организации 1-го стрелкового батальона гвардейской Белгородско-Харьковской дивизии, где парторгом был старший лейтенант Куземченко, все коммунисты имели партийные поручения. Они регулярно выступали перед бойцами с беседами на темы: «Значение освобождения города Харькова», «Положение на фронтах

Отечественной войны». Когда было получено боевое задание — взять город, в ротах и батареях провели партийные и комсомольские собрания с повесткой дня: «Задачи коммунистов и комсомольцев в боях за Харьков». Вышли боевые листки, листовки-молнии с призывом: «Там, где гвардия, — враг не пройдет».

Коммунисты и комсомольцы, все бойцы поклялись с честью выполнить боевую задачу. И они сдержали свое слово. Образец мужества и героизма показал командир взвода пулеметной роты этого батальона — парторг роты Яхтин. С возгласом «За нашу любимую Родину вперед, на врага!» он поднял бойцов, которые гранатами в рукопашном бою отбили контратаку фашистов, нанеся им большие потери. В этом бою коммунист Яхтин пал смертью храбрых.

Умело действовали в сложных боевых условиях парторг батальона старший лейтенант Покрышкин, секретарь партбюро артиллерийского полка старший лейтенант Аваливани и многие другие.

Основной формой воспитательной работы в боевой обстановке было непосредственное общение политработников, коммунистов с личным составом частей и подразделений. Неписанным законом стало у нас: первый среди коммунистов — заместитель командира по политической части. Он являлся образцом воина-большевика.

Руководствуясь ленинскими принципами укрепления связи партии с массами, политработники, парторги частей и подразделений армии вели повседневную агитационно-массовую работу среди личного состава, живо откликались и по-партийному реагировали на все, что волновало воинов. Партийные организации широко популяризировали смелые, инициативные и решительные действия отдельных воинов, подразделений и частей. А таких примеров было много, ибо героизм стал массовым явлением.

Вот несколько эпизодов.

...В знойном полуденном воздухе слышался шум моторов и скрежет гусениц. На высоту, где находилась группа бойцов во главе со старшим сержантом И. Н. Шведовым, шли в контратаку фашистские танки. Бойцы припали к противотанковым ружьям. Из лощины появилась башня танка, за нею другая, третья. Танков было много, сразу и не сосчитать. «Не стрелять! Подпустить танки как можно ближе!» — приказал Шведов. Не один раз храбрый воин встречался лицом к лицу с врагом. Но сегодня он впервые шел в бой коммунистом. У его сердца лежал новенький билет кандидата в члены ВКП(б).

Снаряды рвали землю. Все вокруг окутал густой черный дым. С противотанковым ружьем в руках Шведов следил за

головным танком. «Огонь!» — подал, наконец, команду старший сержант и сам выстрелил раз, другой. Танк остановился. Запылала машина, подбитая сержантом Муравьевым. Но остальные танки подходили все ближе и ближе к нашим окопам. Справа приближался средний танк. Шведов попал в бензобак. Машина стала. Вдруг что-то черное, грохочущее закрыло солнце. Шведов едва успел убрать ружье и присесть на дно. Танк всей своей тяжестью навалился на окоп. На Шведова посыпалась земля. Но почувствовав, что танк прошел, он поднял ружье и дал выстрел по вражеской машине. Раздался оглушительный взрыв. Яркий сноп пламени охватил танк. Весь день группа бойцов, возглавляемая Шведовым, вела неравную схватку и отстояла рубеж. Мужественный воин был награжден орденом.

В боях за Харьков наши части широко использовали штурмовые группы, укомплектованные смелыми и опытными воинами, преимущественно коммунистами и комсомольцами. Отлично действовали штурмовые группы младших лейтенантов Краснова и Молчанова. Их боевой опыт был обобщен в листовках и доведен до всего личного состава дивизии.

Можно привести еще много примеров личного героизма бойцов и командиров. Вот один из них. В расчете станкового пулемета храбро сражалась комсомолка Ольга Лосева. Однажды девушка возвращалась с пункта боепитания с патронами и услышала, как захлебнулся и умолк «максим». Ольга подбежала к пулемету и увидела, что весь расчет вышел из строя. Не раздумывая ни минуты, Лосева зарядила пулемет и начала в упор расстреливать наступающих гитлеровцев. Десятки вражеских солдат остались на поле боя. Контратака была отбита. За проявленную инициативу, мужество и отвагу в бою Лосеву наградили орденом Красной Звезды. О подвиге юной патриотки командование полка сообщило матери Лосевой Ольге Павловне и райкому комсомола.

Надо сказать, что во всех соединениях армии привилось чудесное правило — о героических подвигах воинов, отличившихся в боях за нашу Родину, посылать сообщения родным, их товарищам по работе — на предприятия и в колхозы. Тексты этих писем и ответы на них от родных, друзей и коллективов трудящихся зачитывались командирами и политработниками всему личному составу частей, печатались в дивизионных газетах.

Скажем, наводчик батареи коммунист гвардии сержант Акакий Кварацхелия в одном из боев на подступах к Харькову подбил из своего орудия 4 фашистских танка. За стойкость и мужество он был награжден правительственной наградой — орденом Красной Звезды.

О подвиге Кварацхелия командование написало письмо его родителям. В ответ на имя командира части отец героя писал: «...Мы впервые узнали от Вас, что наш Акакий удостоен правительственных наград. Мы с матерью гордимся его подвигом. Передайте сыну наше родительское спасибо и пусть он и впредь так же героически сражается и идет все вперед и вперед до полной победы над фашизмом».

В ответ на письмо начальника политотдела подполковника Бочарова о подвиге старшего сержанта В. Чугунова, подбившего танк «тигр», мать героя М. М. Чугунова писала: «...Не передать той радости, которая охватила меня, когда я прочитала Ваше письмо. Строки письма были залиты слезами материнской радости. Я горжусь сыном и благодарю Советскую власть, которая помогла мне вырастить и воспитать такого сына. Отец Володи также сражается на фронте. Я работаю в колхозе и отдаю все свои силы в помощь фронту, родной Красной Армии».

Письма от командования родным и их ответы тепло воспринимались солдатами, вдохновляли их на новые подвиги во имя Родины.

За мужество и героизм, проявленные при освобождении Харькова, 8400 воинов нашей армии были награждены орденами и медалями. Награды, как правило, вручал командир соединения, части или его заместитель по политчасти в торжественной обстановке, в момент затишья перед строем личного состава. После вручения наград проводились митинги и, если позволяла обстановка, устраивались обед или ужин, концерт самодеятельности или демонстрировалась кинокартина.

Успехи частей и соединений 69-й армии в боях за освобождение Харькова неразрывно связаны с большой идеологической работой, которая проводилась в войсках. Использовались разнообразные формы и методы агитации и пропаганды — лекции и доклады, политинформации и беседы, митинги и собрания, армейская печать, наглядная агитация, кино, радио, художественная самодеятельность.

В напряженной боевой обстановке наиболее распространенной и действенной формой политической агитации являлись беседы. Так, перед штурмом Харькова командиры и политработники провели беседы на темы: «Освободить Харьков — таков приказ Родины», «Штурмовая группа — главное звено городского боя». В каждом взводе был свой агитатор из числа коммунистов, комсомольцев, а в отделении — чтец из наиболее грамотных, политически развитых и отличившихся в боях воинов.

Разнообразные формы работы среди бойцов использовали наши политработники. Так, политотдел одной из дивизий перно-

дически издавал блокнот в помощь агитаторам, в котором помещались материалы о победах Красной Армии, о героизме воинов дивизии. Широкое распространение получила во всех соединениях и такая форма политической агитации, как выпуск боевых листовок-летучек, листовок о важнейших событиях, героических подвигах советских воинов с призывом следовать их примеру.

Большое внимание уделялось наглядной агитации. Пламенные слова лозунгов, написанных на стенах домов, заборов, иногда на стенах окопов, как, например: «Гвардеец! Сильнее удары по врагу!», «Хай живе вільний Харків!» — воодушевляли бойцов в борьбе за освобождение города.

Важную роль в воспитании воинов, мобилизации их на выполнение боевых задач сыграли митинги. Вот принятое на одном из них решение. «Били гитлеровские части зимой, побьем их и летом, очистим советскую землю от ненавистного врага. В боях за нашу Родину добьемся, чтобы наша гвардейская дивизия стала и орденоносной».

Свое обещание воины-гвардейцы выполнили с честью. За отличные боевые действия дивизии присвоено наименование «Белгородско-Харьковская», она награждена орденами Суворова II степени и Красного Знамени. Многие части дивизии были также награждены орденами Советского Союза.

В связи с освобождением Белгорода и Харькова, объявлением благодарности войскам армии и присвоением четырем нашим дивизиям почетного наименования «Харьковских», во всех соединениях и частях прошли митинги. Только в частях и подразделениях одной из стрелковых дивизий на них выступило утром 24 августа 129 солдат, сержантов и офицеров. Они горячо благодарили партию и правительство за высокую оценку боевых действий частей и соединений, обещали действовать еще лучше.

В ряде случаев митинги проводились на могилах погибших воинов с участием освобожденного от фашистской оккупации гражданского населения. Такой митинг, например, был посвящен памяти героически погибших в бою командира полка гвардии капитана Чуева и его заместителя майора Фокина.

Утром 24 августа после освобождения Харькова состоялся митинг у могилы бывшего командира полка, славного сына осетинского народа Героя Советского Союза гвардии майора Энвера Бимбулатовича Ахсарова, павшего смертью храбрых в бою за Харьков в феврале 1943 года. Бойцы полков, где проходили митинги, поклялись у могил своих командиров отомстить за их кровь гитлеровским оккупантам.

Личный состав армии регулярно снабжался газетами. В частях читались сводки Совинформбюро, материалы о жизни стра-

ны, статьи А. Толстого, И. Эренбурга и других авторов, отрывки из поэмы А. Твардовского «Василий Теркин» и т. д.

Командиры и политорганы постоянно заботились об удовлетворении культурных запросов воинов. В каждой дивизии были кинопередвижки, а при армейском Доме Красной Армии действовал ансамбль песни и пляски, дававший в частях ежемесячно в среднем по 25—30 концертов. Только в августе 1943 года по путевкам Главного политического управления в войсках армии выступали фронтовая концертная бригада Рязанского областного Дома искусства и ансамбль песни и пляски Приволжского военного округа, которые дали в сложных полевых условиях 78 концертов. Военный совет армии объявил благодарность коллективам артистов бригады и ансамбля.

Части армии отражали многонациональный состав нашего государства. Все воины различных национальностей были спаяны могучей боевой дружбой. Ни один человек в часы тяжелых испытаний не проявил растерянности и слабости. Плечом к плечу сражались за освобождение Харькова русский сержант Тихонов, командир пулеметного расчета, украинец автоматчик Супруненко с Харьковщины, грузин гвардии сержант Кварацхелия — бесстрашный истребитель танков, казах Оромбаев — отважный пулеметчик, татарин Закиров — командир отделения и армянин сержант Набоян — командир героически сражавшегося оружейного расчета, туркмен Анибаев, подбивший в бою три танка противника, киргиз Сатвалдеев и многие другие. Для работы с воинами нерусской национальности в каждом подразделении выделялись внештатные агитаторы из числа воинов, в совершенстве владевших языком этой национальности и русским. Значительную работу в этом отношении проводил, в частности, агитатор политотдела армии по работе среди воинов нерусских национальностей майор Башкеев, бывший секретарь Тянь-Шаньского обкома КП(б) Киргизии. Он был хорошо подготовлен, знал несколько языков национальностей Средней Азии. Часто бывая в частях, он проводил беседы с бойцами и инструктировал агитаторов подразделений.

Большую роль в воспитании воинов сыграли фронтовая, армейская и дивизионные газеты. Наша армейская газета «Вперед, к победе!», дивизионная печать систематически помещали материалы о положении на фронтах Отечественной войны, героическом труде советского народа, о международных событиях. Армейская и дивизионные газеты обобщали и пропагандировали опыт боевых действий подразделений, отдельных воинов, рассказывали об их героизме в боях с фашистами, призывали воинов к новым подвигам.

В дни вступления на территорию Украины и напряженных боев за Харьков газеты выходили под лозунгом: «Здравствуй, родная Украина! Мы идем вызволять тебя из проклятой фашистской неволи» — и призывали воинов напроць все силы и освободить Харьков и землю Украины.

«Украина будет советской!» — в статье под таким заголовком дивизионная газета «Боевое знамя» призывала: «Товарищи гвардейцы-белгородцы! Мы вступили на украинскую землю. С каждым днем крепнут наши удары по врагу. Близится день освобождения всей советской земли. Перед нами Харьков! Еще крепче удар по врагу — и город будет освобожден. Украина была и будет Советской республикой».

Политорганы армии вели работу среди местных жителей населенных пунктов, освобожденных от фашистских оккупантов. Наиболее распространенными формами этой работы были митинги, доклады и беседы. Так, командиры и политработники только одной нашей дивизии при вступлении в Харьков провели в разных районах города 38 митингов, на которых присутствовало до 8000 человек. Самый большой митинг состоялся у памятника Т. Г. Шевченко. Помимо этого, агитгруппа клуба дивизии дала 3 концерта в с. Русские Тишки и других населенных пунктах. Выражая благодарность за концерт, один престарелый колхозник сказал: «Фашисты только расстрел да виселицу обещали, пришли наши — и песня пришла». Армейский Дом Красной Армии и клубы дивизий организовали также в Харькове и освобожденных населенных пунктах демонстрацию кинофильмов, выступления армейской самодеятельности.

Командиры и политорганы поддерживали постоянную связь с освобожденными городами и селами, оказывали трудящимся посильную помощь в восстановлении разрушенного хозяйства. Комсомольцы гвардейских Харьковских дивизий обратились к командованию с предложением учредить красные вымпелы для вручения лучшим комсомольско-молодежным бригадам города Харькова. Эта инициатива была одобрена Военным советом армии. Мы учредили 30 переходящих вымпелов Харьковских дивизий для вручения лучшим комсомольско-молодежным бригадам за проявленный трудовой героизм при восстановлении разрушенного фашистскими захватчиками городского хозяйства, промышленности и транспорта. Воины, отличившиеся при освобождении Харькова, вручали их передовикам производства.

Используя все формы и методы партийно-политической работы, политотделы армии и соединений, политаппарат частей и партийные организации в ходе боевых действий внесли весомый вклад в разгром фашистских захватчиков под Харьковом,

ПРОСЛАВЛЕННАЯ ДИВИЗИЯ

В ГОРНИЛЕ Великой Отечественной войны 89-я гвардейская Белгородско-Харьковская стрелковая дивизия окрепла, возмужала, покрыла себя поистине неувядаемой славой. Уже 28 июня 1941 года дивизия ушла на фронт.

Сдерживая натиск фашистских орд, полки этой дивизии нередко сами переходили в наступление, выбивали противника из захваченных им населенных пунктов. Истребляя живую силу и технику врага, наши воины свято помнили наказ трудящихся — стойко оборонять Родину от фашистских захватчиков, не щадить ни сил, ни жизни для полной победы над врагом.

Уходя на фронт, бойцы клялись с честью выполнять этот наказ земляков: драться с врагом, как дрались их предки, отцы и братья, как подобает драться воинам Красной Армии.

После разгрома фашистских захватчиков под Сталинградом дивизия в составе 3-й танковой армии успешно продвигалась в направлении Харьков — Полтава. Только за первые пять дней наступления было уничтожено до 2500 фашистских солдат и офицеров, захвачено 635 автомашин, 39 орудий, 6 танков, 16 артиллерийских тягачей, много другого оружия и боеприпасов.

За успешные боевые действия по окружению и уничтожению 3-го горнострелкового итальянского корпуса 25 января 1943 года всему личному составу была объявлена благодарность. 10 февраля дивизия освободила Печенеги, 12 февраля — Рогань, а 16 февраля полк майора Середы овладел Харьковским тракторным заводом. Наши воины вступили в Харьков, где их сердечно встретили жители пострадавшего города.

26 февраля дивизия вышла на подступы к Полтаве и закрепилась на рубеже Снежков Кут — Сидоренково — Благодатное. 7 марта нас перебросили на Северский Донец, чтобы преградить путь противнику, перешедшему в контрнаступление. 18 апреля 1943 года за образцовое выполнение заданий командования и высокое воинское мастерство дивизия получила звание гвардейской.

Когда в начале июля 1943 года немцы повели наступление на Курской дуге, гвардейцы стойко держали оборону. В районе Заячье — Сажное наш 270-й гвардейский стрелковый полк успешно отбивал многочисленные атаки вражеской пехоты, поддерживаемой 23 танками. Измотав и обескровив противника, дивизия 19 июля перешла в наступление и освободила ряд крупных населенных пунктов (Кривцево, Шахово, Киселево). За время боев в этом районе дивизией было уничтожено около 5000 вражеских солдат и офицеров, 37 танков, 19 орудий, 21 мотоцикл, 168 пулеметов, захвачено 1158 винтовок, 3 самолета и много других трофеев.

Продолжая наступление, дивизия вместе с другими частями Красной Армии утром 5 августа 1943 года освободила от фашистских захватчиков Белгород. В этих боях было уничтожено до 4000 гитлеровцев. За успешные боевые действия дивизия дважды получала благодарность, а столица нашей Родины Москва салютовала гвардейцам из 120 орудий. Дивизия была удостоена наименования «Белгородской».

С 12 по 19 августа 1943 года гвардейцы вели бои на подступах к Харькову. За это время они освободили от фашистских захватчиков Черкасскую Лозовую, Лозовеньки и другие населенные пункты.

Командование поставило перед дивизией задачу пробиться на запад, обойти Харьков, выйти на коммуникации противника по линии Харьков — Полтава, оседлать дороги, сорвав подход вражеских подкреплений.

Весь личный состав отлично знал, что Харьков не просто большой город, но и гигант индустрии, вторая столица Советской Украины, ключ к освобождению Донбасса и всей Украины, где тысячи советских людей томились под ярмом фашистских оккупантов.

Воспитанию всего личного состава способствовало укрепление ротных партийных организаций. В партию принимали воинов, отличившихся в боях. В боевые подразделения направлялись коммунисты из тыловых и хозяйственных подразделений. Партийные ряды дивизии периодически пополнялись коммунистами-добровольцами из города Горького.

В августе 1943 года в большинстве боевых подразделений — ротах, батареях — были созданы парторганизации или партийно-комсомольские группы во главе с парторганами. Большое внимание уделялось и росту комсомольских организаций.

Некоторые подразделения полностью состояли из коммунистов и комсомольцев. Например, взвод противотанковых орудий стрелкового батальона 267-го гвардейского стрелкового полка

состоял из одного члена ВКП(б), пяти кандидатов партии и двенадцати комсомольцев. Следуя непосредственно в боевых порядках пехоты, сопровождая ее огнем, уничтожая живую силу и технику противника, пробивая бреши в обороне врага, взвод обеспечивал успешные боевые действия своих подразделений. Только в боях под Харьковом бойцы взвода уничтожили пять вражеских танков, одну самоходку и в упор расстреляли восемь вражеских дзотов.

Партийная комиссия при политотделе дивизии во главе с ее секретарем майором Жилинским (погиб смертью храбрых в боях за освобождение Украины), находясь в боевых порядках, ежедневно принимала в партию воинов, проявивших мужество, отвагу и героизм. Во время боев за Харьков было принято в партию свыше 200 воинов, отличившихся в боях.

К 22 августа части дивизии обошли Харьков с запада, перерезали вражеские коммуникации и вышли на дорогу Харьков — Полтава, в районе Подворки — Песочин.

Ожесточенные бои шли у водных рубежей, сильно укрепленных противником, в многочисленных балках, оврагах и лесах, превращенных врагом в узлы сопротивления и оборонительные линии.

Части дивизии к 22 августа правым флангом вышли на шоссе Олышаны — Харьков, левым флангом заняли Подворки.

23 августа в 4 часа утра наши воины овладели западной окраиной Харькова. Продвигаясь вперед, 270-й гвардейский стрелковый полк вышел на площадь Дзержинского, 267-й гвардейский полк овладел станцией Харьков — Южный, продвинулся по улице Свердлова к реке Лопань, 273-й гвардейский стрелковый полк к 8 часам утра из района Песочин достиг западной окраины города.

В боях за Харьков дивизия уничтожила свыше 1500 гитлеровцев, 8 танков, 28 пулеметов, 2 орудия, 1 минометную батарею, 13 дзотов, подавила огонь 4 артиллерийских и 5 минометных батарей.

Второй салют Москвы прозвучал и в честь наших воинов-гвардейцев. Дивизия получила второе почетное наименование — «Харьковская» и стала называться 89-й гвардейской Белгородско-Харьковской стрелковой дивизией.

В боях за Харьков дивизия показала себя зрелой, закаленной, способной вести оборонительные и наступательные бои. Ярко проявилось возросшее мастерство командиров в управлении войсками на поле боя, умение коммунистов воспитывать личный состав в духе высокого сознания своего воинского долга, беззаветного служения Родине.

Партийные и комсомольские организации умело, терпеливо и настойчиво учили воинов искусству добиваться победы над врагом в любых условиях боя. Коммунисты всегда были в авангарде. На самых трудных участках боя они вдохновляли гвардейцев и личным примером учили побеждать.

Во время наступления в районе шоссе Подворки — Песочин батальон 267-го гвардейского полка под командованием Гаполюка был прижат огнем противника к земле и нес большие потери. Парторг батальона Макалкин вместе с командиром минометной роты коммунистом Сухоносковым и группой бойцов пробрался по лесу в тыл врага. Они забросали гитлеровцев гранатами, захватили минометную батарею и открыли огонь по противнику, обеспечив успешное наступление своего батальона.

Снайпер Бочаров в боях за Черкасскую Лозовую и Лозовеньки ночью переправился через реку Лопань, замаскировался в тылу врага и за день уничтожил 24 гитлеровца. Рассказывая затем об этом, взволнованный агитатор Альменов сказал, что такой подвиг может повторить каждый советский воин. С наступлением темноты он сам перебрался через Лопань и уничтожил вражеский пулеметный расчет. Пулемет, три винтовки, один автомат и документы пяти убитых гитлеровцев Альменов принес в расположение своей роты.

20 августа в районе Северного поста противник одиннадцатью танками контратаковал одно из наших подразделений. Стрелковый взвод лейтенанта Егорова принял на себя танковую атаку противника. Командир взвода Егоров и рядовой Есипаев Джаксин подбили гранатами два немецких танка, а солдат Юрсупов на левом фланге взвода вывел из строя третий танк. Атака противника была отбита.

В районе хутора Серики (Залютин Яр) саперы подразделения Александра Ивановича Бабкова, прокладывая путь пехоте, за одну ночь, работая без фонарей, на ощупь, извлекли и обезвредили 76 противотанковых мин.

Взвод лейтенанта Долгих одним из первых ворвался в Харьков, и сержант Файзуллин водрузил первый красный флаг на крыше одноэтажного домика под номером 152 по Верхне-Гуевской улице. Саперы Заднепрянский и Чернов на окраине Холодной Горы захватили вражескую пушку, уничтожив ее расчет гранатами.

Комсорг батальона 270-го гвардейского стрелкового полка Субботин с группой бойцов первым занял несколько домиков на окраине Харькова, подавил находившиеся в них огневые точки противника и обеспечил наступление своего батальона. Командир батареи коммунист Ятченко, будучи раненым, про-

должал оставаться в строю и руководил боем. Только за 22 августа его батарея уничтожила «тигр», 9 пулеметов и 59 гитлеровцев.

Младший лейтенант Самойченко за день боев 21 августа, отбивая вражеские контратаки, уложил 10 фашистов. Кандидат в члены партии сержант Черных, пробравшись в районе села Лозовеньки в расположение противника, забросал дзот гранатами: 18 гитлеровцев были убиты.

18 августа взвод лейтенанта Боcharова из батальона 267-го стрелкового полка, обеспечивая наступление своего батальона, уничтожил 2 танка, 3 орудия, 4 пулемета, 5 минометов и до 100 гитлеровцев, захватив 80 винтовок и автоматов. Расчет младшего сержанта Григория Падалки в боях за Алексеевку (окраина Харькова) вывел из строя вражескую минометную батарею, чем обеспечил успешное продвижение своего подразделения.

18 августа, отбивая контратаки противника, батарея Карпинского уничтожила 9 дзотов, 8 автомашин и бронетранспортеров, склад с боеприпасами и до 200 гитлеровцев. А на станции Залютино в это время артиллеристы Горланова подбили и сожгли 40 вагонов с боеприпасами противника. Минометчики Кабулова в боях с 18 до 23 августа уничтожили 2 самоходных орудия, 3 минометные батареи и до 2 рот фашистов.

Наши воины не щадили своей жизни. Многие раненые не покидали переднего края. Связист Иващенко, будучи раненым, продолжал мужественно выполнять поставленную перед ним задачу до самого вступления в город. Тяжело раненный парт-орг полка Полянский только в Харькове согласился эвакуироваться в госпиталь. Наши бойцы, командиры и политработники показывали образцы быстрого и самостоятельного решения задач, демонстрировали высокое воинское мастерство. Начальник штаба 270-го гвардейского стрелкового полка майор Сергиенко в ночь на 23 августа возглавил подвижной отряд, который пробился на площадь Дзержинского. В 4 часа утра он доложил, что полк овладел центром города и водрузил Красное знамя на здании Госпрома.

В это же самое время подразделения 273-го гвардейского полка дрались в районе пивоваренного завода. Тут особенно отличились рота старшего лейтенанта Веденева и взвод лейтенанта Котлярова. Отделение старшего сержанта Лукьянова из 267-го гвардейского стрелкового полка прочно закрепилось в районе Южного вокзала.

Успешные боевые действия дивизии в районе Лозовенек, Алексеевки, Северного поста, выход на западную окраину Харькова сыграли важную роль в освобождении города.

Командир 267-го гвардейского стрелкового полка майор Григорий Алексеевич Середа, воспитанник Харьковского военного училища, на знакомой местности сумел искусно провести боевую операцию по захвату дороги Харьков — Полтава. Отвлекая одним батальоном внимание противника, он двумя батальонами с фланга нанес решающий удар по врагу, чем обеспечил захват дороги Подворки — Песочин, расчистив путь нашим войскам.

Пропагандист политотдела дивизии гвардии майор Антипов постоянно находился в боевых порядках частей, обучая политработников искусству ведения партийно-политической работы в бою. Пламенным словом и личным примером он воспитывал воинов в духе беззаветной любви к Родине, ненависти к врагу. Антипов погиб в боях за Харьков.

Славный боевой путь прошла дивизия после освобождения второй столицы Украины. Она форсировала Днепр и Одер,громила фашистов в Польше, штурмовала Берлин. За освобождение Польши и форсирование реки Одер дивизия была награждена орденом Суворова. Отдельным полкам и батальонам присвоено наименование «Бранденбургских» и «Померанских».

За мужество, отвагу и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны, 56 воинов дивизии были удостоены звания Героя Советского Союза, тысячи солдат и офицеров награждены орденами и медалями.

МАССОВЫЙ ГЕРОИЗМ

ВЕСНОЙ 1943 года 28-я гвардейская стрелковая дивизия была переброшена с Северо-Западного фронта на Курскую дугу. Она явилась частицей тех больших резервов, которые выделило наше командование для освобождения Украины от немецко-фашистских оккупантов.

Звание гвардейской дивизия заслужила еще в период наступательных боев зимой 1942 года.

В трудных условиях лесисто-болотистой местности и бездорожья стрелковая дивизия с приданными ей лыжными батальонами сибиряков освободила от немцев 102 населенных пункта Старорусского, Полавского и Залучского районов, Ленинградской, ныне Новгородской области. Она успешно громила полки 290-й немецкой пехотной дивизии. За 74 дня упорных наступательных боев в январе—марте 1942 года наши войска освободили территорию равную 1440 квадратным километрам. Тысячи советских граждан были вырваны из кровавых рук гитлеровцев. 3 мая 1942 года дивизию переименовали в 28-ю гвардейскую стрелковую.

Мне вспоминается низкий, довольно большой сарай вблизи города Кшень, Курской области. Судя по обломкам сельскохозяйственных орудий, разбросанным по углам, до войны здесь находился колхозный ток. В этом сарае собралось около 300 командиров и политработников 53-й армии — будущих освободителей Харькова.

Большинство офицеров разместилось на скамьях, сделанных из старых жердей. За столом президиума — командующий 53-й армией генерал-майор Манагаров, члены Военного совета генерал-майоры Царев и Горохов, начальник политотдела армии полковник Шмелев. В «зале» — командиры всех родов войск. Такого представительного собрания генералов и офицеров за два года войны мне видеть не приходилось. Происходило это 11 июня 1943 года.

Участникам собрания рассказали о международном положении, о наших союзниках по войне, о состоянии дел на фронтах,

о работе в тылу труженников фабрик, заводов и колхозов. Особое внимание было уделено предстоящим наступательным боям, говорилось о том, что страна выделила огромные людские и технические резервы, какие мы сейчас имеем на Курской дуге.

Собрание нацелило командиров и политработников на развертывание боевой и политической подготовки во всех частях и подразделениях перед решающим штурмом.

Мы, как говорится, видели уже себя на берегах Днепра, на западной границе. Ведь все тогда горячо надеялись на открытие второго фронта в Европе в 1943 году... После армейского совещания в полках дивизии развернулась напряженная боевая подготовка.

Как всегда перед боями, усилился приток в партию. До начала Курской битвы мне пришлось работать ответственным секретарем дивизионной партийной комиссии. За время после армейского совещания с 11 июня и до 5 июля 1943 года парткомиссия дивизии приняла в кандидаты партии 130 бойцов, сержантов и офицеров, отличившихся в последних боях, и перевела из кандидатов в члены партии свыше 200 человек.

С началом немецкого наступления 6 июля 1943 года дивизия двинулась из Касторного на запад. Однако из Солнцевского района, Курской области, мы круто повернули на юг в направлении Белгорода. В районе Прохоровки мы увидели сотни подбитых немецких танков: наступление гитлеровцев не застало наши войска врасплох. 30 июля дивизия заняла оборону в 18 километрах севернее Белгорода, а 3 августа вступила в бой. Справа и слева от нас находилось еще по одной стрелковой дивизии. Направление — на Белгород.

Воспроизвожу несколько записей из своего фронтового дневника.

«3 августа. 5 часов утра — мощная артиллерийская подготовка. В 5 часов 50 минут все пришло в движение. Пошла вперед наша знаменитая пехота, пошли танки и совсем низко пролетели сотни ИЛов. Ожесточенное сопротивление противника сломлено. Наступление разворачивается стремительно. Переходим окопы первой линии немецкой обороны, дальше — огневые позиции артиллерии противника.

За день боев потери артполка незначительны. Убитых двое, раненых 10 человек.

5 августа. Заняли пригород Белгорода, крупный населенный пункт Стрелецкое. Пересекли железнодорожную линию Томаровка-Белгород. Орудия артполка, двигаясь в боевых порядках пехоты, ведут огонь прямой наводкой. Пехотинцы с большой

охотой помогают орудийным расчетам перекачивать орудия вперед.

Командир 89-го полка майор В. Орехов и его заместитель по политической части майор А. Синягин похвалили действия командира орудия 1-й батареи сержанта Ивана Железко, который подбил два немецких танка и обеспечил продвижение 2-го батальона.

Дело было так: из-за возвышенности вышли три танка противника. Первый Т-6 («тигр») и два танка Т-4. За наводчика был сам командир орудия сержант Железко. Он не дрогнул. С расстояния 400 метров несколькими выстрелами сумел подбить оба фашистских танка Т-4. Они завертелись на одном месте и остановились. Гитлеровский экипаж Т-6 дал задний ход и скрылся за бугром. Он побоялся сделать разворот, чтобы не подставить под огонь более уязвимую часть брони. Сержант Железко был награжден за этот подвиг орденом Красного Знамени.

7 августа. Обстановка настолько быстро меняется, что и обдумывать ее некогда. На скорую руку написал донесение в политотдел. Получили вчерашние газеты. Еще раз довели до всех сводку Совинформбюро о взятии Орла и Белгорода. Со взятием Белгорода борьба на Белгородско-Курском направлении без оперативной передышки переросла в борьбу на Харьковском направлении с той только разницей, что наше наступление развертывается в более широком масштабе и более высокими темпами. Заняли совхоз «Тракторист», от Белгорода 30 км, а до Харькова 55.

9 августа. Мы уже были в Дубовке — первом населенном пункте Украины, освобожденном нашей дивизией. 2-й дивизион артполка поддерживает пехоту 92-го стрелкового полка. Ширина полосы наступления 800 метров. Это не то, что на Северо-Западном фронте. Там ширина полосы наступления полка была не менее 3 километров. Боец Земляков привел на командный пункт 19 пленных немцев. Появление такой толпы демаскировало КП. Немцы дали минометный огонь по своим. Командир полка подполковник Сухан приказал немедленно отвести их в тыл. Большинство пленных раненые, грязные и оборванные. После освобождения Дубовки и Слатино мы составили акт о зверствах фашистов в этих населенных пунктах. Жители рассказали нам об издевательствах бургомистра Парайфера и управляющего фон Бессера, которые накануне бежали.

12 августа. Ожесточенные упорные бои развернулись на подступах к Харькову. Полки дивизии дерутся за станцию и районный центр Дергачи. Фашисты оказывают нам упорное сопротив-

ление. Здесь мы взяли пленных, которые говорили, что не ели двое суток. Находясь у Дергачей, мы получили отрадное сообщение, что наши наступающие части перерезали железную дорогу Харьков — Полтава.

13 августа. После ночного боя наши части заняли Дергачи. Старуха Василиса Федотова спрашивает:

— А что, милые, проклятые фашисты больше не вернутся?

Отвечаем:

— Нет, больше никогда не вернутся!

15 августа. Гитлеровцы упорно не желают нас пускать в Харьков.

20 августа. Идут ожесточенные бои на окраинах Харькова.

23 августа. Полки нашей дивизии вели бои за поселок Коротич. Перерезали железную дорогу Харьков—Полтава. Овладели железнодорожной станцией Коротич. При взятии станции отличились орудийные расчеты 5-й и 7-й батарей. Вдоль железнодорожной насыпи при помощи пехоты им удалось подтянуть орудия на расстояние 400 метров и разбить бронированную платформу и огневые точки противника.

23 августа к концу дня войска Степного фронта окончательно овладели Харьковом. Нашей 28-й гвардейской дивизии присвоено наименование «Харьковская». В городе фашисты разрушили все мосты. Реку Лопань приходилось переезжать вброд. Гитлеровцы взорвали также Южный вокзал.

Продолжая наступление, 29 августа мы окончательно овладели Коротичем, Харьков остался позади».

В ходе наступления огромную роль сыграла партийно-политическая работа. Она обеспечила наши успехи на всех этапах боевой жизни подразделений. Разумеется, по форме и методам партийная работа в период наступления существенно отличалась от работы в период обороны.

Описываемый период характерен ежедневными боями и стремительными наступлениями. В течение одного дня боевая обстановка быстро менялась. Перед подразделениями ставилась в день по нескольку задач, часто отличных друг от друга. Для того чтобы обеспечить авангардную роль коммунистов и комсомольцев, партийные и комсомольские организации должны были действовать наиболее оперативно.

В полках дивизии проводились собрания первичных партийных и комсомольских организаций, где говорилось о задачах коммунистов и комсомольцев в наступлении в условиях открытой местности. Этот вопрос диктовался изменением обстановки: раньше дивизия действовала на лесисто-болотистой местности.

Период наступления характеризовался значительным ростом партийных и комсомольских рядов, массовым героизмом. На войне люди быстрее познаются. В первом же бою нетрудно увидеть смелого и храброго воина.

Партийная комиссия политотдела дивизии обсуждала заявления о приеме в партию и решения партийного бюро полка непосредственно в подразделениях, а через несколько дней начальник политотдела выдавал документы принятым в партию. Это были торжественные минуты. Сколько волнений и радости переживал воин, получающий небольшую красную книжечку — партбилет. Иной волновался больше, чем в бою.

К моменту боев на Харьковском направлении в 61-м гвардейском артиллерийском полку состояло в партии 50 процентов личного состава и 30 процентов — в комсомоле. В период боев за Харьков в партию было принято 56 отличившихся бойцов, сержантов и офицеров нашего полка.

Партийные и комсомольские организации полка обеспечили авангардную роль коммунистов и комсомольцев в наступлении. Орудийные расчеты, поддерживая огнем наступающие стрелковые роты, находились в боевых порядках пехоты. В полку не было ни одного случая невыполнения приказа или проявления трусости.

Большое значение имела агитационно-пропагандистская работа. Бойцы любили дивизионную, армейскую и фронтовую газеты. В окопе, блиндаже, на привале часто можно было наблюдать, как боец-агитатор разворачивает газету и читает ее вслух собравшимся воинам.

Существенно дополняло партийно-политическую работу в подразделениях чтение брошюр, рассказывавших о наших замечательных предках Александре Невском, Минине и Пожарском, Суворове и Кутузове. Эти издания воспитывали в каждом советском воине патриотизм, чувство гордости и уважения к героическому прошлому русского народа. Очень хорошо сказал поэт-фронтовик сержант П. Нурберды:

...Над нами русская сияла слава,
И в изумленье привела весь мир
Великая Советская держава...

В священной войне против гитлеровских захватчиков доблестные советские воины преумножили славу своего народа.

НА ИЗЮМСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

СЕЙЧАС, спустя тридцать лет, пережитое четко встает в памяти отдельными, на всю жизнь запомнившимися яркими боевыми эпизодами. В Изюме, который стал тогда для меня, северянина, особенно дорогим и в котором я поселился после увольнения из армии, многое и теперь напоминает о том времени.

Случается, что я с пионерами иду на места боев. Всего в полукилометре от улицы и дома, где я теперь живу, высится гора Кремянец, когда-то командная высота Изюмского плацдарма. Несколько ниже, у подножья горы, в сквере стоит памятник на могиле командира танкового корпуса генерал-лейтенанта П. Волоха. Невдалеке отсюда он погиб при прорыве обороны противника. На горе и рядом с ней еще заметны следы окопов. А на самом видном и высоком месте установлен монумент. Здесь братская могила воинов, павших смертью храбрых в боях на Изюмском плацдарме в марте — апреле 1943 года. Среди них есть и мои боевые друзья и товарищи, солдаты и офицеры 223-го стрелкового полка, которым я командовал до окончания войны.

Хорошо помню, правый фланг нашей обороны упирался в Северский Донец юго-западнее Ковалевки, а левый фланг также подходил к реке юго-восточнее хутора Веприцкого. Мы должны были любой ценой удержать плацдарм и город Изюм, измотать противника и как можно больше уничтожить его живой силы и техники, сковать врага на этом плацдарме и не дать немцам возможности перебрасывать силы к Харькову.

Более месяца, начиная с 15 марта, фашистские войска ежедневно атаквали нашу оборону, предпринимая в некоторые дни до пяти атак и применяя массированный огонь авиации, артиллерии, бросая вперед крупные соединения танков и пехоты.

Немцы несли огромные потери, но стремились во что бы то ни стало сбросить нас с Изюмского плацдарма, имевшего важное стратегическое значение: это были ворота на Донбасс. Но яростные атаки противника разбивались о героическую стойкость наших воинов.

Весь участок перед передним краем обороны полка был густо устлан трупами немецких солдат и завален исковерканной техникой врага — танками, бронетранспортерами, автомашинами. Трупный запах, перемешанный с пороховой гарью, в теплые дни не давал дышать.

Самым напряженным за все время оборонительных боев был день 4 апреля 1943 года. Фашисты, решив, очевидно, покончить с нами, сосредоточили на узком участке у Ковалевки крупные силы танков, пехоты и при поддержке массированного огня артиллерии и авиации пошли на решительный штурм нашей обороны.

Положение оставалось очень тяжелым. Противнику удалось ворваться в наши окопы, но после ожесточенной рукопашной схватки он был отброшен и с большими потерями отошел на исходные позиции.

Чтобы описать этот рукопашный бой в окопах, надо быть поистине художником слова. Из густой пыли, окутавшей поле боя, доносились автоматные очереди, разрывы гранат, звучные удары прикладами винтовок и автоматов, лопатками, стоны и крики. Под конец боя окопы были завалены убитыми и ранеными.

Несмотря на явное превосходство в силах, немцы не выдержали и бежали, расстреливаемые в спину. Мы в этих оборонительных боях тоже понесли значительные потери. В рукопашной схватке погиб смельчак майор Попов. Смертельно раненный, умер в медсанбате знаменитый снайпер гроза гитлеровцев Волков, который начал вести счет убитым фашистам еще под Москвой, а в Изюме довел его до 160.

В бою впереди всегда находились коммунисты и комсомольцы. Особенно отличилась молодежь. Помню, как бесстрашно воевал старший сержант комсомолец И. Тимофеев. В оборонительных боях он связками гранат и бутылками с зажигательной смесью уничтожил пять танков. В бою 4 апреля Тимофеев, рискуя жизнью, забрался в подбитый немецкий танк и, открыв огонь из пулемета, нанес большие потери наступающей пехоте противника.

Гитлеровцы перешли к обороне. Позже, уже в июле 1943 года, 53-я дивизия, в состав которой входил и наш полк, пополнилась и вместе с другими войсковыми соединениями 1-й гвардейской армии получила задачу прорвать оборону противника и при благоприятных условиях занять Барвенково и Лозовую.

Танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта Волоха массированной атакой должен был прорвать оборону противника на Изюмском плацдарме в направлении села Малая

Камышеваха и, приняв на танки десант автоматчиков 223-го стрелкового полка, с ходу взять Барвенково.

В пять часов утра 17 июля началась артиллерийская подготовка. Но еще до этого мы приступили к форсированию Северского Донца в направлении села Семеновки. Начало было неудачным. Спущенные на воду четыре лодки с автоматчиками 3-го батальона попали под обстрел. Чтобы подавить уцелевшие огневые точки противника, на берег выдвинули два взвода 45- и 76-миллиметровых пушек. Прямой наводкой огневые точки были уничтожены. После этого на лодках переправилась 7-я стрелковая рота старшего лейтенанта Егорова. Отразив контратаку немцев, она прочно заняла небольшой плацдарм для развертывания боевых действий всех подразделений полка. При отражении контратаки в бою на правом берегу Северского Донца в рукопашной схватке героически погиб командир роты Егоров.

Форсировав реку, подразделения 223-го стрелкового полка развернули наступление на Семеновку и главный опорный пункт противника — высоту 182,5, что северо-западнее Семеновки. От Северского Донца вся лесистая местность до Семеновки (около 4—5 километров) была покрыта минными полями, проволочными заграждениями и дотами. Нам пришлось очень трудно, и только к 15 часам полосу удалось окончательно преодолеть. Но главный опорный пункт противника на высоте 182,5 продолжал оказывать упорное сопротивление, несмотря на усиленную бомбежку нашими штурмовиками. Тут у немцев были вкопаны танки, орудия для стрельбы прямой наводкой, вырыты окопы полного профиля, установлены железобетонные колпаки для пулеметчиков, организована система перекрестного и фланкирующего огня дотов. К тому же подходы к высоте гитлеровцы густо заминировали и опутали проволокой.

Пять раз подразделения полка бросались в атаку на высоту, но безрезультатно. И только к вечеру 17 июля удалось окончательно сломить сопротивление противника и овладеть этим важным опорным пунктом. В этом бою комсомольцы полка проявляли примеры мужества и героизма. В последней атаке пал смертью храбрых секретарь бюро ВЛКСМ полка младший лейтенант (фамилии, к сожалению, не помню). Он первым ворвался с автоматчиками на высоту, водрузил на ней красное знамя, но был сражен пулеметной очередью.

В дальнейшем боевая обстановка очень осложнилась. Немцы подтянули от Харькова новые соединения и, стремясь сбросить нас с захваченного плацдарма, продолжали атаки, в особенности на высоту 182,5.

Вспоминается такой эпизод. В 12 часов дня 18 июля рота немецких автоматчиков просочилась в лес, чтобы атаковать высоту 182,5 с тыла. Но в лесу на небольшой высотке фашисты наткнулись на минометную роту нашего 3-го батальона, которой командовал капитан Татаров. Немцы подошли к позициям так близко, что остановить их огнем минометов было уже невозможно. Тогда капитан Татаров быстро организовал круговую оборону. Минометчики, используя автоматы, винтовки, трофейный пулемет, не только отбили атаку, но и разгромили роту автоматчиков, а 35 гитлеровцев захватили в плен.

В ночь с 18 на 19 июля к высоте 182,5 подошли наши танки из корпуса генерала Волоха, а в 8 часов утра подразделения полка вместе с танками предприняли атаку на Андреевку. Но время для внезапного нанесения удара было уже утрачено, и немцы, имея превосходство в силе, отбили эту атаку с большими для нас потерями. В бою погиб геройской смертью заместитель командира 3-го стрелкового батальона по политчасти старший лейтенант Махнатъев. Среди тех, кто особенно отличился в тот трудный для нас день, были заместитель командира 2-го батальона по политчасти капитан С. Орловский и начальник штаба этого же батальона капитан В. Труханов, ныне живущий и работающий в Донбассе, поэт, автор поэмы «Под Изюмом».

В этой же атаке я получил тяжелую контузию и ранение.

Позже, после пополнения, полк участвовал в боях за Харьков, действуя в обход города, и в других операциях наших войск. Но во всей истории полка изюмское сражение — самая памятная и значительная страница.

ХАРЬКОВСКАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ

23 АВГУСТА 1943 года московский диктор передал по всем радиостанциям Советского Союза оперативную сводку Совинформбюро: сегодня наши войска в результате ожесточенных боев сломали сопротивление противника и штурмом овладели Харьковом. Среди соединений, которые особенно отличились в боях за освобождение города, была названа и наша 252-я стрелковая дивизия. В ознаменование освобождения города ей было присвоено почетное наименование «Харьковская».

Боевая слава пришла к нам, конечно, не в один день. Бойцы и офицеры частей и подразделений ковали ее в упорных кровопролитных боях, во время нелегких дней учений, приближенных к фронтовой обстановке.

Уже 11 июля 1941 года мы погрузились в эшелоны и отправились на театр военных действий. До августа 1942 года дивизия участвовала в боях против гитлеровцев на Калининском фронте. После этого нас ненадолго отвели в тыл, где мы пополнили личный состав и обучали бойцов и офицеров.

9 сентября того же года части нашей дивизии были переброшены в район Сталинграда на станцию Неткачево. 18 октября, совершив 180-километровый марш, дивизия вошла в состав фронта, оборонявшего город. 20 октября мы активно включились здесь в боевые действия против гитлеровцев. Под Сталинградом дивизия дралась вплоть до 2 февраля 1943 года, принимая самое активное участие в разгроме и ликвидации окруженной немецкой группировки.

Затем наше соединение участвовало в освобождении целого ряда районов страны. Вспоминаются упорные наступательные бои, которые способствовали взятию города Белгорода.

После мощной артиллерийской подготовки, преодолев проволочные заграждения на металлических кольях и сплошные минные поля противника, дивизия перешла в решительное наступление.

Сбитые с рубежа Редин и дороги на Вислое, фашисты под натиском наших частей отходили главными силами в южном

и юго-западном направлениях, прикрывая отступление усиленными отрядами пехоты с танками и артиллерией. К утру 4 августа 1943 года противник отошел на свои старые оборонительные позиции. Неотступно преследуя гитлеровцев, наши части стремительно продвигались вперед и ворвались в их основную линию обороны на рубеже Яхонтово — высота 218,0.

На рассвете 4 августа усиленный передовой отряд одного нашего стрелкового полка решительным ударом овладел Раковым. Главные силы полка в составе двух стрелковых батальонов к вечеру этого дня овладели Казацким и, продолжая развивать успех в направлении переправ у Стрелецкого, вышли к мосту через реку Возолка у Пушкарного.

В течение ночи наши батальоны вели упорный бой за переправы, а на рассвете 5 августа снова начали наступление в южном направлении, преследуя отступающих гитлеровцев.

В это время подразделения другого нашего полка захватили мосты в западной части Казацкого и через реку Возолка у Стрелецкого, а к 24.00 4 августа всеми батальонами вышли на переправы через Возолку, отражая непрекращающиеся контратаки противника.

Особенно успешно действовали под Белгородом стрелковые полки под командованием подполковника Павлюка и майора Глибка.

Прорыв обороны противника в районе Редина и стремительное продвижение дивизии вперед на правом заходящем крыле армии, выход на северо-западные скаты высоты 213,6 и форсирование реки Возолки способствовали успешному завершению операции по взятию Белгорода. За эту операцию дивизия получила благодарность Верховного Главнокомандования и Военного совета фронта.

Как известно, попытка Гитлера июльским наступлением в районе Курской дуги захватить инициативу на советско-германском фронте потерпела полный крах. Наши войска не только разгромили ударные группировки немцев, но и в ходе контрнаступления нанесли противнику крупное поражение, после которого немцы стали отходить на Харьков.

Вот как характеризовал успешные действия наших войск в районе Белгорода бывший начальник штаба немецкого Западного фронта генерал Зигфрид Вестфальд в статье «Между двумя решающими сражениями»: «После поражения под Сталинградом и Тунисом он жаждал побед. Поэтому он решил провести наступление на огромный «Курский выступ», глубина которого от Курска на запад составляла почти 100 километров. Намечалось группами армий «Центр» и «Юг» нанести концентрирован-

ный удар по сходящимся операционным направлениям и взять в клещи советские войска, находившиеся в выступе.

Операция «Цитадель» началась 5 июля 1943 г. наступлением группы армий «Центр» в районе Орла и группы армий «Юг» близ Белгорода. В наступление перешло в общей сложности 19 танковых и моторизованных, а также 16 пехотных дивизий. Северная ударная группировка скоро натолкнулась на глубокоэшелонированную оборону русских. Попытки пехотных и инженерных частей расчистить дорогу танками стоили больших потерь в живой силе и технике, но оказались безрезультатными. Группа армий «Юг» вначале добилась некоторого успеха, но в середине июля все-таки пришлось отказаться от дальнейшего проведения операции. Особенную тревогу вызвали потери танков в «белгородской мясорубке». Немецким бронетанковым войскам так никогда и не удалось оправиться от удара, полученного под Белгородом. Советский маршал Конев назвал эту битву «лебединой песней немецких танковых дивизий»¹.

После взятия Белгорода войска Степного фронта перешли к решительному преследованию противника в направлении Харькова.

С 5 по 15 августа наша дивизия находилась в резерве командующего армией, двигаясь маршем по маршруту: Стрелецкое—Андреевка—Дементьевка—совхоз «НКВД»—Дергачи. К утру 15 августа на нашем участке сложилась такая обстановка: передний край проходил по северной окраине Полевого, северной окраине Семеновки, северным скатам высоты 183,6 и южной окраине Лужка.

Командующий армией поставил перед нами боевую задачу— силами двух полков в направлении леса и северо-западной окраины Гавриловки (юго-западнее Харькова) разгромить противника и ударом с запада содействовать овладению Харьковом.

Один наш полк занял исходные позиции восточнее Полевого. Прежде чем достигнуть опушки леса и ворваться в него, следовало форсировать безымянный ручей, который обстреливался методическим огнем противника. Наши саперы под жестоким огнем фашистов в короткий срок построили переправу. По ней без промедления стали продвигаться подразделения.

Первым форсировал ручей и с боем вышел в лес батальон под командованием старшего лейтенанта Мигова. Вслед за ним начали переправу другие батальоны этого же полка, два наших

¹ Из книги «Роковые решения», перевод с англ. М., Воениздат Министерства Обороны Союза ССР, 1958, с. 212.

стрелковых полка, которые находились во втором эшелоне дивизии, были готовы в любую минуту атаковать противника и развить успех наступающих подразделений.

Наши стрелковые части, четко взаимодействуя с артиллерией и бронебойщиками, ломая сопротивление противника, продвигались вперед. Враг жестоко сопротивлялся. К тому же мы шли по слишком пересеченной местности с густым, труднопроходимым лесом.

Стрелковый батальон под командованием капитана Попкова, шедший в авангарде, мог наступать лишь по двум дорогам, которые оседлал противник и прикрывал артиллерийско-минометным огнем и станковыми пулеметами.

Густой лес не давал возможности развернуть артиллерийские средства для поддержки наступающей пехоты. Тогда мы предприняли обходной маневр с целью зайти противнику во фланг. Когда 5-я стрелковая рота 2-го батальона под прикрытием леса выдвинулась на поляну к дому лесника, противник обратился в бегство. К бойцам, прорвавшим оборону противника, быстро подтянулись остальные роты и батальоны. Общим рывком полк ворвался в лес в восьмистах метрах восточнее дома лесника.

Противник интенсивно обстреливал наш полк артиллерийско-минометным огнем. Несмотря на это, батальоны не прекращали продвижения вперед. К вечеру 17 августа полк уже оседлал дорогу Семеновка — Куряж, лишив противника возможности передвигаться по ней и подбрасывать подкрепление в районе Семеновки.

К этому времени один наш полк после боя закрепился в одном километре севернее подсобного хозяйства, а другой — достиг перекрестка дорог и просек. Разгром противника в лесу у деревни Гавриловки открыл дорогу на Харьков.

Прорыв обороны фашистов на участке Полевое — Семеновка был осуществлен при полном взаимодействии с дивизионной и приданной артиллерией. Находясь непосредственно в боевых порядках пехоты, она мощными огневыми налетами и прямой наводкой подавляла огневые точки противника, уничтожала танки, прикрывая наступление наших подразделений. Части дивизии в этом наступлении танков не имели, а с танками противника успешно боролась наша полковая артиллерия, которая, все время находясь в боевых порядках стрелковых полков, отражала контратаки прямой наводкой.

Операция по прорыву обороны противника на рубеже Полевое — Семеновка и выходу в тыл гитлеровцев, которую провело наше соединение, парусила управление противника, расскла

его боевые порядки, ослабила фланги, что несомненно ускорило занятие Полевого и Семеновки стрелковыми дивизиями, действовавшими с флангов нашего соединения. Это также дало возможность пропустить части механизированного корпуса для развития нашего успеха.

18 августа части нашей дивизии перегруппировались в новом направлении Пересечная — Курортная и к 18.00 заняли исходное положение. В новой полосе для наступления нам предстояло овладеть высотой 188,8.

19 августа после двух огневых налетов нашей артиллерии по переднему краю обороны противника полки атаковали высоту. Несмотря на упорное сопротивление врага, рубеж был взят.

Противник никак не хотел примириться с этой потерей и спустя некоторое время, подтянув резервы, предпринял две контратаки по флангам нашего полка. Контратаки были успешно отбиты.

Заняв важную в тактическом отношении высоту, мы подтянули ПТР, орудия полковой артиллерии были введены в боевые порядки полков, что позволило отразить все попытки противника вновь овладеть высотой 188,8.

Противнику ничего не оставалось делать, как откатиться в направлении Пересечной. В ночь на 20 августа наши стрелковые полки перешли в наступление и к рассвету полностью овладели Пересечной.

Новая победа. Новая задача. Она заключалась в том, чтобы форсировать реку Уды, овладеть железной дорогой и двигаться в направлении Старого Люботина.

Противник упорно удерживал подступы к железной дороге, вел непрерывный огонь по переправам на Удах. Но наши саперы в сложнейших условиях под огнем врага наводили переправы, и в ночь на 21 августа мы достигли разъезда Курортная, овладели железной дорогой, один из наших стрелковых полков вошел в совхоз «Коммунар».

Противник предпринимал яростные контратаки, чтобы вернуть утерянные рубежи. Однако все его попытки потерпели провал.

Подтянув артиллерию и боеприпасы, наши части продолжали наступление и вскоре освободили Старый Люботин. Напряженные дни боев характеризовались массовым героизмом бойцов и офицеров. Примеров мужества и отваги просто не счесть. Но о некоторых хочу коротко рассказать.

3 августа к вечеру немцы предприняли отчаянную попытку вернуть во что бы то ни стало одну высоту и лес, расположен-

ный южнее. Это были ключевые позиции на шоссе Курск—Харьков.

Отблески лучей заходящего солнца осветили картину боя на высоте и в лесу. Батальон огнемётных немецких танков, выбрасывая струи огня длиной до 60 метров, как на параде, двигался вдоль опушки прямо на высоту.

За танками шли густые цепи немецкой пехоты.

Командующий фронтом генерал Конев и командующий армией генерал Манагаров, находившиеся в этот момент на наблюдательном пункте в районе одного из наших полков, прильнули к биноклям и увидели, как сначала один, затем второй... пятый... восьмой танки противника остановились, а затем вспыхнули. Это заработала наша артиллерия прямой наводки под командованием командира артполка дивизии подполковника Евгения Николаевича Попова. Артиллеристы открыли также ураганный огонь по цепям немецкой пехоты.

Первая контратака немцев на высоту была отбита. Через 40 минут началась вторая, затем третья контратаки. Наши артиллеристы метко и быстро поражали цели. О том, как они поработали, судите сами. Только один дивизион израсходовал для отражения контратаки около 400 гаубичных снарядов. Генерал Конев, обращаясь к генералу Манагарову, спросил:

— Кто это так удачно сметал артогнем немецкие цели?

— Третий дивизион артполка,— последовал ответ.

— Награждаю всех офицеров 3-го дивизиона орденом Красного Знамени,—сказал командующий фронтом,—а Вы, товарищ Манагаров, своей властью наградите солдат и сержантов этого дивизиона.

Через несколько дней в минуту затишья перед строем артполка в присутствии командующего фронтом и командарма бойцам и офицерам были торжественно вручены награды.

А вот другой не менее яркий пример. В самый разгар боя в районе деревни Гонки группа наших воинов заметила на окраине деревни в кустах тяжёлую 150-миллиметровую батарею немцев, ведущую огонь по боевым порядкам полка. Смелым броском бойцы захватили батарею. Немецкие орудия смолкли.

Мне бы хотелось отметить ещё и такую важную особенность боев на Белгородско-Харьковском направлении. Наш офицерский состав стал серьезнее и глубже понимать поставленные перед ним задачи. Творчески решая их с учетом малейших изменений в обстановке, каждый командир стремился развить даже незначительный тактический успех своего подразделения, если он соответствовал идее боя. Остановлюсь только на одном эпизоде, который подтверждает эту мысль.

Наши наступающие части встретили прочный рубеж обороны Полевая — Семеновка, которым противник прикрывал северо-западную часть города. Здесь занимали оборону две пехотных и одна танковая дивизии немцев. Кроме того, противник располагал резервом в количестве тринадцати пехотных батальонов. Огневых средств у немцев тоже было более чем достаточно: 12 батарей шестиствольных минометов и 18 дивизионов легкой и тяжелой артиллерии, которые могли сковывать значительные силы наступающих на узком участке фронта. К тому же и местность была удобна для противника: высоты и лесные участки затрудняли маневр крупных сил нашей пехоты и танков, а на флангах оборонительного рубежа находились два мощных опорных пункта, не допускавшие обхода.

Стрелковый батальон получил ограниченную задачу — захватить небольшой участок леса. Ночной бой был непродолжительным. Пехота втянулась в лес, и это обеспечило ей скрытность дальнейших действий. На этом направлении как раз проходил стык между двумя дивизиями противника, ранее обнаруженный нашей разведкой. Становилось очевидно, что именно здесь можно разрубить пополам рубеж вражеской обороны, чтобы затем уничтожить противника по частям.

Поскольку враг оказывал сначала незначительное сопротивление нашей пехоте, батальон старшего лейтенанта Мигова должен был расширить захваченный участок и создать выгодные условия для действий главных сил дивизии. Однако старший лейтенант Мигов обнаружил большие возможности для смелого рывка вперед. Он понял, что здесь можно выйти на дороги, связывающие оборонительный рубеж противника с тылом. Приступив к действиям, Мигов запросил по радио поддержку артиллерии на случай, если ему встретятся контратакующие группы танков на дорогах. В его распоряжение была выделена противотанковая артиллерия, которая двигалась по просекам.

Противник вскоре заметил просачивание нашей пехоты в лес и начал фланговые контратаки, стремясь закрыть образовавшуюся брешь. Но в это время был введен в бой полк, который стал выдвигаться к фланговым опорным пунктам немцев: Полевая на западе и Семеновка на востоке. Этот полк старался отвлечь на себя большую часть контратакующих вражеских групп, чтобы батальон старшего лейтенанта Мигова и двинувшийся вслед за ним батальон капитана Попкова смогли в короткий срок полностью парализовать неприятельский тыл.

Нужно было нарушить работу связи в тылу у немцев, создать на возможных путях отхода минные заграждения и засады. Все это в известной степени удалось сделать. Противник

начал терять управление на своих основных позициях. Центром особенно сильных боев стал уже его ближайший тыл. Немцы бросили сюда танки, самоходные орудия, пехоту, намереваясь окружить оба наступающих батальона.

Но опытные офицеры Мигов и Попков учли одну особенность тактики противника: пока он обладает танками — его пехота дерется, нет танков — она отходит. Поэтому, когда разведка донесла о готовящейся контратаке, командиры батальонов предприняли все меры, чтобы нанести врагу возможно большие потери в танках. На направления контратак высылались саперы. Они ставили мины на дорогах, проселках, и немало немецких танков подорвалось на них.

Умелый маневр заграждениями и огневыми средствами, постоянная взаимная информация принесли успех нашим батальонам. Им удалось окружить у дома лесника и уничтожить около 200 солдат и офицеров противника.

Этот поучительный лесной бой обнаружил тактическую зрелость всего офицерского состава батальона. Командиры хорошо изучили местность, правильно расставили силы, выделив особые группы, отвлекавшие на себя внимание немцев, а также отряды для атаки. Небольшие группы нашей пехоты, как и предусматривалось планом боя, дерзкими налетами заставили немцев преждевременно развернуться в боевой порядок. Этот момент и был избран для решительной атаки, которая завершилась полным разгромом противника.

Результат превзошел все ожидания: два батальона, инициативно действовавших в тылу у немцев, помогли войти в проделанную брешь сначала всей дивизии, а затем и другим общевойсковым и танковым соединениям. В создавшейся обстановке фланговые опорные пункты противника потеряли свое значение и были им брошены. Наши главные силы, энергично развивая успех, захватили плацдарм, необходимый для решительных ударов по крупной вражеской группировке, оборонявшей Харьков. Этого достигли уже на третий день боев благодаря тому, что не был упущен момент перерастания тактического успеха в оперативный.

Я подробно остановился на этом примере, чтобы показать, насколько важно и ценно стремление командира, выполняющего ограниченную задачу, видеть перспективы успешного развития наступательной операции в целом. Вот это стремление и есть то новое, что приобрел в ходе сражений офицерский состав нашей дивизии. Это новое является важнейшим составным элементом тактики маневрирования. Когда командир осуществляет, скажем, обход или охват и это ему удастся, он, как нам кажет-

ся, неизменно должен спрашивать себя: возможен ли успех больший, чем тот, который уже достигнут. Здесь на первый план должна выступать смелая и разумная инициатива, которая всегда найдет поддержку у вышестоящего командира.

16 августа, вскоре после прорыва обороны на рубеже Полевое — Семеновка и разгрома противника в лесу западнее Харькова, на мой наблюдательный пункт приехал командующий фронтом генерал Конев. В разговоре со мной он высказал мысль о том, что за успешное выполнение боевых заданий командование дивизии заслуживает самой высокой похвалы...

Командующий фронтом уехал. А через несколько дней последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении дивизии орденом боевого Красного Знамени за умелые действия при освобождении Харькова. Высоко был отмечен наш скромный ратный труд.

Много лет прошло с тех пор. Но каждый раз, когда я вспоминаю о боевом пути соединения, его прекрасных людях, глубоко преданных Коммунистической партии и народу, я испытываю глубокое волнение. Я горжусь теми, кто своей самоотверженностью и смелостью обеспечил победу над фашистскими захватчиками, и вместе с живыми склоняю голову перед памятью тех, кто отдал свою жизнь в борьбе с ненавистным врагом.

БЛЕСТЯЩАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКОГО ОРУЖИЯ

ЗИМОЙ 1943 года войска Юго-Западного и Воронежского фронтов, преследуя разбитого на Волге врага, вышли на дальние подступы к Харькову. Но наши наступательные действия были временно приостановлены. Это вызывалось необходимостью произвести перегруппировку войск и подтянуть тылы, которые значительно отстали от ударных передовых частей, что ощутимо сказывалось на продовольственном снабжении войск и подвозке боеприпасов. Нужно было навести соответствующий порядок, создать прочную материальную базу для дальнейшего могучего наступления наших войск. Ведь предстояли ожесточенные бои по преодолению сильной оборонительной полосы врага.

На подступах к Харькову гитлеровцы соорудили мощную глубокоэшелонированную укрепленную оборону. Фашисты рассчитывали обескровить советские войска, измотать их и затем самим перейти в наступление.

Следует сказать, что гитлеровцы имели все шансы на временный успех. Стоило только взглянуть на стратегическое расположение войск в этом районе, как становилось абсолютно ясно: на стороне врага были весьма значительные преимущества. Он занимал очень выгодные и сильно укрепленные позиции на возвышенной местности правого берега реки Северский Донец. Особенно сильно противник укрепил Змиевской узел. Здесь были доты и дзоты, минные поля и проволочные заграждения, противотанковые надолбы, глубокие рвы. Да и сама местность очень удобна для обороны. Перед крутым и высоким правым берегом лежала многокилометровая низменная равнина, изрезанная множеством речушек, лиманов и труднопроходимых болотистых мест. Вся оборонительная полоса гитлеровцев была до предела насыщена огневыми средствами и новейшей техникой.

Позади советских войск простиралось необозримое пространство, где только что прошел фронт, оставив после себя огромные разрушения. А за спиной врага были вполне исправные дороги и мосты, по которым непрерывно подвозились подкрепление, продовольствие, вооружение, боеприпасы.

Наши окопы, вырытые тогда по берегу реки Северский Донец, представляли собой плохое укрытие от обстрела гитлеровцев. Вскоре же положение еще больше осложнилось. Река Северский Донец разлилась от полых вод, и окопы оказались залитыми водой. Войскам пришлось перебраться с берега на незалитые высоты. Это были весьма неудобные и невыгодные с тактической точки зрения позиции. Немцы просматривали и простреливали не только их, но и все подходы к ним. С таких позиций, конечно, трудно предпринять какую-либо серьезную операцию. К тому же впереди было очень широкое водное пространство, где все замеченное, даже плывущее слегка покачивающееся бревно или кучу мусора, враг принимал за подозрительный предмет и накрывал артиллерийским и минометным огнем.

До спада воды мы оставались на этих позициях и напряженно готовились к наступлению.

Первого мая командование Юго-Западного фронта приказало мне принять 34-й стрелковый корпус. Его войска заняли боевые позиции по левому берегу Северского Донца общей протяженностью около 100 километров.

Наша главная задача состояла в том, чтобы, используя кратковременную передышку, как можно лучше и быстрее подготовить войска к новому наступлению, к быстрейшему освобождению одного из крупнейших промышленных центров Украины — города Харькова. Принимались меры к повышению боеспособности войск.

Памятными остались для меня дни, когда на боевые позиции корпуса приезжал командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Р. Я. Малиновский. Он бывал в нашем корпусе неоднократно, интересовался состоянием подготовки к наступлению, посещал передний край, лично проверял контрольными выстрелами по разным целям правильность подготовки данных для ведения артиллерийского огня. Р. Я. Малиновский оказал командованию корпуса конкретную помощь в деле быстрейшей и всесторонней подготовки к наступлению.

Нельзя не вспомнить и о благородном поступке командующего 6-й армией генерал-лейтенанта Ф. М. Харитонova. Будучи тяжело больным, он перед своим отъездом из армии на лечение прибыл в наш корпус и дал ряд практических советов, помог улучшить средства связи.

Когда вода стала убывать, войска корпуса под покровом ночи снова перебрались к зеркалу реки. Это было сделано скрытно, мы пошли на хитрость. Пришлось, например, создать на заболоченной местности насыпные окопы, и врагу казалось, будто наши позиции находятся далеко от реки, на старых рубе-

жах. Об этом свидетельствовали артиллерийские налеты и бомбардировки. В этом мы убедились и тогда, когда заняли город Змиев и захватили вражеские оперативные карты. На этих картах наши позиции помечены по высоткам, давно оставленным нами. В случае наступления фашистов этот просчет их разведки, конечно, обошелся бы им очень дорого: артподготовка не принесла бы желаемых результатов, вражеская пехота при первой же атаке была бы уничтожена нашими войсками.

Правда, воспользовавшись тем, что готовящееся нами наступление на Змиев было отменено и перенесено под Изюм, враг сделал попытку атаковать наши позиции. Но эту атаку мы отбили, хотя гитлеровцы провели большую артподготовку с помощью сильных минометных частей.

Затем наши войска внезапным ударом прорвали оборону противника в районе Змиева и стремительно пошли вперед. Однако прежде чем рассказать об этом прорыве, хотелось бы вспомнить некоторые эпизоды из боевых действий наших доблестных воинов, рассказать об их героизме и отваге в борьбе с врагом в период нашего пребывания в обороне на рубеже реки Северский Донец.

Гитлеровцы сконцентрировали крупные силы и обрушили удар на один из полков 25-й гвардейской дивизии, которым в то время командовал К. В. Билютин.

...Был обычный мартовский день. Один из тех дней, когда все время кажется, что еще не рассвело или надвигаются сумерки. Шел мокрый снег с дождем. Одежда бойцов, намокшая и тяжелая, как железный панцирь, сковывала движения. Под такой одеждой, как под ледяной кожурой, деревенело тело. Люди увязали в грязи, перемешанной со снегом. И в этих тяжелейших условиях наши воины вели огневой бой с противником.

Вдруг сквозь грохот канонады бойцы слышали нарастающий рев моторов. На участок, обороняемый взводом под командованием храброго и волевого офицера Петра Николаевича Широина, ринулись фашистские танки. Гвардейцы мужественно вступили в смертельную схватку с врагом. Навстречу танкам полетели гранаты. Машины взрывались и пылающими факелами останавливались в нескольких шагах перед позициями взвода. А на поле боя появлялись новые и новые машины.

Но бронированная сила фашистов оказалась слабее железной воли воинов-гвардейцев. Танковая атака гитлеровцев разбилась о стойкость советских воинов. Один за другим выходили из строя герои. Прибывшее подкрепление обнаружило на поле боя тела убитых гвардейцев и несколько тяжелораненых, находящихся без сознания. Так под Харьковом широнинцы повто-

рили бессмертный подвиг панфиловцев, совершенный под Москвой. Родина высоко оценила мужество широнинцев. 25 воинам присвоено звание Героя Советского Союза.

Полковник К. В. Билютин, командовавший в том бою стрелковым полком 25-й гвардейской стрелковой дивизии, в состав которого входил взвод П. Н. Широина, позже был назначен командиром 6-й Краснознаменной Орловской стрелковой дивизии 34-го стрелкового корпуса. К. В. Билютин отличался большим тактом, выдержкой и скромностью. Это был очень спокойный и рассудительный офицер, требовательный к себе и к подчиненным командир. Бойцы и офицеры любили его, он служил для них примером. Дивизия под командованием К. В. Билютина в составе 34-го стрелкового корпуса участвовала в прорыве обороны врага в районе города Змиева. В июне 1943 года К. В. Билютину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Много героических подвигов совершили советские воины в боях за Харьков. Выдающуюся роль здесь сыграли и наши слабые разведчики. Как известно, во время обороны большая и сложная работа ложится на разведку. От ее действий во многом зависел и успех готовящегося наступления.

Наша разведка с самого начала действовала очень успешно, в особенности по захвату так называемых «языков». Действия разведки были настолько ощутимы, что вскоре фашисты не на шутку переполошились. Они организовали круговую оборону, наводнили всю местность против нашего корпуса специальными подразделениями со сторожевыми собаками. Захватить «языка» стало теперь практически невозможно. Но командование армией не случайно ставило в пример всем частям и соединениям разведчиков 34-го корпуса. Они нашли выход из создавшегося положения.

Однажды ночью солдат-разведчик доставил в штаб пленного немца. Гитлеровец был настолько ошеломлен и перепуган, что, казалось, лишился способности говорить. Только спустя некоторое время пленный пришел в себя и обрел дар речи.

— Мы с унтер-офицером, — говорил гитлеровец, — были в дзоте у своего пулемета. Вдруг вблизи послышался какой-то непонятный шум. Унтер-офицер немедленно вышел узнать, в чем дело. Но через минуту в дзот вскочил русский солдат. Он сорвал с моей головы пилотку, засунул ее мне в рот, моментально связал руки, набросил на голову мешок, повалил на землю и поволок. Все произошло так быстро, что я не успел глазом моргнуть. Я был буквально парализован внезапным появлением русского и потерял всякую способность сопротивляться...

Новая тактика наших разведчиков заключалась в том, что

они стали действовать в одиночку. Используя ночную темноту, воины незаметно проникали в траншеи врага, убивали ножами встретившихся на пути фашистов и овчарок, захватывали пленных и уводили их в свои траншеи. Наиболее отличился солдат-разведчик, который первым взял «языка» из немецкого дзота. За эту операцию он был награжден высокой правительственной наградой — орденом Красного Знамени. К сожалению, я не запомнил его фамилию. Знаю только, что он был уралец.

Навсегда останутся в памяти героические дела саперов. Однажды командующий фронтом поставил перед нашим корпусом боевую задачу: взорвать в тылу противника мост через реку Мжу, который находился на коммуникациях между двумя укрепленными узлами гитлеровцев: в Змиеве и Эсхаре. Мост усиленно охранялся. Взорвать его было нелегко. Командование поручило выполнение этой задачи отделению саперов.

Помню, воины под покровом ночи пересекли передний край, добрались до моста и на рассвете взорвали его. В лагере врага возник невообразимый переполох. Гитлеровцы прочесали всю местность, прилегающую к мосту, прощупали каждый кустик, каждую пядь земли за много километров от места взрыва. Но смельчаки словно в воду канули. Фашисты не могли даже напасть на их след.

А советские воины, выполнив боевое задание командования, не спешили уходить. Они действительно здесь же у взорванного ими моста «канули» в воду, покрытую густым камышом. Саперы спрятались там, где гитлеровцы и не подумали их искать. Когда же тревога улеглась, советские воины выбрались из воды. Им удалось незаметно пробраться в небольшое село. Там их укрыла одна колхозница. Бойцы просушили одежду, отдохнули и отправились в обратный путь.

Саперы проявляли большую изобретательность и находчивость. Например, корпусной инженер очень успешно инсценировал из досок, дерна и котелков с бензином «места сосредоточения танков». Введенный в заблуждение противник усердно бомбил эту «цель».

Хочется рассказать о том, как был осуществлен прорыв сильно укрепленной вражеской обороны в районе Змиева. Эта операция значительно ускорила и облегчила освобождение Харькова от фашистских захватчиков.

Наш 34-й стрелковый корпус находился на стыке двух фронтов: Юго-Западного и Степного. Это повышало ответственность личного состава за состояние обороны данного района. Пришлось немало поразмыслить над тем, как лучше осуществить прорыв вражеской обороны с самыми минимальными потерями. Мы от-

казались атаковать врага в лоб: его оборона была достаточно крепка, и наши войска понесли бы большие потери в живой силе и технике, потеряли много времени, что дало бы возможность противнику подтянуть резервы. Необходимо было предпринять хитрый маневр, который ошеломил бы гитлеровцев, спутал, как говорится, все их карты.

Дело в том, что во всей оборонительной системе немцев на Харьковском направлении главную роль играли Змиевской и Чугуевский укрепленные узлы. Выбить оттуда противника — значит, открыть себе путь на Харьков и выйти на тактический простор Приднепровья. Поэтому в основу плана был положен молниеносный захват Змиева обходным путем. Прорыв осуществлялся в двух направлениях: у станции Эсхар и под Коробовым Хутором. Войска, прорвав оборону немцев у станции Эсхар, делали стремительный марш по тылу врага через большой лесной массив и выходили к Змиеву с севера, обойдя и, таким образом, парализуя всю мощную северо-восточную и восточную оборонительную систему противника.

План был успешно осуществлен. Когда внимание врага было отвлечено боями за Змиев с севера, группа наших войск под Коробовым Хутором форсировала реку Северский Донец и обошла город с юга, парализовав юго-восточную укрепленную полосу гитлеровцев. Вся эта операция осуществлялась двумя стрелковыми дивизиями, за которыми с занятого нами плацдарма в наступление пошла целая армия. Еще раньше, во время наступления, корпусу дали захваченное у немцев оружие — пушки, гаубицы. Из этих трофейных орудий наши воины быстро научились метко стрелять по огневым точкам и различным целям вражеских позиций.

Осуществляя прорыв, командование корпуса решило вместо специальной подготовки вести обычный обстрел обороны врага из трофейных орудий. В то же время намечалось широко применить и стрелковое оружие.

Итак, ведя огонь по вражеским позициям из кочующих трофейных орудий, мы начали форсирование Северского Донца в районе Эсхара. Штаб нашего корпуса под командованием полковника Германа работал творчески, быстро и очень точно. Саперы приготовили в достаточном количестве лодки и плоты, и теперь они были использованы для переправы войск через Северский Донец. Как и предполагалось, враг был застигнут врасплох. Гитлеровцы опомнились слишком поздно, когда через реку уже переправилось несколько наших батальонов.

С одним из первых стрелковых батальонов в атаку шел заместитель командира корпуса по политической части полковник

Челядинов. Это был храбрый офицер. Во время наступления он всегда находился в боевых порядках передовых стрелковых подразделений и всю политработу направлял на выполнение боевых заданий корпуса. Следует подчеркнуть, что не только Челядинов, но и все политработники корпуса и даже работники юстиции были в боевых порядках стрелковых рот и батальонов, личным примером увлекали воинов в бой, героически сражались с врагом. В первых рядах атакующих шли коммунисты, комсомольцы.

В наступление двинулась 152-я стрелковая дивизия под командованием очень способного и опытного командира генерал-майора Каруна (впоследствии погиб под Днепропетровском).

Войска опрокинули врага, глубоко врезались в его оборону и начали успешно продвигаться вперед. В это время 6-я Краснознаменная Орловская стрелковая дивизия под командованием Героя Советского Союза гвардии полковника Билютина сосредоточилась для атаки у Коробова Хутора.

Собрав у двух исходных пунктов для прорыва вражеской обороны эти две дивизии, мне пришлось оставить между ними никем не занятое пространство в 35—40 километров и расположить свой наблюдательный пункт северо-восточнее села Шелудьковки. При мне имелась всего-навсего комендантская команда штаба корпуса и батарея зениток для прикрытия. Конечно, это было рискованно. Ведь оставалось открытым большое пространство фронта. Но иного выхода не было, тем более что 228-я стрелковая дивизия под командованием полковника Куликова, входившая в 34-й стрелковый корпус, обороняла участок влево, до Балаклен.

Наступление 152-й дивизии неожиданно приостановилось. Мне пришлось покинуть наблюдательный пункт и поехать в Эсхар, чтобы помочь командиву исправить положение. Вскоре наши войска возобновили продвижение вперед. Умелую распорядительность на переправе проявили подполковники Кривобок и Краснов. Войска опрокинули сопротивляющегося врага, совершили быстрый марш по густому лесу и вышли к северной окраине Змиева. Здесь завязались упорные бои. Гитлеровцы стали спешно перебрасывать сюда войска, оголяя юго-восточный участок своей обороны.

В это время 6-я дивизия, воспользовавшись пешеходным мостиком на поплавах, который быстро навели саперы, форсировала Северский Донец, прорвала на узком участке оборону врага и стала обходить город с юга. Была отрезана и парализована вся юго-восточная укрепленная полоса гитлеровцев с противотанковыми сооружениями, естественной крепостью —

неприступной возвышенностью, минными полями, проводочными заграждениями, со всеми мощными огневыми средствами.

Осуществив прорыв обороны врага и заняв Змиев, корпус создал плацдарм для успешного наступления наших войск. С этого плацдарма 46-я армия под командованием генерал-майора Глаголева развернула наступление.

От захваченных в плен гитлеровцев стало известно, что в селе Тарановке, в четырех километрах на запад от Змиева, сосредоточивается 15-я танковая дивизия, переброшенная из Франции. Завязались ожесточенные бои. Фашисты бросили на 46-ю армию не только танковые части, но и эскадрильи бомбардировщиков. Все же враг уже не смог остановить могучего наступления советских войск.

34-й стрелковый корпус при помощи реактивных установок — «катюш» овладел Большой Гомольшей, южнее Змиева, расположенной на возвышенной местности. Но дальнейшее наше продвижение застопорилось. На высоте восточнее Большой Гомольши путь преградили «фердинанды». Побывав на высоте, я убедился, что наши 76-миллиметровые пушки бессильны против лобовой брони «фердинандов», маневрирующих лишь вперед и назад, без разворотов. Пришлось приказать вытащить на высоту батарею гаубиц. «Фердинанды» были остановлены. Наступление продолжалось.

Корпус захватил у фашистов склад мин. Наши минометчики приспособили их к батальонным минометам и стреляли ими по врагу. В стремительном наступлении, когда подвозка боеприпасов не всегда была своевременной, эти мины весьмагодились.

Затем завязался упорный бой за населенный пункт Верхний Бишкин. В этом бою героически сражались наши танкисты.

23 августа Харьков был освобожден советскими войсками. Участие 34-го корпуса в этой операции отмечено приказом Верховного Главнокомандования.

О боевых действиях 34-го стрелкового корпуса рассказывалось 24 августа 1943 года на страницах газеты «Правда». Статья за подписью военных корреспондентов «Правды» Я. Куприна и Д. Акульшина называлась «Умелый маневр». Сегодня эта статья — уже исторический документ. Поэтому воспроизвожу ее целиком.

«Этот участок фронта, — писала «Правда», — был флангом битвы за Харьков, которая сегодня увенчалась блестящей победой советского оружия. Еще вчера здесь гремел бой. Кругом свежие воронки, подпалины от мин, посеченные деревья и кустарники. Всюду валяются стреляные гильзы, разбитые ящики

из-под немецких гранат, рассыпанные патроны и снаряды. У обочины дороги громоздятся целые штабеля миц, извлеченные нашими саперами. По крутому спуску к Донцу бредут партии пленных немцев. Бой передвинулся на запад, откуда доносится рокот пулеметов, раскаты орудийных залпов. На горизонте вилны облака дыма и пыли, обозначающие передний край.

Мы — на отобранной у немцев высоте. Отсюда как на ладони виден город Змиев, раскинувшийся в углу, образованном от слияния реки Мжи с Северским Донцом. В другом смежном углу — железнодорожная станция Змиев с рабочим поселком и западнее — большой лесной массив.

Оттуда был нанесен наш удар по врагу. Змиев был вторым после Чугуева укрепленным узлом немцев, охранявшим важные подступы к Харькову. Немцы называли Змиев с его окрестностями «неприступным фортом». Здесь правый берег Северского Донца представляет собой возвышенную гряду, поросшую густым дубняком и орешником. Скаты ее обрывисты. Сама природа создала в этих местах длинный эскарп с отвесными кругами высотой до 15—20 метров. От их подножья на восток тянется широкая открытая долина, прорезанная Донцом, множеством лиманов и заболоченными лугами.

«Языки», захваченные перед боем, рассказывали на допросах о большой насыщенности немецкой обороны огневыми средствами. То же самое подтверждали наши разведчики. Вся сложная система огня, построенная здесь противником, предназначалась для прикрытия подступов к городу с юго-востока.

Донец был форсирован севернее — там, где немцы меньше всего ожидали. Одна наша часть, внезапно появившаяся на правом берегу, начала обтекать всю вражескую оборонительную полосу с фланга. Немцы были выбиты из прибрежных населенных пунктов: Зидьки, Замостье и станции Змиев. На этом участке враг упорно сопротивлялся, но удержать наступающих не мог.

Наши бойцы продвинулись вперед, обходя неприятельские укрепления с тыла. Немцы бросили в контратаку все, что было у них под рукой во втором эшелоне, надеясь ударом по правому флангу смять наше подразделение, прорвавшееся к берегу реки Мжи. Но командир части, совершив свой смелый маневр, предвидел это и усилил фланги. Контратакующие немецкие автоматчики и саперы были встречены сильным пулеметным и минометным огнем.

Отбивая атаки с фланга, наши бойцы одновременно начали форсировать реку Мжу. Преодолев ее, передовой отряд зацепился за северо-западную окраину города. Здесь он использо-

вал развалины спиртоводочного завода и перешел к обороне. Немцы поспешно стали перебрасывать сюда подкрепления, снимая их с соседнего участка южнее Змиева. На северо-западной окраине города завязались рукопашные бои.

Перегруппировка фашистских войск не ускользнула от наших разведчиков. Они установили, что немцы ослабили свою оборону южнее города. Этим и воспользовалось наше командование и ввело в действие другие части. Они форсировали Северский Донец и с малыми потерями преодолели укрепленную полосу немцев. Затем, выйдя на правобережные высоты, части начали обтекать город с юга на север.

Это был хорошо продуманный ход. Все немецкие дзоты и окопы, минные поля и проволочные заграждения, тянувшиеся на юг, были так же обойдены, как и с севера. Клещи вокруг сильно укрепленного узла немцев на Донце неумолимо сжимались.

Враг заметался. Он не мог воспользоваться своими усовершенствованными укреплениями, а артиллерия его была бессильна что-либо сделать. Все перемешалось. Создававшаяся долгими месяцами немецкая оборона с большой огневой насыщенностью оказалась бесполезной, а силы, оборонявшие город, — под угрозой окружения.

Наши части занимали улицу за улицей. Немцы пытались вырваться, отступив на запад, но им наперерез уже вышли наши бойцы. Клещи замкнулись. Бой был короток. Немцы потеряли только убитыми до 500 солдат и офицеров, много военной техники. Мы захватили 500 пленных, 5 складов боеприпасов и много других трофеев.

С освобождением Змиева наши войска вышли на тактический простор и стали успешно продвигаться на запад. Немецкие резервы, шедшие на помощь Змиевскому гарнизону из глубины, уже не смогли остановить их.

Фланговый удар, наносившийся нашими войсками в направлении Харькова, развивался. Это была осязательная поддержка частям, дравшимся за освобождение второй столицы Украины.

Много лет прошло с тех пор. На месте жестоких боев вырос новый лес, изгладились рвы и траншеи, заросли травой воронки от бомб и снарядов, ликвидированы разрушения и построены новые дома, выросло новое поколение людей, которое узнает о суровых днях Великой Отечественной войны по книгам и воспоминаниям ее участников. Но никогда не забудутся, навсегда останутся в нашей памяти те боевые дни. Вечно живой будет память о героях, не щадивших ни крови, ни жизни во имя победы над врагом, во имя свободы и величия любимой социалистической Родины.

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

БОИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ Харькова в 1943 году, по существу, начались с того момента, когда наши войска разгромили в Курской битве сильные немецко-фашистские группировки на Орловском и Белгородском направлениях и сами перешли в наступление.

После провала наступательных действий на Курской дуге гитлеровское командование потребовало от своих войск любой ценой удержать Харьковский район и город Харьков. На этот важнейший участок фронта были возвращены несколько танковых дивизий, ранее переброшенных отсюда против советского Юго-Западного фронта.

На Белгородско-Харьковском направлении гитлеровцы создали на выгодных рубежах ряд оборонительных полос, сильно укрепив их в инженерном отношении. Перед оборонительными рубежами и на всех дорогах они создали противотанковые и противопехотные минные поля. Боевые порядки пехоты противника были насыщены противотанковой артиллерией, штурмовыми орудиями и танками. Весьма активно действовала и немецкая штурмовая и бомбардировочная авиация.

Таким образом, войскам Степного фронта под командованием генерал-полковника И. С. Конева, находившимся на Белгородско-Харьковском направлении, пришлось действовать в сложных условиях. Наш 1-й механизированный корпус входил в состав войск Степного фронта, находясь в подчинении командующего 53-й армией генерала И. М. Манагарова, которая наступала в первом оперативном эшелоне фронта и наносила удар в обход Белгорода и Харькова с запада.

За первые три дня боев с немецко-фашистскими захватчиками войска корпуса самостоятельно и во взаимодействии с другими соединениями армии продвинулись на 23 километра, освободили 15 населенных пунктов, а к исходу дня 5 августа механизированные бригады под командованием подполковников С. Д. Миронова, С. Н. Горбунова и В. В. Ершова заняли Грязное, Красное и командную высоту на шоссе Белгород — Харь-

ков. Выйдя на этот рубеж, механизированный корпус преградил путь отхода немецко-фашистским войскам из Белгорода по шоссейным дорогам. Гитлеровцы начали поспешно отступать на юг по долине реки Северский Донец. 5 августа Белгород был полностью очищен от фашистских оккупантов.

От Белгорода корпус продолжал наступать в полосе между железной и шоссейной дорогами Белгород—Харьков. Двигаться приходилось по долинам рек с сильно заболоченными берегами, многие участки были заминированы противником. К тому времени прошли сильные грозовые дожди, дороги раскисли и стали труднопроходимыми для автотранспортных средств. Все это резко снижало маневренность войск и темп наступления.

На пути продвижения вперед корпус должен был овладеть крупным населенным пунктом Микояновкой. В нашем первом эшелоне наступали две механизированные бригады. Третья, южнее Белгорода, продолжала вести бой с вражескими войсками, которые отходили от города и стремились прорваться на шоссе Белгород — Харьков. На эту бригаду возложили задачу — обеспечивать левый фланг корпуса. Танковую бригаду оставили во втором эшелоне, она перемещалась вслед за механизированными частями в направлении Грязного.

Наступление развивалось очень медленно. Пехота противника, усиленная тяжелыми танками и самоходными орудиями «фердинанд», оказывала нам упорное сопротивление. Обойти опорные пункты врага было трудно из-за глубоких оврагов и заболоченных пойм рек. Чтобы повысить темп наступления, усилили первый эшелон танковой бригадой под командованием полковника С. И. Хилобока. Она была введена в бой из-за левого фланга механизированной бригады в направлении Микояновки с задачей прорваться в тыл противника и нанести удар с востока по его группировке, действовавшей в районе Микояновки.

К исходу дня 6 августа наш танковый полк с десантом мотопехоты занял Долбино в 7 километрах севернее Микояновки. При этом танкисты уничтожили три тяжелых танка, три противотанковых орудия, две бронемшины, четыре станковых пулемета и до 100 солдат и офицеров противника. Особенно отличился в боях экипаж коммуниста лейтенанта В. В. Середина. Герои-танкисты на горящей машине атаковали врага и огнем с ходу уничтожили три вражеских танка. А орудийный расчет комсомольца Маркина отразил контратаку взвода тяжелых танков противника и отстоял рубеж, занятый мотопехотой бригады. Наступление продолжалось и ночью. На рассвете 7 августа мы захватили аэродром противника вместе с четырьмя

боевыми самолетами, которые не успели подняться в воздух. Эту операцию блестяще выполнила группа разведчиков в составе Антона Пикунова, Григория Литвиннова, Николая Шиша, Сергея Губеженского. Ворвавшись под покровом ночи на вражеский аэродром, смельчаки захватили пушку и открыли из нее огонь. На аэродроме поднялась невообразимая паника. Не понимая, в чем дело, гитлеровцы, как очумелые, метались по летному полю. Побросав оружие и снаряжение, так и не успев поднять в воздух самолеты, они бежали с аэродрома.

Весть об этом удачном дерзком налете немедленно стала известна всему личному составу корпуса. Политработники и агитаторы, рассказывая о героическом поступке разведчиков, призывали всех воинов следовать их примеру, действовать так же бесстрашно и находчиво.

7 августа была занята Микояновка. Корпус продвинулся на 14 километров, освободил 16 населенных пунктов и 3 железнодорожные станции, среди них станцию Наумовку.

По мере нашего приближения к Харькову сила сопротивления врага нарастала. Чтобы ускорить наступление, надо было во что бы то ни стало прорваться в тыл противника и обойти его сильные арьергарды, преграждавшие нашим наступающим войскам путь вдоль железной и шоссейной дорог Белгород — Харьков. Чтобы добиться этой цели, мы создали ударную группу в составе танковой бригады, отдельных мотоциклетного, мотострелкового батальонов и истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Ее возглавил заместитель командира корпуса по строевой части Герой Советского Союза полковник Дмитрий Дмитриевич Погодин. Ударная группа должна была прорваться из района Микояновки в направлении Петровки, Журавлевки, совхоза «НКВД», овладеть Дергачами и отрезать путь отхода противнику на Харьков.

Несмотря на решительные и смелые действия ударной группы, ей, однако, не удалось прорваться во вражеский тыл. К исходу дня 8 августа она заняла лишь Долбнивку, в четырех километрах юго-восточнее Казачьей Лопани. Но все же выход группы в этот район облегчил механизированным бригадам борьбу за Казачью Лопань.

В бою за этот населенный пункт особенно смело и решительно действовал мотострелковый батальон под командованием капитана А. Н. Шилиева, сумевший скрытно, по балкам, обойти село с запада, ворваться в его центр и быстро занять выгодные позиции.

Противник, силы которого значительно превосходили наши, пытался уничтожить прорвавшихся до подхода всей бригады.

Его артиллерия и минометы вели губительный огонь. В атаку двинулись танки врага, за ними шла пехота. Но наш батальон не дрогнул. Бронбойщики отделения сержанта В. М. Прилубщикова меткими выстрелами из противотанковых ружей подбили несколько вражеских танков, заставив остальных повернуть назад. Отлично действовали в этом бою и наводчики В. П. Храбцов и Я. С. Панкратов.

Снова и снова бросались гитлеровцы под прикрытием танков в атаку, и каждый раз советские воины заставляли их отступить. Когда казалось, что нет уже сил выстоять против бешеного натиска врага, на самых опасных участках появлялся командир батальона капитан Шиляев. Его спокойствие и мужество ободряли бойцов. Батальон ни на шаг не отступил с захваченных позиций и удержал их до подхода остальных подразделений бригады. Но мотопехотинцы понесли тяжелую потерю — при отражении одной из атак пал смертью героя их отважный командир капитан А. Н. Шиляев.

В бою за Казачью Лопань отличились также танкисты взводов лейтенантов Л. Сороки, Н. К. Ломтева и младшего лейтенанта И. Н. Шишкина. Во время атаки они уничтожили минометную батарею и до ста гитлеровцев. Особенно смело действовал коммунист младший лейтенант И. Н. Шишкин. Его танк был подожжен вражеским снарядом, но он не покинул поля боя. На объятый пламенем машине отважные танкисты продолжали уничтожать противника, пока мотопехота не заняла северную окраину села. Много раз ходил в атаку танковый десантник старший сержант Н. М. Кудряшов. На его счету к тому времени был уже не один десяток уничтоженных вражеских солдат. Отличился он и в этом бою. Держась за скобу башни своего танка, Н. М. Кудряшов меткими автоматными очередями расстреливал минометные и орудийные расчеты противника. За отвагу, проявленную в боях, Кудряшов был награжден орденом Красной Звезды.

Водитель артиллерийского тягача красноармеец Санников в ходе наступления при смене огневых позиций артиллерии был ранен. Ему предложили срочно эвакуироваться в лазарет. Однако он категорически отказался и остался в строю до конца боя, пока Казачья Лопань не была полностью освобождена нашими войсками. Водители транспортных автомашин ефрейторы Елисеев и Хроменко под сильным артиллерийско-минометным огнем противника бесперебойно доставляли боеприпасы танковым подразделениям, ведущим бой за Казачью Лопань.

В результате смелых действий мотопехотинцев Казачья Лопань, превращенная в важный опорный пункт, была очищена от

фашистских захватчиков. За один только день боев 8 августа корпус продвинулся на 15 километров и освободил 15 населенных пунктов. Враг яростно сопротивлялся. Буквально каждый метр советской земли нам приходилось отвоевывать в жестоком бою. Помнится, в те дни в корпусной газете появилось стихотворение Б. Сейтакова «Вперед!»:

Пусть горьких слез не льет Огчизна-мать,
Покровы скорби ей не надевать.
Мы не позволим честь ее топтать!
Кто любит Родину свою —

Вперед!

Кто лежит в памяти зеленый луг,
Дым очага и детский смех вокруг,
Кто любит милую семью —

Вперед!

Нет, не на то нам жизнь дана,
Чтоб мертвым пеплом стала вдруг она!
Вперед, сквозь воздух, душный дочерна,
Сквозь дымовую кисею —

Вперед!

С призывом «Вперед!» части корпуса, как и все войска Степного и Воронежского фронтов, ломали сопротивление врага, освобождали землю Советской Украины. Стремясь ускорить продвижение, подразделения корпуса наступали днем и ночью. Причем днем танки с десантом автоматчиков действовали самостоятельно или совместно с мотопехотой и стрелковыми частями. Ночью же, как правило, боевые действия вели небольшие группы, которые не давали противнику возможности закрепиться на выгодных рубежах и старались проникнуть в его тыл.

Уже 9 августа наши механизированные бригады освободили населенный пункт Мироповку, заняли Камышеваху и вышли в район совхоза «НКВД», где завязали бои. Одну механизированную бригаду вывели во второй эшелон. За этот день войска корпуса продвинулись на 15 километров, возвратив свободу жителям многих населенных пунктов.

Но такой темп наступления никого не удовлетворял. Поэтому командующий 53-й армией генерал-майор И. М. Манагаров приказал корпусу в 5 часов 10 августа сосредоточиться и в 8 часов атаковать противника на рубеже южнее Мироновки, Безруковки и, развивая наступление в направлении Полевое — Коротич, к исходу дня овладеть населенным пунктом Коротич. Тем самым пути отхода противнику из Харькова на запад были бы отрезаны. Корпусу предстояло прорвать вражескую оборону и за день преодолеть до 40 километров.

Поскольку на перегруппировку войск и подготовку прорыва отводилось всего лишь три часа, а также учитывая очень пло-

хое состояние размытых дорог, командование корпуса решило использовать в первом эшелоне только две механизированные бригады, которые находились вблизи новой полосы наступления. На правый фланг для действий южнее Мироновки выводилась механизированная бригада, действовавшая на южной окраине. Она перегруппировывалась несколько восточнее для наступления на Безруковку. Таковая бригада из района совхоза «НКВД» перемещалась для наступления во втором эшелоне, куда также передвигалась в полосу наступления корпуса для действий во втором эшелоне еще одна бригада.

Несмотря на все наши усилия, задачу, поставленную перед корпусом, в первый день выполнить не удалось. В течение 10 августа наши части, ведя ожесточенные бои, продвинулись лишь на 5 километров. Особенно сильное сопротивление противник оказал южнее Мироновки, где вела бой одна наша механизированная бригада. Ее бойцы и офицеры героически сражались, стараясь прорваться в тыл врага, и в начале боя добились некоторого успеха. Так, рота под командованием героя многочисленных танковых атак коммуниста капитана Матвея Нестеровича Бортовского прорвала оборону противника и, ведя огонь из танков на ходу, разгромила до батальона его пехоты. Враг танковой контратакой старался выбить роту Бортовского. Но наши танкисты, воодушевляемые отважным командиром, огнем с места подбили пять танков гитлеровцев, а остальные обратили в бегство. Особенно метко поражал огнем немецкие танки экипаж лейтенанта Кузнецова.

Смело и решительно действовали в этом бою также мотострелковые подразделения. Например, батальон под командованием старшего лейтенанта Пахомова, используя успех танкистов, ворвался в траншеи противника и в рукопашном бою уничтожил до 100 гитлеровцев и 48 взял в плен. Батальон во главе с капитаном В. И. Башлыковым гранатами уничтожил 95 вражеских солдат и офицеров. Здесь особенно отважно дрались сержанты Валериев, Козлов, Цыганков, рядовые Мерзляков, Шейчаков. Младший сержант Цыганков, тяжело раненный, продолжал оставаться в строю до тех пор, пока подразделения батальона вместе с танковой ротой Бортовского не отразили вражеской контратаки и не закрепились на захваченном рубеже. Одна наша бригада при содействии стрелкового соединения заняла 10 августа Безруковку.

С утра следующего дня для наращивания сил бригад первого эшелона мы ввели в бой в направлении Полевого танковую бригаду. Однако и после этого наступление шло очень медленно. Войска за день продвинулись незначительно и были останов-

лены сильным огнем противника, который укрепился на заранее подготовленных позициях.

С 11 до 19 августа наш корпус вел наступление в тесном взаимодействии с войсками первого оперативного эшелона. Враг особенно сильно сопротивлялся на заранее подготовленном к обороне рубеже: высоты в 5 километрах северо-западнее Полевого — северная опушка леса в 2 километрах от Полевого — высота в 1 километре юго-западнее Дергачей. Все попытки прорвать вражескую оборону на этом рубеже оказались безуспешными. Тогда командующий 53-й армией И. М. Манагаров принял очень смелое решение: скрытно вывести всю пушечную артиллерию и часть танков на огневые позиции для стрельбы прямой наводкой. Артиллерия и танки, подготовленные в дневных условиях для стрельбы прямой наводкой, должны были с наступлением темноты по общему сигналу одновременно открыть огонь по обороне противника. Разгром вражеских войск предполагалось завершить ночной атакой.

Замысел командующего армией полностью удался. Ночной удар советских войск ошеломил противника. Его оборона была прорвана. Войска корпуса во взаимодействии с двумя стрелковыми дивизиями 19 августа с боем овладели юго-западной опушкой леса восточнее Пересечной.

В этот день снова отличились танкисты роты капитана М. Н. Бортовского. Огнем и гусеницами своих танков они громили врага, расчищая путь мотопехоте. Успешно действовали и артиллеристы. Батарея артиллерийского дивизиона механизированной бригады успешно отразила контратаку вражеских танков в лесу южнее Полевого. Героически сражались в этой батарее парторг Толяренко и командир орудия Пуков. Они умело вели огневое состязание с вражескими танками, расстреливая их буквально в упор.

Ночной атакой мотопехота корпуса заняла крупный населенный пункт Пересечная и с ходу преодолела реку Уды. При форсировании реки большую отвагу проявили саперы Бабиц, Кручков, Апищенко. Под непосредственным руководством командира роты капитана М. П. Зайцева под сильным артиллерийско-минометным огнем противника саперы быстро навели переправу для танков и орудий. Благодаря этому танковые части и артиллерия без задержки преодолели реку. Плацдарм на ее западном берегу был не только удержан, но и расширен.

21 августа командующий 53-й армией приказал механизированному корпусу, продвигавшемуся от Пересечной в западном направлении, повернуть фронт наступления на юг, овладеть

районом Люботина, Коротича и отрезать пути отхода противнику на запад. Перегруппировка корпуса проводилась под огнем противника, который продолжал занимать высоты западнее Пересечной. Это сильно затрудняло перемещение войск.

Три дня мы ожесточенно дрались с фашистами, выдвинувшими против нас мощный танковый заслон. Особенно прочно враг занимал высоты севернее станций Люботин, Коротич. На этом рубеже гитлеровцы сосредоточили большое количество огнеметов. Но несмотря на сильное сопротивление врага, к утру 22 августа бригады корпуса вышли к шоссе Харьков — станция Люботин. Дальше продвинуться мы не смогли. Правда, одной танковой роте все же удалось прорваться в Коротич. Однако остальные силы не сумели своевременно использовать этот успех, и танковая рота оказалась в очень тяжелом положении. Она сражалась в тылу врага, пока не были выведены из строя все танки.

Несмотря на все усилия, гитлеровцам не удалось удержать в своих руках Харьков и Харьковский район. Войска Степного фронта во взаимодействии с другими фронтами разгромили врага и очистили от фашистской нечисти большую территорию Советской Украины. 23 августа был освобожден и Харьков.

Более двух недель, с 6 по 23 августа, наш механизированный корпус вел непрерывные бои на подступах к Харькову. За это время мы прошли около 100 километров и освободили от немецко-фашистских захватчиков 80 населенных пунктов. Войска корпуса нанесли гитлеровцам большие потери: уничтожили 132 танка и самоходно-артиллерийских орудия, 10 бронемашин, 35 артиллерийских и минометных батарей, 12 противотанковых орудий, 240 пулеметов, 36 самолетов, 151 автомашину, 58 мотоциклов, разрушили 24 дзота, убили 8211 гитлеровских солдат и офицеров, взяли в плен 580. В боях за Харьков многие подразделения и воины нашего соединения показали высокие образцы мужества и отваги. В те дни корпусная газета «В бой за Родину» напечатала такое четверостишие:

Пересей дороги атакой,
Врагу не дай подняться опять!
Каждая роща, каждая хата,
Каждое поле зовут: «Наступать!»

В простой, непритязательной форме стихи выражали главное — стремление каждого советского воина беспощадно громить врага, чтобы как можно быстрее очистить любимую Родину от фашистских захватчиков.

После освобождения Харькова корпус, продолжая успешно громить врага, стремительно продвигался к Днепру.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ НАВСЕГДА!

ДОБЛЕСТНЫЕ ЧАСТИ Красной Армии дважды освобождали Харьков от фашистских оккупантов — 16 февраля и 23 августа 1943 года. Оба раза я был в городе с первых дней его освобождения. Думаю, что воспоминания о тех незабываемых днях заинтересуют читателей, особенно молодых харьковчан.

До Великой Отечественной войны я работал первым секретарем Харьковского сельского райкома партии. В октябре 1941 года, когда нависла угроза захвата Харькова фашистскими войсками, я эвакуировался. Работал в Москве.

Наступил 1943 год. Красная Армия, разгромив врага под Сталинградом, быстро очищала советскую землю от захватчиков. Наступление наших частей было настолько стремительным, что уже к началу февраля оккупанты были изгнаны из ряда районов Украины.

9 февраля мне позвонили из ЦК КП(б)У, который в то время находился в Москве, и предложили подготовиться к отъезду в родные места. А 11 февраля вместе с большой группой партийных работников Украины я уже выехал специальным поездом из Москвы на Украину.

Среди пассажиров поезда были руководящие работники центрального республиканского аппарата и разных областей Украины. Наша харьковская группа насчитывала всего 27 человек: секретари обкома партии гг. Епишев, Петров, Лебедь, заведующий отделом пропаганды тов. Назаренко, секретари горкома партии гг. Чураев, Смирнов, зав. отделом пропаганды тов. Пинчук, несколько секретарей райкомов партии и другие работники партийного и советского аппарата.

Поезд двигался очень медленно. Проехали разрушенный и еще безлюдный Воронеж, словно вымершие Лиски, полусожженный и полуразрушенный Острогожск. 16 февраля, будучи в пути, мы слышали по радио об освобождении Харькова. Радости нашей не было границ. Наконец 17 февраля прибыли на станцию Купянск — Узловой. Дальше поезда не ходили, так как

еще не восстановили мосты и не был перешит железнодорожный путь с немецкого на паш.

Наконец мы прибыли грузовой машиной в Харьков. С чувством глубокого волнения въезжали в родной город, который находился полтора года под пятой немецко-фашистских оккупантов. Трудно передать словами то, что мы увидели. Куда ни глянь — всюду грязь, сожженные и разрушенные дома, груды щебня и кирпича. Снег на улицах не убирался всю зиму, пройти можно было лишь по узким протоптанным тропинкам.

Возле здания городского Совета, сожженного захватчиками, нашу машину окружила большая толпа горожан.

— Откуда, товарищи? — спросил кто-то.

— Из Москвы.

— Цела ли Москва? Где сейчас правительство? Жив ли Калинин? Воюем ли мы с Японией? Что слышно насчет второго фронта? Что будет с теми, кто увезен в Германию? — забросали нас вопросами.

Толпа росла. Вскоре тут возник стихийный митинг. Мы по очереди выступали, рассказывали о текущем моменте, о советской действительности. Очень кстати прились захваченные нами газеты, журналы и кое-какая литература, которую мы тут же rozdali собравшимся.

В память врезался и такой эпизод того волнующего дня. Какая-то старая женщина, пробившись сквозь толпу, подошла к нашей машине и дрожащей рукой протянула мне пачку папирос. Это был не обычный подарок... Подумать только, более полутора лет сохраняла старушка нераспечатанной довоенную пачку папирос «Харьков» с изображением главного почтамта. Такое внимание тронуло нас до слез.

Вечерело. Над городом быстро сгущались сумерки. Но нигде не видно было ни одного освещенного окна, ни одного зажженного фонаря на улицах. Город словно вымер.

Обком партии разместился в небольшом одноэтажном домике по улице Фрунзе, возле политехнического института, где до войны располагался детский сад. В период немецко-фашистской оккупации этот особняк занимал какой-то крупный фашистский чиновник, поэтому здание довольно хорошо сохранилось. В ту же ночь состоялось заседание бюро обкома партии, на котором был намечен план работы.

Я получил назначение исполнять обязанности секретаря Дзержинского райкома партии и председателя райисполкома. Никаких помощников мне не дали. Их надо было находить самому. С чего же начинать? Как укомплектовать аппарат райкома партии и райисполкома?

Времени для размышлений не было. Нужно было действовать, поднимать народ на строительство оборонительных рубежей вокруг города, восстановление городского хозяйства, организовать помощь армии.

На второй день ко мне, в райком партии, разместившийся в Доме табачников, возле Госпрома, буквально повалил народ. Приходили разные люди: рабочие и служащие, инженеры и врачи, учителя и домохозяйки. Они предлагали свои услуги, требовали работы. Разбираться подробно в деловых качествах каждого из них не было времени. Подходя к каждому посетителю чисто интуитивно, я после краткой беседы тут же назначал его на работу. За сравнительно короткий срок укомплектовал таким образом отделы райисполкома: жилищный, коммунальный, народного образования, здравоохранения, торговый и даже финансовый.

Познакомился с состоянием хозяйства в районе. Картина была безотрадной. Много домов было разрушено до основания, в чудом уцелевших выбиты стекла, рамы, двери, выломан паркет, который, видимо, пошел на топку.

В жилых квартирах обогревались железными печками или наскоро слепленными на паркете кирпичными плитками. Копоти и грязи хоть отбавляй. Водопровод не работал, об электрическом освещении нечего и говорить. Большинство школьных и институтских зданий фашисты разрушили или привели в негодность.

Ценой больших усилий нам удалось в течение нескольких дней открыть в районе пять школ, несколько детских садов и яслей, оборудовать три госпиталя для раненых бойцов Красной Армии. Начали работать даже две столовые, хотя никакого централизованного снабжения продуктами, конечно, еще не было. Быстро шло восстановление завода маркшейдерских инструментов.

С востока в город прибывали все новые группы людей. Дело пошло веселее. Работы по восстановлению разрушенного хозяйства расширялись. Но в городе почти не прекращалась стрельба, которая к ночи обычно усиливалась. Сейчас трудно сказать, кто стрелял. Оружия можно было тогда достать сколько угодно. До нас доходили слухи, что обнаружены отдельные спрятавшиеся немецкие автоматчики. Собственно, так оно и было в действительности. Фронт находился близко, в город просачивались шпионы и диверсанты. Агентура врага распространяла среди населения провокационные слухи.

Работать и жить приходилось в трудных условиях. Помню, когда 8 Марта в Театре оперы и балета шло торжественное засе-

дание, на котором присутствовали ответственные работники ЦК КП(б)У и правительства Украины, немцы начали бомбежку города. Бомбардировщики группами по девять «юнкерсов» заходили со стороны Шатиловки и обрушивали свой смертоносный груз на центр города...

Накануне Совинформбюро передало, что немцы, сосредоточив на узком участке фронта до 27 дивизий, в том числе 12 танковых, перешли в контрнаступление и заняли Красноград, Лозовую и ряд других районов Харьковской области. Над Харьковом снова нависла угроза. Было получено указание начать эвакуацию. Тысячи харьковчан уходили из города, не желая второй раз оставаться на оккупированной территории.

Мы еще оставались в городе. Однако теперь приходилось в целях конспирации менять место своего нахождения. Обком партии перебрался в бомбоубежище под домом «Саламандра» на Сумской улице. Связь с обкомом поддерживалась через специальных посыльных.

В ночь на 10 марта мы все собрались в обкоме партии. Обстановка была тревожной. Всю ночь фашисты бомбили город, кругом полыхали пожары. 10 марта я и группа товарищей находились в бомбоубежище под Госпромом. Связной, посланный мной в обком партии, возвратился и сообщил, что в «Саламандре» обкома уже нет. Нужно было решать, как быть дальше. Чтобы сориентироваться в обстановке, я вышел на площадь. Обратил внимание на усилившуюся стрельбу в стороне парка культуры и отдыха имени Горького. Вниз по Сумской улице бежали люди. Я пересек под углом площадь Дзержинского и стал подходить к Сумской. Немецкие бомбардировщики в это время усилили бомбежку района заводов и Московской улицы. Находясь во дворе ветеринарного института, я размышлял, же предпринимать.

Внезапно три немецких танка, стреляя на ходу, пронеслись вниз по Сумской улице. Воспользовавшись наступившей темнотой, я перебежал Сумскую, вышел на улицу Гиришмана и дальше по улице Красина спустился к реке. Кое-как перебрался на другой берег и направился в район заводов. В сторону ХТЗ двигались воинские части и гражданское население. Справа и слева полыхали пожары. В районе Селекционной станции я еще раз оглянулся на Харьков. Над городом стояло зловещее зарево, слышались разрывы бомб, грохот оружейных выстрелов. Трудно передать чувство горечи, с каким покидал я Харьков.

До Чугуева двигались под непрерывной бомбежкой врага. Утром 11 марта я был в Чугуеве, где уже собрались все работники обкома партии, секретари некоторых райкомов. Здесь со-

средоточилось много военной техники и воинских частей. Немцы обрушили на Чугуев бомбовой удар огромной силы. Бомбежка продолжалась непрерывно с вечера 11 марта до 9 часов утра 12 марта. Центр города был разрушен до основания, но мост через реку Северский Донец каким-то чудом уцелел. Наши части переправились на другую сторону реки и заняли прочную оборону по Северскому Донцу, которую фашистские полчища так и не смогли сломить.

После захвата немцами Харькова в марте 1943 года Харьковский обком и горком партии, а также областные и советские учреждения переместились в Купянск и сразу же развернули большую работу по восстановлению хозяйства в освобожденных районах и оказанию помощи частям Красной Армии. В то время мы располагали сравнительно большой территорией Харьковской области, освобожденной от немецко-фашистских захватчиков. В нее входили Щевченковский, Купянский, Двуречанский, Ольховатский, Боровской, Великобурлукский районы и часть районов Чугуевского, Изюмского, Балаклеевского, Змиевского, Старосалтовского, Печенежского и Савинского.

Наступила весна. Можно ли организованно провести посевную кампанию, если нет ни тракторов, ни лошадей, ни семян, а в деревнях остались только женщины да дети? Жизнь ответила на этот вопрос утвердительно. Посевная была проведена. Семена собирали буквально по килограммам у колхозников, как тягловую силу использовали коров. В чрезвычайно трудных условиях матери и жены солдат, их дети еще раз доказали, что они стоят своих мужей и отцов — бесстрашных воинов.

Вскоре я получил новое назначение — заведующим военным отделом обкома партии. В мою обязанность входило оказывать всемерное содействие воинским частям в строительстве фортификационных сооружений, мобилизуя для этого гражданское население. Основная связь у меня установилась с командованием 57-й армии, которая занимала участок фронта Волчанск — Чугуев. Командовал ею генерал-лейтенант Гаген, начальником штаба армии был генерал-майор Карпухин. Армия тщательно готовилась к прыжку через Северский Донец. С каждым днем наши части пополнялись новой боевой техникой.

Только я, что называется, освоился с новыми обязанностями, как вдруг в начале августа получил указание связаться с Военным советом 7-й гвардейской армии. В обкоме партии мне предложили немедленно следовать в распоряжение члена Военного совета этой армии генерал-майора З. Т. Сердюка и захватить с собой бригаду московских корреспондентов «Последних известий» Всесоюзного радиокомитета, прибывших в Купянск.

Вскоре мне стало известно, что перед армией, в которую я выехал, была поставлена задача овладеть Харьковом, тогда как 57-я армия должна была наступать южнее города и содействовать нашим войскам в его освобождении. Следовательно, части 7-й армии в числе первых ворвутся во вторую столицу Украины. А так как исторические события битвы за Харьков, первые дни освобожденного города следовало запечатлеть на магнитофонной ленте и киноплёнке, то меня, как хорошо знающего все дороги к Харькову и сам город, командировали сопровождать московских корреспондентов.

По пути в 7-ю гвардейскую армию мы побывали в нескольких авиационных частях, наносивших в те дни удары по врагу с воздуха: в полках штурмовиков майора Володи́на, у истребителей Героя Советского Союза майора Меркушева. Здесь мы узнали, что немцы уже приступили к эвакуации города, и теперь наши летчики бомбят отступающего противника в районах Ольшан и Люботина.

Штаб армии, куда мы следовали, находился в селе Веселом. Добираясь до него, переправились на правый берег Донца и вступили на территорию, недавно освобожденную от фашистских оккупантов. Первое селение, в которое вошли за Донцом, была деревня Избицкое. От нее остались только груды кирпича да торчащие кое-где обгорелые трубы. Все заросло высоким бурьяном. Ни одного жителя не осталось здесь.

Наконец добрались до села Веселого. Оно находилось от переднего края наших частей километрах в шестнадцати. Член Военного совета генерал-майор З. Т. Сердюк, которого я знал еще раньше, когда он был первым секретарем Киевского обкома партии, принял нас очень тепло. Вскоре мы перебазировались в район села Циркуны. Отсюда уже виден был Харьков. Над ним высоко поднимался черный дым пожарищ и по ночам стояло багровое зарево.

22 августа к нам на минуту заехал генерал-майор Сердюк и сказал: «Готовьтесь, завтра будем в Харькове». Всю ночь на 23 августа не смолкал грохот боя. В 4 часа ночи наши части вышли на площадь Дзержинского. В 14 часов 23 августа мы со стороны Циркунов въехали в Харьков. Бой продолжался где-то на восточной и юго-восточной окраинах города.

За 5 месяцев вторичной оккупации фашисты еще больше разрушили Харьков. Они сожгли и взорвали сотни лучших зданий, дочи́ста ограбили город, увезли даже трамвайные рельсы и троллейбусные провода, прихватили с собой мебель, оборудование магазинов, столовых, даже дрова.

Гитлеровцы дополнительно угнали на принудительные работы в Германию пятьдесят тысяч человек. Десятки тысяч харьковчан были расстреляны и повешены. На территории клинического городка, где находился госпиталь, фашистские изверги уничтожили 41 раненого командира Красной Армии, а около 400 раненых красноармейцев сожгли живьем в одном из корпусов окружного военного госпиталя.

Гитлеровцы разграбили и сожгли исторический музей и картинную галерею, взорвали и уничтожили гордость харьковчан — Дворец пионеров, гостиницы «Интернационал», «Красная», «Спартак», «Астория», здания военной академии, аэроклуба, обкома партии, Дома проектов, почтамта, железнодорожного вокзала. Из 33 институтов полностью были разрушены 28. Развалины стояли на месте крупных заводов и фабрик, электростанций, лучших больниц и поликлиник. Скверы и деревья, росшие на бульварах, были частично вырублены. Заросли бурьяном трамвайные линии. На площади Дзержинского в трещинах асфальта пророс бурьян. Были выведены из строя водопровод и канализация.

В городе осталось не больше 190 тысяч жителей. По далеко не полным данным, фашистские изверги расстреляли, повесили и замучили в концлагерях свыше 60 тысяч харьковчан, около 15 тысяч погибло от голода, более 150 тысяч человек гитлеровцы вывезли в Германию.

После освобождения Харькова нашими доблестными воинами немцы еще долго сопротивлялись на ближних юго-восточных подступах к городу. Они закрепились по реке Уды в районе Липовой Рощи, Карачевки, поселков Бабан и Хорошево. Почти неделю фашисты обстреливали город из дальнобойных орудий. Только 26 августа они выпустили по району, прилегающему к площади Дзержинского, около 50 снарядов.

Еще гремели залпы орудий в предместьях, еще на улицах рвались немецкие снаряды и бомбы, а в городе уже полным ходом развернулись восстановительные работы.

Казалось, потребуются десятки лет, чтобы залечить тяжелые раны, нанесенные Харькову фашистскими захватчиками. Но на восстановление города вышло буквально все население от мала до велика. Прежде всего пужно было освободить улицы от завалов разрушенных зданий, построить временные мосты через реки Харьков и Лопань, расчистить железнодорожный узел и подготовить его к приему поездов. Одновременно требовалось решить проблему снабжения жителей продовольствием. Временно была разрешена частная торговля. Открылись мелкие закулочные, буфеты, ларьки.

При активной помощи населения партийные органы успешно решали все эти задачи.

25 августа начала выходить областная газета «Соціалістична Харківщина». А уже 26 августа в некоторые областные и городские учреждения был дан электрический свет от прибывшего энергопоезда. В Харьков приехали правительственные республиканские учреждения — Совнарком, ЦК КП(б)У, наркоматы. 30 августа уже работали несколько государственных столовых и 6 кинотеатров, по городу были установлены громкоговорители. Впервые после долгого молчания харьковчане снова услышали голос родной Москвы. К 1 сентября было восстановлено железнодорожное движение Харьков — Москва через Белгород. Харьков начал получать из центральных областей продовольствие, строительные материалы. Открылись государственные магазины. 1 сентября в 50 школах Харькова начались занятия.

Интересы фронта требовали быстрее восстановления промышленности. Харьковчане хорошо понимали это. Уже во второй половине сентября заводы велосипедный, «Свет шахтера» и некоторые другие приняли заказы фронта. 28 ноября вступила в строй первая харьковская электростанция. 29 ноября по городу пошел первый трамвай. Не прошло и года, как на ХТЗ, разрушенном гитлеровцами до основания, была дана первая плавка стали, «Серп и молот» снова начал выпускать молотилки марки МК-1100, электромеханический завод дал первые после освобождения электромоторы. Начали выпускать продукцию и многие другие заводы. За один год было восстановлено свыше 300 предприятий города.

Харьковчане явились инициаторами ценного патриотического движения тех дней — движения добровольческих восстановительных бригад, действовавших под лозунгом: «Любите свой город, восстанавливайте его своими силами». Этот почин был подхвачен и в других городах Украины.

Восстановление Харькова еще раз наглядно показало всему миру, на что способны советские люди, глубоко любящие свою Родину, преданные Коммунистической партии.

ЗНАМЯ НА ЗАВОДСКОЙ ТРУБЕ

СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА взяли Белгород! Нашим стал и первый населенный пункт родной Харьковщины — Липцы. Фашистская погань вынуждена отступать с временно оккупированной территории. Все ближе и ближе Харьков.

Надо ли говорить, какую огромную радость испытывали мы, ступив ногой на родную украинскую землю! Громя гитлеровцев, наши войска захватили большие военные трофеи. Но особенно радостными были встречи с населением. Крепкие объятия, улыбки, слезы. С скромные по времени войны угощения были для солдат дороже самых изысканных блюд. Ведь несколько помидоров или, скажем, огурцов давали от чистого сердца. Люди делились последним, а попробуй отказаться...

Вспоминаются бои за Циркуны. Это была упорная и ожесточенная схватка, длившаяся 10—12 часов. Немцы не смогли устоять перед наступательным порывом советских бойцов и, понеся большие потери, откатились назад.

Краток солдатский отдых. Получив небольшое пополнение, продолжаем продвигаться в сторону Харькова.

На всю жизнь запомнился день 14 августа. Меня вызвал к себе командир полка майор Рудик. Иду к нему опушкой леса и вижу батарею «катюш». Командир батареи стоит с картой в руках перед прибором. Догадываюсь: будет наступление на Харьков. Оказалось, действительно, артиллеристы готовились вести обстрел городского парка имени Горького, где закрепились гитлеровцы.

Был яркий, солнечный день. Харьков был виден как на ладони. Командир батареи «катюш», узнав, что я местный житель, попросил уточнить координаты. Я охотно выполнил его просьбу. Чтобы убедиться в правильности моей корректировки, командир вызвал машину на линию огня и послал один снаряд в направлении цели. Вскоре самолет-разведчик доложил, что снаряд лег в центр парка. Командир батареи поблагодарил меня за помощь, и я направился дальше. На командный пункт к командиру полка, несмотря на непредвиденную задержку в пути, явился своевременно. Как и положено, доложил о прибытии. Зачем

меня вызывали, я мог строить только предположения: на войне бывают всякие неожиданности. Но то, что я услышал, превзошло все мои ожидания. Командир полка доверил моему взводу водрузить победоносное Красное знамя над родным Харьковом. Бойцы с радостью стали тщательно готовиться к выполнению почетного боевого задания. Не помню точно — 15 или 16 августа командир полка созвал всех командиров батальонов для точного указания на местности объекта атаки. Когда мы подползли под огнем противника к территории кирпичного завода, занятого гитлеровцами, командир полка приподнялся, чтобы показать объект. Это стоило ему жизни. Его убило осколком разорвавшегося снаряда. Это была вторая тяжелая утрата: в этот день погиб и начальник дивизионной разведки Васильев. Фашисты нелегально из самоходной установки, замаскированной между трубой и печью, с расстояния 150—200 метров. В минуту затишья мы вынесли тело командира полка из зоны обстрела и перенесли его в село Русские Тишки. Не успели дойти до санитарной роты, как немцы начали обстреливать население. Домик, в котором помещалась санрота, был разрушен прямым попаданием.

Мы похоронили майора Рудика в селе Циркуны. Смерть любимого командира еще больше сплотила нас. Бойцы горели желанием скорее освободить простирившийся перед ними город. 21 августа 1943 года был отдан приказ штурмовать Харьков.

Наш взвод хорошо понял свою задачу и без промедления приступил к ее выполнению. Подготовив ручной пулемет, знамя и древко, мы поползли к кирпичному заводу. Немцы открыли сильный огонь, но нам удалось ползком пробраться к сушилке кирпичного завода. Здесь разделились на две группы. Первая группа, в состав которой входил и я, проскочила к трансформаторной будке. Вторая группа по сушилке пробиралась к трубе. Ракеты освещали всю территорию завода. Мы отвлекали внимание фашистов пулеметным огнем, давая возможность товарищам идти вперед. При поддержке артиллерии, которая была по заводу и территории вокруг него, вторая группа продвинулась до трубы. За ней последовала наша группа. Территорию завода все время обстреливали фашисты. Добравшись, наконец, до трубы, мы установили, что наружных скоб нет. Разыскали ход в подвал, через который можно было пролезть в трубу.

Первым спустили в подвал на связанных поясах бойца Химченко. Прошло совсем немного времени, и мы услышали пулеметную очередь и звук падающего тела. Вторым полез сибиряк Васильев. Он появился на верхушке трубы, но и тут его срезала пулеметная очередь. Третьим просится идти подносчик дисков. Но я отдаю ему пулемет и спускаюсь в подвал сам. Взял у уби-

того бойца знамя, нашел выход в трубу. На ощупь нашел скобы и полез вверх все выше и выше, со скобы на скобу. Добрался до предпоследней скобы и подумал, что если стать на последнюю скобу, то я буду выше трубы. Пришлось продеть ногу в предпоследнюю скобу, а второй упереться в нижнюю. На самую верхнюю скобу хотел прикрепить древко флага, но на нем не оказалось тренчика. Долго не раздумывал: снял пояс и с его помощью прикрепил знамя.

Итак, над трубой кирпичного завода вновь развевается Красное знамя. Это было на рассвете 22 августа 1943 года.

Спустившись по трубе в подвал, я подобрал погибших товарищей и на поясах подал их тела наверх. Когда вышел из подвала, территория завода была полностью нашей. Здесь мы и похоронили двух погибших бойцов. К вечеру 22 августа наши подразделения освободили Б. Даниловку, достигли кожзавода. Дальнейшее продвижение затруднялось, ибо немцы заняли выгодные высоты. За кожзаводом они заминировали противотанковыми и противопехотными минами ров. Пока работали минеры, наши бойцы успели сделать на заборах и стенах зданий, освобожденных от врага, памятные надписи: «Здесь проходили тихомировцы».

Под сильным огнем гитлеровцев минеры разминировали проходы для пехоты. Артиллерия выбивала противника с высот. Наконец и из рва убраны мины. Пехота рванулась вперед и пошла в наступление вдоль Журавлевки. Шли по улицам Пушкинской, Артема, Чернышевской. Когда вышли на улицу Артема, я не мог не забежать к себе домой вместе со своими товарищами. Это было 23 августа 1943 года, под утро. Во дворе увидел соседей, которые вышли из убежищ. Первыми меня встретили с распростертыми объятиями тт. Певная, Лашкина, Болтрушка и другие. Вид у меня был, видимо, не лучше, чем у трубочиста, ибо соседи по квартире раздобыли несколько ведер воды и заставили меня умыться и привести себя в порядок.

У себя в квартире я застал столы с остатками еды — там была немецкая кухня. Совсем недолго побыл я дома. Попрощался с соседями и пошел вместе с бойцами.

Под сильным артиллерийским обстрелом фашистов наш полк, продвигаясь по улицам Пушкинской, Артема и Чернышевской, дошел до нынешнего сквера «Победа». Здесь осколком разорвавшегося снаряда я был тяжело ранен и отправлен в госпиталь.

Многие нелегких фронтовых дорог пришлось мне пройти до окончания Великой Отечественной войны. Многие события навсегда остались в памяти. Но воспоминания о знамени на заводской трубе, о мужестве и бесстрашии моих боевых товарищей живут в моей памяти, как одни из самых ярких.

ШТУРМОВЫЕ ГРУППЫ

В АПРЕЛЕ 1943 года после Сталинградской битвы нашу дивизию перебросили на Белгородско-Курское направление. В составе Степного фронта мы получили пополнение. Это были бойцы и офицеры, вернувшиеся после излечения из госпиталей. У них был уже богатый опыт боев с фашистскими захватчиками в самых различных условиях.

Командиры и политработники со всей тщательностью изучали состав пополнения. Они беседовали с каждым бойцом. Большую роль в воспитательной работе, в подготовке к грядущим боям сыграли дивизионная многотиражка и боевые листки. Личный состав прошел сложный курс обучения во взаимодействии с авиацией, танками. Подразделения были усилены противотанковыми ружьями, батальонной артиллерией, группами автоматчиков. В последних числах июля разведчики 656-го стрелкового полка ефрейторы Сидоренко и Ковалев, рядовой Рахимбаев захватили в плен «языка» — немецкого офицера. От него получены были важные сведения. Выяснить обстановку помогла и разведка боем.

И вот дивизия у исходных рубежей. Во взаимодействии с соседями мы завязали бои на подступах к Белгороду. Противник оказывал упорное сопротивление, но был сломлен и начал отступать.

Не прошло и двух суток после взятия города, а мы уже продвинулись на 23 километра и овладели рядом населенных пунктов. Впереди Харьков, жаркие сражения за освобождение второй столицы Украины.

Мне было приказано сформировать три-четыре штурмовые группы, способные вести бои на улицах, в домах. Эти группы затем свели в отдельный стрелковый батальон. Его обеспечили противотанковыми ружьями, гранатами, ручными пулеметами и автоматами. Храбро действовали бойцы штурмовых групп. Наполовину они состояли из коммунистов и комсомольцев. Большую политическую работу в батальоне провел заместитель начальника политотдела майор Слива.

Организация штурмовых групп оправдала себя, как и в Сталинграде. Батальон справился с задачей. Вместе со стрелковыми полками мы выполнили приказ об освобождении Харькова. За успешные действия, за мужество и отвагу многие бойцы и командиры дивизии удостоены были высоких наград — орденов и медалей СССР.

После освобождения Харькова наша дивизия продолжала успешное наступление и вела бои до окончательного разгрома фашистской Германии.

К МИРНОЙ ЖИЗНИ

ЗАПОМНИЛСЯ МНЕ конец дня 21 июня 1941 года. Вместе с большой группой партийных и советских работников я слушал лекцию о международном положении в большом зале обкома партии. После лекции мы еще долго обсуждали волновавший тогда всех вопрос — будет ли война с фашистской Германией. А на рассвете меня разбудил телефонный звонок.

— Началась, — сказал секретарь горкома партии Виктор Михайлович Чураев...

Десятки тысяч харьковчан уходили на фронт. А на смену им приходили женщины, старики. Люди работали не покладая рук, мужественно перенося все трудности и лишения.

Исполком горсовета с первого дня войны начал работу по защите города и его населения от налетов вражеской авиации. Активно действовал городской штаб МПВО. В боевую готовность были приведены инженерно-техническая и санитарная службы, а также службы укрытия населения, оповещения и другие. Срочно оборудовались бомбоубежища, в парках, скверах, во дворах больших домов рылись траншеи и щели. Все эти работы были успешно завершены до налетов вражеской авиации.

Одновременно подготавливались госпитали и помещения для приема населения, пострадавшего от бомбежек. Для этой цели оборудовались гостиницы, школы, институты. В связи с тем, что городской автотранспорт поступил в распоряжение армии, для доставки раненых с вокзалов в госпитали, развозки грузов, в частности муки для хлебозаводов, широко использовался электротранспорт.

Все службы МПВО работали по плану, утвержденному областным и городским комитетами партии и суженными исполкомами областного и городского Советов депутатов трудящихся. Особенно хочется отметить слаженные действия санитарной службы города, которой руководили заведующий горздравотделом тов. Сухарев и тов. Мерцалова. Девушки и пожилые женщины самоотверженно трудились в госпиталях, им обязаны жизнью сотни людей.

Городской штаб МПВО работал в самом тесном контакте со службой ПВО армии, что позволяло знать о приближении вражеской авиации, когда она еще находилась на дальних подступах к городу.

В июле начались налеты вражеской авиации. Во время первого массированного налета фашисты стремились вывести из строя ГЭС-2, но бомбы попадали не в электростанцию, а в жилые дома. Было много жертв. Наши зенитчики не давали вражеской авиации безнаказанно летать над городом. Помню, как однажды на моих глазах врезался в землю сбитый фашистский стервятник. Ликованию харьковчан, видевших это, не было предела.

Население города проявляло высокую дисциплинированность и организованность, четко и быстро выполняло указания МПВО при налетах вражеской авиации. Круглые сутки люди дежурили у своих домов, на крышах и чердаках. Можно без преувеличения сказать, что у каждого дома были средства защиты от пожаров — инструменты, песок, вода. Когда враг сбрасывал тысячи зажигательных бомб, население мужественно сражалось с огнем.

Во второй половине августа началась эвакуация наиболее важных предприятий и их коллективов. По несколько эшелонов ежедневно отправлялось на восток. К 15 октября эвакуация промышленных предприятий города в основном закончилась. На восток отправили более трехсот эшелонов. Это была невиданная по своим масштабам переброска техники, продовольственных ресурсов, людей на тысячи километров.

Во второй половине октября фашистская авиация разбросала над городом листовки. В них говорилось, что немецкие войска вскоре займут Харьков и перечислялись правила поведения населения при вступлении немецких войск в город. Каждый пункт этих «правил», а их было 8—10, заканчивался одинаково: «за невыполнение — расстрел!»

В конце октября по указанию партийных органов началась раздача населению оставшихся на базах запасов продовольствия, промышленных товаров. Населению разрешили забрать мебель из учреждений и организаций.

Первые два-три дня люди, за редким исключением, с большой неохотой брали продовольствие, вещи из магазинов, мебель из учреждений. Пришлось дополнительно разъяснять населению, что это необходимая мера, так как, видимо, придется оставить город.

22 октября, по указанию командования, партийные и советские организации покинули город. День был пасмурный. Вражеская авиация летать в это время не могла. Тысячи машин шли

по дороге на Чугуев. Это была единственная шоссейная дорога, стороной пробраться было очень трудно: машины увязали в грязи. Остановились мы в селе Рогань, километрах в 15 от города, в штабе командующего армией Цыганова.

23 октября вместе с группой товарищей, которые по заданию областного комитета партии должны были доставить подпольщикам деньги и некоторые материалы, я вернулся в Харьков.

На набережной реки Харьков, в близлежащих улицах и в переулках стояли наши патрули. Через Харьковский мост мы выехали к центру города. Здесь на улицах не было ни души. Не успели проехать по Московской улице и сотни метров, как нам стали махать из подворотен. Мы поняли, что надо быстрее ехать. На большой скорости проскочили площадь им. Тевелева и поехали к Госпрому.

Город будто вымер. Мы были уже недалеко от памятника Шевченко, когда впереди нас начали рваться снаряды. Пришлось свернуть на Бассейную улицу и заехать в какой-то двор. Здесь оказалось довольно много народа. Товарищи пошли по заданию, а я разговорился с двумя учительницами из 116-й школы. Выяснилось, что они обращались с просьбой об эвакуации, но их не эвакуировали, а пешком уйти они не решились. Действительно, мы, к сожалению, не могли удовлетворить просьб всех граждан, желавших выехать на восток.

Мои спутники вернулись, и мы выехали в обратный путь. Около института инженеров железнодорожного транспорта нашу машину обнаружили и атаковали несколько самолетов противника. На полной скорости мы проскочили бульвар и небольшую площадь. Впереди начали рваться бомбы. Пришлось повернуть в переулок, выскочить из машины, лечь у стены. Бомбежка длилась минут 5—7, все для нас окончилось благополучно: машина не была повреждена, и мы выехали из города.

В ночь с 23 на 24 октября, подъезжая к Купянску, мы видели зарево над родным Харьковом. Сердце сжималось от боли. Надо было отступить...

Мне довелось побывать в Харькове зимой 1943 года, когда он был первый раз освобожден от немецко-фашистских захватчиков. На следующий день после изгнания оккупантов исполком горсовета приступил к работе. Сразу же к нам начали обращаться десятки посетителей. Город оживал. Постепенно восстанавливалась нормальная жизнь. Так прошло недели две. Затем начались ежедневные бомбежки. Особенно пострадал центр города. Это значительно затруднило работу городского Совета.

В марте бомбежки усилились. Тысячи людей обращались в городской Совет с просьбой эвакуировать их. Мы выдавали

удостоверения, помогали, чем могли, и люди покидали город, уходя на восток. Работникам горсовета из-за непрерывных бомбежек пришлось переехать в Госпром. Разместились мы в подвальном помещении, около 9-го подъезда. Там пробыли несколько дней.

Враг наступал. Надо было вновь покинуть город. Вечером 15 марта переехали через реку Харьков. Ночевали вместе с работниками облисполкома, горкома и обкома партии в институте инженеров железнодорожного транспорта.

На следующий день мы выехали в район ХТЗ, несколько часов пробыли там и отправились на Чугуев.

Так во второй раз мы покидали Харьков.

В середине августа, после разгрома немцев на Курской дуге и взятия Белгорода, началось наступление наших войск на Харьков. Числа 19—20 августа группа партийных работников выехала в район Липцев, в 25 километрах севернее Харькова. Здесь перед нашими глазами предстала волнующая картина военной мощи нашей армии. Сотни бомбардировщиков в сопровождении истребителей летели на запад, держа курс в тыл противника. Я долго был в прифронтовой полосе, видел много техники, но такую военную мощь видел впервые. Каждый из нас прекрасно понимал, что немцам не удастся удержаться в Харькове.

С разрешения командования мы двинулись дальше и 21 августа были уже на окраине Харькова — в Померках. Затем переехали в район Журавлевки и остановились в двух километрах севернее кожевенного завода. Отсюда хорошо видна была вся заводская часть Харькова. Наши войска подошли вплотную к городу, а в районе Померок продвинулись вперед, заняли погранчилице и «зацепились» за трамвайный путь.

Пробыв на командном пункте несколько часов, мы слышали частые взрывы, доносившиеся из города. Командир дивизии объяснил нам, что уже неделю днем и ночью немцы методично взрывают заводы, важные объекты коммунального хозяйства, учреждения города.

22 августа в 12 часов дня нам сообщили, что уже можно двигаться в направлении Харькова: войска, видимо, сегодня ночью займут город. Так мы и сделали. Продвигались очень медленно, особенно через Салтовский поселок, так как нам было известно, что немцы заминировали этот район.

23 августа мы были уже в центре города.

22 месяца цветущий Харьков, наша гордость, находился под гнетом немецких оккупантов. Трудно описать все ужасы и страдания, пережитые харьковчанами в черные дни оккупации. Фа-

шисты замучили десятки тысяч советских людей — мужчин, женщин, детей. В районе ХТЗ мы обнаружили несколько огромных, шириной в 10 метров каждая, ям, где были замучены наши люди. Братские могилы расстрелянных патриотов были обнаружены в Лесопарке.

Фашисты причинили городу громадный материальный ущерб. Были разрушены и разграблены харьковские заводы-гиганты, фабрики, научные учреждения, школы, больницы, выведено из строя коммунальное хозяйство, сожжена лучшая часть жилого фонда города.

Войдя в Харьков, мы с первых же минут пребывания в городе были уверены, что он освобожден навсегда, и сразу взялись за восстановление городского хозяйства.

Здание горсовета сгорело, и нам с большим трудом удалось найти уцелевший дом на углу площади Тевелева. Там мы и расположились.

С первого же дня работы горсовета к нам начали обращаться сотни людей. Всех волновал один вопрос: с чего начать восстановление города?

Горсовет, как и в первый наш приход в Харьков, по согласованию с обкомом и горкомом партии в течение двух-трех дней после освобождения города выдавал удостоверения населению и напачал старших на предприятиях. Сотни людей пошли работать исполняющими обязанности директоров заводов, вузов, техникумов, школ, руководителями больниц, торговых предприятий, организаций, учреждений, ведомств.

С первого дня освобождения города харьковчане начали организованно возвращаться на свои предприятия, в учреждения, организации, где они раньше работали. Через несколько дней стало ясно, какими мы силами располагаем. Это намного облегчило всю нашу дальнейшую деятельность.

В городе после ухода немцев осталось не более 190 тысяч человек. Люди нуждались в немедленной помощи. На улицах можно было встретить мужчин и женщин, которые еле передвигали ноги. Трудно было поверить, что это те люди, которых мы знали бодрыми и веселыми, здоровыми и энергичными.

Сразу же после освобождения Харькова в город прибыло украинское правительство, работники Центрального Комитета КП(б)У. Был намечен ряд мероприятий по оказанию неотложной помощи населению.

26 августа, через 3 дня после вступления наших войск в город, состоялось совещание секретарей райкомов партии, председателей райисполкомов и других руководящих работников города. На совещании были определены первоочередные задачи партий-

ных и советских организаций по восстановлению промышленности, городского хозяйства и оказанию помощи населению.

Благодаря самоотверженным усилиям железнодорожников, которые, продвигаясь вслед за нашими войсками, быстро восстанавливали разрушенные пути, на третий-четвертый день город начал принимать первые поезда. Из Киргизии, Узбекистана, Казахстана и других братских республик прибывали эшелоны с продуктами и одеждой. Шли грузы с Урала и Сибири.

По поручению Центрального Комитета партии и Правительства в Харьков прибыл Анастас Иванович Микоян. Он встретился с работниками городского хозяйства. Как председатель горсовета, я подробно доложил о положении в городе и рассказал о проводимых мероприятиях по восстановлению городского хозяйства, о планах на будущее. Около часа Анастас Иванович внимательно слушал, одобрил все наши мероприятия и обещал помочь в решении ряда вопросов.

Повседневную практическую помощь городу оказывали Л. Р. Корниец, М. С. Гречуха.

Вскоре после освобождения Харькова на заседании Политбюро ЦК КП(б)У был заслушан мой доклад.

Я доложил о положении дел в городе и разработанных нами мероприятиях по восстановлению промышленности, коммунального хозяйства и культурно-бытовых учреждений.

Стремясь быстрее наладить нормальную жизнь города, мы в первую очередь взялись за восстановление энергетической базы. Пока шла подготовка к пуску электростанции, везде, где только можно было, использовались движки и времянки. Но город нуждался не только в электроэнергии, но и в воде. Поэтому сразу же после освобождения Харькова начались работы по восстановлению водопроводной сети, разрушенной врагом.

Одновременно с восстановлением энергетического хозяйства и водопроводной сети городской Совет уделял большое внимание снабжению населения хлебом. Вначале работало несколько приспособленных пекарен, а затем мы взялись за восстановление четырех хлебозаводов, в том числе Холодногорского, Баварского и на ХТЗ. Открывались столовые, детские сады, больницы, поликлиники, бани. Налаживалась нормальная жизнь.

Для успешного восстановления города необходимо было большое количество строительных материалов. Правительство разрешило харьковчанам собственными силами заготавливать строевой лес, а также дрова на зиму. Тысячи жителей города работали в Изюмском, Змиевском и Валковском лесничествах. Занимались мы и восстановлением парков, в центре города и на площадях высадили более сотни 20-летних деревьев.

Самоотверженно трудились в те дни трамвайщики Харькова. Как только город получил электроэнергию, решено было пустить трамвай. Население, правда, не знало об этом. Я выехал на одном трамвае из Ленинского депо вместе с главным инженером трамвайного хозяйства С. А. Евтушенко. Секретарь горкома партии В. М. Чураев вместе с директором трамвайного хозяйства тов. Поздняковым выехали из Коминтерновского депо. Решили одновременно въехать в город на трамваях.

Все мы очень волновались, особенно в последние минуты перед выездом из депо. Помню, Сергей Александрович Евтушенко, потомственный трамвайщик, так разволновался, что никак не мог подняться в вагон. Немного успокоившись, он сам повел трамвай. Люди останавливались пораженные, они не верили своим глазам. А потом началось всеобщее ликование. Трамвай шел по городу, провожаемый радостными возгласами харьковчан. За вагоном бежали дети. Когда мы проезжали площадь Тевелева, я увидел, что какой-то военный догоняет наш вагон. Мне сказали, что это товарищ Чак, старый потомственный трамвайщик, крупный специалист, который служил в инженерных войсках. Приехав в то время в Харьков, он увидел трамвай и бросился за ним.

Весть о пуске трамвая молнией разнеслась по городу. На следующий день трамвай уже перевозил пассажиров. Правда, много вагонов на линию выпустить мы не смогли: электроэнергии не хватало.

Активную помощь харьковчанам оказывали воинские части. Помнится, в первые дни после освобождения города не на чем было подвозить муку. Трамваи тогда еще не работали, лошадей не было. Прибыл эшелон хлеба, а доставить муку в пекарню не можем. Я поехал в танковый корпус, обратился к командиру за помощью. Нам выделили до полусотни машин с бойцами. Воинские части активно помогали в подвозе топлива, строительных материалов.

Огромную работу по восстановлению разрушенных врагом харьковских мостов провел инженерный полк, которым командовал тов. Яковлев. Немалый вклад внесли бойцы этой части и в строительство сложных водопроводных сооружений.

Через месяц после освобождения Харькова усилился приток людей из восточных районов страны. В родной город возвращались тысячи харьковчан. Люди нужны были — ведь приезжали инженеры, врачи, квалифицированные рабочие. Правда, хлопот горсовету прибавилось — надо было устраивать приезжающих, организовывать питание, готовить им жилье, а это было нелегкое

дело. Но люди стойко переносили все трудности, работали не покладая рук, готовились к зиме.

Первые итоги проделанной работы по восстановлению города были подведены на сессии городского Совета депутатов трудящихся 9 декабря 1943 года. К тому времени возобновила работу электростанция с турбиной мощностью 5 тыс. квт., был введен в эксплуатацию водопровод, который подавал 17 тыс. кубометров воды в сутки, налажено трамвайное сообщение, восстановлены 13 мостов, отремонтировано и передано жителям 22 800 квадратных метров жилой площади. В городе возобновили работу 77 неполных и полных средних школ, 17 больниц, 17 поликлиник, баня, детские сады и ясли, открылось 130 столовых, 289 промтоварных и продуктовых магазинов. С радостью встретили собравшиеся сообщение о том, что прославленные заводы — тракторный, электромеханический, турбогенераторный, «Серп и молот» и другие приступили к выпуску продукции.

Сессия обязала Харьковский городской Совет и исполкомы районных Советов депутатов трудящихся повседневно заниматься восстановлением важных промышленных предприятий города, привлекать для осуществления этой цели всех трудящихся.

Было намечено в январе 1944 года ввести в эксплуатацию еще одну турбину мощностью 8 тыс. квт, а в III квартале довести мощность электростанции до 90 тыс. квт. Сессия поручила исполкомам горсовета, Московского, Коминтерновского и Орджоникидзевского райсоветов всемерно помогать Харэнерго в создании энергетической базы, которая должна была обеспечить работу промышленности и городского хозяйства.

Важные решения приняла сессия по дальнейшему восстановлению городского жилищно-коммунального хозяйства, по мобилизации всех сил для нужд фронта, для быстрого разгрома врага.

Харьковчане с новыми силами взялись за восстановление города. Из руин поднимались все новые предприятия, больницы, школы. Быстро залечивались глубокие раны, нанесенные гитлеровскими варварами. Центральный Комитет ВКП(б) и Советское правительство высоко оценили самоотверженный труд харьковчан. За успешное восстановление города и активную помощь фронту большая группа их была награждена орденами и медалями.

Выполнив решения 13-й сессии городского Совета, мы продолжали уделять большое внимание восстановлению жилого фонда, так как оставалось еще много разрушенных зданий, да и уцелевшие дома нужно было приводить в порядок. Ведь большинство окон были заделаны досками, кирпичом. Светились

лишь маленькие оконца, форточки. Достать в те времена стекло было очень трудно.

Я несколько раз обращался за помощью в различные ведомства и организации. И вот в январе 1945 года город получил из Лисичанска 25 вагонов стекла. Это был неожиданный подарок для нас. А в марте мы начали открывать окна, стеклить больницы, школы, жилые дома. Светлее стало не только в зданиях, но и на душе. Войска наши стремительно продвигались к Берлину. По всему чувствовалось приближение долгожданного дня окончания войны.

И этот день настал. В два часа ночи 9 мая харьковчане узнали об окончании войны. Я приехал домой поздно, сразу уснул. Разбудили меня, слышу шум на улицах, стрельба. Включил радио: Победа!

В эту ночь никто уже не мог спать. Десятки тысяч людей пришли на площадь имени Дзержинского. В прилегающих к площади улицах, переулках — везде был народ. И старые, и малые — все вышли на улицу. Мы с большим трудом на грузовой машине пробрались к центру площади имени Дзержинского на митинг. Харьковчане праздновали победу над ненавистным врагом.

После окончания Великой Отечественной войны восстановление города пошло ускоренными темпами. Еще краше, чем до войны, стал родной Харьков.

ИЗ НЕЗАБЫВАЕМОГО ПРОШЛОГО

НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ грозных дней 1941 года, когда бронированные фашистские полчища вторглись на советскую землю. Война застала меня в Харькове, где я работал секретарем Октябрьского райкома партии. И мне хочется рассказать, как трудящиеся района во главе со своим авангардом — четырехтысячной партийной организацией в едином строю со всем советским народом ковали победу над врагом.

Волна прокатившихся на фабриках, заводах и в учреждениях митингов показала, что трудящиеся района были готовы выполнить свой долг перед Родиной у станка и на фронте.

С первого же дня войны в райком партии начали поступать сотни заявлений трудящихся с просьбами о посылке их добровольцами на фронт. Писали старики и молодежь. Писали мужчины и женщины. Особенно усилился поток заявлений после обращения партии и правительства к народу 3 июля 1941 года. Тысячи людей вступали в народное ополчение. Только в течение пяти дней в ряды ополчения записалось в Октябрьском районе более 10 тысяч человек. Перед лицом нависшей опасности, когда решался вопрос о жизни и смерти Советского государства, о свободе и независимости народов СССР, советские люди проявили высокое понимание своего патриотического долга, готовность сделать все для защиты социалистического Отечества.

Вскоре добровольцы начали уходить на фронт. Прощаясь, они неизменно просили оставшихся товарищей работать так, чтобы их отсутствие не отражалось на производстве. В эти дни на заводах района с новой силой развернулось социалистическое соревнование. Многие рабочие стали обслуживать по два станка, овладевали двумя-тремя профессиями.

Те, кто оставался на фабриках и заводах, клялись уезжающим на фронт, что они не уронят чести советского человека, отдадут все свои силы любимой Отчизне. Эту клятву труженики нашего района сдержали. Несмотря на частые бомбежки, все трудности и лишения, они продолжали работу, сохраняя выдержку и спокойствие.

В конце июля 1941 года трудящиеся города приступили к строительству на границе трех областей (Днепропетровской, Харьковской и Полтавской) оборонительных сооружений. В этих работах приняло участие около 5000 человек из Октябрьского района, а в сентябре, когда нависла угроза над Харьковом, в село Гудановку было направлено еще 5000 человек. На строительство оборонительных сооружений посылались главным образом ополченцы.

Отечественная война явилась грозным испытанием всех моральных и физических сил советского народа, испытанием прочности и жизнеспособности советского общественного и государственного строя, показавшего свое превосходство над капиталистическим строем. Это великое испытание советские люди выдержали с честью.

С первых дней Великой Отечественной войны и до начала временной оккупации города фашистскими захватчиками я не помню ни одного случая, чтобы кто-либо в нашем районе пытался уклониться от трудной и опасной работы или роптал. Наоборот, чем труднее и опаснее была работа, тем больше харьковчан стремилось принять в ней участие. В авангарде, как всегда и везде, шли коммунисты и комсомольцы.

В середине июля 1941 года меня утвердили заведующим орготделом обкома партии, но до последних дней пребывания в Харькове я не порывал связь с Октябрьским райкомом.

Партийная организация области провела огромную работу по перестройке народного хозяйства на военный лад, мобилизации трудящихся на помощь фронту, комплектованию подполья партизанских отрядов. Этой работой непосредственно руководили А. А. Елишев, И. И. Профатилов, Г. Г. Петров, В. М. Чураев и другие.

Харьковская партийная организация уделяла большое внимание созданию народного ополчения, его обучению и приведению личного состава частей и подразделений в боевую готовность.

Вопросы создания народного ополчения обсуждались на партийных и комсомольских собраниях, на заседаниях бюро райкомов, горкомов и обкома партии. Формированием народного ополчения непосредственно на предприятиях и в учреждениях занимались партийные организации. Эта работа развернулась в начале июля 1941 г. На Харьковщине в народное ополчение вступило около 100 тысяч человек, в том числе 17 143 коммуниста и 11 080 комсомольцев. Они и явились основным костяком ополченских формирований.

В каждом районе вопросами боевой подготовки народного ополчения занимались секретари райкомов партии, председатели

райисполкомов, секретари партийных организаций, руководители предприятий. В рядах ополчения находилось много ответственных партийных и советских работников, деятелей науки и культуры.

К руководству народным ополчением были привлечены наиболее авторитетные коммунисты, обладавшие хорошими организаторскими способностями. Командиром дивизии народного ополчения Киевского района, которая принимала активное участие в строительстве оборонительных сооружений, утвердили заведующего кафедрой марксизма-ленинизма электротехнического института, члена горкома партии И. Д. Назаренко.

Когда над городом нависла непосредственная опасность фашистской оккупации, был сформирован полк народного ополчения; его командиром стал комбриг запаса И. Ф. Зильпер, военным комиссаром — батальонный комиссар запаса Г. В. Тимец, начальником штаба — майор запаса П. А. Утин, секретарем партбюро Н. К. Белогуров, секретарем комсомольской организации студентка УКИЖа А. М. Сытник. Этот полк вместе с воинскими частями принимал участие в обороне Харькова.

В конце июля 1941 года жители Москвы выступили с инициативой создать народный фонд обороны. Это патриотическое начинание нашло широкий отклик во всех районах Советского Союза, в том числе и на Харьковщине. Только за 10 дней трудящиеся области внесли в фонд обороны около 6 млн. рублей.

Активное участие в организации партийной работы в условиях военного времени принимали работники оргинструкторского отдела обкома партии А. А. Огиенко, Е. А. Глаголев, В. К. Речников, Ф. И. Сидякин, А. К. Стрельцова, А. В. Колесниченко, С. И. Дьяченко, Д. В. Гарагуля, Ф. П. Пономарев и другие.

В августе началась эвакуация предприятий и населения города. Фашистская авиация пыталась помешать вывозу из города оборудования и ценностей, однако благодаря героическому труду рабочих, железнодорожников и ополченцев-дружинников эвакуация была проведена успешно.

По заданию обкома партии значительную работу по материальному обеспечению подполья и партизанского движения провели М. П. Рудько и И. М. Волков.

Оставшаяся в городе небольшая группа партийных работников выехала в Чугуев и Салтов. С чувством глубокой горечи восприняли мы весть о том, что 24 октября 1941 года фашисты вступили в наш любимый город. Часть партийных работников, прибывших из Харькова в Купяnsk, обком партии направил в действующую Красную Армию, другую небольшую часть — в неоккупированные районы Харьковской области. Меня избрали

секретарем Волчанского райкома партии. Парторганизация Волчанского района, длительное время находившегося на линии фронта, обеспечивала систематическую помощь нашим частям. Бюро райкома партии, исполком райсовета депутатов трудящихся, первичные партийные организации сумели организовать в этих сложных условиях работу колхозов и совхозов, всех учреждений и местной промышленности, обеспечили выполнение заказов для фронта, строительство оборонительных рубежей, оказывали помощь госпиталям.

Проводилась широкая массово-политическая работа среди населения. Большую помощь сельским партийным и комсомольским организациям оказывал партийно-советский актив района. Активисты регулярно выступали с лекциями, докладами, проводили беседы с населением. Колхозники, рабочие совхозов и все трудящиеся работали не покладая рук, чтобы обеспечить воинские части хлебом, мясом, картофелем и овощами.

Первый секретарь райкома А. Д. Гончаров, члены бюро А. С. Симоненко, Г. С. Якушев, зав. отделом пропаганды и агитации райкома И. С. Пономаренко, работники райкома партии Е. С. Нежута, П. С. Солодовникова, М. И. Даниленко, председатели колхозов Ф. С. Нежута, Г. Г. Радченко, М. Лобода, директор Белоколодзянского сахарного завода Н. В. Лаврук и многие другие всегда находились на самых ответственных участках работы.

Райком партии сформировал из коммунистов и беспартийных партизанский отряд. Для организации борьбы в тылу врага были посланы И. А. Шепелев, И. П. Белецкий (работники райкома партии), Д. К. Лещенко, А. Я. Нижегородов, А. Я. Липчанский, М. В. Синельников, Б. Г. Дьяченко, В. Е. Голуб, Н. Ф. Серовотский, П. К. Дропов, В. Н. Рябчинский и многие другие. Действуя в исключительно трудных условиях, они оправдали доверие парторганизации. Большую помощь коммунистам района оказывали руководящие партийные и военные работники Харькова В. М. Чураев, У. И. Кизилов, А. И. Евсеев, И. И. Есипенко, Б. А. Коваль, Л. С. Морозов, К. Г. Сапогов, А. И. Селиванов, М. М. Макаров, Г. Ф. Самойлов, И. А. Будянский, Г. П. Пинчук и другие. Они проводили беседы с населением, оказывали помощь в строительстве оборонительных рубежей. Часто выступал с лекциями и докладами лектор обкома и ЦК КП(б)У Г. М. Окладной.

После освобождения Харькова от немецко-фашистских оккупантов я вновь начал работать секретарем Октябрьского райкома партии.

С болью смотрели мы на разрушенный город. Каждый клочок земли хранил следы чудовищных преступлений фашистских лю-

доседов. Все, что было создано трудом советских людей, немцы безжалостно разрушили. Они нанесли огромный ущерб хозяйству города и в частности Октябрьского района. До войны на территории района работало 10 заводов, в том числе такие крупные, как «Свет шахтера», «Красный Октябрь», несколько фабрик, коммунальных предприятий, до двух десятков артелей. Враг почти полностью разрушил заводы «Красный Октябрь», радиаторный, 2-й мыловаренный, фабрику «Текстильтакань», нанес огромный ущерб заводам «Свет шахтера», авторемонтному, 1-му мыловаренному и ряду других предприятий. Фашисты вывели из строя водопровод, и населению приходилось брать воду из 10 колодцев и 6 родников.

Но не только разрушениями фашисты пытались подорвать мощь советского государства. Они стремились отравить сознание наших людей, всячески восхваляя так пазываемый немецкий «новый порядок», охаживали все достижения трудящихся Советского Союза, распространяли среди населения лживые сообщения о Красной Армии, скрывали правду о положении дел на фронтах Отечественной войны, о жизни людей в советском тылу. Но ни силой, ни обманом не удалось фашистам покорить советских людей: рабочие, интеллигенция остались верными своей Родине. Всеми способами они оказывали сопротивление фашистским поработителям и с нетерпением ждали прихода своей освободительницы — Красной Армии. После освобождения города нам стали известны многочисленные факты, свидетельствующие о мужественном поведении харьковчан в страшные дни фашистской оккупации, об их высоком сознании своего патриотического долга перед Родиной. Расскажу только об одном из таких фактов.

На территории Октябрьского района в период второй временной оккупации Харькова немецкими захватчиками остались раненные бойцы и командиры Красной Армии. Жители района и особенно медицинский персонал 6-й поликлиники, рискуя собой, спасли жизнь многим из них. Врачи В. Ф. Никитинская, П. К. Давиденко, фельдшерицы А. В. Поддубная, Н. П. Протопопова и многие другие систематически оказывали медицинскую помощь раненым на квартирах, где их прятало население, снабжали воинов одеждой и едой.

Свою работу Октябрьский райком партии возобновил 23 августа 1943 года. Тогда в районе было лишь три руководящих работника, а в районной партийной организации — всего 15 коммунистов, прибывших из восточных областей или из партизанских отрядов. В их числе были П. Г. Руденко, Н. А. Коломацкий (завод «Красный Октябрь»), К. М. Момотенко, Е. М. Ши-

ряев (завод «Свет шахтера»), И. С. Ермаков, Г. С. Макарова, С. Н. Григорьев, И. В. Цурков, А. Ф. Белопотапова, Ю. П. Терехов.

В тот же день райком партии и райисполком приступили к регистрации рабочих.

Для того чтобы быстрее восстановить хозяйство района — заводы, фабрики, культурно-бытовые учреждения — необходимо было проверить состояние производственных площадей предприятий, наличие агрегатов, оборудования, инструментов, запасов сырья, а также состояние медицинских учреждений и школ. К этой ответственной работе райком партии привлек инженеров, техников, учителей, врачей. Получив данные о состоянии хозяйств в районе, райком партии и райисполком направил своих уполномоченных на заводы, фабрики и в артели для проведения инвентаризации оборудования, инструментов, материалов и организации восстановительных работ. Все это делалось очень быстро, так как фронт требовал помощи в производстве некоторых видов оружия, снаряжения, в ремонте автомашин, производстве авиабомб и т. д. Необходимо было срочно наладить снабжение населения водой, топливом, начать ремонт жилого фонда. Шахтам Донбасса нужна была продукция заводов «Свет шахтера» и «Красный Октябрь».

26 августа в обкоме партии, который помещался тогда на Юрьевской улице, состоялось совещание секретарей райкомов и председателей райисполкомов города. Тут присутствовали секретари обкома партии И. И. Профатилов и Г. Г. Петров, секретарь горкома партии В. М. Чураев и другие. Состоялся обмен мнениями о положении дел в городе и отдельных его районах. Большую помощь райкомам партии и райисполкомам в быстрейшем восстановлении промышленных предприятий и проведении массово-политической работы среди населения оказал присутствовавший на этом совещании член Военного совета Степного фронта И. С. Грушецкий.

Работы был непочатый край. Каждый трудился за двоих-троих. Этого требовали обстановка в городе, фронт, а также Донбасс, для восстановления шахт которого предприятия нашего района должны были поставить необходимое оборудование.

Проводя большую организаторскую работу по восстановлению промышленных предприятий, школ, медицинских учреждений и жилищного фонда, мы ни на минуту не забывали о политической работе в массах. Вся партийно-политическая работа в районе была подчинена одной цели — мобилизации трудящихся на неуклонное усиление помощи Красной Армии-освободи-

тельнице в ее борьбе за изгнание фашистских захватчиков из пределов Советской Родины, за полный разгром врага.

Для лучшей организации массово-политической работы среди самых широких слоев населения с первых дней освобождения города за заводами, артелями и за бывшими избирательными участками были закреплены работники райкома партии и исполкома райсовета депутатов трудящихся. Тематическим планом предусматривались, например, такие лекции, доклады и беседы: «Текущий момент и наши задачи», «Разгром гитлеровской Германии неминуем», «Фашистские захватчики на Харьковщине», «Что принес фашизм украинскому народу», «Положение на фронтах Отечественной войны», «О дружбе народов СССР» и др.

Уже спустя две недели после освобождения города райком партии провел два семинара агитаторов по вопросам агитационно-пропагандистской работы в условиях освобожденного от оккупантов города. За это же время мы провели на предприятиях и в учреждениях района 50 собраний, 87 групповых и 220 индивидуальных бесед, на которых присутствовало свыше 10 тысяч человек.

Особое внимание уделяли молодежи. Кинотеатр «Жовтень» за две недели нашего пребывания в городе дал 27 сеансов. Демонстрировались новые советские художественные и хроникально-документальные фильмы. На сеансах присутствовало свыше 15 000 человек. Кроме того, госэстрада и консерватория организовали 6 концертов. Выступления артистов и демонстрация фильмов тепло встречались населением. Состоялось комсомольско-молодежное районное собрание с участием бойцов и офицеров Харьковских дивизий. Интересно прошли комсомольско-молодежные массовые мероприятия, в которых приняли участие артисты госэстрады и самодеятельность воинских частей.

За короткий срок трудящиеся Октябрьского района возобновили работу на 7 заводах, 3 фабриках и в 6 артелях; был восстановлен водопровод, открыта баня, 2 поликлиники, амбулатория, 17 магазинов, 2 кинотеатра, цирк, 2 госпиталя на 300 коек. В 8 школах и электротехникуме начались занятия.

Восстанавливая предприятия, районная партийная организация стремилась к тому, чтобы заводы как можно скорее наладили выпуск продукции для фронта. Результаты наших усилий сказались быстро. Шиноремонтный завод приступил к изготовлению автопокрышек и автокамер. Небольшой коллектив артели «Коопвалпром», не имея никаких средств, проделал своими силами большую работу по восстановлению цехов и в декабре 1943 года начал изготавливать валенки для воинов Красной Армии.

С 1 сентября 1943 года приступила к ремонту обмундирования бойцам Степного фронта и выполнению производственного плана артель «Швейник».

К 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции на заводе «Свет шахтера» вступили в строй механический, инструментальный, модельный, литейный и частично ламповый цехи. Коллектив восстановил и отремонтировал 30 единиц станочного оборудования и 2 электроустановки на 70 киловатт. Завод дал шахтам Донбасса свою первую продукцию — транспортеры, перегружатели и бензиновые лампы. В то время на предприятии уже трудилось свыше 1000 рабочих, инженерно-технических работников и служащих.

На заводе «Красный Октябрь» был пущен в эксплуатацию литейный цех, восстановлена вагранка на 150 тонн металла в месяц, организован ремонт инструментов, моторов и оборудования. Завод приступил к изготовлению поршней для автомашин.

Наряду с восстановлением предприятий и оказанием помощи фронту партийная организация района решала и другие сложные задачи. Близились зима, населению необходимы были топливо, овощи, картофель. До наступления зимы в Змиевском районе было заготовлено 17 тысяч кубометров дров. На заготовке дров и доставке их в наш район ежедневно работало около 400 рабочих и служащих. Кроме того, было завезено 814 тонн картофеля, 351 тонна овощей и заготовлено 100 тонн солений.

На 1 января 1944 года парторганизация Октябрьского района уже насчитывала в своих рядах 262 члена партии и 68 кандидатов, объединенных в 27 первичных партийных организациях. И хотя в районной партийной организации 1943 года насчитывалось в 15 раз меньше коммунистов, чем до войны, это был крепкий и спаянный коллектив, которому были не страшны военные невзгоды и лишения. Каждый отдавал работе все свои силы.

Большую работу среди молодежи проводил райком комсомола, который возобновил свою деятельность также 23 августа 1943 года. К 1 января 1944 года в районной комсомольской организации состоял на учете 531 комсомолец; их объединяли 24 первичные комсомольские организации. За 4 месяца работы в ряды комсомола был принят 271 человек.

Учитывая, что к руководству партийными организациями пришло много товарищей, не имевших необходимого опыта партийной работы, райком партии в ноябре 1943 года провел семидневный семинар секретарей, на котором были обсуждены вопросы организационно-партийной и агитационно-пропагандистской работы и вопросы по руководству и контролю за работой

промышленности, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций. В этой работе райкому партии оказывали помощь секретарь горкома партии А. И. Смирнов, заведующий оргинструкторским отделом горкома КП(б)У М. Е. Ефименко, работники обкома и горкома партии П. Г. Гринчук, В. В. Кольченко и другие.

Так, преодолевая трудности, партийная организация Октябрьского района сумела мобилизовать трудящихся на восстановление промышленных предприятий и культурно-бытовых учреждений, наладить выпуск продукции для фронта и оказать посильную помощь в восстановлении Донбасса.

ВПЕРЕДИ КОММУНИСТЫ

НИКОГДА не изгладится в памяти день 22 июня 1941 года, когда фашистские полчища вероломно напали на нашу Родину.

Трудное было это время. Над страной нависла величайшая опасность. В навязанной нам войне решался вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том, быть народам нашей страны свободными или попасть в рабство.

По зову Коммунистической партии и Советского правительства весь советский народ поднялся на защиту своей любимой Родины. Страна превратилась в единый боевой лагерь, подчинив всю свою деятельность одной цели: «Все для фронта! Все для победы!»

Партийная организация Киевского района Харькова, перестраивая работу в соответствии с указаниями партии и правительства на военный лад, направила свою деятельность на обеспечение нужд фронта, мобилизовала коммунистов и всех трудящихся района на разгром врага. Многие сделали в этом отношении партийные организации авиационного завода, фабрики «Красная нить», сельскохозяйственного института, которые возглавлялись А. Я. Сердюковым, А. А. Голованевым и И. И. Бакулиным.

Помню, как в первые дни войны (я тогда работал секретарем Киевского райкома партии) на всех предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях проходили митинги и собрания под лозунгом «Все для победы!».

В принятых резолюциях трудящиеся объявляли себя бойцами трудового фронта, брали повышенные обязательства по выпуску оборонной продукции, изъявляли желание пойти на фронт, чтобы с оружием в руках громить ненавистного врага. В первые же дни войны тысячи трудящихся района добровольно ушли в армию. Среди них в первых рядах были коммунисты.

В связи с налетами вражеской авиации на предприятиях и в учреждениях, учебных заведениях, в домоуправлениях проводились в порядок бомбоубежища, население рыло окопы и щели.

Фронт приближался к Харькову. Создавалась непосредственная угроза оккупации. По призыву Харьковского обкома и горкома КП(б)У трудящиеся города и области вышли на строительство оборонительных сооружений.

Свыше 10 тысяч рабочих, служащих, домашних хозяек, студентов и преподавателей Киевского района сооружали противотанковые рвы, доты и другие оборонительные сооружения на дальних и ближних подступах к Харькову. Многочисленными коллективами трудящихся, сведенными в дивизию народного ополчения, руководили опытные партийные, советские и хозяйственные работники во главе с членом бюро райкома партии И. Д. Назаренко. Его заместителем по политической части был И. А. Шалыгин, а по производственным вопросам — М. И. Зозуленко.

Для работавших на строительстве оборонительных рубежей ежедневно читались доклады о международном положении и внутренней политике Советского государства, проводились беседы и информации о положении на фронте.

Враг стремился сорвать строительство укреплений вокруг Харькова. Авиация противника ежедневно по несколько раз бомбила и обстреливала из пулеметов оборонительные сооружения. Несмотря на все трудности, люди не дрогнули и еще с большим упорством и настойчивостью выполняли свой патриотический долг. Оборонительные рубежи вокруг Харькова были сооружены досрочно. Они сыграли важную роль в защите города. Здесь были уничтожены сотни вражеских танков и десятки тысяч фашистских солдат и офицеров.

Большая работа проводилась по созданию народного ополчения, формированию истребительных батальонов и диверсионных групп, которые, обороняя Харьков, бесстрашно сражались с противником.

Завязались упорные бои на дальних подступах к городу. По решению Государственного Комитета Обороны началась эвакуация предприятий, учебных и научно-исследовательских институтов, а также населения Харькова.

Нужно было создать подпольную организацию на случай оккупации города фашистскими войсками. По решению обкома и горкома КП(б)У в районе создали подпольный райком партии во главе с И. И. Бакулиным.

Мне хочется сказать несколько слов об этом замечательном человеке. До Отечественной войны Иван Иванович Бакулин работал исполняющим обязанности доцента кафедры математики Харьковского сельскохозяйственного института. Одновременно на протяжении ряда лет он бессменно возглавлял партийную организацию института. Это был мужественный, очень скром-

ный человек, до конца преданный делу партии. И. И. Бакулин пользовался большим уважением у преподавателей, студентов института, партийного актива района. Вот почему, когда необходимо было выдвинуть кандидатуру на пост секретаря подпольного райкома, а потом и подпольного обкома, выбор пал на Ивана Ивановича Бакулина.

К сожалению, ему не удалось полностью выполнить возложенную на него задачу. Подлый предатель, бывший профессор Харьковского сельскохозяйственного института Михайловский донес на него гестапо. И. И. Бакулин был схвачен и брошен в тюрьму. Ни пытки, ни голод не смогли сломить волю этого мужественного человека. Он до конца своей жизни оставался бесстрашным большевиком, беззаветно преданным делу Коммунистической партии. Своим мужеством, непоколебимой верой в торжество правого дела он вдохновлял патриотов на беспощадную борьбу с оккупантами. В своем предсмертном письме Иван Иванович Бакулин не ропщет на свою судьбу, он только сожалеет, что подлый предатель помешал ему до конца выполнить возложенное на него задание.

В конце октября 1941 года фашистские войска заняли Харьков. Начались черные дни в жизни города. Обком партии переехал в Купянск, где и находился до июля 1942 года, то есть до момента завершения оккупации врагом всей Харьковской области.

За время пребывания в Купянске, находившемся в прифронтовой полосе, мы, работники райкомов партии, по заданию обкома КП(б)У проводили агитационно-пропагандистскую работу среди населения неоккупированных районов области. В докладах и беседах партийные работники Б. А. Коваль, В. П. Иванов, Г. М. Окладной, Г. П. Пинчук, П. Г. Гринчук, К. И. Лисица, И. И. Есипенко и другие знакомили население с положением на фронтах, трудовыми подвигами советских людей, разъясняли решения Коммунистической партии, призывали советских людей отдавать все свои силы на разгром врага.

Трудящиеся Харьковской области, как и весь советский народ, горячо откликнулись на призыв Коммунистической партии и Советского правительства «Все для фронта! Все для победы!», вносили свой посильный вклад в дело борьбы с фашистскими оккупантами.

Труженики полей из своих запасов передавали воинским частям и госпиталям продукты питания — зерно, муку, картофель, мясо, молоко, собирали теплые вещи для воинов Красной Армии, отдавали свои сбережения на строительство танков, самолетов. Находясь в прифронтовой полосе, трудящиеся Купянского, Дву-

речанского, Изюмского, Волчанского и других районов Харьковской области оказывали непосредственную помощь фронту. Вместе с бойцами воинских частей они рыли окопы, противотанковые рвы и траншеи, строили аэродромы.

В июле 1942 года, когда враг оккупировал всю Харьковскую область, большая группа партийных работников по указанию ЦК КП(б)У была направлена на командную и политическую работу в Красную Армию.

Вместе с П. З. Войтовичем, Ю. П. Тереховым и другими партийными работниками я находился в оперативной группе Военного совета Воронежского фронта; мы занимались главным образом эвакуацией подбитых танков и других боевых машин с поля боя и организацией их ремонта в полевых условиях. Руководил нашей группой В. М. Чураев.

23 августа 1943 года Красная Армия освободила Харьков.

Жители города с огромной радостью встретили советских воинов-освободителей.

За время оккупации Харькову был нанесен огромный ущерб. Фашистские варвары уничтожили большинство предприятий и культурно-бытовых учреждений, разрушили тысячи жилых домов и общественных зданий.

В городе не было воды и электроэнергии, не работала городская канализационная сеть, вышел из строя транспорт.

Требовались огромные средства и героические трудовые усилия людей, чтобы поднять город из руин, восстановить былую славу Харькова — крупнейшего индустриального и культурного центра Советской Украины.

30 августа 1943 года у памятника Т. Г. Шевченко состоялся многолюдный городской митинг, посвященный освобождению Харькова от немецко-фашистских захватчиков, в котором приняли участие свыше трех тысяч трудящихся Киевского района. Люди пришли в приподнятом настроении, с букетами живых цветов, в руках у многих были лозунги, плакаты, транспаранты, на которых были начертаны слова глубокой благодарности Коммунистической партии и Красной Армии за освобождение родного Харькова от фашистских оккупантов. В митинге приняли участие замечательные представители украинской советской интеллигенции поэты П. Г. Тычина, М. Ф. Рыльский, Н. П. Бажан, академик Л. А. Булаховский, писатель и кинорежиссер А. П. Довженко, народная артистка СССР М. И. Литвищенко-Вольгемут, композитор Ф. Е. Козницкий, художник А. Г. Петрицкий и другие.

Трудящиеся Киевского района также собрались на большой митинг.

Участники митинга приняли приветственное письмо воинам Харьковских дивизий, освободивших город от гитлеровских войск и вызволивших его жителей из фашистской неволи. После митинга состоялся концерт артистов, прошедший с большим успехом.

В первые же дни после освобождения Харькова партийная организация Киевского района под руководством обкома и горкома КП(б)У развернула большую работу по ликвидации тяжелых последствий оккупации города. Был проведен осмотр фабрик, заводов, школ, вузов, научно-исследовательских учреждений и коммунальных предприятий района с целью установления размеров разрушений и принятия необходимых мер по восстановлению города.

На все предприятия, в учреждения и учебные заведения были направлены уполномоченные райкома КП(б)У и исполкома районного Совета депутатов трудящихся. В их обязанности входило проведение учета и инвентаризации уцелевшего имущества и оборудования, регистрации прибывавших рабочих, служащих и привлечения их к восстановлению разрушенных предприятий.

По призыву райкома и исполкома районного Совета депутатов трудящихся население района активно включилось в работу по очистке дворов и улиц от завалов, ремонтировало трамвайные пути, участвовало в воскресниках по восстановлению фабрик и заводов. Так, за период с 1 сентября по 1 декабря 1943 года свыше 15 тысяч трудящихся приняло участие в работе по благоустройству района, около 4 тысяч человек трудилось на восстановлении ХЭМЗа.

Одновременно в уцелевших цехах налаживалось производство продукции для фронта и населения города. На учебном заводе бывшего механико-машиностроительного института была освоена отливка поршней для автомашины Степного фронта. На этом же заводе установили двигатель с генератором мощностью 75 квт, который дал первую электроэнергию городу.

На заводе «Большевик» приступили к выделке кож, на заводе «Здоровье трудящимся» было налажено производство медицинских препаратов.

Особое внимание уделялось восстановлению предприятий и учреждений материально-бытового и культурного обслуживания населения. На Журавлевке была открыта хлебопекарня, а на Лермонтовской улице начала работать баня. Постепенно открывались продовольственные и промтоварные магазины, детские сады и ясли, библиотеки, парикмахерские и другие куль-

турно-бытовые предприятия и учреждения. Большое число людей занималось заготовкой дров, овощей и картофеля для трудящихся города.

На всех восстановительных работах в первых рядах были коммунисты, они являлись настоящими организаторами и вдохновителями масс в решении всех задач по налаживанию хозяйства и оказанию всемерной помощи фронту.

Первое время после освобождения Харькова партийная организация района была малочисленной, и это возлагало на каждого коммуниста особую ответственность за выполнение того или иного поручения.

В канун войны в партийной организации Киевского района состояло на учете 5524 коммуниста, а спустя месяц после освобождения Харькова, на 19 сентября 1943 года, в районной организации было всего 519 коммунистов. По мере возвращения предприятий с востока росли ряды районной партийной организации. Так, к 1 декабря 1943 года она уже насчитывала 1915 коммунистов, а на 15 декабря 1944 года число коммунистов района достигло 3150.

Райком КП(б)У и первичные партийные организации проводили большую идейно-воспитательную и массово-политическую работу среди трудящихся района. На предприятиях и в учреждениях, школах и вузах, а также в домоуправлениях читались лекции и доклады, проводились беседы, информации. На людных местах устанавливались газетные витрины, вывешивались политические карты мира, по которым можно было следить за наступлением наших войск. Уже в начале декабря 1943 года в районе работало 63 агитколлектива, в которых насчитывалось свыше 500 агитаторов и докладчиков. На предприятиях и в учреждениях района выходило более 250 стенных газет.

К агитационно-пропагандистской работе были привлечены наиболее подготовленные и опытные партийные активисты, преподаватели школ и вузов, инженерно-технические работники.

Вся идейно-воспитательная и массово-политическая работа среди населения района была направлена на быстрейшую ликвидацию последствий оккупации, на разоблачение лжи и демагогии, которыми фашисты и их прихвостни отравляли сознание населения около двух лет, на приобщение трудящихся к активной хозяйственно-политической жизни.

Районная партийная организация мобилизовала трудящихся на борьбу за успешное выполнение всеми предприятиями и организациями производственных планов и заказов фронта.

Агитационно-пропагандистская работа среди трудящихся района способствовала повышению их сознательности и трудо-

вой активности. Население живо откликалось на все призывы партии и правительства, принимало активное участие в восстановлении города, вносило свои скромные сбережения в фонд обороны страны, на строительство танковых колонн и авиаэскадрилий. Героическими усилиями трудящихся поднимались из руин фабрики и заводы, школы и институты, коммунальные и культурные предприятия и учреждения, налаживалась нормальная жизнь города.

За короткое время были отремонтированы и пущены в эксплуатацию трамваи и троллейбусы, жители города получили воду и электрический свет. Открылись десятки продовольственных и промтоварных магазинов. В школах и институтах начались занятия. Возобновил свою творческую деятельность русский драматический театр, был открыт музей изобразительного искусства.

Партия и правительство высоко оценили трудовые усилия харьковчан. 23 августа 1944 года, в первую годовщину освобождения города от немецко-фашистских захватчиков, за большие успехи по восстановлению хозяйства и культуры Харькова и области Президиум Верховного Совета СССР наградил большую группу рабочих, колхозников, научных работников вузов и научно-исследовательских институтов, партийных, советских и хозяйственных работников орденами и медалями.

ПУТЬ СВОБОДЕН!

ЧЕРЕЗ 35 ЧАСОВ после перехода войск Степного фронта в наступление строительство высоководного моста через реку Северский Донец у Белгорода было уже в основном завершено. Шла укладка настила и установка перил, а бойцы копровых подразделений, плотники, готовившие сваи, насадки и пролетное строение, напряженно трудившиеся без сна и отдыха более суток, теперь отдыхали. Ласковое августовское солнце, перешагнув полуденную линию, склонялось к закату. Слышались непрерывные раскаты артиллерийской канонады. Черные дымы пожарищ заволакивали горизонт.

Изредка в небе проносились эскадрильи штурмовиков.

На левом берегу реки у моста появились девушки-регулирующие с флажками.

Член Военного совета Степного фронта полковник И. С. Грушецкий появился на строительстве незаметно. Он осмотрел работы, поговорил с бойцами и командирами. Здесь-то и произошла наша встреча.

Командир 124-го отдельного мостостроительного батальона капитан Г. И. Федоров доложил о ходе работ.

Член Военного совета отметил отличную работу дорожников: ведь только вчера на рассвете наши войска освободили Белгород, а уже на основной магистрали фронта сооружен мост длиной около 100 метров.

В беседе с нами И. С. Грушецкий подчеркнул, что восстановление мостов приобретает исключительно важное значение в связи с наступлением советских войск на Харьков.

— Что думают делать дорожники в этих условиях? — последние слова относились главным образом к автору настоящих строк.

Наступление на Харьковском направлении вносило много нового в план действия дорожных частей по обеспечению наступательной операции.

Предстояло срочно пересмотреть и уточнить задачи ряда частей.

На пути движения войск Степного фронта в Харьковском направлении протекал Северский Донец. От Белгорода и до Чугуева на протяжении свыше 120 км не было ни одного моста, не считая только что восстановленного. Вся прибрежная полоса по обе стороны реки и особенно дороги и подходы к ранее существовавшим мостам были сильно минированы.

Надлежало срочно развернуть работы по строительству моста у Таволжанки, высвободить со второстепенных направлений и сосредоточить крупные силы для восстановления Писаревского моста, провести разведывательные и подготовительные работы по мостовым переходам у Старого Салтова, Хотомли, Мартовой, Печенег, Чугуева.

Командир 124-го отдельного мостостроительного батальона тут же получил приказ по завершении работ у Белгорода сосредоточить свою часть в Рубежной и приступить к восстановлению Писаревского моста. Аналогичные приказы были отданы другим частям дорожных войск.

Харьков! Родной Харьков! Там получил я путевку в жизнь. В этом городе начиналась моя солдатская жизнь. Здесь был положен в нагрудный карман гимнастерки партийный билет.

Когда, попрощавшись с командирами, И. С. Грушецкий сел в машину, была пришта последняя доска настила, и регулировщица, расправив свой новенький желтый флажок, просигналила: «Путь свободен!»

Бои за освобождение Харькова затянулись. Шла вторая половина августа. На Северском Донце дни и ночи стучали топоры, гремели удары копров, забивавших сваи в податливый грунт, визжали пилы. Уже стоял мост у Таволжанки. Подымался из руин Писаревский. Почти готовы были переправы у Старого Салтова, Хотомли, Мартовой. Это значительно улучшало условия подвоза войскам материально-технических средств и облегчало маневр. Регулировщицы все чаще сигналили: «Путь свободен!» там, где недавно вместо мостов лежали груды развалин, а на полотне дороги зияли воронки от разрывов бомб и фугасов.

Разведывательные данные и ежедневные визуальные наблюдения за городом не оставляли сомнения в том, что там придется встретиться с невероятными разрушениями, и мостостроителям, конечно, в первую очередь.

Общезвестно, что Харьков всегда считался «безводным» городом. А то, что он обладает большим количеством рек, сосредоточенных в пределах одного населенного пункта, знают очень немногие. Последнее обстоятельство, а также пересечение города железнодорожными магистралями делают мосты и путепроводы одним из важнейших факторов и транспортной, и экономической

жизни города. Вывод из строя хотя бы группы мостов и путепроводов создает большие затруднения в движении транспорта, в условиях же массового движения воинских частей такое нарушение чревато далеко идущими неприятными последствиями.

Эта особенность Харькова была хорошо известна руководству дорожной службы Степного фронта.

Решить стоящую перед дорожниками фронта задачу можно было только четким планированием работ и концентрацией наличных сил и средств на решающих участках. Предстояло обеспечить бесперебойное движение через город как минимум по трем сквозным, самостоятельным маршрутам. Каждой армии, участвовавшей в освобождении города, выделялся самостоятельный маршрут.

Трудность заключалась в том, что наши силы и средства были крайне ограничены. Половина дорожных частей представляла собой новые формирования, не имевшие опыта по восстановлению и строительству городских мостов, не хватало техники.

792-й день Великой Отечественной войны Харьков встретил в ярких лучах восходящего солнца, освобожденный от фашистских захватчиков.

Вместе с пехотинцами, артиллеристами, минометчиками, танкистами, инженерами в город вступили и дорожники. Каждая дорожная часть направлялась к заранее намеченному ей объекту. Уже в первой половине дня 23 августа почти у всех мостов хозяйничали дорожники.

Инженерные части наводили понтонные мосты и устраивали броды, обеспечивая продвижение боевых частей и подразделений, дорожники вели детальную разведку мостов и разворачивали подготовительные работы.

Принятая в практике дорожных войск система восстановления разрушенных мостов по типовым проектам оказалась неэффективной в городских условиях. По восстановлению каждого конкретного объекта, а их насчитывалось в городе несколько десятков, приходилось принимать самостоятельное решение. Строительство низководных мостов было не оправдано, так как оно вызывало необходимость разрывать набережные и создавало значительные затруднения в организации движения.

Чтобы успешно восстановить разрушенные мосты, нам нужно было иметь много строительного материала: прокат для прогонов, металл для изготовления скоб, гвозди. Но, увы, надежда добыть все это на месте оказалась тщетной. Разведывательные группы, обследовавшие все заводы и предприятия, доносили одно и то же — металла нет. Не хотелось верить, что в крупнейшем индустриальном центре нельзя достать самого простого

гвоздя. Однако это было так. Я побывал на таких заводах-гигантах, как тракторный, паровозостроительный, электромеханический, «Серп и молот», «Свет шахтера», но все поиски оказались безрезультатными. В сохранившихся цехах заводов гулял ветер.

С лесоматериалами, потребность в которых исчислялась тысячами кубометров, дело обстояло не лучше. Несколько сот кубометров деловой древесины — вот и весь лес, который мы обнаружили в городе на Верещаковском и Ивановском лесопильных заводах. Сами заводы были выведены из строя. Вскоре, правда, благодаря активной помощи коллектива удалось наладить работу на одном из заводов.

Для решения организационных и проектных работ была выделена специальная группа из опытных командиров-дорожников, которая обосновалась в гостинице у Свердловского моста.

Части, прибывавшие к намеченным объектам, сразу же приступали к разграждению и разборке разрушений, а в местах, не связанных со значительными подготовительными работами, непосредственно к восстановлению (мост через реку Немышля на Копюшенной, ныне улица имени академика Павлова).

Первоочередная задача дорожников Харькова заключалась в том, чтобы обеспечить сквозной проезд по Московскому проспекту и Мариинской улице с выходом в сторону Мерефы, а также со стороны Липцев и Белгорода в направлении на Полтаву и Сумы.

Отступая, немцы взорвали мост через реку Харьков на Московском проспекте. Восточная часть моста была полностью разрушена, а западная — частично повреждена. Интересная деталь! При взрыве пролетное строение восточной части моста не обрушилось в результате случайного заклинивания перебитых балок. Случай довольно редкий. Это создавало благоприятные условия для быстрого и эффективного восстановления моста, но требовало смелого технического решения задачи и применения специального подъемного оборудования, которым дорожные части не располагали.

Работы по восстановлению моста были возложены на 5-й отдельный мостостроительный батальон, которым командовал молодой и энергичный капитан И. Е. Лушня.

— Как вы думаете восстанавливать мост? — спросил я у него.

— Подыдем пролетное строение и подведем опору.

— Но чем подымете?

— Народом подыдем. Подыдем, товарищи? — как бы прося поддержки, обратился он к командирам и бойцам батальона. И все в один голос ответили:

- Подыдем!
- А времени сколько попросите?
- Трое суток.
- Только чтобы больше ни минуты.

Вечером на строительстве моста появились мачты-стрелы, краны-укосины. Бойцы крепили лебедки и мертвяки, система тросов и расчалок свисала над пролетным строением. Работали и командовали всем этим сложным хозяйством такелажники Харькова. Они же указали И. Е. Лушне, где находилось нужное оборудование. Строители сдержали свое слово. На городской митинг в парк им. Шевченко харьковчане проследовали по возрожденному к жизни мосту.

Закончив работы на Московском проспекте в исключительно сжатые сроки, батальон И. Е. Лушни успешно трудился на восстановлении Филипповских мостов через реку Уды.

124-й отдельный мостостроительный батальон получил задание восстановить мост через реку Лопань. Еще до прибытия к месту работы по просьбе командира батальона Г. И. Федорова я рассказал ему все, что знал о конструкции моста.

Мост через реку Лопань на улице Свердлова был возведен в тридцатые годы одновременно с реконструкцией набережных реки, одеваемых в гранит. Два пролета, опирающиеся на промежуточную опору, перекрывали всю ширину реки. Ширина моста с тротуарами соответствовала ширине улицы. Мост представлял собой парадный въезд на одну из старейших и наиболее людных площадей города и в то же время служил началом одной из основных магистралей, чудесный вид на которую открывается с Университетской горки.

К месту работы батальон прибыл одним из первых. В районе Холодной Горы и Новоселовки еще шли бои по уничтожению автоматчиков противника. Минометы врага почему-то привлекал Благовещенский базар, и мины методически через каждые 5—10 минут плюхались в опустевших торговых рядах.

Всегда многолюдная Пролетарская площадь была теперь пустыня. На месте гостиницы «Спартак» высилась груда развалин. Перед нами предстали обугленные, зияющие провалами окон здания Дома офицеров и музея им. Сковороды. Нескончаемые ряды торговых учреждений и складов, от центра площади до спуска им. Халтурина, лежали в руинах.

Опытный мостовик Г. И. Федоров мог по моему рассказу довольно точно представить себе картину возможных разрушений и, следовательно, объем, характер и степень трудности предстоящих работ. Но то, что мы увидели, поразило даже издававших виды дорожников.

Вместо искореженных взрывом цементно-бетонных конструкций и оголенной арматуры взору бойцов и командиров батальона предстала груда измельченной щепы из бревен и досок. Возвышаясь над гранитными берегами, вся эта масса древесины завалила русло реки от одного берега до другого.

Разрушая мост, немцы не пожалели взрывчатки. Все здания поблизости от мостов остались без единой оконной рамы и двери.

— Что будем делать, Георгий Иванович? — спросил я командира батальона.

— Убирать сначала щепу, а там и до сути доберемся. Если немцы и здесь рвали в треть пролета, как это было в Белгороде, то мост будет стоять через три дня. Вот только с балками придется повозиться.

— А как быть со щепой?

— На топливо пойдет.

Пока личный состав располагался в гостинице, командиры рот и взводов наметили участки. Из подъездов, улиц и переулков к мосту начали стекаться люди. Первыми, как и подобает в подобных случаях, появились мальчишки.

— Вот и помощь подоспела, — сказал капитан и отдал соответствующие приказания командирам рот.

Почти сутки продолжалась борьба со щепой. Только утром следующего дня начали извлекать из хаоса нагромождений материалы, которые могли быть использованы на строительстве моста. Предположения капитана подтвердились. Так инициативные и продуманные решения избавляли мостостроителей от многих лишних работ, исключали необходимость завоза новых материалов, способствовали сокращению сроков восстановления мостов.

Одновременно с возведением мостов на Московском проспекте и улице Свердлова разворачивались работы и по строительству моста через реку Харьков у Рыбного базара (ныне этот мост разобран), напротив Банного переулка. Это было единственное сооружение в городе, возведенное дорожниками по типовому проекту. Работы выполнялись 131-м отдельным мостостроительным батальоном, которым командовал энергичный и инициативный инженер-майор В. К. Сенченко. Основная трудность здесь заключалась в том, что полностью отсутствовали необходимые лесоматериалы. Только благодаря энергии и находчивости, проявленной всем командным составом части, а также помощи местного населения, в частности рабочих Ивановского лесопильного завода, работа была закончена в намеченный срок.

Уже спустя 4 дня после освобождения города инженерные части снимали понтоны на реках Харьков и Лопань.

По основным магистралям города было восстановлено нормальное движение и созданы условия для налаживания трамвайного сообщения и развертывания работ по восстановлению городского хозяйства и промышленных предприятий.

«Узким местом» оставался выход на Холодную Гору. Все мосты и путепроводы, пересекавшие железнодорожную магистраль и соединявшие этот район с центром города, были разрушены. Движение в эти дни здесь осуществлялось по железнодорожным путям, непосредственно у здания разрушенного вокзала. Но со дня на день должно было закончиться восстановление железнодорожных путей и на станцию Харьков-Пассажирский ожидалось прибытие первого поезда. Это означало, что прекратится движение по единственному удобному направлению выхода на Холодную Гору, а следовательно, на Полтаву и Сумы.

Наиболее приемлемыми из пяти существовавших выходов на Холодную Гору был Усовский путепровод. Технические сложности этого варианта не остановили дружный коллектив 124-го отдельного мостостроительного батальона, усиленного другими частями. Здесь, как и при восстановлении других мостов, большую помощь оказали строители такелажники-харьковчане.

К моменту прихода на станцию Харьков первого поезда путепровод был восстановлен. Так было обеспечено нормальное и бесперебойное движение войск и транспорта фронта в западном направлении, а город получил устойчивую транспортную связь с Холодной Горой.

В эти же дни дорожные части восстановили ряд других мостов: на спуске Халтурина, на Ивановке, у Залютино, у станции Новожаново.

Строительство моста по Мариинской улице было отнесено к работам второй очереди, что диктовалось необходимостью накопить определенный опыт по восстановлению крупных мостов городского типа. Этот опыт дорожники успешно использовали в дальнейшем при восстановлении мостов в городах Румынии, Венгрии и Чехословакии.

Рассказывая о действиях дорожных частей, успешно восстанавливавших разрушенные противником мосты, я назвал командиров некоторых из них, например капитанов Г. И. Федорова и И. Е. Лушню. Умело и энергично действовали тогда и многие другие командиры, в частности инженер-майор Я. И. Дорч, подполковник Подоренко, инженер-майор А. В. Шедько, майор Н. И. Домбровский, инженер-капитан Казаринов.

Шла вторая половина сентября 1943 года. Части Степного фронта устремились к Полтаве. Закончив работы в Харькове,

дорожники восстановили мосты в Мереве, Новой Водолаге, Краснограде, Валках и в других населенных пунктах.

В это же время на реке Северский Донец 5-й отдельный мостостроительный батальон завершил начатые другими частями работы по сооружению высоководного моста у Чугуева. Это был второй высоководный мост, построенный дорожниками на территории Харьковщины.

Работа по восстановлению моста была высоко оценена в решении Харьковского областного Совета депутатов трудящихся, личный состав батальона получил многочисленные благодарности и подарки.

На территории Харьковской области военные дорожники построили и восстановили десятки мостов. Только в Харькове в течение 12 дней после его освобождения было восстановлено и построено 14 мостов.

Так своим самоотверженным трудом военные дорожники при активной помощи харьковчан обеспечили бесперебойное движение войск Степного фронта через город и внесли свой посильный вклад в восстановление разрушенного войной хозяйства Харькова и области.

Г. И. ВАЩЕНКО

*Первый заместитель
Председателя
Совета Министров УССР,
бывший первый секретарь
Харьковского обкома партии*

ХАРЬКОВЩИНА СЕГОДНЯ ■

СЛАВНОЕ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ Великого Октября наш народ встретил полным творческих сил, тесно сплоченным вокруг своей родной Коммунистической партии. Путь, пройденный советскими людьми под руководством великой партии Ленина за полвека, не имеет себе равных в истории. За короткое время Страна Советов сделала поистине гигантский рывок вперед.

Нелегким был наш путь к вершинам современного прогресса. Особенно тяжелые испытания выпали на долю советского народа в годы Великой Отечественной войны, самой жестокой из всех войн, когда-либо пережитых нашей Родиной. В борьбе против объединенных сил фашистского военного блока, защищая честь и независимость первого в мире социалистического государства и свободу народов всего мира, отдали жизнь миллионы советских людей. На Харьковщине, как и во всей стране, трудно найти семью, на которую не обрушилось бы горе в те страшные годы.

Война причинила огромный материальный ущерб народному хозяйству Советского Союза.

К числу городов, наиболее пострадавших в годы войны, принадлежал Харьков. Фашистские варвары разрушили здесь 1600 тыс. кв. метров жилой площади, превратили в руины фабрики и заводы, разграбили медицинские, научные и культурные учреждения. Общий ущерб, причиненный гитлеровцами народному хозяйству области и личной собственности харьковчан, составил 33,5 млрд. рублей.

Коммунистическая партия и Советское правительство приняли энергичные меры, направленные на быстрейшую ликвидацию последствий хозяйничанья фашистских орд на нашей земле.

Восстановление народного хозяйства Харьковщины началось сразу же после ее освобождения. С помощью всего советского народа рабочие, колхозники и интеллигенция области начали быстро залечивать тяжелые раны, причиненные войной.

* Послесловие ко 2-му изданию книги «В боях за Харьковщину». Х., «Прапор», 1968.

Бывшие воины, прошедшие сквозь бури и грозы Великой Отечественной войны, сменив шинели на рабочие комбинезоны, вошли на леса повостроек, стали у станков, повели стальные машины по колхозным полям, вернулись в научные лаборатории. И все они, жадно прильнув к светлому роднику творчества, живут одной мыслью, одним стремлением — сделать любимую Отчизну еще богаче и краше, внести весомый вклад в коммунистическое строительство.

Благодаря помощи всех народов нашей страны промышленное производство Харьковщины в 1948 году достигло довоенного уровня.

Годы, минувшие со дня освобождения Харьковщины от немецко-фашистских захватчиков, неузнаваемо изменили ее облик. На примере Харьковской области видны плоды поистине титанической работы партии, направленной на неуклонный подъем промышленности и сельского хозяйства, на рост благосостояния советских людей, на полное удовлетворение их духовных запросов.

Сегодняшний Харьков — один из самых крупных в стране промышленных, научных и культурных центров. Сотни современных заводов, оснащенных первоклассной техникой, выпускают современные воздушные лайнеры и тракторы, турбины и генераторы, тепловозы и металлорежущие станки, кондиционеры и горношахтное оборудование, электрогидроаппаратуру и подъемнотранспортное оборудование, средства автоматики и широчайший ассортимент товаров народного потребления.

По сравнению с дореволюционным периодом объем промышленного производства в области вырос почти в 170 раз, в том числе в машиностроении — в 1034 раза, выработка электроэнергии — в 1200 раз. Промышленность области за два дня выпускает теперь столько продукции, сколько ее было выработано за весь 1913 год.

Каждый харьковский день — это сотни тракторов, двигателей, металлорежущих станков, электрических и других машин, более 2000 велосипедов, около 280 стиральных машин, 460 фотоаппаратов, мебели на 82 тысячи рублей, более 50 тысяч погонных метров хлопчатобумажных и 14 тысяч шерстяных тканей, около 100 тысяч единиц бельевого трикотажа, 224 тысячи чулочно-носочных изделий, 29 тысяч пар кожаной обуви, 215 тонн кондитерских изделий и многое другое.

За послевоенные годы еще больше укрепилась слава Харькова как одного из крупных центров советского машиностроения. Проникаются уважением к труду харьковчан сельский механик, которому доверен трактор, машинист тепловоза, инженер,

управляющий мощными турбинами, рабочий, ставший за новый станок, горняк, ученый, ведущий исследование с помощью современных электронных приборов.

Большие изменения произошли в экономике Харькова и области. Полностью реконструированы и значительно расширены заводы и фабрики, действовавшие до Великой Отечественной войны. Вступили в строй новые промышленные предприятия.

Немеркнувшей славой овеян труд многотысячного коллектива Харьковского тракторного завода — одного из первенцев первой пятилетки. Рождение гиганта отечественного тракторостроения знаменовало победу курса партии на индустриализацию страны. Великая ленинская мечта получила живое конкретное воплощение в трудовых свершениях коллектива. В предвоенные годы труженики ХТЗ вписали немало ярких страниц в летопись славных дел героического рабочего класса СССР.

Война нанесла колоссальный ущерб заводу. Отступая под ударами советских войск, гитлеровцы разрушили и сожгли мехпосборочный, кузнечный, чугунолитейный цехи, компрессорные станции, центральную лабораторию. Был превращен в руины поселок тракторостроителей. В развалинах лежали 138 жилых домов площадью 53 тысячи квадратных метров.

С первых дней освобождения Харькова от фашистской оккупации начались работы по восстановлению тракторного завода. Предприятие поднимала из руин вся страна, и в этом с новой силой проявилась нерушимая братская дружба народов СССР.

Еще более прекрасной стала вторая жизнь завода. Тракторостроители, опираясь на повседневную помощь Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства, в короткие сроки достигли довоенной мощности, а затем и значительно превосходили ее.

Тракторный завод сегодня — это предприятие высокой производственной культуры, где борьба за постоянное совершенствование производства на базе новейшей техники сочетается с развитием передовых форм организации труда, с настойчивыми поисками резервов роста выпуска продукции. Одним из таких резервов является осуществляемая на заводе в широких масштабах специализация производства.

В начале 1967 года с главного конвейера ХТЗ сошел миллионный трактор. Это событие было праздником не только для тракторозаводцев, не только для харьковчан, его торжественно отметила вся страна.

Вскоре после окончания войны на окраине Харькова выросли корпуса завода «Электротяжмаш» имени В. И. Ленина. Марка

этого гиганта отечественной энергопромышленности быстро завоевала авторитет и признание у нас в стране и за рубежом. Первокласные машины, изготовленные в его цехах, работают на мощных электростанциях, приводят в движение прокатные станы, дают силу и скорость магистральным тепловозам. Продукция завода экспортируется в 26 стран мира.

В нашей стране широко известно старейшее промышленное предприятие Харькова — трижды орденоносный завод транспортного машиностроения имени В. А. Малышева. В послевоенные годы здесь в сжатые сроки были не только восстановлены разрушенные цехи, но и значительно расширены производственные площади. Коллектив наладил выпуск магистральных тепловозов ТЭ-1, ТЭ-2, ТЭ-3 и ТЭ-40, которые отличаются высокими технико-экономическими показателями. Завод поставил дизель-генераторы для газопровода Бухара — Урал и для многих других промышленных объектов. Суда китобойной флотилии «Слава» оснащены мощными двигателями, созданными в Харькове.

В послевоенные годы неузнаваемым стал Харьковский турбинный завод имени С. М. Кирова. Гидротурбины, изготовленные коллективом предприятия, работают на Каховской, Иркутской, Новосибирской, Кременчугской, Каунасской, Волжской, Днепродзержинской и других советских электростанциях, а также во многих странах социализма.

Конструкторы, технологи, рабочие — весь коллектив настойчиво трудится над повышением качества, надежности и долговечности машин.

Одним из крупнейших в стране специализированных предприятий по выпуску тракторных и комбайновых двигателей стал завод «Серп и молот». Тут работает свыше 50 автоматических линий.

И когда сегодня мы перелистываем пожелтевшие от времени странички заводской газеты с призывом: «Поднимем из руин и пепла наш родной завод!» и сравниваем недавнее прошлое с настоящим днем, перед нами встает во всем величии подвиг советского народа в мирном строительстве, равный подвигу военных лет.

Харьковчане по праву гордятся тем, что тысячи и тысячи тракторов и комбайнов, работающих на полях нашей Родины или в других отраслях народного хозяйства, снабжены двигателями, сделанными умелыми руками харьковских моторостроителей.

Во многих отраслях народного хозяйства работают электромоторы Харьковского электромеханического завода. Они установлены на атомном ледоколе «Ленин», двигают мощные шага-

ющие экскаваторы «Уралмаша» и подъемные лифты Московского университета на Ленинских горах.

Мощная индустрия развивается не только в Харькове, но и в городах и поселках области. В начале восьмой пятилетки Шебелинка давала пятую часть дешевого природного газа в стране. Голубое пламя шебелинского газа горит в сотнях тысяч домов и предприятий Российской Федерации, Украины и Молдавии. Балаклеяский цементный завод — один из самых крупных в Европе. Благодаря ему производство цемента в области за последнее время возросло в 100 раз. Более 40 миллионов очковых линз выпустил Изюмский оптикомеханический завод. В Лозовой и Купянске выросли крупные предприятия по производству кузнечных и литейных заготовок. Славные революционные и трудовые традиции пролетариата развивает и умножает поколение строителей коммунизма. Партия и правительство высоко оценили трудовой вклад трудящихся промышленных предприятий и строительных организаций Харьковщины в создание материально-технической базы коммунизма.

За успешное выполнение задач семилетки высшей государственной награды — ордена Ленина удостоены коллективы заводов — тракторного им. С. Орджоникидзе, моторостроительного «Серп и молот», «Электротяжмаша» имени В. И. Ленина и ряда других. Свыше 5 тысяч передовых рабочих, инженеров, техников и служащих награждены орденами и медалями СССР, а 17 лучшим из них присвоено звание Героя Социалистического Труда. Это Павел Ефимович Саблев, Константин Сергеевич Кисляков, Василий Дмитриевич Дрокин, Николай Егорович Мирошниченко, Лидия Андреевна Кузнецова, Герман Леонидович Михайлов, Александр Владимирович Заславский, Константин Федорович Грищенко, Николай Федорович Щербинин и другие чудесные труженики нашей промышленности, которые блестящим знанием дела и героическим трудом прославили свои имена.

В послевоенные годы не только наблюдался непрерывный рост производства, но — и это самое главное — достигнуты серьезные качественные изменения в промышленности Харькова. На базе использования достижений науки и передового опыта, внедрения новой техники и технологии, совершенствования организации труда и производства обеспечен значительный технический прогресс. Многие сделано за этот период по развитию и углублению специализации производства. Благодаря созданию специализированных заводов по изготовлению тракторных и комбайновых моторов, пусковых двигателей, кузнечных и литейных заготовок, металлорежущего инструмента сложились условия для широкого внедрения методов поточного и конвейерного

производства, механизации и автоматизации многих процессов.

Ныне в промышленности области действуют 8 комплексно-механизированных предприятий, свыше 70 комплексно-механизированных и автоматизированных цехов, сотни комплексно-механизированных и автоматизированных участков, поточных, механизированных поточных, автоматических и полуавтоматических линий.

Широкие горизонты открывает перед Харьковом индустриальным экономическая реформа. В числе первых предприятий нашей республики, взявших на вооружение новую систему планирования и экономического стимулирования, был Харьковский турбинный завод имени Кирова. Теперь по-новому работают коллективы более двухсот предприятий области. Ведется активная подготовка к переходу на новую систему работы всех остальных заводов и фабрик, предприятий транспорта и связи,строек и организаций.

Сегодняшний Харьков — крупный научный и культурный центр, кузница высококвалифицированных кадров. До революции в шести высших учебных заведениях города училось 6700 студентов. Ныне в Харькове 21 вуз, где учатся 119 тысяч человек, работают свыше 300 докторов и 3000 кандидатов наук.

В 49 средних специальных учебных заведениях обучается более 51 тысячи учеников. Вузы и техникумы города ежегодно готовят для различных отраслей народного хозяйства тысячи специалистов высшей и средней квалификации.

Радуют Отчизну своими успехами и наши ученые, работники научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций. Харьковские ученые всегда были на переднем крае борьбы за научный прогресс. В научно-исследовательском физико-техническом институте Академии наук УССР, например, ведутся, помимо других, работы над такой важной научной проблемой современности, как управление термоядерными реакциями. Специалисты института принимали участие в создании первого советского радиолокатора. Трудно назвать такую отрасль науки и техники, куда бы не внесли свой весомый вклад харьковские ученые и специалисты. По расчетам и проектам институтов и конструкторских бюро сооружены десятки современных заводов и фабрик, шахт и рудников, тепловых и гидроэлектростанций в Советском Союзе и во многих других странах.

В нашей стране и далеко за ее пределами известны имена харьковских ученых — Н. П. Барабашова, А. В. Погорелова, И. Н. Лифшица, В. Е. Иванова, В. И. Атрощенко, В. Н. Хоткевича и многих других. Высшей награды — ордена Ленина —

Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. **Л. И. Брежнев** вручает второй орден Ленина Харьковской области. 14 апреля 1970 г.

Трактор Т-150К.

Харьковский турбинный завод им. С. М. Кирова. Гидротурбина для Каневской ГЭС.

Животноводческий комплекс по откорму свиней в колхозе им. Кирова Изюмского района.

Одна из крупнейших в мире термоядерных установок «Ураган-1».

Площадь им. Дзержинского. Памятник В. И. Ленину.

Проспект В. И. Ленина.

Член Политбюро ЦК КП Украины, Председатель Совета Министров СССР
А. П. Ляшко прикрепляет орден Ленина к знамени города. 3 марта 1973 г.

удостоены коллективы политехнического института имени В. И. Ленина и Украинского физико-технического института.

А вот еще одно убедительное свидетельство высокого признания заслуг харьковчан: 35 ученых — лауреаты Государственной премии. Замечательные достижения математиков А. В. Погорелова и В. А. Марченко, физиков И. В. Рыжкова и И. Н. Лифшица отмечены Ленинскими премиями.

За годы Советской власти в нашей стране создано передовое социалистическое сельскохозяйственное производство. Областью высокоразвитого сельского хозяйства стала и Харьковщина.

В одном из колхозных музеев хранится рисунок самодельного художника, запечатлевшего первый выход в поле сразу же после освобождения Харьковщины. Женщина погоняет коров, запряженных в плуг. Да, это характерная картинка того времени. Гитлеровцы, чуя свою гибель, стремительно откатываясь на запад, все уничтожали на своем пути, оставляли после себя руины и пепелища. Страшный смерч пронесся над цветущими селами. Но не суждено было сбыться расчетам врага. Партия, государство, рабочий класс пришли на помощь колхозному крестьянству. В деревню двинулась мощная отечественная техника. Бескрайние поля огласили рокот тракторов, комбайнов, машины стали надежными помощниками хлеборобов. Нерушимый союз рабочих и крестьян еще раз убедительно проявился в шефстве промышленных предприятий над колхозами и совхозами. Шефство нашло свое практическое воплощение в широком размахе хозяйственного и культурного строительства на селе, в механизации и электрификации сельскохозяйственного производства.

На колхозных и совхозных полях Харьковщины в 1968 году работало 15 000 тракторов, 3800 зерновых и специальных комбайнов, 8900 грузовых автомашин и много другой сельскохозяйственной техники.

Ежегодно сельские труженики производят 1,5—2 млн. тонн зерна, свыше 2,5 млн. тонн сахарной свеклы, 150 тысяч тонн подсолнечника. Государству продается более 100 тысяч тонн мяса, 500 тысяч тонн молока и много другой животноводческой продукции.

Доблестный труд лучших мастеров земледелия и животноводства высоко оценен партией и правительством. Только за последние годы свыше 4000 человек удостоены правительственных наград, а 26 славным труженикам полей и ферм присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Орденом Ленина отмечены достижения замечательных тружеников колхоза имени Орджоникидзе Лозовского района и сов-

хоза имени Коминтерна Нововодолажского района, орденом Трудового Красного Знамени — колхоза «Большевик» Валковского района.

Далеко за пределами области известны имена организаторов и мастеров сельского хозяйства, таких, как дважды Герой Социалистического Труда Григорий Сергеевич Могильченко, Герои Социалистического Труда Екатерина Игнатьевна Твердохлеб, Николай Степанович Дробязко, Ольга Кондратьевна Панасенко, Евгения Константиновна Горбунова, Лидия Ивановна Шевченко, Мария Петровна Мацегорова, Василий Александрович Кузьменко, Николай Иванович Сметана и многих других замечательных тружеников, которые заслужили уважение и признание народа.

Достижения харьковчан — рабочих, колхозников, интеллигенции — в коммунистическом строительстве получили высокую оценку партии и правительства. В дни празднования 50-летия Великого Октября Харьковская область была награждена Памятным знаменем ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров Союза ССР и ВЦСПС.

Среди коллективов области этой чести удостоены такие прославленные заводы, как тракторный, транспортного машиностроения, электромеханический, «Кондиционер», станкостроительный, Шебелинское газопромысловое управление, управление магистральных газопроводов, политехнический институт имени В. И. Ленина, Харьковский объединенный авиаотряд гражданской авиации.

С каждым годом повышается материальное благосостояние советского народа. Новым замечательным проявлением заботы Коммунистической партии и Советского правительства о повышении жизненного уровня наших людей являются решения сентябрьского (1967) Пленума ЦК КПСС и III сессии Верховного Совета СССР.

Вот некоторые данные. В 1965 году до выхода Закона о государственных пенсиях в Харьковской области 195 тысяч человек получали пенсии и пособия. Это составляло 25 миллионов 909 тысяч рублей расхода. В 1966 году число получающих пенсию увеличилось до 317 тысяч, расходы на выплату пенсий и пособий возросли до 113 миллионов 593,5 тысячи рублей. В 1967 году у нас уже было 490 тысяч пенсионеров и получающих пособия. Их число увеличилось в связи с тем, что колхозники теперь уходят на заслуженный отдых раньше. Расходы на пенсии в 1967 году составляли 142 миллиона рублей. А в 1968 году они увеличатся до 180 миллионов рублей, так как увеличены сами размеры пенсий.

Перед доблестными советскими воинами, вступившими в освобожденный Харьков, предстала картина чудовищных разрушений. На месте многоэтажных зданий стояли обугленные коробки, зиявшие черными провалами окон. В груды развалин были превращены целые кварталы. Еще дымились пожары, а в город уже входила новая жизнь. Уже взялся за кельму каменщик, чаще и чаще вспыхивали по вечерам электрические огоньки в отстроенных домах.

Строители — люди самой мирной профессии — находились на переднем крае огромного фронта восстановительных работ. Замаечили в небе арматурные стрелы башенных кранов, Харьков оделся в леса новостроек, и с каждым днем зримее становился облик возрождающегося города.

Давно залечены страшные раны на теле Харькова, а индустриальный гигант продолжает расти, строиться. Забота государства о повышении благосостояния советских людей находит свое яркое воплощение в огромном размахе жилищного строительства. Если в 1946 году на Харьковщине было построено 388,3 тысячи квадратных метров жилья, то в 1967 году — около миллиона квадратных метров.

Не проходит дня без радостных новоселий. Новое жилье сооружается скоростными методами. Комплексно застраиваются огромные массивы. В архитектурный ансамбль города влились новые жилые районы — Павлово Поле и Селекционная станция.

В широких масштабах осуществляется благоустройство Харькова. Для сравнения назовем такие две цифры: в 1940 году было газифицировано 6800 квартир харьковчан, а к 1967 году газ пришел более чем в 100 тысяч квартир. Теперь газом пользуются не только в Харькове, но и в ряде городов и сел области.

Многое делается на Харьковщине для улучшения бытового, медицинского и других видов обслуживания населения. За последнее время построены сотни новых магазинов, предприятий общественного питания, лечебных и детских учреждений, школ, клубов, спортивных площадок и т. д. Площади и улицы Харькова, других городов, районных центров и поселков одеваются в пышный зеленый наряд, асфальтируются, благоустраиваются. Между индустриальным центром и его пригородами курсируют комфортабельные электрические поезда и автобусы. Пройдет немного времени, и стремительные экспрессы помчат пассажиров Харькова подземными трассами метро.

О бурном развитии Харькова убедительно говорят цифры роста населения, которое превысило 1 млн. 200 тыс. человек.

Напомним, что в конце августа 1943 года количество жителей составляло не более 190 тысяч человек.

Вместе со всей страной успешно стартовала орденоносная Харьковщина в восьмой пятилетке. За первые два года объем промышленного производства возрос на 14,8 процента, сверх плана изготовлено более чем на 160 миллионов рублей различной продукции. Производительность труда повысилась на 8,8 процента. В результате снижения себестоимости продукции получено свыше 20 миллионов рублей сверхплановой экономии.

Включившись во всенародное соревнование по достойной встрече 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, трудящиеся нашей области самоотверженно борются за досрочное выполнение заданий пятилетки, за осуществление грандиозных задач коммунистического строительства. По праву гордясь успехами Харьковщины, тем вкладом, который она вносит в творческие свершения советского народа, каждый из нас глубоко осознает, что все достигнутое харьковчанами — результат их самоотверженного труда, общих героических усилий тружеников всех наций и народностей нашей Отчизны.

К НОВЫМ СВЕРШЕНИЯМ

В ПАМЯТИ ХАРЬКОВЧАН надолго останется тот апрельский день 1970 года, когда Харьковской области за стойкость и мужество в Великой Отечественной войне, за самоотверженный труд в послевоенные годы Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев вручил орден Ленина. Выступая на торжественном заседании, посвященном этому радостному событию, Леонид Ильич Брежнев говорил:

«Война причинила колоссальный урон Харьковщине. Руины сел и городов, застывшие заводы и фабрики, разоренное хозяйство колхозов и совхозов — вот что оставили после себя фашистские изверги. Нужен был упорный труд, величайшая трудовая энергия, чтобы восстановить хозяйство родной земли, сделать ее еще краше и богаче. На помощь харьковчанам, как и жителям других освобожденных областей Украины, пришел великий русский народ, народы других союзных республик».

В послевоенные годы Харьков стал одним из самых больших советских городов. Здесь успешно трудится наиболее многочисленный на Украине отряд рабочего класса, вносящий весомый вклад в промышленный потенциал нашей страны.

Прикрепляя орден Ленина к Знамени области, Леонид Ильич Брежнев выразил от имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства твердую уверенность в том, что рабочие, колхозники, интеллигенция дважды орденоносной Харьковщины сделают все, чтобы и впредь идти в первых рядах строителей коммунизма, неуклонно добиваться новых достижений в подъеме экономики, науки и культуры.

Коммунисты, все труженики области отвечают на отеческую заботу ЦК КПСС и Советского государства большими трудовыми свершениями. Свою верность светлым идеалам коммунизма, замечательные качества советского человека — борца, труженика, созидателя, они с особой силой продемонстрировали

в период подготовки к празднованию 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

И на заводах-гигантах, возрожденных после освобождения Харькова от фашистских захватчиков, таких, как тракторный, турбинный, и на предприятиях, созданных после Великой Отечественной войны — подшипниковом, «Электротяжмаше» — широко развернулось социалистическое соревнование за успешное осуществление заданий восьмой пятилетки, возникли новые замечательные подвиги. Тракторозаводцы и малышевцы выступили в поход за выявление и использование резервов производства на каждом рабочем месте. Коллективы предприятий Ленинского района стали инициаторами соревнования за эффективное использование каждой минуты рабочего времени. На многих заводах и фабриках развернулась борьба за сверхплановое повышение производительности труда.

Коммунистическая партия и Советское государство высоко оценили трудовые свершения тружеников городов и сел области в развитии всех отраслей народного хозяйства. За большие трудовые достижения во всенародном социалистическом соревновании в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина 28 лучших коллективов области удостоены Ленинских юбилейных Почетных грамот ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС, 36 коллективам были вручены Ленинские юбилейные Почетные грамоты ЦК КП Украины, Президиума Верховного Совета УССР и Укрсовпрофа. 297 предприятий и строек, колхозов и совхозов, цехов, бригад и передовиков производства занесены в Ленинскую книгу трудовой славы Харьковщины. 155 тысяч трудящихся были награждены юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

В результате возросшей боевитости партийных организаций, благодаря трудовому энтузиазму сотен тысяч харьковчан уже 12 ноября 1970 года было завершено пятилетнее задание по общему объему производства. Предприятия Харькова дали стране сверхплановой продукции на сотни миллионов рублей. Промышленное производство за годы восьмой пятилетки в целом по области возросло на 45 процентов, а производительность труда повысилась на 30 процентов.

Значительных успехов добились труженики сельского хозяйства области. Среднегодовой сбор зерна по сравнению с предыдущим пятилетием возрос на 12 процентов. В результате курса на специализацию и комплексную механизацию почти половину

мяса, произведенного в колхозах области, дали 22 специализированных хозяйства по производству свиной и 31 — по откорму крупного рогатого скота.

Плодотворно поработали и ученые, специалисты научно-исследовательских, конструкторских, проектных и учебных институтов. От внедрения научных разработок харьковчан страна получила в восьмой пятилетке сотни миллионов рублей экономии.

Радостным итогом осуществления планов восьмой пятилетки явился рост материального благосостояния и культурного уровня советских людей. Реальные доходы на душу населения увеличились на 33 процента, заработная плата рабочих и служащих — на 26, а доходы колхозников — на 42 процента. Более чем в полтора раза возросла сумма выплат и льгот из общественного фонда потребления. Только на Харьковщине за годы пятилетки построено и сдано в эксплуатацию 4,4 миллиона квадратных метров общей площади, в том числе более 80 тысяч квартир, сотни новых магазинов, клубов, ателье, 35 больниц и 22 поликлиники, детских учреждений почти на 30 тысяч мест и школ — свыше чем на 75 тысяч мест.

Вооруженные историческими решениями XXIV съезда КПСС, вступили советские люди в девятую пятилетку. Как и весь народ, труженики Харьковщины направили свои усилия на выполнение главной задачи пятилетки: на основе высоких темпов развития производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа.

Вместе со всем советским народом трудящиеся области включились в борьбу за осуществление решений XXIV съезда КПСС под знаком подготовки к знаменательной дате в жизни нашего государства — пятидесятилетию образования Союза Советских Социалистических Республик.

В братском союзе советских республик, у колыбели которого стоял В. И. Ленин, все народы нашей страны обрели полное равноправие, нашли настоящее счастье и черпают в этом священном единении силы для дальнейших свершений.

Рабочие, колхозники, ученые, все трудящиеся области ежедневно, ежечасно убеждаются в силе нашего строя, в неисчерпаемых возможностях дружбы народов СССР.

Ветераны труда помнят, как в легендарные дни Тракторостроя вся страна помогала харьковчанам возводить корпуса ХТЗ, осваивать выпуск продукции, как на базе сталинградского тракторного ковались первые кадры харьковских тракторостроителей.

И в годы строительства Харьковского турбинного завода неоценимой была помощь трудящихся Москвы, Ленинграда и других городов. Щедро делились опытом с харьковчанами рабочие и специалисты первенца ленинского плана ГОЭЛРО — Каширской электростанции. В те годы ее мощность не превышала 12 тысяч киловатт, а теперь на Харьковском турбинном, построенном всей страной в годы первых пятилеток и с помощью братских республик возрожденном после Великой Отечественной войны, выпускаются агрегаты, в которых заложена мощность более чем сорока таких электростанций, как Каширская.

Трудно назвать республику, откуда бы сегодня не поступали в нашу область металл, оборудование, комплектующие изделия. В создании нового энергонасыщенного трактора Т-150 участвуют около 400 предприятий страны, а в проектировании и сооружении Харьковского метро — свыше 20 предприятий и организаций разных городов.

Сотни предприятий Москвы, Ленинграда, Урала, Белоруссии, Закавказья, Средней Азии, Дальнего Востока снабжают машинами, материалами, деталями, узлами наши заводы «Серп и молот», электромеханический, «Электротяжмаш», а продукция этих индустриальных гигантов в свою очередь идет во все республики нашей Отчизны.

Высокое сознание причастности к делам огромной страны, чувство семьи единой воодушевляют трудящихся на ударную работу. Их эффективный труд по достоинству отмечен партией и государством. За высокие показатели в выполнении планов и социалистических обязательств, взятых в честь 50-летия образования СССР, 31 коллектив Харьковщины награжден Юбилейным Почетным знаком ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС. Юбилейной Почетной грамотой ЦК КП Украины, Президиума Верховного Совета УССР, Совета Министров республики и Украинского Республиканского Совета профсоюзов удостоены 24 наших коллектива.

План первых двух лет новой пятилетки харьковчане выполнили досрочно. По сравнению с 1970 годом объем валовой продукции возрос на 13,2 процента, а производительность труда повысилась на 11,3 процента. За два года освоено производство более 600 новых видов промышленной продукции. Особенно плодотворно поработали трудящиеся области в тех отраслях, которые в значительной мере определяют развитие всего народного хозяйства. Идет подготовка к серийному выпуску трактора Т-150. На Харьковщине создан целый промышленный комплекс, который работает на эту новую машину, что значительно увеличило потенциальные возможности машиностроения области. В этот

комплекс входят заводы тракторных двигателей в Харькове, Лозовский кузнечно-механический, Купянский литейный, Чугуевский топливной аппаратуры и другие. Вступление в строй этих предприятий открывает новые перспективы для промышленного развития тех районов, где они расположены.

На заводе «Электротяжмаш» изготовлены турбогенераторы мощностью 500 тысяч киловатт, авиастроители перешли на выпуск лайнера ТУ-134А, который соответствует уровню лучших мировых образцов авиационной техники. На заводе «Серп и молот» освоили производство дизельных двигателей СМД-14-Н. Стала в строй действующих пятая, крупнейшая в Европе, печь Балаклейского цементно-шиферного комбината.

Мы всегда помним указание Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, сделанное им на XXIV съезде партии, о том, «чтобы не только наши плановые и хозяйственные органы, но и все партийные кадры в полной мере прониклись заботой об ускорении научно-технического прогресса».

Партийными организациями области разработан и обкомом партии одобрен широкий комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности производства. За пятилетие намечено только в машиностроении освоить производство около 1900 новых изделий, модернизировать 820 изделий. Большое внимание уделяется улучшению качества продукции, повышению ее надежности. К концу пятилетки будет доведена до уровня лучших отечественных и зарубежных образцов почти вся основная продукция машиностроения области.

Осуществляются мероприятия по совершенствованию управления производством за счет внедрения электронно-вычислительной техники и создания АСУП.

Трудящиеся области, как и всей страны, вступили в третий, решающий год пятилетки, исполненные творческих сил, с глубокой верой в огромные возможности развитого социалистического общества, которые обусловили успехи нашей Родины в первые два года пятилетки. За этот период был сделан новый шаг в создании материально-технической базы коммунизма, повышении материального и культурного уровня жизни народа. В целом по народному хозяйству за два года объем промышленного производства увеличился почти на 15 процентов, произведено в полтора раза больше продукции, чем за первые два года восьмой пятилетки. 34 миллионам человек были повышены заработная плата, пенсии и стипендии. В новые квартиры за это время переехало около 23 миллионов человек. Только в Харькове и районах области введено в эксплуатацию почти 3 миллиона квадратных метров жилой площади, сооружено 16 больниц и 12 поликлиник, бо-

лее чем на 10 тысяч мест расширены детские учреждения, прибавилось много объектов торгового и бытового назначения.

Во всей своей многогранной титанической деятельности партия руководствуется теорией марксизма-ленинизма и творчески развивает ее применительно к современным условиям, к решению новых задач. Большим вкладом в марксистско-ленинскую теорию является доклад тов. Л. И. Брежнева, посвященный 50-летию Союза Советских Социалистических Республик, в котором глубоко и всесторонне раскрыта картина исторических свершений советского народа, ход выполнения решений XXIV съезда партии и определены актуальные текущие и перспективные направления нашего движения вперед.

«Главная задача сейчас,— подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик»,— это круто изменить ориентацию, перенести упор на интенсивные методы ведения хозяйства, обеспечить тем самым серьезное повышение эффективности экономики. Речь идет о том, чтобы экономический рост все в большей степени происходил путем повышения производительности труда и ускорения научно-технического прогресса, путем более полного использования действующих производственных мощностей, путем повышения отдачи от каждого вложенного в хозяйство рубля, каждой тонны используемого металла, топлива, цемента, удобрений».

На успешное решение этой главной задачи направлены сегодня усилия Харьковской областной партийной организации, всех тружеников области. Повсеместно идет борьба за ускоренное введение в действие основных производственных мощностей, совершенствование нормирования и оплаты труда, за экономию и бережливость, рациональное использование каждого народного рубля, каждой минуты времени.

Как отмечал Леонид Ильич Брежнев, «партия не только сама борется за народные интересы, но и умеет поднимать на эту борьбу, вести за собой широчайшие массы трудящихся. И народ отвечает партии высокой активностью, массовым трудовым героизмом».

Это хорошо видно и на примере нашей области. Объявив третий год пятилетки решающим, стремясь давать все больше продукции, лучшего качества и с меньшими затратами, люди всех профессий стали работать под девизами: «Задания пятидневки — за четыре дня, пятилетку — досрочно», «Все резервы — в план». По примеру тружеников заводов «Серп и молот» и контрольно-измерительных приборов все новые коллективы бригад, участков, цехов других предприятий берут на себя встречные

планы, напряженные обязательства, чтобы не только достичь, но и превзойти контрольные цифры пятилетки в своих отраслях, создать надежные заделы в третьем, решающем году, с тем чтобы успешно выполнить пятилетку. Это патриотическое движение явилось ярким свидетельством высокой сознательности наших людей, глубокого понимания ими задач, поставленных партией.

Бригада формовщиков Леонида Иосифовича Волкова с завода имени Малышева решила работать так, чтобы свою самую высокую выработку второго года пятилетки — 165 процентов — в третьем, решающем сделать повседневной нормой. В обязательства внесли и такой пункт: годовой план выполнить до 10 декабря, а остальное время трудиться на встречный план.

Для многих труженников электромеханического завода и других предприятий примером продуманного, творческого подхода к неотложным нуждам производства является работа слесаря ХЭМЗа Героя Социалистического Труда Л. Ф. Глущенко. Он не только постоянно улучшает организацию труда на своем рабочем месте, повышает производительность, но и смело вторгается в сферу проблем, которыми обычно занимаются технологи, инженеры. Неустанно повышая свой общеобразовательный и технический уровень, коммунист настолько вырос профессионально, что ныне собственными силами разрабатывает, изготавливает и внедряет конструкции технологической оснастки.

В борьбе за успешное претворение в жизнь планов пятилетки труженники промышленности равняются на прославленных новаторов производства, чьи трудовые свершения широко известны в нашем городе, республике, стране. Это токарь завода им. Малышева Герой Социалистического Труда член ЦК КПСС Г. Л. Михайлов, бригадир слесарей-сборщиков турбинного завода Герой Социалистического Труда И. Ф. Горбатько, токарь этого же предприятия Герой Социалистического Труда К. С. Кисляков, слесарь электромеханического завода Герой Социалистического Труда А. В. Заславский, токарь 8-го государственного подшипникового завода Герой Социалистического Труда В. К. Кизим, бригадир монтажников Харьковского домостроительного комбината № 1 Герой Социалистического Труда В. С. Плахотин, бригадир отделочников СУ «Отделстрой-5» заслуженный строитель УССР М. Ф. Ягодкина и многие другие.

Все большее внимание уделяется изучению и распространению опыта передовиков, но теперь в трудовых коллективах не обходят требовательным спросом и тех, кто не справляется со своими заданиями, подводит других.

Неуклонно растет и число бригад творческого содружества, впервые созданных на заводах имени Малышева и «Кондицио-

нер». В этих бригадах объединяют свои усилия станочники, цеховые конструкторы, технологи, вместе они снижают трудоемкость изделий, отрабатывают и внедряют прогрессивную технологию.

Характерно, что в соревнование теперь вовлекаются и заводские специалисты, которые прежде не принимали в нем участия, неверно считая, что это — забота одних лишь производственников. Между тем именно от специалистов зависит создание таких условий, которые позволяют рабочим трудиться с полной отдачей, и теперь специалисты берут конкретные обязательства по обеспечению эффективного функционирования производственных подразделений.

В соревнование включились также ученые, конструкторы, проектанты, что способствует ускорению научных разработок, внедрению их в производство.

Расширяется и крепнет индустриальная база строительства, градостроители получают на вооружение все больше техники и механизмов, совершенствуют методы организации строительных и монтажных работ. Все активнее разворачивается соревнование за внедрение подрядно-бригадного метода ведения работ. Последователи московского бригадира Героя Социалистического Труда Н. А. Злобина, — а их у нас становится все больше, — борются с распылением сил и материальных ресурсов, строят быстрее, лучше, экономнее и сдают, как правило, законченные объекты, что так важно в строительном деле.

Первые два года девятой пятилетки, и особенно 1972 год, были для тружеников полей и ферм серьезным экзаменом на мастерство и организованность. Капризам природы они противопоставили возросшее умение, упорство, веру в свои силы, в неисчерпаемые возможности общественного земледелия. Растет энерговооруженность полеводства, все больше тракторов, комбайнов, автомашин и другой техники поступает в колхозы и совхозы. Индустриальная основа подводится и под животноводство. Создаются и уже действуют десятки комплексов по производству мяса, молока, яиц, шерсти. В ближайшем будущем у нас развернется строительство еще более мощных промышленных комплексов по производству животноводческой продукции. Один из них мощностью 108 тысяч голов свиней ежегодно уже сооружается вблизи Харькова, в Чугуевском районе.

Труженики сельского хозяйства соревнуются за то, чтобы в третьем, решающем году, довести среднюю урожайность зерновых до 26,7 центнера. Они хорошо понимают, что в решении этой проблемы большую роль надлежит сыграть кукурузе. Поэтому особое внимание уделяется соревнованию бригад кукурузоводов, обмену лучшим опытом. В хозяйствах много делается для того,

чтобы всю землю — на полях, вдоль дорог, вокруг ферм, машинных дворов — поддерживать в образцовом состоянии, использовать ее для производства зерна, кормовых, технических и других культур.

В повышении урожайности, совершенствовании структуры зернового поля и обслуживании сельскохозяйственной техники, лучшей постановке орошения, в дальнейшем переводе животноводства на индустриальную основу все большее значение приобретает соревнование между колхозами, совхозами и целыми районами. Много внимания уделяется изучению и распространению передовых методов труда таких признанных мастеров сельскохозяйственного производства, как заслуженный агроном республики агроном Краснокутского колхоза имени Ленина Н. Я. Цовма, Герой Социалистического Труда звеньевой кукурузовод Великобурлукского совхоза «Червона хвиля» А. Т. Замелый, свекловод из совхоза «Кегичевка» Герой Социалистического Труда Н. Д. Гербич, оператор машинного доения из совхоза «Безлюдовский» Харьковского района Герой Социалистического Труда В. Ф. Савельева и др.

Понятно, что успехи коллективов промышленных предприятий, строек, транспорта, тружеников колхозных и совхозных полей в большой степени зависят от того, насколько плодотворно им помогают ученые.

Коллективы десятков научно-исследовательских и проектных институтов, высших учебных заведений, конструкторских и технологических бюро успешно работают в области физики, математики, химии, астрономии, биологии, радиоэлектроники, машиностроения, металлургии и коксохимии, селекции. От атомного ядра до янтарного пшеничного колоса — таков диапазон проблем, которые решают наши специалисты. В 55 научно-исследовательских институтах, 21 вузе и 84 проектно-конструкторских организациях и технологических бюро трудится более 80 тысяч научных работников, инженеров, конструкторов, проектантов. Среди них 500 докторов и профессоров, 5 тысяч кандидатов наук и доцентов.

Ученые из года в год все увереннее концентрируют свои усилия на развитие ведущих отраслей народного хозяйства. Достойный вклад в научно-техническую революцию вносит коллектив Политехнического института имени В. И. Ленина. Только в этом институте экономический эффект от внедрения научных разработок в производство достигнет к концу пятилетки 130—140 миллионов рублей.

Харьков, где ныне обучается около 130 тысяч студентов, по праву называется кузницей кадров специалистов. В этой пяти-

летке в народное хозяйство страны будет направлено свыше 107 тысяч инженеров, агрономов, врачей, учителей — на 31 процент больше, чем в предыдущем пятилетии.

В формировании лучших качеств современника, его мировоззрения, в воспитании нового человека все большую роль играют наши учреждения культуры и искусства, средства информации. Вдохновенно трудятся харьковские художники, скульпторы, писатели.

Определенных успехов в последние годы добились театральные коллективы. Мастера сцены с увлечением работают над постановкой спектаклей о нашем замечательном времени, воспитывают себе достойную смену. Хорошо зарекомендовали себя двухсторонние договоры о шефском содружестве между театрами и производственными коллективами, что способствует повышению мастерства творческих работников, активно влияет на развитие самостоятельного искусства в районных клубах, на заводах, в колхозах.

Улучшаются условия работы театров, укрепляется их материально-техническая база. На центральной магистрали Харькова — Сумской улице начато строительство нового уникального по своей архитектуре театра оперы и балета. Заканчивается сооружение нового цирка.

А в сельской местности до конца пятилетки предусмотрено открыть 21 клуб, 49 библиотек. На базе наиболее крупных сельских клубов планируется создать Дома культуры с тем, чтобы довести их количество до 225.

Все эти радостные перспективы, отеческая забота партии и государства о духовном развитии нашего народа воодушевляют харьковчан на новые успехи в труде.

Постоянно совершенствуя формы и методы соревнования, партийные организации способствуют дальнейшему повышению трудовой активности масс, а наши люди сознают, что самые лучшие планы не будут выполнены, если те, кто работает возле станков или в поле, на животноводческой ферме, в научно-исследовательском институте или в сфере обслуживания, не вложат в дело частицу своего сердца, своей души.

Размах социалистического соревнования, творческой инициативы его участников отнюдь не снижает, а наоборот, увеличивает важность организаторской работы по дальнейшему расширению масштабов этого движения, приданию ему большей конкретности, целенаправленности. Поэтому партийные организации направляют усилия на то, чтобы всемерно содействовать распространению тех починов, которые полнее учитывают специфику производства, могут принести наибольшую отдачу.

Большим событием третьего, решающего года пятилетки явилось начало обмена партийных документов. Принимая партийный билет с изображением Владимира Ильича Ленина, вчитываясь в его проникновенные слова — «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи», каждый коммунист снова и снова мысленно обращается к Ленину, измеряет свои дела и устремления высокими ленинскими критериями и преисполняется решимости служить своим деловыми, идейными и нравственными качествами примером для товарищей по работе, чтобы вместе идти дальше, добиваться большего.

Весна третьего, решающего года пятилетки ознаменована еще одним незабываемым событием: на знамени Харькова засияла высшая награда Родины — орден Ленина. В тот день, выступая на торжественном собрании, хорошо сказал, выражая мысли, чувства всех харьковчан, сталевар ХТЗ Герой Социалистического Труда Ф. С. Амелин: «Мы гордимся нашим родным орденоносным городом, тесными узами дружбы связан он со многими городами страны, со всеми союзными республиками. Мы повседневно ощущаем их братскую поддержку. Воодушевленные высокой наградой, рабочие Харькова еще выше поднимут знамя социалистического соревнования, будут выпускать продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами, приумножат свой вклад в дальнейшее укрепление экономики любимой Родины».

Харьковчане в тот радостный день заверили партию и народ, что они, верные ленинскому учению, славным традициям старших поколений, не пожалеют сил, горения сердец для торжества коммунизма в нашей стране.

* * *

Многие, наверное, помнят кадры кинохроники военных лет. В небо поднимается издававший вид ПО-2. Под крылом проплывает Харьков, освобожденный от гитлеровских войск. Руины, пожарница, горы битого кирпича — конца-края им не видно. Но уже выходили люди на восстановление разрушенного города, с севера, востока спешили эшелоны, груженные строительными материалами, продуктами питания, оборудованием. Страна приходила на помощь Харькову.

И сегодня, празднуя новоселье, любуясь красотой новых проспектов, провожая своих детей в школу, харьковчане вновь и вновь с чувством сердечной теплоты и благодарности вспоминают своих земляков, москвичей и сибиряков, волжан и уральцев, сынов всех братских народов страны, которые под Харьковом в грозном сорок третьем году шли на штурм вражеских укреплений.

Харьковчане, как и все советские люди, знают, какие беды и лишения приносит война. И тем глубже осознаем мы ту, поистине великую миссию, которую осуществляет Коммунистическая партия в борьбе за мир, за создание благоприятных условий для вдохновенного труда и счастливой жизни советских людей.

Мы понимаем, что каждый день мира — это день новых трудовых свершений, которые в конечном итоге обеспечат построение самого справедливого общества на земле — коммунизма.

Яркой демонстрацией готовности нашей партии, всего советского народа обеспечить полное претворение в жизнь Программы мира, выработанной XXIV съездом КПСС, явился апрельский (1973 г.) Пленум ЦК КПСС. Итоги Пленума, целиком и полностью одоббившего деятельность Политбюро по обеспечению прочного мира во всем мире и надежной безопасности для советского народа, строящего коммунизм, нашли горячую поддержку трудящихся нашей Родины, коммунистов и всех прогрессивных людей на земле. Апрельский Пленум ЦК КПСС отметил большой личный вклад товарища Л. И. Брежнева в решение задач международной политики КПСС. С чувством глубокого удовлетворения встретили весь наш народ, люди доброй воли за рубежом присуждение Леониду Ильичу Брежневу международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Трудящиеся Харьковской области, как все советские люди, прекрасно понимают, что ударный коммунистический труд — самый верный путь дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества Родины, улучшения жизни народа. Вместе с тем это и великий вклад в дело мира. Призыв партии — ударной работой в третьем, решающем году пятилетки заложить прочную основу выполнения и перевыполнения всех плановых заданий — вдохновляет коммунистов, всех советских людей на новые трудовые свершения во имя Отчизны.

И хочется каждому из нас трудиться лучше, плодотворнее во имя тех, кто в огне жестоких боев ковал Победу, дал нам счастье нынешних дней, во имя будущего, которое создается сегодня, во имя дальнейшего расцвета нашей Отчизны — Союза Советских Социалистических Республик.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Оборона Харькова

А. А. Епишев. В едином строю со всем народом	25
Н. Н. Гладков. В упорных оборонительных боях	37
Н. К. Попель. За Родину!	43
Г. П. Булкин. Пером и штыком	56
У. И. Кизилев. Незабываемый год	64
П. П. Коноваленко. Вместе с армией	67
В. П. Иванов. Презирая смерть	69
Х. Р. Карасик. На охране коммуникаций	73
Ф. К. Сыров. Все силы на разгром врага	76
Л. Г. Гольдфарб. На бронепоезде	81
П. З. Войтович. Свой долг выполнили	86
В. А. Рыбалов. Время тяжелых испытаний	90
П. А. Утин. Боевые будни народных ополченцев	94

Борьба харьковчан в период фашистской оккупации области

И. Г. Старинев. Операция прошла успешно	107
А. В. Коваленко. Народные мстители	120
П. А. Журавлев. В Боровском подполье	127
Н. Я. Франков. Город продолжает борьбу	139
И. Н. Кулишов. Смелый рейд	146
А. Е. Резник. Наш командир	152
В. А. Повх. Воспитанные советской школой	156
А. Ф. Пурич. Не зная страха	164
А. И. Мещанинов. Долг врача	168
В. Ф. Труфанова. Так поступали советские медики	172
К. Р. Седов. Под страхом смертной казни	182
Н. П. Протопопова. Подвиг	185
Н. А. Соболев. Спасибо, девушка Наташа!	188

Бои за освобождение Харьковщины

П. Н. Широнин. Мы стояли на смерти!	193
И. Г. Вернигоренко. Кровь недаром пролита	195
И. П. Букаев. Победа была нелегкой	197
А. Н. Тюрин. Верные Родине	201
Людвик Свобода. Боевое крещение	202
Войта Эрбан. Полковник Билиутин	211
Мария Квапилова-Пишлова. Женщины взялись за оружие	215
А. Д. Марченко, В. И. Котляров. Герой двух народов Отакар Ярош	217
С. Майка. Разведчики	223
А. В. Чапаев. Прямой наводкой	225
А. Ф. Козинский. По тылам врага	227
М. В. Захаров. Воины Степного фронта в боях за Харьков	232
И. М. Манагаров. Обходный маневр	247
В. Д. Крюченкин. Впереди — Харьков!	253
М. С. Шумилов. Наступает 7-я гвардейская	259
И. Е. Кулагин. Нам помогали харьковчане	264
П. И. Буняшин. Мужество, отвага, стойкость	269
И. К. Морозов. У стен города	280
С. И. Аршинский. Слово о героях	289
А. П. Дикань. В дни решительного штурма	294
Д. Г. Макаренко. Связь работала бесперебойно	308
Н. А. Вишневский. Салют Родины	315
П. Х. Гордиенко. Прославленная дивизия	327
А. Д. Левашев. Массовый героизм	333
Н. П. Константинов. На Изюмском плацдарме	338
Г. И. Анисимов. Харьковская Краснознаменная	342
Б. К. Колчигин. Блестящая победа советского оружия	351
М. Д. Соломатин. Только вперед!	361
В. В. Семаков. Освобожденный навсегда!	369
М. Х. Гольберт. Знамя на заводской трубе	377
А. И. Шишлянников. Штурмовые группы	380
А. И. Селиванов. К мирной жизни	382
А. П. Шаповал. Из незабываемого прошлого	391
А. И. Евсеев. Впереди коммунисты	400
С. И. Клишко. Путь свободен!	407
Г. И. Ващенко. Харьковщина сегодня. Послесловие ко 2-му изданию	415
И. З. Соколов. К новым свершениям	425

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ПРАПОР»
ВЫШЛИ КНИГИ
НА ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКУЮ ТЕМАТИКУ**

ПОДВИГИ ВО ИМЯ ОТЧИЗНЫ. Язык украинский, с. 536, тираж 10 000, цена 1 руб. 25 коп.

В книгу вошли очерки, зарисовки и документальные материалы о Героях Советского Союза — харьковчанах.

ЗА МУЖЕСТВО И ОТВАГУ. Язык украинский, с. 356, тираж 25 000, цена 84 коп.

В сборник вошли 233 документальные зарисовки о Героях Советского Союза — уроженцах Полтавской области, а также о тех, кто учился или работал на Полтавщине до войны, либо живет здесь после 1945 года.

Гриченко И. Т., Головин Н. М. ПОДВИГ. Язык украинский, с. 304, тираж 25 000, цена 1 руб. 15 коп.

В книгу включен 191 документальный биографический очерк о Героях Советского Союза — уроженцах Сумщины, а также о тех, кто учился или работал в области до войны, или живет здесь и поныне.

Марченко А. Д. ГЕРОИ-ШИРОНИНЦЫ. Язык русский, с. 104, тираж 40 000, цена 20 коп.

Документальный очерк о подвиге взвода гвардии лейтенанта П. Н. Широлина, совершенном в боях за Харьковщину в марте 1943 года.

В БОЯХ ЗА ХАРЬКОВЩИНУ

Воспоминания участников
Великой Отечественной войны

Редактор О. С. СТЕЧ

Оформление художника В. Н. ИГУМЕНЦЕВА

Художественный редактор А. П. ШУЛИКА

Технический редактор В. Я. КОЗИНЧЕНКО

Корректоры Н. В. ЩЕЛОК, М. Д. ЛЬВОВИЧ

БЦ 26634. Сдано в набор 15/II 1973 г. Подписано к печати 1/VI 1973 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Усл.-печ. л. 27,9. Уч.-изд. л. 25,8+1,8 (вкладки). Тираж 50 000. Заказ 3-54. Цена в суперобложке 1 руб. 30 коп. С припрессованной пленкой 1 руб. 50 коп.

Издательство «ПРАПОР», 310002, ГСП, Харьков-2,
ул. Чубаря, 11.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе Республиканского
производственного объединения «Полиграфкнига» Гос-
комиздата УССР, Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

Larisa_F

